

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.С. ЛАРЬКОВ

СИБИРСКИЙ
БЕЛЫЙ
ГЕНЕРАЛ

Издательство Томского университета
2017

УДК 929 (47+57)
ББК :63. 3(2) 612-8
Л25

Н.С. Ларьков
Л25 Сибирский белый генерал. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. –
312 с.

ISBN 978-5-7811-2467-0

Представлено первое монографическое исследование, посвящённое жизни и боевой деятельности генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева – одного из наиболее известных и успешных белых военачальников периода Гражданской войны на Востоке России. Исследование базируется на основе широкого круга исторических источников – архивных документов, периодической печати, дневников и мемуаров участников Белого движения.

Для всех, кто интересуется историей России первой половины XX века.

УДК 929 (47+57)
ББК 63.3(2) 612-8

*Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (исследовательский проект № 16-11-70004«а(р)»)*

ISBN 978-5-7811-2467-0

© Н.С. Ларьков, 2017

ВВЕДЕНИЕ

На центральной аллее городского кладбища «Бактин» в Томске в 2011 г. установлен надгробный гранитный памятник с именами и портретами генерал-лейтенантов Николая Михайловича и Анатолия Николаевича Пепеляевых – отца и сына. Однако не все, даже томичи, знают, что это – символическая могила, по-древнегречески – кенотаф, и что нет там останков генералов, настоящие могилы которых либо давно разрушены – как у старшего Пепеляева, либо не известны – как у младшего.

На протяжении многих десятилетий существования советской власти память об этих генералах старательно стиралась из памяти поколений, информация об их жизни и ратных делах на страницах исторических трудов либо замалчивалась, либо искажалась. В результате оставленный ими след в истории основательно зарос травой забвения. «Без меня народ неполный», – написал когда-то Андрей Платонов. Точно так же с полным основанием можно сказать, что без Пепеляевых история России будет неполной, а история Сибири и Томска – тем более. Давно пришла пора восполнить этот пробел, прежде всего в отношении Анатолия Пепеляева, героя Первой мировой войны, командующего одной из белых армий на Востоке России во время войны Гражданской.

В советской исторической литературе имя А.Н. Пепеляева в большинстве случаев лишь упоминалось, преимущественно в негативном свете, как яркого контрреволюционера, непримиримого врага советской власти. Несколько более-менее крупных публикаций, но также идеологически окрашенных, были посвящены лишь одному эпизоду из военной биографии А.Н. Пепеляева – его Якутскому походу 1922–1923 гг., когда генерал во главе небольшой Сибирской добровольческой дружины поднял знамя борьбы с большевистской властью на северо-востоке России¹. Неизученность биографии А.Н. Пепеляева привела к фактическим ошибкам в биографической

¹ *Потанов С.* Конец пепеляевщины. Якутск, 1932. 22 с.; *Петров П.У.* Разгром пепеляевской авантюры. Якутск, 1955. 114 с.; *Фетисов А.П.* Последний залп. Конец одной генеральской авантюры. Магадан, 1971. 88 с. и др.

справке о нём, помещённой в солидной энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»¹.

В русском зарубежье об А.Н. Пепеляеве писали, главным образом, мемуаристы, участники Белого движения (Е.К. Вишневский, Г.П. Грачев, Вс.Н. Иванов, А.А. Кирилов, Н.В. Устрялов и др.)², ограничиваясь обычно отдельными памятными эпизодами с его участием и краткими суждениями о генерале. Историки русского зарубежья, прежде всего С.П. Мельгунов³, вынужденные опираться на воспоминания, вследствие ограниченности документальных источников, недоступности советских архивов, немного могли добавить к публикациям мемуаристов о Пепеляеве.

Ситуация изменилась в результате «перестройки» в СССР, крушения коммунистического режима, доступа к ранее засекреченным архивным фондам и последовавшей в 1989 г. реабилитации А.Н. Пепеляева. Началось постепенное возвращение белого генерала из небытия. В результате в 1990-е гг. появился целый ряд небольших газетных и журнальных статей, в которых кратко прослеживались основные жизненные вехи А.Н. Пепеляева, впервые было уделено внимание его семье – родителям, братьям и сёстрам, жене и детям, их судьбе⁴. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря некоторым оставшимся в живых его родственникам. Вместе с тем на публикациях тех лет лежит порой печать торопливости, поверхностности, некритического восприятия архивных документов, воспоминаний, других исторических источников.

¹ *Пепеляевы* // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М., 1983. С. 443.

² *Устрялов Н.* Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // *Новости жизни* (Харбин). 1923. 12 июля; *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Прага, 1928. Т. IV. С. 36–68; *Грачев Г.* Якутский поход ген. Пепеляева // *Вольная Сибирь*. Прага, 1929. № 5. Прил.: Сибирский архив. № 1. С. 23–40; *Иванов Вс.* Генерал Пепеляев // *Иванов Вс.* Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 70–77; *Вишневский Е.* Аргонавты белой мечты (Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины). Харбин, 1933. 197 с. и др.

³ *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Востоке, Урале и Сибири. Ч. 1: Восточный фронт. Белград, 1930. 240 с.; Ч. 2: В преддверии диктатуры. 240 с.; Ч. 3: Конституционная диктатура. 352 с.

⁴ *Пойзнер Б.* Судьба белого генерала // *Томский вестник*. 1991. 24 сент.; *Маслов Н.* Семья Пепеляевых. Русские судьбы // *Северо-Восток* (Новосибирск). 1992. № 3. С. 13; *Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал // *Красное знамя* (Томск). 1992. 19 нояб.; 1993. 29 мая; *Черказьянова И.В.* Семья Пепеляевых // *Изв. Омского гос. историко-краеведческого музея*. 1993. № 2. С. 77–80; *Конкин П.* Дело генерала А.Н. Пепеляева // *Наша земля* (Иркутск). 1994. 26 марта. С. 8–9; *Петрушин А.* Омск, Аян, Лубянка // *Родина*. 1996. № 9. С. 59–63; *Конкин П.* Драма генерала // *Илин* (Якутск). 1998. № 1 (13) и др.

В последующие годы интерес к личности А.Н. Пепеляева нарастал. Наряду с продолжавшимися выходить малоформатными газетными и журнальными очерками и зарисовками¹, появились многочисленные статьи энциклопедического и справочного характера². К поисковой работе подключились сибирские и уральские энтузиасты-краеведы М.Г. Ситников, А.А. Краснощеков, Д.А. Лобанов и др. В их публикациях получил освещение боевой путь отдельных частей и соединений, входивших в состав 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса, Северной армейской группы, 1-й Сибирской армии, которыми в разное время командовал А.Н. Пепеляев³; реконструированы биографии ряда офицеров – боевых соратников А.Н. Пепеляева⁴; освещены отдельные сражения, в которых принимали участие пепеляевские войска⁵.

Генералу посвящались отдельные фрагменты и сюжеты в книгах, вышедших из-под пера писателей и журналистов⁶. Он стал героем историко-приключенческого романа С.Г. Максимова, художествен-

¹ *Петрушин А.А.* Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. Тюмень. 2002. № 1. С. 106–118; *Привалихин В.* Пепеляев // Восточно-Сибирская правда. 2003. 29 марта.

² *Энциклопедия Якутии.* Якутск, 2000. Т. 1. С. 372; *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биограф. справочник. М., 2003. С. 157–158; *Энциклопедия Томской области:* в 2 т. Т. 2: Н–Я. Томск, 2009. С. 561; *Историческая энциклопедия Сибири:* в 4 т. Т. 3: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 596 и др.

³ *Лобанов Д.А.* Пермская стрелковая дивизия армии адмирала Колчака. 1918–1920 гг. // Ретроспектива. 2008. № 5. С. 67–70; *Краснощеков А.А.* Тернистый путь: из истории 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка // Белая армия. Белое дело. 2008. № 16. С. 63–93; *Он же.* Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010; *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2010. № 18. С. 5–61; *Он же.* 1-я Сибирская штурмовая бригада имени генерал-лейтенанта Пепеляева. Пермь, 2015. 278 с. и др.

⁴ *Ситников М.Г.* Полковник Е.И. Урбанковский и его штурмовики // Белая армия. Белое дело. 2003. №12. С. 28–39; *Краснощеков А.А., Суманосов В.А.* «Ура, тебе! Герой наш славный...»: Штрихи к биографии командира 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка А.И. Камбалына // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2009. № 17. С. 49–63; *Ситников М.* Начдив 2-й Сибирской Михаил Васильевич Эпов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 103–107; *Он же.* Командир штурмовой бригады Евгений Урбанковский // Там же. С. 107–111; *Он же.* Полковник Пётр Соколов // Там же. С. 111–113; *Он же.* Редактор газеты «Сибирские стрелки» // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2011. № 19. С. 55–97 и др.

⁵ *Ситников М.Г.* Контрнаступление войск Сибирской армии в марте 1919 года // Труды III международных исторических чтений, посвящённых памяти профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. СПб., 2013; *Он же.* Пермь пала. Пермь, 2016. 285 с. и др.

⁶ *Привалихин В.* Командарм // Привалихин В. Из рода Пепеляевых. Томск, 2004. С. 26–52; *Кобелев А.И.* Голгофа братьев Пепеляевых. Барнаул, 2009. 52 с. и др.

ного фильма «Контрибуция»¹. Стараниями литераторов в последнее время увидели свет документальная повесть и документальный роман об А.Н. Пепеляеве. Претендующая на документальность повесть А.И. Кобелева² в действительности представляет собой довольно поверхностное произведение очеркового характера, изобилующее фактическими ошибками и вольной, идеологически ангажированной интерпретацией исторических фактов и документов. В отличие от неё, роман, написанный Л.А. Юзефовичем³, известным российским писателем, к тому же кандидатом исторических наук, опирается на критическое осмысление значительного корпуса исторических источников и представляет, пожалуй, лучшее на сегодняшний день художественное осмысление личности А.Н. Пепеляева, его характера, внутреннего мира на фоне военно-революционной эпохи. Не случайно этот роман был благожелательно встречен читателями и литературной критикой⁴, а в конце 2016 г. удостоен престижной литературной премии «Большая книга». Вместе с тем жанр документального романа, рассчитанного на массового читателя, обусловил отсутствие в книге полноценного научно-справочного аппарата. Кроме того, исходя из названия и цели создания своего произведения, основное внимание автор уделит заключительному эпизоду боевой деятельности генерала – его Якутскому походу во главе Сибирской добровольческой дружины. Что же касается других периодов жизни и боевой деятельности А.Н. Пепеляева, то они рассматриваются пунктирно и, к сожалению, тоже не свободны в ряде случаев от фактических ошибок и неточностей.

Публикации профессиональных историков об А.Н. Пепеляеве представлены пока лишь единичными научными статьями⁵ и фрагмен-

¹ Максимов С. След грифона. М., 2010. 416 с.; кинофильм «Контрибуция» вышел в прокат в 2016 г. (режиссёр С. Снежкин; сценарий С. Снежкина и Л. Юзефовича).

² Кобелев А.И. Брат генерал: документальная повесть. Барнаул, 2014. 368 с.

³ Юзефович Л.А. Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. Документальный роман // Октябрь. 2015. № 4 С. 99–153; № 5. С. 87–150; № 6. С. 99–161; *То же*. М., 2015. 430 с.

⁴ Булкина И. Хроника ледовой осады // Новый мир. 2015. № 11; Богатырева И. Преодоление жанра // Там же; Брейнинггер О. Производное от мужества [Электронный ресурс] // Литература. 2015. 16 нояб. – Режим доступа: <http://literatura.org/criticism/1467-olga-breyningger-proizvodnoe-ot-muzhestva.html> (дата обращения: 16.07.2016) и др.

⁵ Журавлев В.В., Шишкин В.И. «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2009. № 15. С. 48–49; Дегальцева Е.А. А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 29–36; Ларьков Н.С. Генерал

тами монографических работ¹, которые содержат новую информацию о предках будущего генерала, о его учёбе в Омском кадетском корпусе и Павловском военном училище, об участии в Первой мировой войне, в сражениях начального этапа Гражданской войны, однако не дают объёмной, всесторонней научной картины жизни и деятельности генерала в контексте происходивших в то время исторических событий.

В предлагаемой вниманию читателей книге впервые в отечественной историографии воссоздаётся научная биография генерала А.Н. Пепеляева. При этом наибольшее внимание уделено его участию в событиях Гражданской войны, в которой он был одной из ключевых фигур Белого движения и которая стала поистине его звёздным часом.

Книга написана на основе опубликованных документальных источников², а также многочисленных архивных документов, извлечённых из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного военно-исторического архива, ряда сибирских государственных архивов, музеев и архивов областных управлений ФСБ. Важнейшими источниками послужили документы личного происхождения и прежде всего дневниковые записи, автобиография, рапорт, письма самого генерала³, дневники его брата В.Н. Пепеляева

А.Н. Пепеляев: начало военной карьеры // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 106–112; *Он же*. Из капитанов в генералы за сто дней («Восточный поход» А.Н. Пепеляева) // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 407. С. 105–114.

¹ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 588 с.; *Звягин С.П.* Брат Анатолий // Звягин С.П. В.Н. Пепеляев: Судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 16–56 и др.

² *Последние дни колчакщины*. М.; Л., 1926. 231 с.; *К истории гражданской войны в Якутии* // Красный архив. 1937. Т. 3(82). С. 119–135; *Письмо* Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву. Г. Омск, 28 июля 1919 г. // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1992. Вып. 3. С. 11–13; «Считал бы необходимым освободить» // Источник. 1997. № 1. С. 153–154; *Забывтый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы*. Барнаул, 2009. 317 с.; «...Его можно использовать как военспеца...». Документы федеральных архивов о попытке комдива С.С. Вострцова освободить из тюремного заключения белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева. 1926–1928 гг. // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 89–98 и др.

³ *Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева периода «Якутского похода»* / Публикация В.М. Серебrenникова и П.К. Конкина // Сибирь. 1990. № 6. С. 34–40; «Россия погибнет в волнах новой анархии»: Рапорт командующего Северной группой Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева командующему Сибирской армией генерал-лейтенанту Р. Гайде 21 июня 1919 г. / Публикация Н.Д. Егорова, Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 79–83; «*Ведь мечта моя – помирить русских людей...*» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева) / Публикация В.В. Журавлева, В.И. Шишкина // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 50–64 и др.

ва¹, премьер-министра Временного Сибирского и Временного Российского правительств П.В. Вологодского², мемуары уже упоминавшихся Е.К. Вишневого, Г.П. Грачёва, Вс.Н. Иванова, А.А. Кирилова, Н.В. Устрялова, а также видных политических и военных деятелей белых режимов на востоке России периода Гражданской войны В.Г. Болдырева³, Г.К. Гинса⁴, К.В. Сахарова⁵, И.И. Серебrenникова⁶, отдельных советских военачальников⁷ и др.

Немалым подспорьем в подготовке монографии явилась периодическая печать, прежде всего военная пресса периода Гражданской войны, в том числе газета «Сибирские стрелки», издававшаяся в руководимых А.Н. Пепеляевым войсках.

К сожалению, не все этапы жизни и деятельности А.Н. Пепеляева удалось исследовать с одинаковой полнотой, вследствие отсутствия либо фрагментарности исторических источников. В частности, крайне мало сохранилось документов, связанных с деятельностью А.Н. Пепеляева во время революции 1917 г. и антибольшевистского подполья первой половины 1918 г. То же самое можно сказать об отступлении генерала и остатков его 1-й Сибирской армии из Томска в Забайкалье зимой 1919/20 г., поскольку тогда практически полностью был утрачен архив её штаба. В дальнейшем понадобятся дополнительные усилия историков и краеведов в деле поиска новых исторических источников для уточнения отдельных фактов биографии А.Н. Пепеляева, восполнения пробелов, касающихся боевого пути руководимых генералом частей и соединений, как и в целом для более полного и объёмного представления о той исторической эпохе, с которой неразрывно была связана судьба сибирского белого генерала.

¹ *Дневник В.Н.Пепеляева* / Публикация В.М. Серебrenникова и П.К. Конкина // Сибирь. 1989. № 6. С. 76–88; 1990. № 1. С. 75–100.

² *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и ком. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. 619 с.

³ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новоиколаевск, 1925. 562 с.

⁴ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. I. 325 с.; Т. II. 607 с.

⁵ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.

⁶ *Серебrenников И.И.* Мои воспоминания. Т. I: В революции (1917–1919). Тяньцзинь, 1937. 289 с.; Т. II: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь. 1940. 262 с.

⁷ *Строд И.Я.* В якутской тайге. М., 1961. 188 с.; *Байкалов К.К.* Пепеляевщина // Байкалов К.К. Статьи. Воспоминания. Якутск, 1968. С. 139–215 и др.

Глава 1

«ОФИЦЕРОМ БУДЕТ ХОРОШИМ»

Анатолий был пятым ребёнком в большой семье Николая Михайловича и Клавдии Георгиевны Пепеляевых, в ней воспитывалось шесть сыновей и две дочери. Родился он 3 июля (по старому стилю¹) 1891 г. в Томске. Несколько поколений Пепеляевых были военными. Солдатом был Григорий Пепеляев, прадед будущего генерала. Дед, Михаил Григорьевич Пепеляев, будучи молодым матросом Балтийского флота, участвовал в обороне Кронштадта во время Крымской войны 1853–1856 гг., когда английские и французские корабли пытались прорваться к столице Российской империи – Санкт-Петербургу. Братья деда участвовали в покорении Кавказа². Впоследствии М.Г. Пепеляев служил на различных должностях в полиции на территории Томской губернии и в самом Томске и умер в 1892 г. в чине статского советника³.

Отец, Николай Михайлович, уроженец Санкт-Петербургской губернии, родился 6 мая 1858 г. После окончания в Москве Александровского военного училища был произведён в подпоручики и летом 1877 г. направлен в 4-й Туркестанский стрелковый батальон. Спустя два года, 7 июля 1879 г., он был переведён в Томский батальон, где с 3 января следующего года стал командовать ротой. Почти вся последующая жизнь Н.М. Пепеляева была связана с Томском, если не считать нескольких командировок, порой сравнительно продолжительных: в 1884–1887 гг. – в г. Нарым на севере Томской губернии, где он возглавлял местную воинскую команду, в 1889 г. – в г. Зайсан, в 1897 г. участвовал в первой всеобщей переписи населения, в 1904–1905 гг. в чине полковника, командира батальона принимал участие в Русско-японской войне, во время которой командовал Тъелинским укреплённым районом в Маньчжурии, был начальником

¹ Все даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

² *Сибирская речь*. 1919. 3 янв.; *Вестник* Томской губернии. 1919. 15 янв.

³ *Томский некрополь*. Списки и некрологи погребённых на старых томских кладбищах. 1827–1939 / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001. С. 43.

гарнизона, комендантом г. Тьелина. В числе многих наград имел китайский орден двойного дракона¹.

После возвращения с театра военных действий в Томск Н.М. Пепеляев командовал здесь 8-м пехотным Сибирским томским, затем 42-м Сибирским стрелковым полком, одновременно выполняя обязанности товарища (заместителя) председателя Томского отдела общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям². Во время Первой русской революции ему довелось некоторое время даже исполнять должность Томского генерал-губернатора (с 11 по 25 июля 1906 г.). Впоследствии в чине генерал-майора (произведён в октябре 1911 г.) командовал бригадой 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

В характеристике (аттестации), данной Н.М. Пепеляеву спустя полгода после начала Первой мировой войны, 21 февраля 1915 г., его непосредственным начальником генерал-лейтенантом А.Е. Редько, отмечалось: «Спокойный, уравновешенный, легко разбирающийся в боевой обстановке; очень деятельный, любящий военное дело; всегда с охотой, энергией и отличным успехом выполняющий возлагаемые на него задачи во время боя и на отдыхе. Пользуется большим влиянием на подчинённых и имеет авторитет среди них. Решительный, самостоятельный, обладающий в полной мере инициативой... образцово выполняет любую боевую задачу...»³. В дальнейшем у нас будет возможность убедиться, какие из этих качеств и в какой мере были присущи и его сыну Анатолию.

Жизненный путь Николая Михайловича, многолетнее добросовестное служение Отечеству, несомненно, повлияли на выбор сыновей. Не случайно большинство из них также избрали для себя военную стезю. Первым на неё ступил Аркадий Пепеляев, получивший профессию военного врача. Следующим стал Анатолий. Получив первоначальное домашнее образование, он продолжил учёбу в частной школе Томска. Затем прошёл полный (семилетний) курс обучения в Омском кадетском корпусе, выпускником которого был в своё время и его отец, в годы учёбы которого будущий кадетский корпус именовался Сибирской военной гимназией. Омский кадетский корпус окончил старший брат Аркадий. Здесь же впоследствии обучались его младшие братья Пётр и Логгин.

¹ *Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 41582. Л. 1–10; Д. 185135. Л. 22–28.*

² *Весь Томск: Адресно-справочная книжка на 1912–1913 гг. / под ред. Г.В. Чавыкина. Томск, 1913. С. 118.*

³ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 185135. Л. 8об.

Между прочим, это учебное заведение было лучшим на всей территории Азиатской России вплоть до открытия в 1888 г. Императорского Томского университета – первого сибирского высшего учебного заведения. Не случайно из стен кадетского корпуса вышли многие впоследствии известные не только военные, но и политические, общественные деятели, учёные. Достаточно назвать имена Верховного главнокомандующего Русской армией генерала Л.Г. Корнилова, начальника штаба у адмирала А.В. Колчака генерал-майора Д.А. Лебедева, исследователя, путешественника, идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина, просветителя казахского народа Ч.Ч. Валиханова. За большие заслуги в деле подготовки командных кадров император Николай II в 1913 г. наградил кадетский корпус Юбилейным знаменем и почетным наименованием «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус». Впоследствии имя А.Н. Пепеляева также оказалось вписанным яркой строкой в историю этого учебного заведения¹.

Нельзя сказать, что кадет А.Н. Пепеляев отличался усердием и примерным поведением. Его наставники оставили такую характеристику своего выпускника (сведения из корпусных аттестационных тетрадей): «В классе порою занимается посторонними делами, средний балл – 7,60. Проступки наиболее важные: 1) крупная дерзость по адресу вышедшего за дверь воспитателя (1902 год). По повед[ению] ср[едний] б[алл] 9. Добрый, весёлый, несколько беспечный. Легко поддающийся постороннему влиянию. Самолюбивый, обидчивый, вспыльчивый, немного упрямый, но правдивый и прямой. Опрятен... аккуратен»².

Завершив в 1908 г. обучение в кадетском корпусе, отдохнув летом в семейном кругу, Анатолий вслед за старшим братом Аркадием, обучавшимся в тот период в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, также направился для продолжения образования в российскую столицу. Там он был принят в Павловское военное училище – одно из наиболее престижных военных учебных заведений Российской империи. Училище, готовившее пехотных офицеров, было создано в августе 1863 г. по указу императора Александра II, который, начиная со следующего года, взял шефство над своим детищем. Причём тогда же 1-я рота училища получила назва-

¹ Басаев В.Р. История Омского кадетского корпуса [Электронный ресурс] // <http://www.omkk.ru/hstr.htm> (Дата обращения: 07.11.2012).

² ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296. Л. 2.

ние роты Его Императорского Величества. В неё-то и был зачислен А.Н. Пепеляев.

Проблем с поступлением у Анатолия не было, так как выпускники кадетских корпусов принимались в это военное учебное заведение в первоочередном порядке. «Зачислен в училище 31 августа 1908 г. (пр[иказ] № 246)... Задатки хорошие», – отмечалось в его послужном списке¹. В собственноручно заполненном 3 сентября 1908 г. документе новоиспечённый юнкер следующим образом ответил на стандартные вопросы анкетного типа: «...2) из какого сословия или звания происходит – потомственный дворянин... 4) какого вероисповедания – православный... 6) имеет ли родителей. Их имя, отчество и адрес – отец: Николай Михайлович, мать: Клавдия Георгиевна; г. Томск, канцелярия 8-го Томского полка, командир 8-го Томского полка... 13) имеют ли родители и сам юнкер недвижимую собственность... Получает ли от своих родных или из своих собственных средств деньги на свои личные расходы и сколько. – Недвижимой собственности ни я, ни родители не имеем. Буду получать деньги по мере надобности...»².

Вряд ли родители Анатолия могли выделять своему сыну большие денежные средства, если учесть, что им нужно было заботиться ещё о трёх его младших братьях, одному из которых, Михаилу, получавшему домашнее образование, исполнилось тогда 15 лет; второму, Петру, – 12, он учился в Омском кадетском корпусе, а самому младшему, Логгину, – только 7 лет. Правда, самый старший из братьев Пепеляевых, Виктор, уже работал после окончания Императорского Томского университета помощником присяжного поверенного. Трудились и сёстры: старшая, Екатерина, – в службе сборов, младшая, Вера, – учительницей. Обе они окончили курс (8 классов) Томской женской гимназии³.

Обучение в Павловском училище было двухгодичным. Контингент юнкеров в нём насчитывал в ту пору 400 человек. Изучались следующие предметы: военная история, тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, законоведение, военная администрация, Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, механика, химия. В летний период училище выходило в лагерь в Красное Село⁴. Во время обучения А.Н. Пепеляева начальником училища был генерал-майор С.С. Хабалов.

¹ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Там же.

⁴ *Павловское* военное училище // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 22. СПб., 1897. С. 564–565.

Следует сказать, что после поражения в Русско-японской войне, как справедливо отмечал М.Н. Тухачевский, «военная школа в старой армии была коренным образом реформирована», так как «офицерство выказало себя совершенно не подготовленным к современной войне. Началась усиленная работа по переводу иностранной (особенно немецкой) военной литературы. Все это, конечно, дало хорошие результаты, но они стали обозначаться лишь к 1908–1910 гг.», как раз ко времени поступления А.Н. Пепеляева в училище. В результате молодое офицерство, по словам того же М.Н. Тухачевского, оказалось «хорошо подготовленным», «знакомым основательно с современной военной наукой и проникнутым духом смелого ведения войны»¹, что проявилось во время Первой мировой и особенно в годы Гражданской войны.

По сравнению с кадетским корпусом в училище молодой юнкер заметно прибавил в учёбе. По итогам первого года обучения получил средний балл 8,79, а при выпуске – 9,31. За отличную стрельбу из винтовки был награждён знаком 3-й степени, отмечен также как отличный стрелок из револьвера. Однако и взысканий у него за два года набралось изрядное количество – 16, в том числе 9 – за первый год обучения и 7 – за второй².

Сохранилась по-военному краткая аттестация будущего офицера после первого года обучения, данная его ротным командиром 14 сентября 1909 г.: «Юнкер Пепеляев физически развит хорошо, здоровье крепкое. Умственные способности средние. В своих движениях угловат. Военным делом интересуется. К требованиям службы относится иногда несерьёзно. Юнкер дисциплинированный, правдивый и благовоспитанный. Характера вспыльчивого. С товарищами дружен... Не всегда аккуратен. Офицером будет хорошим». Спустя неделю по какой-то причине было дописано: «...Неаккуратен и неряшлив». Через год в аттестации появилась дополнительная запись: «Недостаточно выдержанный, находится под влиянием юнкеров плохого поведения. Требовал над собою наблюдения». Итоговое заключение за подписью командира батальона гласило: «Удовлетворительный»³.

¹ Тухачевский М.Н. Избранные произведения: в 2 т. М.: Воениздат, 1964. Т. 1: 1919–1927. С. 27–28.

² ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296. Л. 2; Ф. 3376. Оп. 1. Д. 78. Л. 380–381. Послужной список А.Н. Пепеляева.

³ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296. Л. 2об.

В целом же курс военных наук А.Н. Пепеляев освоил достаточно успешно, окончив училище по первому разряду. Ещё в середине второго года обучения, 29 января 1910 г., он был произведён в унтер-офицеры, а 6 августа 1910 г. – в подпоручики и направлен для прохождения службы в 42-й Сибирский стрелковый полк¹, командиром которого в июле того же года стал его отец. В списки полка молодой офицер был зачислен 18 августа 1910 г.²

42-й Сибирский стрелковый полк представлял собой одно из старейших сибирских воинских формирований. Его история начинается с Тобольска, где ещё в 1711 г. был сформирован Московский гарнизонный полк, одна из рот которого размещалась в Томске. (Солдаты Московского гарнизона конвоировали тогда в Сибирь шведов, попавших в плен во время Полтавской битвы). Впоследствии полк был переведён в г. Енисейск и переформирован в батальон. В начале XIX столетия батальон оказался в Томске. Несколько раз он менял названия (Сибирский линейный № 10, Сибирский линейный № 11, Сибирский стрелковый, 51-й Томский губернский, Томский местный, Томский резервный (кадровый), 8-й Томский резервный батальон). В 1904 г., согласно мобилизационному расписанию, он был развёрнут в 8-й Томский сибирский полк, состоявший из 4 батальонов, 16 рот.

Отправленный в апреле 1904 г. в Маньчжурию 8-й полк под командованием полковника А.А. Успенского (после его ранения в командование вступил подполковник, впоследствии полковник П.А. Борисов) принял участие в Русско-японской войне (за исключением одного оставленного в Томске батальона). В составе 2-й Сибирской пехотной дивизии полк участвовал в боях у Дашичао, под Ляояном и Мукденом. За отличие в сражениях полку было пожаловано Георгиевское знамя, 572 солдата и унтер-офицера награждены Георгиевскими крестами. После окончания войны полк был свёрнут в двухбатальонный состав³.

В феврале 1910 г., в условиях проводившейся военной реформы, Томский резервный пехотный батальон вновь был развёрнут в полк, получивший название 8-го Сибирского резервного Томского полка.

¹ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296. Л. 2.

² ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 78. Л. 381. Послужной список А.Н. Пепеляева.

³ 200-летний юбилей 42 Сибирского стрелкового полка. 1711–1911 гг. (Историческая справка) // Сибирская жизнь. 1911. 28 июня; Чернов К.А. Томский гарнизонный батальон – 42-й Сибирский стрелковый полк // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XII. Томск, 2002. С. 92–93; Чернов К.А. Томичи – георгиевские кавалеры // Там же. С. 94.

30 июля 1910 г. он был слит с 7-м Красноярским полком, став в результате 42-м Сибирским стрелковым полком 1-й бригады 11-й Сибирской стрелковой дивизии Омского военного округа¹. Полк состоял из 4 батальонов, по 4 роты в каждом, нестроевой роты (обоз), пулемётной команды, а также команд связи, охотников (разведчиков), музыкантов. Штатная численность полка насчитывала 78 офицеров, 10 классных чиновников и до 2400 нижних чинов. Он размещался в так называемых Красных казармах, близ станции Томск-2². Канцелярия полка вместе с управлением 1-й бригады (начальник бригады – ген.-м. Н.П. Кучин) находилась по адресу: ул. Тверская, 41³.

По прибытии в полк 19 сентября 1910 г. подпоручик А.Н. Пепеляев был назначен младшим офицером в 11-ю роту, 2 марта 1912 г. – библиотекарем офицерского собрания⁴. Весной и летом того же года участвовал в военно-конской и повозочной переписи в Каинском уезде Томской губернии. Это была последняя в дореволюционный период перепись такого рода. Её цель заключалась в сборе сведений по уездам об общем количестве хозяйств – владельцев коней и количестве безлошадных дворов; о количестве коней с распределением по возрастным группам, об увеличении их числа у разных категорий владельцев (у крестьян в сельских общинах, у частных собственников и жителей городов); о распределении владельцев по обеспеченности лошадьми. Перепись проводилась под контролем военных, имела высокую достоверность, поскольку изначально обуславливалась необходимостью решения военных задач⁵.

13 апреля 1913 г. А.Н. Пепеляев получил назначение на должность младшего офицера в пулемётную команду. Вместе с ним в эти предвоенные годы в 42-м полку служили молодые офицеры в чине штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков А.Г. Укке-Уговец, Н.Ф. Шнаперман, И.П. Жданов, Д.Н. Кузьменко, Б.Я. Шуман, ставшие в период Гражданской войны ближайшими соратниками А.Н. Пепеляева. Трое из них впоследствии были произведены в полковники, а А.Г. Укке-Уговец и Д.Н. Кузьменко в чине генерал-майоров командовали соответственно дивизией и егерской бригадой в колча-

¹ 200-летний юбилей 42 Сибирского стрелкового полка... // Сибирская жизнь. 1911. 28 июня.

² Чернов К.А. 42-й Сибирский стрелковый полк // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 324.

³ *Весь Томск*: Адресно-справочная книжка на 1912–1913 гг. С. 199.

⁴ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 78. Л. 381. Послужной список А.Н. Пепеляева.

⁵ *Военно-конская перепись 1912 г.* СПб., 1914. 441 с.; *Военно-конская перепись [Электронный ресурс]* // <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 09.11.2012).

ковской армии. Между прочим, накануне Первой мировой войны, в 1910–1912 гг., в Томске служил заведующим передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Омского района полковник В.А. Ольдерогге¹ – будущий командующий Восточным фронтом Рабоче-крестьянской Красной армии, с дивизиями которого пришлось сражаться А.Н. Пепеляеву.

В канун нового, 1914 года, 25 декабря А.Н. Пепеляев был произведён в поручики со старшинством с 6 августа 1913 г.² К этому времени он обзавёлся семьёй, женившись на внучке ссыльного польского шляхтича Нине Ивановне Гавронской. 22 октября 1913 г. у них родился первенец, которого назвали Всеволод. В том же году А.Н. Пепеляев получил и первую награду – светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых.

¹ *Памятная книжка Томской губернии на 1910 год.* Томск, 1910. С. 104; *Памятная книжка Томской губернии на 1911 год.* Томск, 1911. С. 96; *Памятная книжка Томской губернии на 1912 год.* Томск, 1912. С. 102.

² ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296Л. 382. Послужной список поручика А.Н. Пепеляева.

Глава 2

ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО

Переломным в судьбе молодого офицера, как, впрочем, и для всей армии и страны, стал 1914 г. – начало Первой мировой войны. Накануне этого события, 28 апреля 1914 г., А.Н. Пепеляев был назначен начальником команды разведчиков своего полка. В этой должности он был мобилизован 18 июля 1914 г. – в первый же день всеобщей мобилизации в Российской империи¹. На другой день (по новому стилю 1 августа) Германия объявила войну России. А.Н. Пепеляев принял активное участие в начавшейся мобилизации, за что ему в феврале 1915 г. была пожалована Высочайше утверждённая светло-бронзовая медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года»², которая носилась на груди на тёмно-синей ленте ордена Белого Орла. Между прочим, это была первая в мире медаль, специально предназначенная для награждения лиц, отличившихся в деле мобилизации армии³.

С началом мобилизации 42-й полк пополнился нижними чинами из г. Томска и Томского уезда, а в августе – из Тобольской губернии и с Урала. В результате его численность была доведена в основном до штатов военного времени, составив 79 офицеров, 9 классных чиновников, 4442 нижних чина, 125 строевых и 447 обозных лошадей. Значительная часть офицеров и нижних чинов имела боевой опыт Русско-японской войны, в том числе и новый командир полка – полковник Б.И. Щуцкой. После нескольких недель занятий по строевой и стрелковой подготовке, повторению уставов эшелоны полка 20 августа 1914 г. отправились на германский фронт⁴. Вместе с пол-

¹ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 290–296 Л. 382.

² ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 187. Л. 98. Алфавит награждений офицеров.

³ *Майоров В.В.* Последняя медаль Российской империи. (Медаль «За труды по отличному выполнению мобилизации 1914 года») // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 63.

⁴ *Чернов К.А.* Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) [Электронный ресурс] // <http://www.oboznik.ru/?p=45468> (дата обращения: 13.01.2016); *Историческая справка о 42-м Сибирском стрелковом полке* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/ist42SibStP.htm>

ком ушла и команда разведчиков из 99 чел. во главе с поручиком А.Н. Пепеляевым, уже 1 сентября 1914 г. оказавшимся в расположении действующей армии¹.

Почти одновременно с сыном выехал на германский фронт во главе 2-й бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии и отец Анатолия генерал-майор Н.М. Пепеляев².

42-й полк вступил в войну в составе 11-й Сибирской стрелковой дивизии, которой командовал генерал И.И. Зарако-Зараковский. Её численность составляла 230 офицеров и свыше 14 тыс. штыков. По прибытии на Северо-Западный фронт дивизия сначала была включена в состав Сводного корпуса 10-й армии. Однако вскоре, 17 сентября 1914 г., этот корпус был переименован в 1-й Туркестанский армейский. Сначала корпусом командовал генерал от инфантерии М.Р. Ерофеев, после него – генерал от кавалерии С.М. Шейдеман. Командующими 10-й армии были генерал-лейтенант В.Е. Флуг, затем – генерал от инфантерии Ф.В. Сиверс.

В первые дни войны 1-й Туркестанский армейский корпус входил в состав Юго-Западного фронта, однако в сентябре 1914 г. был передислоцирован на Северо-Западный фронт. С октября 1914 г. по июль 1915 г. корпус воевал в составе 1-й армии (до ноября 1914 г. командующий армией – генерал от инфантерии П.К. Ренненкампф, затем – генерал от кавалерии А.И. Литвинов), лишь короткое время (несколько недель) побывав в составе 12-й армии. В августе 1915 г. при организации Западного фронта корпус был передан во 2-ю армию.

В марте 1916 г. 11-я Сибирская стрелковая дивизия была выведена из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса и напрямую подчинена командованию 2-й армии. К лету 1916 г. дивизия входила в состав 4-й армии, а к декабрю 1916 г. – в состав 10-й армии Западного фронта³. Вместе с дивизией прошёл все эти этапы переподчинения и 42-й Сибирский стрелковый полк, в составе которого сражался А.Н. Пепеляев.

(дата обращения: 12.11.2012 г.). В Томске на базе выделенного из состава 42-го полка так называемого кадра (25 офицеров и 115 унтер-офицеров и рядовых) продолжилось формирование второгоочередного 54-го Сибирского стрелкового полка путём призыва из запаса четырёх с лишним тыс. жителей Томской и Тобольской губерний (*Чернов К.А.* Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка...).

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 78. Л. 387. Послужной список поручика А.Н. Пепеляева.

² ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 185135. Л. 30–31. Послужной список генерала Н.М. Пепеляева.

³ *Историческая справка о 42-м Сибирском стрелковом полке* [Электронный ресурс] // <http://www.antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/ist42SibStP.htm> (дата обращения: 12.11.2012 г.).

В офицерской среде начало войны было встречено с энтузиазмом. «Когда разразилась война, моим знаменем было: победа над врагом – величие России. Я ждал победы...», – отмечал почти четверть века спустя А.Н. Пепеляев в своих показаниях, находясь в советской тюрьме. «Мои политические убеждения к 1914 г. были монархическими. Их определяло моё воспитание и та офицерская среда, в которой я вращался»¹.

Энтузиазмом на первых порах были охвачены не только офицеры. Широкую известность получил тогда «Марш сибирских стрелков» (стихи Вл. Гиляровского), начинавшийся словами:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки...².

Первым сражением, в котором приняли боевое крещение полки 11-й Сибирской стрелковой дивизии, стало деблокирование русской опорной крепости Осовец на реке Бобры (в 50 км от г. Белостока) с 14 по 17 сентября 1914 г. Части дивизии совместно с 6-м армейским корпусом генерала П.С. Балуева вынудили противника прекратить осаду крепости и запросить подкрепление. Неприятелю пришлось перебросить на помощь осаждавшим подразделения с Западного фронта, в частности резервный гвардейский корпус с бельгийской границы.

В период с 29 октября по 11 ноября 1914 г. дивизия участвовала в Лодзинской операции³, затем с 20 ноября по 4 декабря 1914 г. вела боевые действия в районе городов Прасныш и Цеханов. Причём 2-й батальон 42-го Сибирского стрелкового полка вместе с 4-й Донской казачьей дивизией выбил немцев из Прасныша. В результате семидневного первого Праснышского сражения прусские части были отброшены за линию границы, потеряв 4 орудия и 1000 пленных⁴.

В первый же месяц пребывания на фронте А.Н. Пепеляев сумел дважды отличиться. За удачно проведённую разведку сначала под

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) по Новосибирской области. Арх.-следств. дело №17137. Л. 12.

² Цит. по: *Фабрика Ю.А.* Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. Т. 1. С. 218.

³ *Ладыгин И.В., Замира А.Ю.* Ново-Николаевск в военном мундире. 1904–1920 гг. [Электронный ресурс] // <http://www.novonikolaevsk.com/glava2.htm> (дата обращения: 13.11.2012 г.).

⁴ *Чернов К.А.* Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка... (Прасныш – небольшой уездный город бывшей Плоцкой губ., расположен примерно в 100 км к северу от Варшавы. В настоящее время – г. Пшасныш в Мазовецком воеводстве Польши.)

местечком Граево 17 сентября, а затем под городком Маркграбово 26 сентября 1914 г. он был награждён соответственно орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Спустя два месяца, 27 и 28 ноября, – вновь успешная разведка, на этот раз под г. Праснышем, и ещё один орден – Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом¹.

Неподалёку от сына сражалась с германскими войсками бригада его отца. Старший Пепеляев осенью и в начале зимы 1914 г. участвовал в боях под городами Августов, Маркграбово, на линии Мазурских озёр. За боевые отличия был награждён орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами².

В 1915 году А.Н. Пепеляев продолжал возглавлять команду разведчиков и проводить успешные вылазки. За очередную отличную разведку под д. Ростково 13 и 14 февраля он был награждён орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В тот период, с 25 января 1915 г., 42-й полк участвовал в боях в Августовских лесах.

Между тем 1915-й оказался исключительно тяжёлым для 11-й Сибирской стрелковой дивизии. Летом германское командование предприняло стратегическое наступление с целью окружения группировки русских войск, расположенной в Польше. С юга на север перешли в наступление 4-я и 11-я армии противника под общим командованием Макензена, а с севера им навстречу через р. Нарев началось наступление 12-й германской армии под командованием генерала Гальвица. Для прорыва укреплённой оборонительной полосы русских Гальвиц сосредоточил в районе г. Прасныша на 35-километровом участке до 7 пехотных дивизий и 860 орудий. Им противостояли здесь лишь две Сибирские стрелковые дивизии – 11-я и 2-я, которые и приняли на себя главный удар противника. Достаточно сказать, что перед фронтом 11-й Сибирской стрелковой дивизии находились 17-й и 11-й германские корпуса (48 батальонов, 360 лёгких и 136 тяжёлых орудий), а также армейский резерв (18 батальонов и 80 орудий). Противопоставить им дивизия могла, считая и корпусный резерв, лишь 20 батальонов (около 14 500 штыков) и 44 орудия. По свидетельству военного исследователя Г. Королькова, «германцы ещё ни разу не собирали на русском фронте такого количества орудий на столь

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 183. Л. 96, 97, 207. Списки офицеров и классных чинов, награждённых орденами.

² ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 185135. Л. 9, 31об.

узком фронте»¹. Таким образом, положение 11-й Сибирской дивизии оказалось едва ли не самым уязвимым.

Германское наступление началось рано утром 30 июня 1915 г. Ему предшествовала многочасовая интенсивная артподготовка. «Отдельных выстрелов не было слышно, стоял сплошной гул, а клубы пыли и дыма скрыли от взоров всю первую линию обороны... Тяжёлые снаряды разрушали убежища, и укрывшиеся в них погребались заживо. Откапывать приходилось под сплошным шрапнельным огнём... Защитники окопов испытывали чрезвычайные физические и моральные потрясения»². Несмотря на подавляющее превосходство противника, сибиряки в течение всего дня вели героическую борьбу за первую линию обороны. Однако пятикратный перевес противника позволил ему прорвать линию фронта шириной до 7–8 км как раз на участке 11-й Сибирской стрелковой дивизии. К вечеру 30 июня в её рядах осталось не более 5 тыс. штыков. Огромные потери понёс и 42-й Сибирский стрелковый полк (командир полковник П.М. Степаненко), оказавшийся на самом остром атак противника. Из 3788 солдат и 49 офицеров в его рядах осталось 1153 стрелка при 21 офицере³.

Продолжая упорное сопротивление, части дивизии вместе с остальными войсками 1-й русской армии были вынуждены отойти на тыловой оборонительный рубеж. В результате шестидневного Праснышского сражения русские отступили на 25–30 километров со своих позиций, но не были разбиты. Стратегический план германского командования был сорван, хотя и высокой ценой⁴.

Дальнейший ход боевых действий на фронте – это постепенное отступление, арьергардные бои, тяжёлые потери.

В результате в 11-й Сибирской стрелковой дивизии в октябре 1915 г. в строю насчитывалось всего лишь 1510 штыков, а некомплект достигал 11 990 чел. Тогда же 42-й Сибирский стрелковый полк, сведённый в батальон четырехротного состава, имел лишь 815 штыков и 15 офицеров⁵.

¹ *Корольков Г.* Праснышское сражение. Июль 1915 года. Тактическое исследование. М.; Л., 1928. С. 35–36.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 51, 53; *Чернов К.А.* Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) [Электронный ресурс] // <http://www.oboznik.ru/?p=45468> (дата обращения: 13.01.2016).

⁴ *История Первой мировой войны. 1914–1918.* В двух томах. М., 1975. Т. 2. С. 39–47.

⁵ *Чернов К.А.* Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка...

А.Н. Пепеляев принимал непосредственное участие в кровопролитных боях того периода. На исходе лета, 28 августа 1915 г. он был ранен осколком снаряда в левую лопатку, однако после перевязки отказался от эвакуации, оставшись в строю. Спустя всего лишь неделю, 4 сентября 1915 г., он вновь отличился в бою у фольварка Поплово, за что был произведён приказом от 28 декабря 1915 г. в штабс-капитаны со старшинством с 4 сентября 1915 г.¹

Прошло всего лишь две недели, как имя А.Н. Пепеляева снова попало в армейские сводки, на этот раз за успешный бой 18 сентября 1915 г. у д. Зеленка. Здесь он командовал боковым отрядом, занимавшим боевой участок 11-й Сибирской стрелковой дивизии на правом берегу Немана. В состав отряда входили 4 конных команды разведчиков дивизии, а также пешая команда разведчиков и полурота 44-го Сибирского стрелкового полка. Задачей сводного отряда была охрана правого фланга боевого участка 11-й Сибирской стрелковой дивизии у д. Боровой и проведение разведки. В тот день немцы атаковали позиции правого боевого участка и бокового отряда силами до двух батальонов пехоты с 6 пулемётами, создав четырёхкратное численное превосходство. Первоначально им удалось смять передовые посты пепеляевцев и подойти к русским позициям на расстояние до 50 шагов. Сложилась критическая ситуация, противник угрожал пробить брешь в обороне дивизии. В критический момент боя А.Н. Пепеляев, спешив часть конных разведчиков, лично повёл их в контратаку на самом опасном участке и штыковым ударом отбросил ворвавшихся немцев. Сохранив за собой занимаемую ранее позицию, разведчики продолжали метким огнём удерживать её. В результате оба немецких батальона были вынуждены под покровом темноты отступить на исходные позиции, на левый берег Немана, потеряв более сотни человек только убитыми, а также много оружия и снаряжения. Потери разведчиков в этом бою составили 2 убитых и 23 раненых. За этот бой Пепеляев был удостоен одной из самых почётных боевых наград – ордена Св. Георгия 4-й степени².

Спустя неделю, 26 сентября 1915 г., А.Н. Пепеляев во главе 4 конных и одной пешей команд разведчиков организовал засаду у д. Осова, в результате которой в ходе штыковой атаки было унич-

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 183. Л. 207. Список из наградного алфавита на офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка.

² Там же; Д. 184. Л. 514–515, 523–524.

тожено много неприятельских солдат, а 1 офицер и 26 нижних чинов взяты в плен. За этот бой он был награждён Георгиевским оружием.

Ещё одну успешную операцию А.Н. Пепеляев провёл в ночь на 5 октября 1915 г. Во главе четырёх команд разведчиков от полков 11-й стрелковой дивизии он, как на другой день сообщалось в донесении, «произвёл удачный поиск в районе Любча – Делятичи. В 4 часа ночи отряд подошёл незамеченным к оставленным германцами окопам на правом берегу Немана и обнаружил направлявшуюся к этим окопам партию противника около 60 человек. Разведчики атаковали партию в штыки и на её плечах ворвались в предместное укрепление у м. Делятичи, состоявшее из трёх рядов окопов, занятых двумя ротами германцев. Завладев частью этого укрепления, разведчики перекололи около 100 германцев и взяли 10 человек в плен. Отряд, обстреливаемый противником со смежных участков, сначала благополучно отошёл в ближний лес, затем возвратился на свои позиции. Наши потери: ранен начальник команды 44-го Сибирского стрелкового полка подпоручик Шкляр-Алексюк, 3 стрелка убито и 6 ранено»¹.

Немедленно последовали поздравления и награждения участникам этой успешной операции. Вечером 5 октября командир дивизии генерал-лейтенант И.И. Зарак-Заракowski направил телеграмму, в которой говорилось: «Поздравляю гг. командиров полков с новым блестящим делом доблестных разведчиков полков дивизии под командой поручика Пепеляева и безраздельно самоотверженных и преданных долгу гг. офицеров команд. Горжусь сознанием, что наши разведчики-сибиряки впитали в кровь и плоть суворовские принципы глазомера, быстроты и натиска, дающие вот уже три раза непрерывно такие блестящие результаты. Поручика Пепеляева, гг. офицеров сердечно благодарю за лихой бой, молодцам сибирякам разведчикам моё спасибо. Гг. офицеров достойно представить к наградам, нижних чинов молодцов – к боевым отличиям и заслугам...»².

Следом поступила телеграмма от командующего 4-й армией генерала А.Ф. Рагозы: «Большое спасибо разведчикам-сибирякам за их лихой поиск в ночь с 4 на 5 октября. Сердечно благодарю гг. офицеров и молодцев нижних чинов. Назначаю 20 Георгиевских медалей»³.

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 184. Л. 525.

² Там же. Л. 525.

³ Там же.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А.Е. Эверт направил 9 октября 1915 г. телеграмму командующему армией А.Ф. Рагозе, в которой говорилось: «Государь император пожаловал по 4 Георгиевских креста на каждую команду разведчиков 11-й Сибирской стрелковой дивизии за поиски в ночь с 4 на 5 октября под командой поручика Пепеляева. С удовольствием отмечаю акт особого внимания нашего Верховного Вождя к доблестным частям вверенной Вам армии»¹.

Для личного вручения пожалованных императором Георгиевских крестов командующий 1-м Туркестанским корпусом генерал С.М. Шейдеман приказал 10 октября командировать в штаб 11-й Сибирской стрелковой дивизии во главе с поручиком Пепеляевым по 4 человека от каждой команды разведчиков дивизии, представленных начальством к награждению². Сам же А.Н. Пепеляев «за непосредственное участие в боях с 1 апреля по 5 октября 1915 г.» был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом³.

Впоследствии журналисты справедливо отмечали: «В 1915 г., когда русская армия отступила и бездействовала за неимением снарядов, молодой штабс-капитан Пепеляев не унывал и возвращался со своих бесстрашных разведок всегда с трофеями и пленными»⁴. Кроме захвата пленных, эти удачные разведки, по словам газетчиков, «имели ещё и моральное значение, они поднимали дух армии, были светлым пятном на фоне общего уныния, и имя штабс-капитана Пепеляева сделалось известно во всей армии».

Надо заметить, что в офицерской среде А.Н. Пепеляев выделялся своим равнодушием к алкоголю. Начиная ещё с военного училища, он совершенно не пил вина и, по всей вероятности, не курил, хотя историк Е.А. Дегальцева утверждает (без ссылок на источники), будто бы А.Н. Пепеляев, напротив, был заядлым курильщиком, причём курил всегда только элитные сорта табака⁵.

В декабре 1915 г. после более чем годичного пребывания на фронте боевой офицер получил пятидневный отпуск. Вернувшись из отпуска в свою часть 12 января 1916 г. он по-прежнему

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 184. Л. 525.

² Там же.

³ Там же. Д. 183. Л. 207. Список из наградного алфавита на офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка.

⁴ Полянский Е. Генерал А.Н. Пепеляев // Освобождение Сибири (Пермь). 1919. 25 янв.

⁵ Дегальцева Е.А. А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX – XX веков: Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 31.

продолжал успешно сражаться. За отличие в бою у д. Павлово Костельне 28 февраля был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Тем временем в преддверии наступления Русской армии, которое планировалось на лето 1916 г., произошла очередная перегруппировка войск. 11-я Сибирская стрелковая дивизия была выведена из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса и включена в 4-ю армию Западного фронта, силами которого 20 июня 1916 г. была начата Барановичская наступательная операция. В ней принял участие и 42-й Сибирский стрелковый полк.

В самый разгар начавшегося наступления А.Н. Пепеляев приказом от 23 июня 1916 г. был назначен командиром 9-й роты, а также временно командиром 3-го батальона¹. В дни жарких кровопролитных сражений он по-прежнему был на острие атак. Свидетельство тому – вписанное особой строкой в его наградном списке царское «Высочайшее благоволение за отличие в боях 25 июня 1916 г. у Дарьевской высоты». Соответствующий Высочайший царский приказ был подписан 24 ноября 1916 г. Однако наступление, завершившееся к 12 июля 1916 г., оказалось, вследствие неумелого командования, крайне неудачным для русских войск и привело к огромным потерям личного состава.

За два года участия в войне А.Н. Пепеляевым был накоплен значительный боевой опыт, который мог быть востребован для обучения младших офицеров. Тем более что в армии к тому времени существенно сократилось количество кадровых офицеров, таких, как А.Н. Пепеляев, получивших в предвоенный период полноценное военное образование. В результате приказом от 27 октября 1916 г. он был временно откомандирован в армейскую прифронтовую школу прапорщиков на ст. Вилейка в качестве руководителя занятиями. Там он преподавал тактику. Вернувшись 7 декабря того же года из Вилейки, А.Н. Пепеляев получил назначение на должность командира 3-го батальона. А спустя неделю, 15 декабря, ещё одним «высочайшим» царским приказом ему был присвоен чин капитана со старшинством с 1 сентября 1915 г.²

Революционный 1917-й год капитан А.Н. Пепеляев встретил, находясь в семинедельном отпуске, в который отбыл 20 декабря 1916 г. За месяц до этого, 21 ноября, в Томске скончался его отец.

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 187. Л. 99. Алфавит награжденных офицеров.

² Там же. 183. Л. 207; Д. 187. Л. 98–99.

В декабре 1914 г., будучи на фронте, старший Пепеляев тяжело заболел, в марте следующего года перенёс операцию (удаление почки) и по состоянию здоровья 11 мая 1915 г. был «отчислен по болезни» от должности командира бригады «с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа». Начальник округа обратился в Главный штаб Русской императорской армии с ходатайством «о производстве, вне правил» Н.М. Пепеляева в генерал-лейтенанты «во внимание к его отличной боевой службе»¹. Поскольку в чине генерал-майора Н.М. Пепеляев прослужил только 4 года 9 месяцев и 28 дней вместо необходимого минимума в 5 лет, то получение следующего чина зависело исключительно от воли монарха. На стол Николаю II лёг соответствующий доклад со словами: «Благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству высочайше соизволить на производство, вне правил, ген.-м. Пепеляева в генерал-лейтенанты, с увольнением, за болезнью, от службы с мундиром и пенсией». Николай II начертал: «Согласен» 25 августа 1916 г.² Однако в новом высоком чине Н.М. Пепеляеву не довелось пробыть и трёх месяцев.

Между тем отпуск Анатолия вследствие его болезни затянулся на 20 дней³. На фронт он вернулся лишь в начале весны 1917 г., в самый разгар судьбоносных для России событий. Как известно, 2 марта 1917 г. император Николай II подписал отречение от престола. К этому времени в рядах 11-й Сибирской стрелковой дивизии осталось совсем мало солдат и кадровых офицеров, вступивших в войну в первые её месяцы. Существенно сократилось и число сибиряков в частях, по-прежнему называвшихся сибирскими. Затянувшаяся война требовала всё новых человеческих ресурсов. Ряды дивизии пополнялись мобилизованными из других губерний, большей частью расположенных в Европейской России.

Вскоре после возвращения из отпуска А.Н. Пепеляев вместе с группой офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка был направлен на формирование 711-го Нерехтского (по имени уездного городка Нерехта, расположенного на территории Костромской губернии) пехотного полка, вошедшего в состав 178-й пехотной дивизи-

¹ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 185135. Л. 9. Докладная записка по главному штабу от 17 авг. 1916 г.

² Там же. Л. 11. Доклад от 22 авг. 1916 г. по главному штабу. Отдел пенсионный и по службе чинов.

³ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 78. Л. 385. Послужной список А.Н. Пепеляева.

зии (командир – генерал-майор П.Н. Буров). В новом полку А.Н. Пепеляев командовал 2-м батальоном.

Одновременно с его откомандированием к новому месту службы командир 42-го полка направил 18 апреля 1917 г. начальнику 11-й Сибирской стрелковой дивизии представление на капитана А.Н. Пепеляева, в котором ходатайствовал о производстве его в подполковники со старшинством с 6 октября 1916 г.¹ Это было, по всей вероятности, уже второе такого рода ходатайство, так как сам А.Н. Пепеляев впоследствии упоминал о двух представлениях к присвоению ему чина подполковника за отличия в боях, однако всякий раз эти представления отклонялись командующим фронтом². Лишь с третьего раза ходатайство было поддержано. «В 1917 г. меня представили к производству в подполковники за год командования батальоном со старшинством 27 июня 1917 г., – отмечал впоследствии, уже во время Гражданской войны сам А.Н. Пепеляев. – Представление это, пройдя необходимые инстанции, 2 октября было в Главном штабе. Около этого времени, в половине октября я получил частное сообщение, что я и другие офицеры нашего полка произведены. Отдано или нет это производство в приказ по армии и флоту, я не знаю»³. Таким образом, считая себя в начале Гражданской войны подполковником, в действительности приказа о производстве в этот чин А.Н. Пепеляев не видел и не получал. Возможно, соответствующий приказ так и не был подписан, поскольку происходило всё это в самый канун октябрьских событий 1917 г. Не исключено также, что подписанный документ до А.Н. Пепеляева попросту не дошёл, затерявшись в революционной неразберихе⁴.

Между тем в Русской армии начался развал, с каждым месяцем усиливавшийся. Связан он был с усталостью от многолетней войны; с плохим снабжением обмундированием, питанием, боеприпасами; с нежеланием солдат воевать за не вполне ясные цели; с начавшейся демократизацией армии и выборностью командиров. Вот что, к примеру, говорилось в сводке сведений с 1 по 5 октября 1917 г. о на-

¹ ЦГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 183. Л. 239.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1. Л. 77об. Письмо А.Н. Пепеляева А.Н. Гришину-Алмазову (июль 1918 г.).

³ Там же. Л. 77об.–78.

⁴ К.А. Чернов ошибочно утверждает, будто бы А.Н. Пепеляев во время Первой мировой войны был полковником и командиром 42-го Сибирского стрелкового полка (*Чернов К.А. Томичи – георгиевские кавалеры...* С. 95).

строениях частей войск армий Западного фронта, в состав которого входил и 711-й Нерехтский пехотный полк:

«1) Настроение крайне тревожное и бездеятельное в связи с близостью холодов и ухудшением питания. Разговоры о мире усилились, пораженческой и контрреволюционной пропаганды не наблюдалось. Ввиду Учредительного собрания началась агитация политических партий, определенным успехом пользуются большевики. 2) Отношение к правительственным приказам безразличное, крайних мер принято не было. 3) Причины неудовольствия – одежда и пища, также жалоба на усталость. 4) Попытка брататься имела место в 266 полку, объясненная желанием солдат получить от неприятеля табак. Попытка эта не имела злонамеренного характера. 5 и 6) Случаи неисполнения приказов увеличиваются. 2-й армии, 27-й противосамолётной батареи солдаты отказались строить землянки. Пулеметный парк 513-го полка отказался перейти на новое место. 1 батальон 297-го полка по смене самовольно занял чужие помещения. В 300-м и 516-м пехотных полках отказались выйти на работу. В 32-м полку не вышли на ночную работу, 711-й полк (т.е. полк, в котором служил А.Н. Пепеляев. – *Н.Л.*) отказался от работ...»¹.

Развал армии во многом был связан с состоянием офицерского корпуса Русской армии. К осени 1917 г. кардинально изменились его численность и состав. Если на 1 января 1914 г. штатный состав офицерского корпуса составлял 45 956 чел., то к октябрю 1917 г. он вырос до 250 тыс. чел. В пехотных полках удельный вес кадровых офицеров, в какой-то степени ещё сохранявших свои сословные признаки (в большинстве своём, как и А.Н. Пепеляев, начинавших войну младшими офицерами), сократился до 4 % офицерского состава. Остальные 96% являлись офицерами военного времени, в своём подавляющем большинстве выходцами из мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, служащих. Достаточно сказать, что в прапорщики (первый офицерский чин в военное время) за три года войны было произведено около 220 тыс. чел., причём прапорщики, подготовленные во второй половине 1916 г. и в 1917 г., составляли не менее половины от общего числа офицеров военного времени. Свыше половины из них не имели даже общего среднего образования².

¹ 1917 год. Разложение армии / авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.; Л., 1925. Ч. II. Документ № 180.

² Кастарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 22, 25–27.

Свои настроения того времени А.Н. Пепеляев впоследствии охарактеризовал следующим образом: «Я ждал победы, но действительность несла иное. Боевые полки меняли свой состав, приходили и таяли новые пополнения, армия не получала патронов, снарядов, победы не было. Вставал вопрос, кто виноват, и ответ был один: бездарное правительство, неспособное организовать оборону страны. Под знаком этого вопроса я и встретил Февральскую революцию 1917 г. Пришедшее к власти после Февраля 1917 г. правительство Львова также не сумело организовать победы. Мои бывшие полководцы Брусилов, Корнилов, Алексеев издавали приказы, но их никто не выполнял. Старая армия под влиянием большевиков отказывалась выполнять приказы командования, уходила с фронта. В этом я видел гибель старой России»¹.

Окончательный удар по Русской армии был нанесён декретами ленинского Совета Народных Комиссаров, принятыми 16 декабря 1917 г., «О выборном начале и об организации власти в армии» и «Об уравнивании всех военнослужащих в правах»². Согласно этим документам, вся полнота власти в частях и соединениях передавалась солдатским комитетам и советам, отменялись все чины и звания, равно как и связанные с ними привилегии, вводилось единое звание «солдат революционной армии». В войсках вводилась выборность командного состава от командиров отделений до Верховного главнокомандующего. Таким образом, судьба российского офицерства официально передавалась в руки солдатской массе. Армия «отдана на слом» – так сформулировал суть «полной демократизации» В.И. Ленин³.

Однако прежде чем покинуть ряды армии, А.Н. Пепеляев после Октябрьского большевистского переворота 1917 г., будучи избран командиром батальона, до последнего пытался сохранить боеспособность своей части, противостоять вакханалии разрушения, старался, по его словам, «найти какую-то силу, способную всё это изменить, и не находил её»⁴. С тяжёлым настроением и невесёлыми мыслями оставлял он фронт, уезжая в родную Сибирь.

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 13.

² Декреты советской власти. М., 1957. С. 243–245.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 269.

⁴ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 13.

Глава 3

В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Демобилизовавшись из армии, в январе 1918 г. А.Н. Пепеляев вернулся в Томск¹, где в это время уже установилась власть советов. Местные большевики по указаниям из столицы приступили к проведению в жизнь советских декретов и постановлений. В сибирских тыловых гарнизонах развернулась масштабная «демократизация армии», сопровождавшаяся отменой выплаты жалованья офицерам, их разоружением, срыванием погон, орденов, всяческими унижениями со стороны солдат. Эта кампания коснулась и возвращавшихся с фронта офицеров.

К травле офицеров подключилась советская печать. «Особенно не по вкусу золотой молодёжи офицерства, разным купчикам и «маменькиным сынкам» лишение их внешних знаков офицерского отличия. Погоны, звёздочки, шпоры... Сколько в них чарующей прелести! Как привлекают они сердца купеческих и мещанских дочек! Мундир – эта «честь» бравого офицера – вдруг становится простой телогрейкой. Есть от чего прийти в отчаяние», – злорадствовал автор одной из публикаций в томской газете «Знамя революции»².

«Полная демократизация» отождествлялась В.И. Лениным со «сломом старой армии», её ликвидацией и одновременным разгромом с помощью солдатской массы офицерского корпуса, российской военной интеллигенции.

К концу апреля 1918 г. на территории Сибири практически завершился процесс «самороспуска» и демобилизации солдат тыловых гарнизонов и воевавших частей. В Томске эта участь постигла пять запасных полков (18-й, 25-й³, 32-й, 38-й и 39-й), 708-ю пешую Томскую дружину, горную и мортирную батареи, 8-й артиллерийский дивизион. Приказом по гарнизону г. Томска от 11 апреля 1918 г. был расформирован вернувшийся с фронта, существенно поредевший

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 12.

² *Знамя революции* (Томск). 1917. 19 дек.

³ В 25-м Сибирском стрелковом запасном полку, в частности, проходил тогда службу будущий начальник ГУЛАГа М.Д. Берман.

42-й Сибирский стрелковый полк¹. Однако передача полкового имущества затянулась до 20 мая 1918 г. На следующий день приказом военного отдела Томского губернского исполкома Совета был уволен и последний командир полка И. Макаренко².

Одновременно большевики вместе с левыми эсерами продолжили укрепление своей вооружённой опоры – отрядов Красной гвардии, а в феврале 1918 г. приступили к организации Красной армии.

Противники большевизма, в свою очередь, также начали консолидировать свои силы. Ещё в декабре 1917 г. в Томске состоялся Общесибирский Чрезвычайный областной съезд, делегаты которого отказались признать советскую власть и выполнять её декреты, объявив единственной властью Всероссийское Учредительное собрание. Для управления краем был создан Временный Сибирский областной совет во главе с известным учёным и общественным деятелем Г.Н. Потаниным, ставший фактически первым областным правительством Сибири. Большинство его членов являлись эсерами. По решению Областного совета в январе 1918 г. предполагалось создать в г. Томске Сибирскую областную думу, мыслившуюся в качестве высшего законодательного органа в крае. Однако делегаты к назначенному сроку не успели собраться, поэтому было решено заседания думы перенести на февраль.

Между тем в начале января 1918 г. в Петрограде большевиками и левыми эсерами было разогнано Учредительное собрание. Томские большевики последовали примеру своих столичных собратьев. В конце января по их предписанию были арестованы многие депутаты Сибирской областной думы, съехавшиеся в Томск. Часть арестованных была отправлена в красноярскую тюрьму. В лице Сибирской областной думы был ликвидирован, таким образом, легальный антибольшевистский политический центр. В результате антибольшевистское сопротивление и его руководящие структуры были вынуждены уйти в подполье.

Избежавшие ареста депутаты в конце января 1918 г. на тайном заседании избрали президиум Сибирской областной думы во главе с эсером И.А. Якушевым и Временное Сибирское правительство (ВСП) из двух десятков человек во главе с эсером П.Я. Дербером.

¹ Чернов К.А. Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)

[Электронный ресурс] // <http://www.oboznik.ru/?p=45468> (дата обращения: 13.01.2016).

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-832. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

Военным министром заочно был избран также эсер подполковник А.А. Краковецкий. В «Декларации временной Сибирской областной думы», обнародованной в феврале 1918 г., Совет народных комиссаров объявлялся «врагом народа», большевики – «изменниками революции», а вся полнота власти на территории Сибири до созыва все-сибирского Учредительного собрания – принадлежащей Сибирской областной думе. В качестве одной из «безотлагательных мер» признавалось необходимым «создание добровольческой Сибирской армии, имеющей целью защиту Всероссийского Учредительного собрания, автономной Сибири и Сибирского Учредительного собрания»¹. Эта задача была возложена на эмиссаров ВСП, поскольку большинство членов правительства, спасаясь от преследования советских властей, перебрались в Харбин, а впоследствии во Владивосток². Под руководством созданных на территории края Западно-Сибирского (с центром в Томске) и Восточно-Сибирского (в Иркутске) комиссариатов Временного Сибирского правительства в условиях глубокого подполья была развёрнута энергичная деятельность по созданию вооружённых сил. По словам военного министра ВСП А.А. Краковецкого, «вся эсеровская организация в этот период была включена в военную работу»³.

В такой непростой политической обстановке оказался возвратившийся с фронта А.Н. Пепеляев. Сам он впоследствии следующим образом охарактеризовал ситуацию: «Приехав в Томск в начале 1918 г., я сразу же попал в атмосферу острой политической борьбы. Здесь налаживалась советская власть, но работали ещё учреждения земства, была старая милиция»⁴. Однако вскоре, к концу марта 1918 г., эти учреждения наряду с городскими думами, управами и другими старыми управленческими структурами на территории Томской губернии были также ликвидированы⁵.

Как и многие другие офицеры, покинувшие ряды армии, А.Н. Пепеляев оказался в положении безработного. Необходимо было изыскивать средства к существованию, что было весьма непросто, если учесть, что в Томске в начале весны 1918 г. насчитывалось

¹ *Путь народа*. 1918. 19 февр.

² В этот период ВСП чаще всего именовалось Временным правительством автономной Сибири (ВПАС).

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 372. Л. 40.

⁴ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело №17137. Л. 13.

⁵ *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т. 2: Март 1917 – май 1918 г.: в 2 ч. Ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск, 2013. С. 312–314.

до 3 тыс. безработных¹. В сибирских газетах того времени постоянно печатались объявления и хроникальные заметки о поисках работы бывшими офицерами. «Бюро труда бывших офицеров, – говорилось в одном из объявлений, – доводит до сведения всех учреждений и частных лиц, что у него имеются интеллигентные работники по всевозможным специальностям: юристы, инженеры, техники, строители, электротехники, лесные техники, землемеры, сельскохозяйственные специалисты и гидротехники, художники и чертёжники, декораторы, учителя, репетиторы, секретари, делопроизводители, бухгалтеры, счетоводы, конторщики, статистики, коммерсанты, служащие канцелярий, квалифицированные рабочие, ремесленники и т.д.»². Кажется, не было такой специальности и профессии, которыми не владели бы представители многотысячного офицерского корпуса, скопившиеся зимой 1917/18 г. в сибирских городах.

Вероятно, легче всё же было тогда найти работу офицерам военного времени, т.е. тем, кто получил офицерские звания в годы войны, поскольку до мобилизации в армию они в большинстве своём уже имели ту или иную профессию и работали в гражданских учреждениях и на предприятиях. Сложнее приходилось кадровым военным, владевшим лишь военным ремеслом, к числу которых принадлежал А.Н. Пепеляев. На первых порах он устроился на службу в охрану лагеря австро-венгерских военнопленных, скорее всего, с помощью местного офицерского бюро труда.

В Томске в годы Первой мировой войны существовал крупный лагерь, в котором содержались немцы, австрийцы, венгры, чехи, представители других национальностей, захваченные в плен в ходе боевых операций на фронте. Часть их весной 1918 г. вступила добровольцами в ряды формировавшейся Красной армии. Однако большинство оставалось на положении военнопленных, численность которых в 1918 г. в Томске составляла около 2,5 тыс. человек³. А.Н. Пепеляеву вместе с его храброй командой разведчиков за годы войны удалось захватить в плен немалое число неприятельских солдат и офицеров. И вот теперь пришлось заниматься их охраной в глубоком сибирском тылу. Впрочем, охранная служба оказалась не

¹ *Путь народа*. 1918. 10 марта.

² Цит. по: *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 113.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 21. Л. 9. Список офицеров, врачей, чиновников и солдат военнопленных, находящихся в гарнизонах.

очень продолжительной, так как, по словам самого А.Н. Пепеляева, в дальнейшем он «жил частным заработком»¹.

Как бы то ни было, революция резко изменила положение семьи Пепеляевых, а подписание большевиками Брестского мирного договора члены её восприняли во многом как личную трагедию. Сепаратный мир с Германией глубоко оскорбил патриотические чувства потомственных военных. «Чем дальше развёртывалась революция, – размышлял о событиях того времени их непосредственный участник, офицер, впоследствии известный философ Ф.А. Степун, – тем неприемлемее становилась она для офицерства. “Брестский мир”, кровавым бичом хлестнувший по опозоренному лицу всей России, больше всего, с чисто психологической точки зрения, ударил, конечно, по рядовому офицерству»². Тяжелее других переживали эту катастрофу Виктор и Анатолий, самые деятельные и честолюбивые из братьев Пепеляевых. Именно они и оказались в числе наиболее активных организаторов сопротивления большевизму. Первый – в Петрограде и Москве, второй – в Сибири.

Независимо от вооружённых организаций Временного Сибирского правительства (а нередко даже раньше их) и, как правило, стихийно на территории Сибири стали создаваться тайные офицерские организации. «Самыми трудными шагами, – вспоминал активный участник офицерского вооружённого подполья, соратник А.Н. Пепеляева капитан А.А. Кирилов, – в тайных организациях как в Томске, так и в других городах Сибири, была первая организационная работа – сначала нащупывалась почва, шли секретные переговоры, были недосказанные намёки, и всё это делалось ошупью, втёмную, без общего плана. У всех было мнение, что нужно было решиться на что-то значительное, важное, но как это сделать – никто не знал»³.

Решающие шаги делали наиболее активные, инициативные офицеры. В Томске таковыми оказались братья Кириловы и Е. Эман, уже в ноябре 1917 г. приступившие к созданию «Белого легиона». Обстановка подполья, необходимость тщательной конспирации привели здесь, как и в ряде других городов Сибири, к созданию параллельной тайной организации. Группа офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка, не зная о существовании «Белого легиона», обра-

¹ Юзефович Л.А. Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. Документальный роман. М., 2015. С. 19.

² Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 20.

³ Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Т. IV. С. 36.

тилась в начале января 1918 г. к артиллерийскому полковнику Н.Н. Сумарокову – участнику Корниловского мятежа в августе 1917 г., хорошо известному в городских военных кругах, – с настойчивым предложением создать вооружённую силу для свержения советской власти. Н.Н. Сумароков не сразу, а, по его словам, после двухдневных раздумий согласился возглавить организацию¹. Вскоре в её рядах оказался и А.Н. Пепеляев, рассказавший впоследствии об этом в своих тюремных показаниях:

«В феврале месяце 1918 г. я встретился в Томске с моим хорошим знакомым капитаном Достоваловым. С ним я учился в Павловском военном училище. Теперь это был боевой офицер, несколько раз раненый, командир батальона.

– Ты что же, не состоишь ещё в организации? – был первый вопрос.

– Нет, – отвечал я, – да и не знаю ещё никакой организации.

– А мы говорили о тебе, приходи завтра в гостиницу “Европа”, № 35.

Назавтра я был в гостинице, где было собрание штаба подпольной офицерской организации г. Томска, возглавляемой полковником Сумароковым»².

Н.Н. Сумароков назначил капитана А.Н. Пепеляева начальником штаба офицерской организации. Вскоре сумароковско-пепеляевская организация стала одной из наиболее крупных не только в Томске, но и в Сибири. В её рядах насчитывалось около 600 человек. Офицеры-подпольщики делились на десятки во главе с их руководителями. Последние подчинялись штабу, состоявшему из нескольких отделов: организационного, хозяйственного, контрразведки и других. Начальником организационного отдела являлся штабс-капитан

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 130. Л. 1. Сумароков Николай Николаевич, род. 16 ноября 1869 г. в семье подполковника. Происходил из дворян Московской губ. Окончил Радомскую гимназию и Николаевское кавалерийское училище. Участвовал в сражениях Русско-японской войны в 1904–1905 гг., в частности в боях под Мукденом. Впоследствии командовал отдельной Сибирской мортирной артиллерийской батареей. Награждён орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени (ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5966. Л. 1–5).

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 13. Летом 1918 г. А.Н. Пепеляев в письме А.Н. Гришину-Алмазову упоминал о том, что он сам организовал в январе 1918 г. подпольную вооружённую организацию в Томске (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 9). В других своих показаниях во время следствия в 1923 г., будучи в советском плену, А.Н. Пепеляев упоминал, что вступил в организацию после встречи в городе своего старого знакомого полковника Сумарокова (*Юзефович Л.А.* Зимняя дорога... С. 19–20).

Н.Ф. Шнаперман, хозяйственного отдела – Г. Вытнов, начальником связи – капитан И.П. Жданов, контрразведки – подпоручик Еремеев, начальником «террористов» – капитан Достовалов, казначей и адъютант – хорунжий Подосенков. В начале апреля 1918 г. в непосредственное подчинение к Н.Н. Сумарокову перешёл офицерский отряд под командой поручика А.А. Кирилова, выполнявший «разные специальные задания»¹.

Почти одновременно в Томске появилась ещё одна, также преимущественно офицерская группа, инициаторами создания которой были подпоручики Алексеев и Немешаев, прапорщики В.А. Смарен-Завинский и Киселев. Вскоре к ним присоединились штабс-капитан А. Фризель, поручик Е. Фризель и другие офицеры, а также отдельные члены распавшегося к этому времени «Белого легиона». Вскоре численность новой подпольной военной организации достигла 200 чел. Начальником её штаба согласился стать полковник Е.К. Вишневский, участник Русско-японской и Первой мировой войн, в конце 1917 – начале 1918 гг. командовавший 25-м Сибирским стрелковым запасным полком в Томске. В работе штаба участвовали также капитан Лаптев, хорунжий Карчевский и другие офицеры². Эту организацию Н.Н. Сумароков характеризовал как эсеро-областническую.

Общее политическое руководство подпольными эсеровскими военными организациями осуществляли Западно-Сибирский (с центром в Томске) и Восточно-Сибирский (в Иркутске) комиссариаты Временного Сибирского правительства. Военное руководство находилось в ведении военных штабов. Эсеро-областники поделили территорию Сибири на два военных округа. Уполномоченными военного министра (начальниками штабов) на первых порах были назначены: в Западно-Сибирском округе – упомянутый выше бывший политкаторжанин, эсер, прапорщик В.А. Смарен-Завинский (подпольный псевдоним «Иванов»), ставший заместителем А.А. Краковецкого, в Восточно-Сибирском – тоже прапорщик и то-

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 130. Л. 1об.; *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 37. По утверждению Л. Юзефовича, подпольная организация из офицеров и студентов в Томске, военным руководителем которой являлся А.Н. Пепеляев, была якобы создана редактором газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адриановым (См.: *Юзефович Л.* Зимняя дорога... С. 111). В действительности А.В. Адрианов не участвовал в её создании и не состоял её членом, хотя и был с нею связан.

² С-д А. Военные организации Сибири (К годовщине освобождения) // Сибирская жизнь. 1919. 5 июня.

же эсер Н.С. Калашников¹. После отъезда В.А. Смарена-Завинского в Харбин его сменил подполковник А.Н. Гришин (подпольный псевдоним «Алмазов»)².

В отличие от эсеровских, сибирские офицерские организации, как правило, были внепартийными. Изначально таковой была и сумароковско-пепеляевская организация, несмотря на то, что полковник Н.Н. Сумароков являлся приверженцем монархии, тогда как А.Н. Пепеляев тяготел к сибирским областникам.

Военное антибольшевистское подполье нуждалось в финансировании, тем более, что многие офицеры, будучи безработными, не имели средств к существованию. Эсеровские организации финансово поддерживались, главным образом, сибирской кооперацией. Офицерским организациям в какой-то мере перепали средства от местных предпринимателей. Томская офицерская организация сумела установить связь со штабом дальневосточных формирований генерала Плешкова и за два с лишним месяца получила оттуда 700 тыс. руб³. Впоследствии, после свержения в Сибири советской власти, все члены тайных военных организаций – и проэсеровских, и офицерских – были признаны состоящими на военной службе. За весь срок пребывания в их составе всем военнотружущим, без различия званий, чинов и занимаемых должностей, выдавалось жалование из расчёта 300 руб. в месяц, или 10 руб. в сутки⁴. Правда, далеко не все дождались этого, достаточно скромного вознаграждения, погибнув в боях с красными.

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 130. Л. 1; *Белоусов Г.М.* Эсеровское вооружённое подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 136.

² А.Н. Гришин («Алмазов») (24.11.1880–05.05.1919) – из потомственных дворян Тамбовской губ., сын коллежского секретаря. Окончил Воронежский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище по первому разряду. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Награждён несколькими орденами и медалями, в том числе орденом Св. Георгия IV степени за личную храбрость. Не исключено, что свою вымышленную фамилию А.Н. Гришин взял под влиянием рассказа А.И. Куприна «Куст сирени», герой которого Николай Евграфович Алмазов, «молодой небогатый офицер» с помощью энергичной жены весьма изобретательно обманул строгого профессора в Академии генерального штаба. Вторая жена А.Н. Гришина Мария Александровна была актрисой, успешно гастролировавшей по сибирским городам. Вместе с нею совершал поездки, связанные в том числе и со своей нелегальной деятельностью, А.Н. Гришин. После выхода из антибольшевистского подполья он использовал двойную фамилию «Гришин-Алмазов», под которой и вошёл в историю Гражданской войны.

³ *Красная летопись.* 1923. № 5. С. 362.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58. Л. 161. Приказ командующего Западно-Сибирской армией № 11 от 28 июня 1918 г.; Ф. 40307. Оп. 1. Д. 131. Л.1. Справка сотрудника Особого отдела ВЧК при 5-й Красной армии. Для сравнения: месячный прожиточный минимум в июне 1918 г. в Томске составлял 486 руб. 42 коп. (*Сибирская жизнь.* 1918. 28 июня).

Создание контрреволюционных организаций в Сибири происходило в отрыве от центра. У сибиряков на первых порах не было связи с возникшими в Москве антибольшевистскими организациями, такими как «Союз возрождения России» и «Всероссийский национальный центр». А.Н. Пепеляев, скорее всего, не знал и о том, что в Петрограде его брат Виктор Пепеляев в это же время по поручению Центрального комитета партии народной свободы (конституционных демократов), объявленной большевиками вне закона, возглавил вместе с П.В. Герасимовым работу по созданию подпольных вооружённых антисоветских групп из офицеров, юнкеров, молодёжи. Одновременно Виктор поддерживал связь с антисоветскими организациями, готовившими вооружённое восстание на Дону, а весной 1918 г. вошёл в состав московского «Всероссийского национального центра». Лишь начиная с февраля и особенно весной 1918 г. в Сибирь стала поступать информация о созданных в столицах центрах сопротивления большевизму и стали приезжать их представители, а также посланцы других антисоветских организаций, созданных на территории Европейской России. Это помогло объединению сил сибирских тайных вооружённых организаций.

Первым совершил поездку по Сибири военный министр Временного Сибирского правительства А.А. Краковецкий. Потерпев неудачу в деле создания вооружённых сил в виде «Сибирской армии» из числа военнослужащих сибирских частей, дислоцировавшихся на Украине¹, он побывал в Петрограде, затем в Москве, где получил от руководства эсеровской партии установку на подготовку в Сибири вооружённого восстания. В феврале – марте 1918 г. А.А. Краковецкий в сопровождении офицера Кашина нелегально посетил ряд сибирских городов. Всюду он проводил совещания подпольщиков, инструктировал их, встречался с начальниками местных военных штабов, подконтрольных ВСП, в том числе с В.А. Смарен-Завинским в Томске. Однако с руководством офицерской организации и с её начальником штаба А.Н. Пепеляевым, судя по имеющимся источникам, военный министр не контактировал.

Вслед за А.А. Краковецким состоялась поездка по Сибири генерала В.Е. Флуга, организованная по инициативе командующего Добровольческой армией на юге России генерала Л.Г. Корнилова.

¹ Подробнее см.: *Ларьков Н.* Сибирская армия на Украине // *Сибирская старина.* 2012. 13. С. 14–17.

Нелегально посетив Омск и встретившись там с руководителями местного антибольшевистского подполья, небольшая делегация В.Е. Флуга в конце апреля 1918 г. тайно прибыла в Томск. В течение трёх дней своего пребывания в городе В.Е. Флуг встретился с активистами «Потанинского кружка», в том числе с самим Григорием Николаевичем, с его ближайшими единомышленниками А.Н. Гаттенбергером и А.В. Адриановым, а также с тремя офицерами, представленными как руководители местной нелегальной военной организации. Одним из них был будущий управляющий Томской губернией поручик Б.М. Михайловский, тесно связанный с А.Н. Гаттенбергером и «Потанинским кружком», вторым – А.Н. Гришин-Алмазов¹. Имя третьего остаётся пока неизвестным. Не исключено, что именно Б.М. Михайловский на встрече с В.Е. Флугом мог представлять офицерскую организацию, поскольку пользовался доверием со стороны А.Н. Пепеляева, как его однокашник по кадетскому корпусу, а в начальный период Первой мировой войны сражавшийся под началом А.Н. Пепеляева в конной разведке 42-го Сибирского стрелкового полка (до своего ранения весной 1915 г.)². Так или иначе, В.Е. Флугом во время его пребывания в Томске была предпринята попытка объединить офицерскую и эсеровскую боевые организации и выработать общий план действий. Однако осуществить задуманное удалось лишь частично, а именно – «достичь некоторого соглашения на случай активного выступления» и установить связь между штабами томских отрядов³.

В дальнейшем способствовали сближению томских эсеровской и офицерской организаций подполковник А.Н. Гришин-Алмазов и прибывший в середине мая 1918 г. в Томск его заместитель капитан Л.Д. Василенко (подпольный псевдоним «Соловьев»). Последний, действуя совместно с Е.К. Вишневым, убедил руководство сумароковско-пепеляевской офицерской организации в необходимости совместного выступления против большевиков, обещая при этом не входить в подчинение к эсерам⁴. Однако слияния двух нелегаль-

¹ Телеграмма генерала В.Е. Флуга генералу А.Н. Гришину-Алмазову от 21 авг. 1918 г. // РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30. Л. 11; *Звягин С.П.* Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Томск, 2011. С. 91.

² *Звягин С.П.* Руководители Томской губернии... С. 90.

³ Доклад подполковника Глухарева // Красная летопись. М.; Пг., 1923. № 5. С. 363; *Ганин А.* Тайная миссия генерала Флуга // Родина. 2007. № 12. С. 45.

⁴ *Шишкин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 134.

ных военных формирований так и не произошло, поскольку руководители внепартийной офицерской организации не считали Временное Сибирское правительство «общепризнанной властью» и отказывались выполнять приказы его военного министра А.А. Краковецкого. Настораживало их также и то, что штаб проэсеровского отряда «состоял из людей без боевого опыта и отчасти даже не офицеров». Тем не менее, по словам А.Н. Пепеляева, сумароковская организация в конце концов «получила политическое руководство, подчиняясь Сибирской областной думе через её представителя – члена Запсибкомиссариата Михайлова Павла»¹.

На протяжении нескольких месяцев существования тайных антисоветских вооружённых организаций в Томске их участники предприняли ряд более или менее удачных операций. Заклучались они, прежде всего, в добывании оружия и разведывательных данных о состоянии советских войск, в составлении списков руководителей и активистов советских органов, красноармейских и красновардейских командиров, в ослаблении боеспособности советских вооружённых сил, в проведении террористических актов и т.п. Так, ночью 27 марта 1918 г. подпольщикам удалось похитить 639 винтовок и 12 тыс. патронов со склада 39-го Сибирского запасного стрелкового полка в Томске². Непосредственное участие в этой операции принимал, в частности, Е.И. Урбанковский, будущий командир Штурмовой бригады в корпусе А.Н. Пепеляева. Напуганное большевистское руководство Томска немедленно объявило о введении в городе военного положения. В ночь на 30 марта были проведены массовые обыски и аресты заподозренных в захвате оружия лиц. В губернской тюрьме оказались 34 чел., преимущественно члены партии социалистов-революционеров³. Выступая в городском совете 9 апреля 1918 г. председатель Томского революционного трибунала И.Л. Наханович под одобрительные аплодисменты присутствующих так высказался по адресу арестованных: «Может быть, и не удастся

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело №17137. Л. 14. О связи между офицерским и эсеровским вооружённым подпольем имеется также свидетельство П.В. Вологодского: «Краковецкий в Сибири (в Томске) когда-то действовал совместно с Пепеляевым при организации восстания в Новониколаевске и в Томске против большевиков» (*Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.)* / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. С. 399).

² *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т.2. Ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск, 2013. С. 314.

³ *В борьбе с контрреволюцией // Знамя революции.* 1918. 31 марта.

нам обвинить соц[иалистов]-рев[олюционеров], но пока существует советская власть, никто из идущих против неё не может быть уверен, ложась спать, что мы не придём к нему»¹.

У подпольщиков неплохо была поставлена разведка. По словам В.Д. Вегмана, лидера томских большевиков того времени, антисоветское подполье имело «опытных и добросовестных агентов даже среди лиц, близко соприкасавшихся с революционным штабом». Писал он и о «многочисленных секретарях и машинистках, которые повсюду шныряли, подслушивали разговоры, узнавали секретные постановления и обо всём осведомляли врагов»². По заданию А.Н. Гришина-Алмазова в Томске на службу в Красную армию поступили, в частности, поручик В. Серовиков, подпоручик Н. Козьмин, прапорщик А. Девятов. Аналогичные приказы, вероятно, выполняли и ещё некоторые офицеры. Так, в информационно-агитационном подотделе при военном отделе исполкома Томского губсовета в конце мая 1918 г. состоял Генерального штаба капитан А.С. Кононов³, впоследствии служивший начальником штаба корпуса и 1-й Сибирской армии у А.Н. Пепеляева. С антисоветским подпольем в Томске был связан руководитель городской милиции офицер Б.И. Меркулов. Об эффективности их работы можно судить хотя бы по тому факту, что во время антисоветского восстания в Томске в конце мая 1918 г. местные большевики не решились использовать для его подавления некоторые красноармейские части, вследствие их неблагонадёжности, в том числе формировавшийся в городе 1-й Советский полк под командованием О.Я. Устьярова. Не случайно и то, что в первые месяцы 1918 г. томскому большевистскому руководству приходилось трижды вводить в городе военное и осадное положение.

В Томске были организованы два нелегальных антисоветских военно-учебных центра, где велось обучение приёмам вооружённой борьбы. Один из них размещался в здании духовной семинарии, другой – на свечном заводе Томской епархии в районе пос. Басандайка, где имелось общежитие на 30 коек для проживания уклонявшихся от регистрации офицеров. Удалось даже провести своеобразный смотр силам тайной организации. Для этого подпольщики

¹ *Знамя революции*. 1918. 12 апр.

² *Вегман В.Д.* Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // *Сибирские огни*. 1923. № 1–2. С. 132.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. р-832. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

воспользовались религиозным шествием, связанным с «приносом иконы»¹.

Планировались террористические акты. В Томске произошло едва ли не первое в Сибири убийство высокопоставленного большевистского деятеля – председателя местной ЧК Д.И. Кривоносенко 24 мая 1918 г. Впоследствии, в 1920 г. после восстановления в городе советской власти за причастность к этому убийству были арестованы и расстреляны член офицерской подпольной организации Н.Ю. Шефферлинг, а также Ф.Е. Вольхен и С.Ф. Вольхен².

Руководители сибирских советов быстро узнали о существовании в крае организованного подполья и предприняли ответные меры. Постановлением Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибири) от 28 марта 1918 г. были объявлены распущенными все организации бывших офицеров, военных чиновников и юнкеров, а их имущество подлежало конфискации. В середине апреля был издан специальный приказ, обязывавший бывших генералов, офицеров и военных чиновников в 7-дневный срок встать на учёт по месту жительства. За невыполнение грозило тюремное заключение³. Тогда же на территории Сибири было введено военное положение.

Однако антисоветская деятельность вооружённого подполья продолжалась. К середине мая 1918 г., по свидетельству А.Н. Гришина-Алмазова, завершилась организационная работа по его оформлению⁴. Началась разработка планов свержения советской власти. Однако общий план восстания так и не был составлен. В результате к концу весны 1918 г. подпольные структуры не успели в достаточной степени подготовиться к свержению постепенно укреплявшейся советской власти. «Даже при наилучших условиях, – писал в отчёте по результатам своей поездки по Сибири генерал В.Е. Флуг, – офицерские организации в большинстве крупных центров не могли рассчитывать удержать захваченную власть более 1–2 недель»⁵.

Для подобных неутешительных прогнозов имелись серьёзные основания. Соотношение между советскими вооружёнными силами

¹ Кирилов А.А. Указ. соч. С. 38.

² Знамя революции. 1920. 21 февр., 22 сент.

³ Подвиг Центросибири. 1917–1918. Иркутск, 1986. С. 127, 128, 293, 295; Октябрь в Сибири: Хроника событий. Новосибирск, 1987. С. 286; Знамя революции. 1918. 24 апр., 15 мая.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 6. Л. 183.

⁵ Отчёт о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив Русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 271.

в крае и противостоявшими им подпольными вооружёнными формированиями было не в пользу последних, уступавших как в численности, так и по степени вооружения и технического оснащения. Положение усугублялось политической неоднородностью антисоветских организаций, не говоря уже о трудностях, связанных вообще с деятельностью в условиях подполья, под угрозой провалов, арестов.

Вместе с тем исход военного противостояния зависел не только от чисто арифметического соотношения вооружённых сил, но и в огромной степени от политических настроений и политического поведения основной массы сибирского населения, от его готовности принять участие в разгоравшейся гражданской войне. Между тем население, уставшее от многолетней мировой войны и революционных потрясений, отнюдь не спешило ввязываться в новые вооружённые баталии.

Глава 4

ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ

Ранним утром 25 мая 1918 г. на небольшой железнодорожной станции Мариинск Томской губернии произошли события, положившие начало новому этапу в развитии военно-политической ситуации в России. Для большинства советских историков эта дата служила точкой отсчёта начала Гражданской войны, а для некоторых авторов продолжает оставаться таковой и до сих пор. В тот день станция была захвачена солдатами и офицерами стоявшего здесь эшелона Чехословацкого корпуса (легиона), а в самом городе Мариинске свергнута советская власть. Спустя сутки легионеры при поддержке местной тайной антибольшевистской вооружённой организации совершили антисоветский переворот в другом уездном центре Томской губернии – г. Новониколаевске. Последующие события Гражданской войны на востоке России оказались неразрывно связаны с действиями чехословацких легионеров, с которыми А.Н. Пепеляев длительное время сражался бок о бок, а зимой 1919/20 г. был обязан им своим спасением.

Появление в глубине Сибири чехословацких войск было обусловлено событиями Первой мировой войны. Корпус, сформированный преимущественно из бывших военнопленных чехов и словаков, первоначально дислоцировался на Украине, в тылу Юго-Западного фронта. В феврале 1918 г. по согласованию со странами Антанты корпус был объявлен автономной частью французской армии, а в марте началась его переброска на Дальний Восток. Отсюда легионеров предполагалось переправить морским путём в Западную Европу для участия в войне с германскими войсками. Однако после подписания большевиками сепаратного Брестского мира с Германией лидеры стран Антанты решили использовать солдат и офицеров Чехословацкого корпуса для вооружённой борьбы с большевиками, для вмешательства во внутренние дела России.

Весной 1918 г. на железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока оказались 63 эшелона этого корпуса, насчитывавшего

в своих рядах свыше 40 тыс. солдат и офицеров¹. Многие командные и штабные должности в частях корпуса занимали российские офицеры. Во главе его стояли российские генералы В.Н. Шокоров (командующий) и М.К. Дитерихс (начальник штаба).

Руководство сибирского антисоветского подполья установило контакты с чехословаками. Переговоры в мае 1918 г. вёл непосредственно руководитель Западно-Сибирского штаба тайных военных организаций подполковник А.Н. Гришин-Алмазов. Эти переговоры были непростыми. Однако в конечном счёте, подпольщикам, видимо, удалось найти общий язык с командирами среднего звена – энергичными и честолюбивыми молодыми офицерами. Наибольшую активность со стороны чехов проявил капитан Р. Гайда, вступивший в неофициальные переговоры с руководителями антибольшевистского сопротивления в г. Новониколаевске². По свидетельству самого Р. Гайды, его встреча с делегацией сибирских антисоветских организаций, возглавляемой А.Н. Гришиным-Алмазовым, произошла 10 мая 1918 г. Именно тогда и была достигнута договорённость о сотрудничестве³.

События, между тем, развивались очень быстро, благодаря прежде всего действиям большевистских вождей. В середине мая 1918 г. Л.Д. Троцким был разослан на места секретный приказ о разоружении легионеров. Состоявшееся 20–23 мая в Челябинске совещание членов филиала Чехословацкого национального совета⁴ совместно с командирами частей корпуса приняло решение оружие не сдавать, а в случае необходимости силой пробиваться во Владивосток. При этом управление передвижения эшелонов передавалось специально избранному здесь исполнительному комитету, решающую роль в котором играли не политики, а военные – командиры полков капитан Р. Гайда, поручик С. Чечек и подполковник С.Н. Войцеховский⁵. Участники совещания, разъехавшись по местам, должны были привести части корпуса в боевую готовность

¹ Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России 1918 года // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Т. IV. С. 12, 14.

² Народная Сибирь. 1918. 5 окт.; Штейдлер Ф. Указ. соч. С. 20.

³ См.: *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений*. М., 1973. Т. 1. С. 77 (примечание).

⁴ Чехословацкий национальный совет был создан в феврале 1916 г. в Париже в качестве руководящей эмигрантской политической организации, выступавшей за создание самостоятельного чехословацкого государства.

⁵ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 41; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 205.

к 27 мая. Не дожидаясь этой даты и не считаясь с советскими предписаниями, 1-я чехословацкая дивизия получила 24 мая 1918 г. приказ о продвижении на восток, а капитан Р. Гайда отдал распоряжение о вооружённом выступлении подчинённых ему эшелонов к востоку от Новониколаевска¹.

На территории Сибири численность чехословацких войск к моменту их выступления была сравнительно невелика. На всём протяжении от Урала до Байкала находилось 11 эшелонов, из них только 5 – в группе капитана Р. Гайды между Новониколаевском и Красноярском общей численностью всего лишь 3258 чел., причём имели оружие менее трети легионеров².

Несмотря на договорённость о сотрудничестве, точное время чехословацкого выступления не было согласовано с руководством сибирского антибольшевистского подполья. «Выступление чехословаков было неожиданным с обеих сторон», – признавался месяц спустя один из лидеров сибирских эсеров Н.В. Фомин³. Видный член «Потанинского кружка» в Томске А.Н. Гаттенбергер полгода спустя подтвердил: «Восстание против большевиков застало нас недостаточно подготовленными; мы совершенно неожиданно узнали, что в Новониколаевске чехи начали переворот»⁴. «Немного преждевременным» назвал выступление чехословаков и французский представитель при штабе корпуса майор А. Гинэ, причём в официальном заявлении от имени всех союзных правительств⁵.

Вооружённое вмешательство Чехословацкого корпуса во внутророссийские дела представляло по сути своей интервенционистскую акцию, независимо от мотивов, которыми руководствовались легионеры. При этом чехословацкие военные, начав нескоординированное выступление в глубине России, шли на огромный риск. Впоследствии майор Я. Крадохвил в книге «Путь революции» откровенно признавался: «Подготовка к операции не была закончена, и недисциплинированное чехословацкое выступление в невыгодных условиях грозило своей преждевременностью уничтожить в заро-

¹ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений...* С. 76; Юрченко В. Мятаж, которого не было // Родина. 1994. № 1. С. 32–33.

² *Известия* отряда чешско-словацких войск. 1918. 14 июля. № 1.

³ *Воля Сибири*. 1918. 26 июня.

⁴ ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 63об. Протокол допроса А.Н. Гаттенбергера Чрезвычайной следственной комиссией 1 декабря 1918 г.

⁵ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 221; *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений...* С.133.

дыше всё: и легионы, и слабую русскую контрреволюцию, и все планы союзников»¹.

В результате чехословацкого выступления руководители подполья были вынуждены в спешном порядке корректировать свои планы. К моменту восстания большинство уполномоченных ВСП по Западной Сибири и начальник штаба тайных вооружённых организаций А.Н. Гришин-Алмазов находились в Томске, тогда как эпицентром событий, благодаря чехословакам, оказался Новониколаевск. В результате руководство западносибирского подполья отдало приказ о вооружённом выступлении подконтрольным ему организациям лишь 27 мая. Несколько недель спустя А.Н. Гришин-Алмазов так вспоминал о тех днях: «Мною было принято решение с согласия находившегося тогда в Томске комиссара Павла Михайлова воспользоваться начавшимся движением чехословаков, поддержать его боевыми организациями, имея целью очистить Западную Сибирь от большевиков, помочь в том же Восточной Сибири»². Год спустя в газете «Голос Сибирской армии» отмечалось, что 27 мая 1918 г. в Томске на заседании членов Западно-Сибирского комиссариата «было решено немедленно поднять восстание»³. Сам же А.Н. Гришин-Алмазов вечером того же дня, спасаясь от ареста, спешно отплыл на пароходе в Новониколаевск.

Руководители советской власти в Томске, получив известие о начавшемся вооружённом чехословацком выступлении, объявили на всей территории Томской губернии военное положение. Соответствующее постановление губернского совета было опубликовано в местной газете «Знамя революции» 29 мая. Руководство вооружённой борьбой с мятежниками возглавили члены губернского военно-революционного штаба, руководимого товарищем (заместителем) председателя Томского губсовета С.И. Канатчиковым, а также члены только что созданного губернского военного комиссариата Б.И. Гольдберг, В.А. Синев и И.В. Лебедев.

В результате успешного чехословацкого выступления в Мариинске и Новониколаевске Томск оказался отрезанным с запада и востока от других центров советской власти в Сибири, располагавшихся

¹ Цит. по: *Веселы Индржих*. Чехи и словаки в революционной России. 1917–1920 гг. М., 1965. С. 129–130. Выделено в источнике.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1. Л. 32. С некоторыми несущественными разночтениями этот документ опубликован в сборнике «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений»... С.120.

³ *Голос Сибирской армии*. 1919. 29 мая.

в Омске (Западно-Сибирский исполком советов) и в Иркутске (Центросибирь). Для подавления восстания большевистско-левоэсеровское руководство Томска направило свои вооружённые силы прежде всего на Транссибирскую магистраль. В Тайге был создан военно-оперативный штаб. Отсюда было предпринято наступление красногвардейских отрядов по железной дороге в направлении Новониколаевска и Мариинска.

В это же время в самом Томске антисоветское подполье предприняло вооружённое выступление. Восстание в городе было решено начать ранним утром 29 мая 1918 г. А.Н. Пепеляев, по его словам, «лично разрабатывал план вооружённого свержения соввласти»¹. Однако чистая случайность помогла руководителям большевистского военно-революционного штаба раскрыть планы заговорщиков. За день до намеченного выступления почтальон, относивший телеграмму в один из домов по Ярлыковской улице (ныне ул. Карташова), заметил в соседней квартире какое-то подозрительное собрание и немедленно сообщил о нём члену штаба томской Красной гвардии большевику М.И. Ворожцову. Последний тотчас направил по указанному адресу отряд из 9 красногвардейцев, арестовавший семерых человек, среди которых оказались члены Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства П.Я. Михайлов, Б. Марков и В.О. Сидоров².

Следствие по делу заговорщиков было поручено специальной комиссии, в состав которой вошли С.А. Дитман, Н.Г. Калашников, М.И. Сумецкий, И.С. Дмитриев и другие. В ходе допросов удалось выяснить план и время вооружённого восстания. Подпольщики намеревались выступить рано утром 29 мая одновременно в нескольких районах города и внезапным ударом захватить губисполком, военно-революционный штаб, казармы, военные склады. При этом главный удар предполагалось нанести по Дому Свободы (ныне Дом учёных), где размещался штаб Красной гвардии, и по тюрьме с целью освобождения сидевших там противников советской власти.

Советское командование немедленно привело в боевую готовность все имевшиеся в его распоряжении вооружённые силы – Красную гвардию, красноармейские части и батальон, сформированный

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело №17137. Л. 14.

² *Голос Сибирской армии*. 1919. 29 мая; *Вегман В.Д.* Как и почему пала советская власть в Томске // *Сибирские огни*. 1923. № 1–2. С. 134; Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 4204. Оп. 1. Д. 44. Л. 42–45.

из военнопленных-интернационалистов. Была усилена охрана основных административных зданий города.

Между тем руководство офицерской организации не стало изменять намеченный план и время выступления. Возможно, подпольщики были уверены в своём успехе, поскольку значительная часть советских вооружённых сил выехала из города на Транссибирскую магистраль для отражения наступления мятежных чехословаков. Не исключено, что Н.Н. Сумароков, А.Н. Пепеляев и их соратники не знали о том, что противнику стал известен план восстания, поскольку координация действий между офицерским и эсеровским подпольем оставляла желать лучшего. Так или иначе, подпольщики с самого начала оказались лишены важнейшего в таких случаях фактора внезапности. В результате часть мятежников и предназначенного для них оружия были захвачены ещё на местах сбора.

Как и планировалось, вооружённое выступление в Томске началось в 5 часов утра 29 мая 1918 г. Отрядами по левобережью протекающей через город реки Ушайки руководил полковник Е.К. Вишневский, по правому берегу – полковник А.Г. Укке-Уговец. Повстанцы во главе с Е.К. Вишневым должны были одновременно напасть на артиллерийские казармы, Дом свободы и Совдеп, а А.Г. Укке-Уговец со своими бойцами – разоружить венгров-интернационалистов в «Красных казармах» и наступать на Совдеп из-за Ушайки. К моменту выступления с помощью участвовавших в подпольной деятельности начальника городской милиции и комиссаров участков предполагалось открыть склады оружия для раздачи повстанцам. Общее руководство восстанием осуществлял, по его собственному признанию, А.Н. Пепеляев¹.

На рассвете повстанцы повели наступление из глубины городского сада на Дом свободы, предварительно подвергнув его массированному обстрелу, в том числе с чердаков близрасположенных зданий. Однако, встретив заранее организованное сопротивление, нападавшие были вынуждены отступить. Другая их часть оказалась рассеянной в районе учительского института. Вскоре потерпела поражение и третья группа, пытавшаяся захватить тюрьму. К 13 часам дня восстание было подавлено. В итоге десятки его участников были арестованы, многие получили ранения. Погиб один из активистов вооружённого подполья офицер Прохоров. Было изъято в общей

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело №17137. Л. 14; *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 40.

сложности 100 винтовок, 20 револьверов и около 1 тыс. патронов¹. Не обошлось без жертв и среди защитников советов. Погиб один красногвардеец, несколько человек получили ранения, в том числе начальник городского штаба Красной гвардии Ф.М. Галинский. Возможно, из чувства мести четверо арестованных – прапорщик С.Н. Николаев, поручик Максимов, И.П. Иванов и священник Преображенской церкви Н.А. Златомрежев – в ночь на 30 мая были жестоко убиты красногвардейцами, сбросившими изуродованные тела своих жертв в реку Томь. Маховик террора постепенно набирал обороты.

Руководители подпольной военной организации, судя по воспоминаниям, вечером 30 мая 1918 г. собрались на квартире Н.Н. Сумарокова. Решался вопрос о новом выступлении. Участник этого тайного совещания, затянувшегося до поздней ночи, А.А. Кирилов так впоследствии охарактеризовал собравшихся: «В углу незаметно и молча сидел с широким лицом фельдфебеля и живыми глазами, из которых прыгали искры и пробегали неуловимые тени, подполковник Пепеляев. Недалеко от него сидел полковник Вишневский со спокойным и интеллигентным лицом, ведя оживлённую беседу с толстым капитаном Ждановым, у которого было лицо хохла. У дверей молча стоял блистательный и пустой поручик «Папка» (Макаров), разговаривая с поручиком Голубевым, который всё хотел казаться похожим на Великого Инквизитора, но это ему не удавалось. Полковник Укки [Укке-Уговец], подчёркивая своё спокойствие, вёл беседу с болезненным капитаном Достоваловым. Их слушали возбуждённый и нервный штабс-капитан Шнаперман и курчавый, как пудель, подполковник Еремеев. Было ещё много стоявших и сидевших в комнате. В центре стоял полковник Сумароков и, поминутно обращаясь к разным лицам, давал распоряжения. Его лицо было красно, глаза блестели нервным блеском...». Решено было предпринять новое вооружённое выступление на следующее же утро. Расходились после совещания ночью. «Я помню, – писал А.А. Кирилов, – как ловко, с лёгкостью серны, словно на уроках строевой гимнастики, перепрыгивал через забор подполковник Пепеляев с красной комиссарской повязкой на рукаве...»². Повязка, очевидно, служила для конспирации.

¹ *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 313; *Знамя революции*. 1918. 31 мая; *Сибирская жизнь*. 1918. 2 июня; *Вегман В.Д.* Как и почему пала советская власть... С. 138.

² *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 42.

Полковник Н.Н. Сумароков сразу же после неудачного выступления обратился за помощью к чехословакам. Его письмо с соответствующей просьбой было направлено с одним из томских извозчиков навстречу наступавшим со стороны Новониколаевска legionерам и передано им в Тайге¹. Однако помощь чехословаков не понадобилась, поскольку томские большевики и их левоэсеровские союзники, несмотря на успех в подавлении восстания, утратили оптимизм и уверенность в своих силах. Обнаружилось, что некоторые командиры и инструкторы формировавшихся в городе частей Красной армии сочувствовали повстанцам либо даже состояли в рядах подпольной военной организации. В частности, вследствие измены комсостава не участвовала в борьбе с повстанцами команда охраны, состоявшая из красноармейцев. Как уже отмечалось, на стороне офицеров-подпольщиков оказался начальник Томской милиции и некоторые подчинённые ему комиссары городских участков².

В целях обеспечения безопасности и порядка большевистское руководство губернии распорядились в спешном порядке вернуть в Томск из Тайги часть посланных туда накануне военных сил. К тому же находившийся в Тайге военно-оперативный штаб не смог организовать сколько-нибудь серьёзного сопротивления наступавшим со стороны Новониколаевска чехословакам. В результате в ночь на 31 мая красногвардейцы и красноармейцы погрузились в вагоны и выехали из Тайги в Томск. Однако, прибыв в губернский центр, они, к своему изумлению, не застали здесь советской власти. Напуганные происходившими событиями руководители Томского совдепа решили не испытывать судьбу и на рассвете 31 мая бежали из города на двух пароходах по Томи и Оби в направлении Тюмени в сопровождении нескольких сотен бойцов-интернационалистов. Офицеры-подпольщики, настроившиеся в это утро на повторное вооружённое выступление, также неожиданно для себя обнаружили, что советская власть в городе растаяла вместе с утренним туманом.

Паническая эвакуация губернских партийно-советских руководителей и части их вооружённых сил из Томска привела к тому, что в городе осталось значительное количество оружия, включая артиллерийские орудия и пулемёты. Были оставлены также ценности в госбанке на сумму в 60 млн руб. Об эвакуации не были оповещены

¹ *Сибирская жизнь*. 1918. 2 июня.

² *Красное знамя*. 1922. 19 дек.; *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 40.

даже некоторые высокопоставленные руководители, в том числе председатели Томского городского и уездного советов В.Ф. Тиунов и Ф.Д. Кузнецов, комендант Томска И.В. Лебедев со всеми членами военно-оперативного штаба, красноармейцами и красногвардейцами, эвакуировавшимися из Тайги. В результате многие из них оказались в белогвардейских тюрьмах, а оставленное оружие и материальные ценности немедленно были обращены на расширение фронта антисоветской борьбы.

Глава 5

РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕ-СИБИРСКОГО КОРПУСА

Тотчас после бегства советского руководства А.Н. Пепеляев и его соратники по подполью приступили к организационному оформлению офицерской и добровольческой массы. Уже к вечеру 31 мая в Томске был сформирован вооружённый отряд численностью до 500 человек¹.

Одновременно шёл процесс легализации структур власти, оказавшейся первоначально в руках, главным образом, представителей партии социалистов-революционеров. Освобождённые 31 мая из томской тюрьмы члены подпольного Западно-Сибирского комиссариата П.Я. Михайлов, Б.Д. Марков и В.О. Сидоров вместе с находившимся в Новониколаевске М.Я. Линдбергом образовали комиссариат уже в качестве легального властного органа. На другой день, 1 июня, они обратились со специальной декларацией «Ко всему населению Западной Сибири», в которой Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства провозглашался «высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории»².

Военная власть в крае сосредоточилась в руках командующего войсками Западно-Сибирского военного округа полковника А.Н. Гришина-Алмазова, о чём было объявлено в его приказе № 1 от 28 мая 1918 г., изданном в Новониколаевске³. Командующим войсками Томского района стал бывший заместитель А.Н. Гришина-Алмазова по руководству антисоветским вооружённым подпольем капитан Л.Д. Василенко. В первый же день после переворота он назначил начальником Томского гарнизона полковника Н.Н. Сумарокова, начальником штаба гарнизона – подполковника А.Н. Пепеляе-

¹ Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 44.

² Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 46–48.

³ Временное Сибирское правительство... С. 38.

ва¹, комендантом города – полковника Е.К. Вишневого. Военное руководство обосновалось в гостинице «Европа». По его просьбе вечером того же 31 мая в Томск из Тайги прибыл чехословацкий эшелон – около 400 чел. во главе с капитаном Р. Гайдой. Legionеры прошли церемониальным маршем в сопровождении оркестра по улицам города, продемонстрировав тем самым внушительную вооружённую поддержку новой власти. После устроенного для них торжественного ужина, переночевав, чехословаки на следующее утро вернулись на станцию Тайга². Вероятно, именно в этот вечер состоялось первое знакомство А.Н. Пепеляева с чешским офицером Радолой Гайдой, с которым он в дальнейшем в течение года сражался на антибольшевистских фронтах Гражданской войны.

Тем временем Западно-Сибирский комиссариат 1 июня издал приказ, в соответствии с которым все офицеры подлежали обязательной мобилизации с последующим зачислением в ряды формирующейся Сибирской армии³. В тот же день были объявлены «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе», согласно которым в армию зачислялись граждане не моложе 18 лет, «не запятанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность служить идее народовластия». Срок службы устанавливался в 6 месяцев. Жалованье выплачивалось в зависимости от занимаемой должности, а не от чина (хотя чины и звания оставались в силе): рядовому бойцу – 60 руб. в месяц, взводному командиру – 90, ротному – 400, младшим офицерам и офицерам резерва – 300 руб. В резерв зачислялись офицеры, не занимавшие командных должностей. Они выполняли обязанности рядовых бойцов.

Таким образом, с самого начала вооружённые силы Временного Сибирского правительства рассматривались как добровольческие. «Временные условия» были подписаны членом Западно-Сибирского комиссариата М.Я. Линдбергом, заведующим военным отделом ЗСК Н.В. Фоминым и А.Н. Гришиным-Алмазовым⁴. В то же время все офицеры действительной службы, офицеры запаса и военные чиновники, а также юнкера военных

¹ С первых дней выхода из подполья в приказах, объявлениях, в публикациях на страницах периодической печати А.Н. Пепеляев фигурировал как подполковник, хотя формально к тому времени документально подтверждённого военного чина подполковника у него не было.

² *Сибирская жизнь*. 1918. 1 июня; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 66.

³ *Временное Сибирское правительство...* С. 48–49.

⁴ *Временное Сибирское правительство...* С. 50–51.

училищ и школ прапорщиков (приравненные к младшим офицерам) подлежали обязательному призыву. Им устанавливался трёхдневный срок явки. Уклонившиеся от призыва объявлялись дезертирами и подлежали военно-полевому суду. Добровольческий же принцип распространялся на всех остальных военнослужащих и всех граждан в возрасте от 18 до 43 лет¹.

Начало созданию регулярной Сибирской добровольческой армии было положено в уездном центре Томской губернии г. Новониколаевске, где уже к 1 июня 1918 г. был сформирован 1-й Новониколаевский Сибирский стрелковый полк под командованием подполковника Я.Н. Перчука численностью 470 человек. Однако по-настоящему процесс формирования армии развернулся только после освобождения от большевиков первого сибирского губернского центра – Томска с его крупным, в большинстве своём антисоветски настроенным человеческим потенциалом. По сведениям руководителей антисоветского сопротивления, одних только офицеров старой армии в Томске насчитывалось до 3–4 тыс. чел.² Именно к ним в первую очередь обратились с воззванием командующий войсками Томского района капитан Василенко и начальник штаба Томского гарнизона подполковник Пепеляев. Это воззвание, отпечатанное типографским способом, начиналось словами: «Граждане офицеры! К вам, наиболее сознательным и дисциплинированным, к вам, терпеливо и молчаливо переносившим все незаслуженные обиды, лишения и страдания, к вам, принесшим Родине все силы, энергию, здоровье, заплатившим кровью и нервами за благо Родины, к вам наше слово, наша просьба. Жизнь граждан в опасности... наша святая обязанность... создать в городе тот порядок, при котором всякий, кто бы он ни был, кроме элемента преступного, мог спокойно продолжать свою работу. А посему не медля ни минуты, все офицеры – к регистрации у воинского начальника. Время не ждёт, события надвигаются, и мы – это наш долг – должны быть организованы и на своём посту»³.

В первом же приказе по штабу Томского гарнизона от 31 мая 1918 г. были временно установлены нормы довольствия членов вооружённых формирований – до 3 руб. в день на человека, исходя из

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 20, 21, 29, 32, 34.

² Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 115. Л. 25, 30.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

расчёта следующих норм: мясо – полфунта, хлеб – 2 фунта, сахар – 6 золотников, крупа – 24 золотника, чай – 0,5 золотника¹.

В Томске 1 июня 1918 г. началось формирование первой в Сибири добровольческой дивизии, начальником которой был назначен полковник Н.Н. Сумароков. В тот же день по городу стало распространяться отпечатанное массовым тиражом обращение А.Н. Пепеляева, адресованное «товарищам, братьям, фронтовикам и всем солдатам», в котором от имени офицеров Русской армии содержался «братский призыв» встать на защиту Временного Сибирского правительства и Сибирского Учредительного собрания². С этого времени слова «брат», «братья» прочно вошли в лексикон не только воззваний и обращений, составлявшихся А.Н. Пепеляевым либо при его непосредственном участии, но также и его боевых приказов.

Канцелярия А.Н. Пепеляева разместились в комнате № 46 гостиницы «Европа», которая, по воспоминаниям очевидца, «к этому времени сделалась средоточием всей жизни восставшего города... По всем номерам шла энергичная организационная работа. В пролётах лестницы торчали пулемёты, всюду часовые, вооружённые винтовками и бомбами. У входа – усиленные патрули, на улице – дозоры пешие и конные»³.

Офицеры активно записывались в ряды формирующейся дивизии. Однако солдаты-фронтовики не откликнулись на призыв А.Н. Пепеляева. Более того, Томский союз безработных фронтовиков принял резолюцию о поддержке советской власти. Дерзкое поведение его членов не в последнюю очередь подкреплялось тем, что в распоряжении союза имелось около сотни винтовок и пулемёт «Максим»⁴. Масла в огонь подлил демарш Н.Н. Сумарокова. Будучи убеждённым монархистом, он в первый же день переворота надел погоны и стал вызывающе вести себя по отношению к членам эсеровского Западно-Сибирского комиссариата⁵. В ответ по их указанию Н.Н. Сумароков был отстранён капитаном Л.Д. Василенко от

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 7. Один фунт равнялся примерно 410 граммам, 1 золотник – 4,266 грамма.

² Там же. Л. 11.

³ *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 44.

⁴ *Сибирская жизнь.* 1918. 2, 5 июня.

⁵ Впоследствии Н.Н. Сумароков открыто заявлял, что для Л.Д. Василенко должно быть уготовано «место на виселице или в штабе Красной армии»; командующего Сибирской армией А.Н. Гришина-Алмазова называл «авантюристом, всецело преданным партии эсеров» (РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–4; *Сумароков Н.Н.* Над бездной // *Сибирская жизнь.* 1918. 31 июля). В сентябре 1918 г. Н.Н. Сумароков направил в редакцию томской газеты «Понедельник» письмо, в котором заявлял, что «верховным вождём» армии он признаёт только «Государя Императора» (Понедельник. 1919. 9 янв.).

должности начальника дивизии и назначен инспектором артиллерии Томского района. Временное командование дивизией и обязанности начальника гарнизона с 2 июня 1918 г. были возложены на А.Н. Пепеляева¹. По его приказу ближайшей же ночью отряд под командованием капитана Николаева численностью 80 человек с двумя пулемётами разоружил взбунтовавшихся фронтовиков, арестовав 78 из них. При этом один из фронтовиков, пытавшийся оказать сопротивление, был ранен².

С целью ускорения формирования вооружённых сил Сибирского правительства А.Н. Гришин-Алмазов совершил с 3 по 5 июня 1918 г. специальную поездку из Новониколаевска в Томск. Его приезд, по словам А.А. Кирилова, «дал твёрдость и уверенность в будущем освободительного движения»³. Кардинально изменился сам тон распорядительных документов. В приказе по Томскому войсковому району от 6 июня 1918 г. был определён последний срок явки призываемых по мобилизации – 8 июня. «Все не явившиеся к указанному сроку без уважительных причин, – говорилось в документе, – будут признаны дезертирами и преданы военно-полевому суду»⁴.

Основные командные должности в Томской Сибирской дивизии заняли активисты местного антисоветского вооружённого подполья. Начальником штаба стал капитан И.П. Жданов; командирами полков, получивших наименования 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Томских, – соответственно подполковник П.И. Иванов, полковник Е.К. Вишневский, полковник А.Г. Укке-Уговец и штабс-капитан Н.Ф. Шнаперман. Временно командующим Сводным горно-мортирным дивизионом был назначен штабс-капитан В.И. Ковалевский, интендантом дивизии – полковник А.Н. Свешников⁵.

Первый эшелон с бойцами дивизии выехал из Томска уже 6 июня. Ему были устроены торжественные проводы, под звуки оркестра, в присутствии многочисленных жителей города. Спустя пять дней, 11-го июня, на Мариинский фронт выдвинулась рота и штаб одного из полков, на Барнаульский фронт – рота штабс-капитана Степанова (140 бойцов), 12-го июня в Новониколаевск прибыл штаб 3-го Томского полка, 13-го – из Томска выехал ещё один эшелон⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 12. Приказ войскам Томского района № 5 от 2 июня 1918 г.

² *Сибирская жизнь*. 1918. 5 июня.

³ *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 46;

⁴ ГАРФ. Ф.170. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 13–14. Приказ войскам Томского гарнизона № 4 от 2 июня 1918 г.

⁶ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58. Л. 49; *Сибирская жизнь*. 1918. 8, 15 июня.

Параллельно с созданием регулярной армии в ряде мест партийными комитетами эсеров, меньшевиков и национальных организаций стали создаваться добровольческие вооружённые формирования, эсеровские отряды партизанского типа. В частности, по инициативе меньшевистского Томского комитета РСДРП в начале июня была сформирована партийная дружина, выполнявшая некоторое время караульные обязанности в городе¹. Эсеровские дружины имелись в Новониколаевске, Томске. Начальником штаба томской боевой эсеровской дружины был подпоручик Меркулов. Сформированная в Томске еврейская дружина несла караульную службу в лагере военнопленных².

А.Н. Пепеляев, как начальник Томского гарнизона, отдал приказ о разоружении такого рода иррегулярных формирований. Однако А.Н. Гришин-Алмазов, вынужденный действовать с оглядкой на эсеровский ЗСК, принял компромиссное решение, посчитав возможным «возложить на добровольческие отряды, состоявшие из надёжных граждан, караульную службу и обеспечение общественной безопасности». В результате А.Н. Пепеляеву пришлось отменить свой приказ о сдаче оружия дружинами и отрядами самоохраны. Но в соответствии с приказом командующего войсками Томского района Л.Д. Василенко все партийные и национальные вооружённые дружины Томска поступали в распоряжение коменданта города³. В дальнейшем такие формирования не ограничивались только городской охраной. Известно, что 24 июня 1918 г. из Томска в Красноярск прибыл партизанский отряд эсеров⁴.

Важнейшей вехой в создании регулярных антисоветских формирований стал захват 7 июня 1918 г. Омска, который почти сразу же стал столицей Белой Сибири и сохранял этот статус в течение последующих полутора лет. Уже к середине июня сюда перебрались и Западно-Сибирский комиссариат, и командующий войсками. 12 июня за подписью А.Н. Гришина-Алмазова появился приказ о создании в Омске штаба Западно-Сибирского военного округа во главе с ген.-м. Романовым. Сформированный ранее в Новониколаевске одноимённый штаб был преобразован в штаб Западно-Сибирской отдельной армии во главе с полковником П.П. Беловым и 15 июня также переведён в Омск. Сам же А.Н. Гришин-Алмазов, будучи управляю-

¹ *Голос народа*. 1918. 12 июня; *Понедельник*. 1918. 12, 26 авг.

² ГАРФ. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 482. Л. 2, 3, 6; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–76; Д. 241. Л. 267об.

³ *Шшикин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов... С. 138–139.

⁴ *Воля Сибири*. 1918. 26 июня.

щим Западно-Сибирским военным округом, 13 июня 1918 г. объявил о вступлении одновременно и в командование Западно-Сибирской армией¹. В тот же день он издал приказ, согласно которому армия разделялась на два корпуса – Степной во главе с полковником П.П. Ивановым-Риновым и Средне-Сибирский, командиром которого назначался подполковник А.Н. Пепеляев, начальником штаба – капитан А.С. Кононов², инспектором артиллерии – полковник Н.Н. Сумароков. При этом штаб Томской дивизии расформировывался, а его чины, не получившие особых назначений, зачислялись в штаб корпуса либо в строй. А.Н. Пепеляеву с необходимой для него частью штаба дивизии приказывалось вместе с Н.Н. Сумароковым немедленно выехать в Новониколаевск «для приёма войск, операций и соответствующих дел». Капитану Л.Д. Василенко и начальнику штаба Томской дивизии приказывалось, сдав все дела своим заместителям, срочно выехать в Омск, где Л.Д. Василенко должен был вступить в должность начальника штаба Степного корпуса³. Этим же приказом упразднялась должность командующего войсками Томского района, функции которого передавались новому начальнику Томского гарнизона полковнику С.В. Снежкову.

14 июня 1918 г. А.Н. Пепеляев вступил в должность командира Средне-Сибирского корпуса и оставался в ней до апреля 1919 г. Начальники штаба корпуса периодически менялись. После А.С. Кононова эту должность занимали полковник Б.П. Богословский (с 28 июля) и подполковник А.А. Сурнин (с октября 1918 г.). Все они являлись офицерами Генерального штаба. Обязанности оберквартирмейстера штаба корпуса исполняли капитан И.П. Жданов (до 28 июля), затем подполковник А.С. Кононов. Должность инспектора артиллерии корпуса занимали полковник Н.Н. Сумароков (с 13 июня по 14 июля), затем – полковник А.К. Смелков⁴.

В состав Средне-Сибирского корпуса были включены четыре Томских Сибирских стрелковых полка (входивших ранее в Томскую дивизию), 1-й и 2-й Новониколаевские Сибирские полки (созданные в результате разделения Новониколаевского полка), Барнаульский

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58. Л. 53, 54, 249.

² Александр Сергеевич Кононов род. 9 апреля 1890 г. в семье коллежского секретаря в Забайкальской области. Окончил Сибирский кадетский корпус (на один год раньше А.Н. Пепеляева), Михайловское артиллерийское училище, старший класс 1-й очереди ускоренных курсов Николаевской военной академии. Участник Первой мировой войны.

³ *Временное Сибирское правительство...* С. 64.

⁴ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 189.

Сибирский стрелковый полк, Томский кавалерийский дивизион, а также мелкие добровольческие отряды, стихийно возникшие на территории Томской и Алтайской губерний и к началу июля в большинстве своём включённые в состав полков¹. В течение лета 1918 г. в Средне-Сибирский корпус вошли также партизанские отряды: Ачинский (под командованием штабс-ротмистра Э.Г. Фрейберга), сотника А.А. Сотникова и омского есаула И.Н. Красильникова². На 16 июня 1918 г. в частях Средне-Сибирского корпуса насчитывалось: штыков – 1381, сабель – 208, сапёров – 121. На его вооружении имелось 12 пулемётов, 6 тяжёлых и 1 лёгкое орудие³.

Западно-Сибирский комиссариат на первых порах попытался было ввести в создаваемые армейские вооружённые формирования военных комиссаров, на должности которых обычно назначались члены партии социалистов-революционеров. В частности, комиссаром при начальнике Томского гарнизона, а затем при штабе Томской дивизии был назначен подпоручик эсер Л.Н. Перелешин⁴. Однако в военной среде эта инициатива не встретила поддержки и спустя всего лишь две недели, 14 июня 1918 г., ЗСК был вынужден упразднить институт комиссаров при военных частях⁵.

В Сибирской армии на первых порах официально не существовало ни особой военной формы, ни погон, ни наград. В одном из первых приказов по войскам Томского района объявлялось, что «впредь до установления формы одежды сибирских войск единственным отличием состоящих на службе в Сибирской армии должны служить: бело-зелёная повязка, носимая на левом рукаве на два вершка выше локтя, и вместо кокарды бело-зелёная лента»⁶. Лишь 24 июля 1918 г. приказом по военному ведомству Временного Сибирского правительства были утверждены нарукавные знаки для различия чинов и званий⁷, просуществовавшие до введения в Сибирской армии приказом от 6 сентября 1918 г. погон, петлиц и кокард.

¹ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 189–190.

² Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 74.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58. Л. 85.

⁴ В октябре 1917 г. Л.Н. Перелешин был делегатом Второго Всероссийского съезда советов от Томской губернии.

⁵ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Новосибирск, 2005. С. 105.

⁶ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

⁷ Детальное их описание см.: *Подробная программа обучения молодых солдат пехоты войск Сибирского Временного правительства*. Б.м., Б.г. С. 9, 10. Эта программа была составлена специальной комиссией, созданной по приказу командующего Сибирской

Аналогичным образом складывалась ситуация и с обращениями к начальствующим лицам. Согласно утверждённым приказам, в таких случаях полагалось прибавлять к чину и званию слово «господин»¹. Однако в корпусе А.Н. Пепеляева между военнослужащими было принято обращение «брат» («брат-ротный», «брат-генерал» и т.п.). Офицеры и солдаты обращались друг к другу на «ты». Скорее всего, А.Н. Пепеляев перенял практику импониовавших ему такого рода обращений у чехословацких легионеров, в среде которых в ходу было как раз обращение «брат» («брат-подпоручик», «брат-полковник» и т.п.)².

Примечательно, что командование Западно-Сибирского военного округа с первых же дней очень резко выступило против того, чтобы называть бойцов «белогвардейцами». Начальник штаба округа полковник П.П. Белов телеграфировал на места: «Сибирская Добровольческая армия – солдаты, стрелки, областники, но не белогвардейцы»³. Однако названия «Белая армия», «белогвардейцы» в противовес «Красной армии», «красногвардейцам», «красноармейцам» впоследствии и вплоть до настоящего времени прочно утвердились в исторической, научно-популярной и художественной литературе.

С целью инициирования и расширения добровольческого движения Западно-Сибирский комиссариат создал информационный отдел первоначально с 17 инструкторами. Вскоре он был реорганизован в отдел по формированию Добровольческой армии, состоявший из двух подразделов – военного и гражданского. Сотрудники военного подразделения занимались агитацией «в пользу создания армии по принципу добровольческой», попутно информируя население о текущих событиях. Гражданский подраздел восстанавливал органы местного самоуправления⁴. Отдел по формированию армии размещался в Томске. Его возглавляли эсеры В.С. Сизиков и М.П. Рудаков. Основной контингент инструкторов составляли студенты⁵.

К 25 июля 1918 г. в уезды Западной Сибири удалось направить 84 инструктора, объехавших 101 из 280 волостей. Их работа строилась

армией, и утверждена А.Н. Гришиным-Алмазовым 25 июля 1918 г. См. также: *Дерябин А.* Гражданская война в России: Сибирская армия. 1918 г. // Цейхгауз. 1993. № 1. С. 26–28.

¹ *Подробная программа обучения молодых солдат...* С. 10.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 14. Л. 71; *Муратовы А.и Д.* Бравый генерал Чила // Лебедь. Независимый Бостонский альманах. 2013. 1 июля. № 682 [Электронный ресурс] // <http://lebed.com/2013/art6247.htm> (дата обращения: 25.12.2016).

³ *Голос народа.* 1918. 8 июня.

⁴ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 12; *Сибирская жизнь.* 1918. 26 июля.

⁵ ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 248. Телеграмма М.П. Рудакова; Д. 7. Л. 45, 53; ф. 1561. Оп. 1. Д. 348. Л. 7, 11; Д. 483. Л. 3.

обычно по следующей схеме: организация крестьянского схода, разъяснение текущих событий, выявление политических настроений населения, организация земства, запись добровольцев в армию, сбор пожертвований на военные нужды и т.п.¹ С этой же целью активно использовалась периодическая и непериодическая печать. Уже вскоре после антисоветского переворота было издано 45 тыс. экз. листовок о добровольческой армии². Вследствие непопулярности в крестьянской среде идеи гражданской войны эсеровские лидеры сознательно смещали акценты, выдвигая на первый план угрозу «германо-мадьярского» нашествия³.

Основной приток офицеров и добровольцев в ряды Сибирской армии⁴, в том числе в состав пепеляевского корпуса, шел до середины лета 1918 г. Затем он сократился, а в ряде мест почти совсем иссяк. Однако в целом армия всё же продолжала расти, хотя и медленно. В докладе управляющего военным министерством полковника А.Н. Гришина-Алмазова Совету министров Временного Сибирского правительства «О комплектовании армии» от 8 июля 1918 г. отмечалось: «Призыв добровольцев в армию малоуспешен, вследствие непопулярности добровольческой службы вообще: добровольцами идут, главным образом, не по идее, а только с целью заработка. Естественно, что при таких условиях добровольческий элемент мало надёжен, рассчитывать на большой приток его нет оснований»⁵.

Характерно, что и Красная армия в добровольческий период своего существования в 1918 г. столкнулась во многом с такими же проблемами. Глава советского военного ведомства Л.Д. Троцкий отмечал, что «наряду с самоотверженной рабочей молодёжью, она (Красная армия. – *Н.Л.*) заполняется столь многочисленным в этот период бродячим, шатающимся элементом, не всегда лучшего качества»⁶. Иначе говоря, состав добровольцев обеих противоборствующих армий свидетельствовал о том, что гражданская война первоначально втягивала в свою орбиту, главным образом, маргинальные и люмпенизированные слои общества.

Ещё весной 1918 г. в Сибири наметилась тенденция пассивности основной массы сибирского крестьянства, его нежелание вмешиваться

¹ *Сибирская жизнь*. 1918. 26 июля.

² ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

³ *Голос народа*. 1918. 20 июня (изложение речи М.П. Рудакова).

⁴ До 27 июля 1918 г. Сибирская армия именовалась Западно-Сибирской отдельной армией.

⁵ *Шишкин В.И.* «Государство находится в исключительно критическом положении, поэтому прежде всего является необходимым создание его боевой мощи...» // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 4. С. 76.

⁶ *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 14.

в политическую борьбу. В основе отношения крестьян к власти оставался хозяйственный прагматизм. «Правительство, говорят хлеборобы, то хорошо, которое будет отвечать теперешнему моменту и самой жизни..., — отмечалось в одной из статей томской «Народной газеты» с примечательным заголовком «О чём толкуют хлеборобы деревни». — И если оно не будет отнимать у нас земли и воли... и если оно будет выбрано, а не назначено кем бы то ни было. Да как бы поменьше налогов, сборов и податей... Да поменьше бы ходу давали спекулянтам... да машин и сельскохозяйственных орудий побольше нам доставали...»¹.

В этих немногих строчках содержалась едва ли не исчерпывающая программа сибирского крестьянства, ориентировавшегося на мирный труд, а отнюдь не на участие в военно-политическом противоборстве и братоубийственной войне. Поэтому вполне закономерно, что в первые месяцы после свержения советов центр тяжести гражданской войны оставался в городах, а основное её бремя несли на своих плечах офицеры и казаки. Причём сами офицеры в немалом количестве пытались уклониться от призыва в армию. Причины были разные: усталость от многолетней войны, опасения за собственную жизнь и благополучие своих семей, идейные соображения. Даже не все подпольщики, числившиеся в списках антибольшевистских вооружённых организаций, приняли участие в свержении советской власти. Один из эсеровских лидеров сообщал из Томска, что часть офицеров «разбежалась, а многие явно не желают идти в армию»². Штаб Западно-Сибирского военного округа был вынужден издать 10 июля 1918 г. распоряжение о призыве на военную службу всех без исключения офицеров и военных чиновников в возрасте до 43 лет. Ранее признанные не годными к военной службе подлежали повторному освидетельствованию медицинской комиссией³. Обязательному призыву подлежало и казачество, которому вместе с офицерством отводилась роль ядра Сибирской армии⁴.

Многие насильственно призванные офицеры не отличались служебным рвением. По словам генерала П.П. Петрова, «мобилизованное офицерство работало неохотно, иногда протестуя против гражданской войны»⁵. Однако в первые недели и месяцы развернувшейся на просторах Сибири гражданской войны большинство офицеров

¹ Народная газета. 1918. 25 июля.

² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 115. Л. 30.

³ Сибирская жизнь. 1918. 17 июля.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

⁵ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 г.). Рига, 1930. С. 27.

и солдаты-добровольцы всё же были полны энтузиазма, вместе с чехословаками настраивались на сравнительно быструю победу над своим недостаточно организованным в тот период противником.

Приняв на себя командование дивизией, а затем Средне-Сибирским корпусом, А.Н. Пепеляев одновременно с их комплектованием занимался руководством боевыми операциями на обширной территории Томской и Алтайской губерний. Создававшиеся воинские формирования сразу же направлялись на фронт. В сторону Барнаула по железной дороге и на пароходе по Оби были двинуты вместе с чехословаками Томский офицерский отряд капитана В.Д. Травина, две роты Новониколаевского полка во главе с поручиком В.С. Сергеевым и штабс-капитаном Степановым, отряд подполковника Будкевича. От станции к станции эшелоны продвигались с боями. В частности, им пришлось выдержать двухчасовой бой у ст. Черепаново, в течение дня шёл бой у ст. Тальменка¹.

Все действовавшие под Барнаулом сибирские антисоветские формирования общей численностью 866 штыков и сабель при 9 пулемётах и 5 орудиях объединил под своим командованием прибывший сюда 13 июня командир 3-го Томского полка полковник А.Г. Укке-Уговец. Под натиском чехо-белых 15 июня Барнаул был оставлен советскими войсками. В тот же день началось формирование Барнаульского Сибирского стрелкового полка, вошедшего в состав пепеляевского корпуса. Победа чехо-белых в ходе Барнаульской операции досталась малой кровью, потери составили лишь 4 человека убитыми и 11 ранеными. 20 июня бойцы А.Г. Укке-Уговца вступили в Бийск, освобождённый уже к тому времени в результате вооружённого восстания².

Для ликвидации советов на юге Томской губернии из Томска были направлены отряды под командованием штабс-капитанов А.Т. Альдмановича и В.М. Латманисова, в течение двух недель очистившие Кузнецкий уезд от красногвардейцев. Здесь началось формирование Кузнецкого полка.

Таким образом, к середине июня сопротивление советских вооружённых сил было подавлено практически на всей территории Томской и на большей части Алтайской губерний, входивших в зону ответственности Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева.

¹ *Алтайский луч*. 1918. 23 июня.

² *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 72–74.

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

После первых сражений на территории Западной Сибири, в целом удачных, но одновременно и довольно сумбурных, 18 июня 1918 г. была издана первая директива командарма А.Н. Гришина-Алмазова, вносящая планомерность в осуществление дальнейших операций. В соответствии с ней корпус А.Н. Пепеляева должен был очистить районы южнее Барнаула до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Транссибирской магистрали до Иркутска. При этом приказывалось «держаться образа действия исключительно активного»¹. К тому времени корпус насчитывал 2403 бойца при 7 орудиях и 12 пулемётах².

Между тем наступление в восточном направлении, куда были двинуты основные силы Средне-Сибирского корпуса, началось ещё накануне издания директивы, в ночь на 16 июня. Сосредоточившаяся в Мариинске ударная группа чехословаков (до 400 штыков) и пепеляевцев (1-й и 2-й Томские полки численностью 447 штыков, 28 сабель при 2 орудиях) наголову разгромила Мариинский отряд красных, насчитывавший около 1,5 тыс. человек. Были захвачены 2 орудия, 15 пулемётов, несколько сот винтовок, а также 475 пленных. Продолжая энергичное наступление по линии железной дороги, чехо-белые 19 июня заняли г. Ачинск и уже на следующий день, 20 июня, вошли в Красноярск, административный центр обширной Енисейской губернии, где сутками ранее советская власть была свергнута силами местного вооружённого подполья³.

Красноярские советские работники в сопровождении отряда интернационалистов, захватив с собой около полутонны золота, эвакуировались на пароходах вниз по Енисею, но были достигнуты в устье реки Нижней Тунгуски посланным в погоню отрядом под

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58. Л. 105; Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 20–21.

² Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 284.

³ Там же; Елисеев А. Красноярский переворот. Свержение большевизма в июне 1918 года // Сибирский исторический альманах. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011. С. 130.

командованием полковника М.И. Мальчевского. Из числа беглецов свыше 100 чел. преследователями были убиты, 264 чел. (по другим данным – 238) захвачены в плен¹. А.Н. Гришин-Алмазов, получив информацию об организации преследования этого советского отряда, сделал серьёзное внушение А.Н. Пепеляеву, нарушившему директиву командарма: «Командиру Средне-Сибирского корпуса приказано действовать, не разбрасывая сил. Если армия задается целью преследовать всех бегущих красноармейцев, то главной задачи она не в состоянии будет выполнить. Это – азбука военного дела»². Однако этот окрик со стороны А.Н. Гришина-Алмазова вряд ли можно признать справедливым в той конкретной оперативной ситуации. Во-первых, отряд М.И. Мальчевского практически не ослабил наступавшие силы пепеляевского корпуса, поскольку насчитывал всего лишь около 100 чел., сумев при этом разгромить численно превосходившего его в несколько раз противника. Во-вторых, у бежавших советских работников в результате успешного преследования удалось отбить и вернуть в Красноярск значительное количество оружия и боеприпасов (около 400 винтовок, 9 пулемётов), а также несколько пароходов и всё золото³.

В освобождённом Красноярске А.Н. Пепеляев немедленно инициировал формирование из числа офицеров и добровольцев нового полка, получившего наименование 1-го Енисейского стрелкового. Его командиром был назначен полковник Б.М. Зиневич. Не надеясь только на приток добровольцев, в городе была объявлена мобилизация «интеллигентной молодёжи» в возрасте от 18 до 25 лет, т.е. лиц, получивших определённое образование. По сообщениям печати, такая мобилизация прошла в 4 дня⁴.

Будучи в Красноярске, А.Н. Пепеляев на другой же день, 21 июня, издал приказ №3 по Средне-Сибирскому корпусу, где предписывал «командирам отдельных частей занести фамилии всех состоящих на службе в частях в особые книги, дабы знать всем нам и нашим потомкам имена тех, кто интересы родины ценил выше своих, кто го-

¹ Познанский В.С. Очерки истории вооружённой борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 211; Елисеев А. Конеч «плавучей республики». Речной бой на Енисее в июле 1918 года // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С.130–136.

² Цит. по: Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 140.

³ Елисеев А. Конеч «плавучей республики»... С.135.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 42; Сибирский курьер. 1918. 25 июля.

тов жизнь отдать на благо и счастье родины»¹. 29 июня 1918 г. он направил в штаб армии ходатайство о необходимости введения в Сибирской армии наград за боевые отличия. Специальная комиссия, созданная по распоряжению командарма, фактически поддержала эту инициативу, приняв решение об учреждении особой «Почётной книги», в которую предлагалось заносить имена и подвиги лиц, особо отличившихся в боях и в деле воссоздания армии и государства. Такого рода книги надлежало вести в штабах корпусов и одновременно сообщать о подвигах в приказах. Кроме того, наградой за боевые отличия становились чины и назначения на более высокие должности².

Одновременно А.Н. Пепеляев приказал «начальникам гарнизонов арестовать и предать военно-полевому суду всех, кто... уклоняется от обязательной явки в ряды Сибирской армии»³. По отношению к уклонявшимся офицерам действительно применялись репрессивные меры. В частности, в Томске попал под арест прапорщик А.Л. Шиловский, отказавшийся идти на фронт. Будучи меньшевиком-интернационалистом, он заявил, что не может стрелять в большевиков, которых считает лишь идейными противниками⁴.

Стремясь привлечь на свою сторону сибирское крестьянство, А.Н. Пепеляев и начальник штаба корпуса А.С. Кононов обратились со специальным воззванием «К населению деревни», которое большим тиражом в виде листовки было отпечатано в Енисейской губернской типографии. «Более восьми месяцев несли вы большевистское иго немецких наместников, целью которых является гибель России, – говорилось в воззвании. – С Божьей помощью большевистская власть свергнута, бегут их разбитые банды, бегут в деревни и леса, спасаясь от заслуженной кары, но и убегая, они стараются причинить как можно более зла народу...». А.Н. Пепеляев призывал

¹ Народная Сибирь. 1918. 29 июня.

² Журавлев В.В., Симонов Д.Г. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны: сибирская специфика: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014. С. 181–183.

³ Народная Сибирь. 1918. 29 июня.

⁴ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 88. Письмо Н.А. Шиловской П.В. Вологодскому от 25 июля 1918 г. Репрессиям подверглись многие офицеры, отказывавшиеся от службы в Белой армии, и в других городах. Так, в Семипалатинске были заключены в тюрьму 12 офицеров, заявивших во время мобилизации, что не могут поднимать руку на соотечественников и участвовать в гражданской войне, тогда как с внешним врагом воевать готовы (*Жизнь Алтая*. 1918. 6 авг.)

крестьян «становиться на борьбу с коварными врагами», создавать дружины, задерживать разбежавшихся преступников-большевиков¹.

В условиях разгоравшейся войны, когда органы гражданской власти находились в стадии становления и реально на освобождавшейся от советов территории доминировали военные, А.Н. Пепеляев старался не допускать потенциальных конфликтов и трений между военной и гражданской властью. В частности, из только что освобождённого Тулуна он отправил 29 июня 1918 г. всем начальникам, командирам гарнизонов, комендантам городов, станций по линии Нижнеудинск – Красноярск – Барабинск телеграмму, в которой говорилось: «Приказываю категорически не вмешиваться в порядок гражданского управления, предоставляя этот последний комиссарам Сибирского временного правительства и местным самоуправлениям»². А.Н. Пепеляеву и самому порой приходилось заниматься урегулированием взаимоотношений между военными и гражданскими структурами. Так, в Нижнеудинске в результате антисоветского переворота, совершённого ещё 28 мая 1918 г., почти одновременно были созданы два органа власти – Комитет общественных организаций и военный комитет из командного состава местной вооружённой организации во главе с бывшим членом Государственной думы И.Н. Маньковым. «Постепенно военный комитет стал забирать власть в свои руки, установилась военная диктатура Манькова», – сообщал об этом уполномоченный Н.В. Фомин в телеграмме от 30 июня 1918 г. С прибытием А.Н. Пепеляева в Нижнеудинск военный комитет был распущен, власть перешла к Комитету общественных организаций и восстановленному городскому и земскому самоуправлению³.

Одновременно в частях корпуса учреждались военно-полевые суды для расследования дел арестованных и военнопленных. Тем самым А.Н. Пепеляев стремился пресечь самовольные расстрелы, насилия и истязания, которые в немалом количестве совершали по своему усмотрению командиры некоторых формирований, входивших в состав его корпуса (штабс-капитан Альдманович, капитан Николаев и др.)⁴. Так, отрядом под командованием капитана Николае-

¹ Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. 2002. № 10. С. 115.

² ГАТО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 213. Л. 179. Телеграмма А.Н. Пепеляева от 29 июня 1918 г.; *Голос народа*. 1918. 31 июля.

³ ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 7. Л. 91.

⁴ Голос народа. 1918. 4, 30, 31 июля, 1 авг.; ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 5. Л. 117–118.

ва, направленным в начале июля 1918 г. для ликвидации советской власти в Троицком заводе, на ст. Залари и окрестных селениях Черемховского уезда Иркутской губернии, были расстреляны без суда и следствия пятеро заподозренных в причастности к советской власти. В д. Холмской по приказу Николаева около 30 человек, включая одну женщину, самовольно были подвергнуты порке ямщицкими кнутами за принадлежность к Красной гвардии. Вот как описывается в одном из документов процесс этой экзекуции:

«Большая комната волостного управления. Около стен скамейки. На скамейках наше блестящее офицерство. Посредине комнаты длинная скамья. Из соседней комнаты выводят по одному арестованному. Сначала проверяли имя, отчество и фамилию арестованного по какому-то списку. Затем поручик Вотин или капитан Николаев командовали: «Снимай штаны!.. Ложись!.. Подыми рубаху!..». После этого поручик Вотин принимался истязать арестованного. Во время истязания арестованные молили о пощаде, говорили, что они не имеют никакого отношения к Красной гвардии. Один из арестованных, доведённый до отчаяния, кричал, что признаёт и Временное правительство и даже Николая. После окончания экзекуции наступал следующий диалог между капитаном Николаевым или поручиком Вотиним, с одной стороны, и арестованным – с другой:

- Признаёшь Временное правительство?
- Да.
- Православный?
- Да.
- Крестись! (Крестится).
- Теперь иди и не попадайся – расстреляем!»¹.

Подобного рода проявления самоуправства военщины отрицательно сказывались не только на имидже молодой Сибирской армии. Они подрывали авторитет краевой власти, находившейся в стадии становления.

В конце июня 1918 г. в Омске произошло важное политическое событие – власть перешла от Западно-Сибирского комиссариата непосредственно к Временному Сибирскому правительству во главе с П.В. Вологодским. А.Н. Гришин-Алмазов стал управляющим военным министерством, оставаясь одновременно командующим Сибирской армией.

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 5. Л. 117–118.

Тем временем чехословацкие части и полки Средне-Сибирского корпуса после перегруппировки сил продолжили наступление в направлении Иркутска, где располагался высший орган советской власти в Сибири – Центросибирь и были сосредоточены главные силы сибирской Красной армии и Красной гвардии. В Средне-Сибирском корпусе на 12 июля 1918 г. насчитывалось 247 чел. командного состава, 2985 штыков, 169 сабель, 388 чел. не вооружённых, 214 артиллеристов. На вооружении имелось 39 пулемётов, 7 бомбомётов, 6 тяжёлых и 2 лёгких орудия¹.

В результате ряда успешно проведённых чехо-белыми операций в первых числах июля последовательно были заняты станции Зима, Тыреть, Забитуй. Выйдя 4 июля к станции Черемхово (128 километров западнее Иркутска), двумя колоннами они начали наступление на Иркутск. Одна из колонн под командованием подполковников Я.Н. Перчука и Б.Ф. Ушакова численностью 600 чел. наносила лобовой удар по линии железной дороги. Другая, во главе с А.Н. Пепеляевым, численностью 800 чел. наступала по тракту для выхода в тыл советских войск. 11 июля 1918 г. она вступила в Иркутск, оставленный красными почти без боя². Городским самоуправлением 15 июля был устроен банкет в честь чешских и русских офицеров – освободителей города от советской власти³.

Иркутянин – очевидец тех событий – писал: «Через город проходят чехословацкие эшелоны и белогвардейские полки. Прошли полки томский и барнаульский... Состав полков самый пёстрый: студенты-технологи, офицеры, юнкера, гимназисты, реалисты, отставные чиновники, учителя и вообще сплошь интеллигенция. Народ безмолвствует. Народ отсутствует. Интеллигенция спасает последние куски истерзанной Руси, которые ещё не успели сломать самодержавные комиссары. Среди офицеров много георгиевских кавалеров, есть и седые старики, поседевшие, быть может, в боях, а быть может, и от тех нравственных пыток, которые им пришлось пережить. Рядом с седым офицером юный кадет или гимназист не более 16 лет. У всех винтовки...»⁴. В числе кадетов в составе Средне-Сибирского корпуса воевал и семнадцатилетний младший брат А.Н. Пепеляева Логгин, получивший в этом походе увечье при столкновении паровозов⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 160. Л. 132.

² *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 287–289.

³ *Домбровский В.* Иркутск (Первые дни переворота) // *Сибирская жизнь.* 1918. 3 авг.

⁴ Цит. по: *Новиков П.А.* Борис Федорович Ушаков: штрихи к портрету // *Белая армия.* Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 1999. № 6. С. 73.

⁵ *Памяти героя* // *Сибирская речь.* 1919. 12 янв.

Командующий советскими войсками П.К. Голиков в качестве главной причины оставления Иркутска называл «деорганизацию армии, неналаженность хозяйства в воинских частях, самое построение армии на отрядных началах, в большинстве своём мелких, действующих сепаратно и почти всегда самостоятельно». Своим приказом от 13 июля 1918 г. он предпринял попытку реорганизации армии. С этой целью все разрозненные кавалерийские части сводились в два кавалерийских полка, пехотные – в два стрелковых полка, отряды интернационалистов – в 1-й Сибирский интернациональный стрелковый полк, артиллерия – в Сибирский артдивизион¹.

В свою очередь, в преддверии решающих сражений А.Н. Пепеляев 20 июля 1918 г. также осуществил реорганизацию своего корпуса, сведя все его полки в две дивизии. В состав 1-й Сибирской стрелковой дивизии вошли 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Томские полки. Начальником дивизии был назначен полковник Е.К. Вишневский. Обязанности начальника штаба первое время исполнял поручик Н.А. Крепкогорский, затем – ротмистр Б.Ф. Овчинников и штабс-капитан И.М. Штальберг. В состав 2-й Сибирской стрелковой дивизии вошли 1-й и 2-й Новониколаевские, 1-й Барнаульский и 1-й Енисейский полки. Её начальником стал полковник Б.М. Зиневич. Штаб дивизии первоначально возглавил подполковник А.К. Порогов, затем его сменил капитан Д.П. Турбин².

Одновременно А.Н. Пепеляев предпринял ряд мер с целью пополнения своего корпуса. В изданном им 28 июля приказе констатировалось: «В то время, как лучшая часть офицерства потом и кровью зарабатывает счастье измученной Родины, находятся офицеры, которые наводняют тыловые штабы и попросту просиживают по многочисленным городам освобождённой Сибири». Далее предписывалось «начальникам всех гарнизонов всех офицеров отправить немедленно на фронт, штабы расформировать, оставив одного адъютанта»³. Приказом по Иркутскому казачьему войску от 24 июля 1918 г. была объявлена мобилизация офицеров, военных чиновников, врачей, а также казаков ряда призывных возрастов. По примеру Красноярска в Иркутске проводилась мобилизация «интеллигентной молодёжи» в возрасте от 18 до 25 лет⁴.

¹ РГВА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

² Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 190.

³ Цит. по: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 88.

⁴ Сибирский курьер. 1918. 25, 26 июля; Голос народа. 1918. 16 авг.; Жизнь Алтая. 1918. 3 сент.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 338.

За успешные боевые действия приказом по Сибирской армии от 2 июля 1918 г. А.Н. Пепеляев был произведён в полковники. В телеграмме товарища (заместителя) министра внутренних дел от 16 июля 1918 г., направленной А.Н. Пепеляеву, говорилось: «По поручению Временного Сибирского правительства уведомляю Вас, что Вы за отличие в делах и за взятие Иркутска произведены в полковники, считаю для себя приятным долгом сообщить эту радостную весть»¹.

Получив телеграмму, А.Н. Пепеляев написал большое личное письмо командарму А.Н. Гришину-Алмазову, в котором выразил удивление по поводу своего производства в полковники. «Я и в мыслях не имел о награде себе, тем более такой, как производство, – писал он. – Позволю себе доложить Вам, что в дальнейшем я не жду никаких наград для себя (работа моя, боюсь, и так награждена слишком, единственным моим желанием является победа над большевиками, восстановление былой славы родной армии и полное восстановление мощи нашей великой, но обессиленной Родины – этой идее я бескорыстно буду служить, куда хватит моих сил. Или смерть или победа!»².

В самый разгар своего «Восточного похода» А.Н. Пепеляев получил, что называется, удар в спину. Стремительный взлёт, военные победы молодого успешного офицера вызвали зависть кое у кого из офицеров. На стол военного министра легли доносы на А.Н. Пепеляева, в том числе и от соратника по томскому подполью полковника Н.Н. Сумарокова, оказавшегося в опале из-за своих монархических взглядов. Из Красноярска в Омск к генералу А.Н. Гришину-Алмазову выехал полковник Зверев, обеспокоенный «тенденцией полковника Пепеляева рассказывать штабы, работавшие ещё в подполье»³. Появились намёки на то, что якобы А.Н. Пепеляев неоялен к Сибирскому правительству, стремится к созданию некоей «Партии военной диктатуры». Масла в огонь подлил эсер П.Я. Михайлов, командированный в первой половине июля 1918 г. Временным Сибирским правительством в качестве уполномоченного в распоряжение Средне-Сибирского корпуса. Прибыв в штаб корпуса и собрав информацию о состоянии частей Сибирской армии, П.Я. Михайлов 12 июля направил А.Н. Гришину-Алмазову личное письмо, в котором старался уверить командарма, что дела здесь

¹ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1. Л. 78об.

³ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

«идут чрезвычайно нехорошо, и необходимо принимать самые решительные меры», что «сейчас восток и фронт этот в предательских руках» и что виновным в сложившейся обстановке является командир корпуса А.Н. Пепеляев, якобы устранивший назначенцев А.Н. Гришина-Алмазова и «раскассировавший» созданные им организации. А.Н. Пепеляев обвинялся также в несанкционированном свыше установлении связей с атаманом Г.М. Семеновым, генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и Дальневосточным комитетом защиты Родины и Учредительного собрания¹. Одновременно П.Я. Михайлов направил пространный конфиденциальный доклад в Совет министров Временного Сибирского правительства, в котором также отмечал, что собранные им сведения о правительственных войсках восточного района «должны навести на глубокие размышления», что офицерский состав здесь недоволен высшим командным составом, состоящим из «малоизвестных лиц, тогда как имеется много боевых офицеров с крупными уважаемыми именами», что «правая часть офицерства ведёт откровенно монархическую пропаганду, стараясь дискредитировать и возбудить недовольство правительством»². «Зная полковника Пепеляева за прямого человека, – продолжал П.Я. Михайлов, – я задал ему вполне определённые и прямые вопросы, на которые он ответил, что он верный слуга Сибирского правительства, но за корпус не ручается, с Семеновым корпус сражаться не пойдёт. По мнению полковника Пепеляева, его корпус нужно перебросить на запад и заменить новым»³.

А.Н. Гришин-Алмазов вынужден был в личном письме, адресованном А.Н. Пепеляеву, сообщить о плетущихся вокруг его имени интригах: «Люди, которым, по-видимому, выгодно посеять смуту и взаимное недоверие в нашей офицерской семье и, между прочим, между высшими начальствующими лицами, уже долгое время стремятся убедить меня, что Вы стоите во главе «партии военной диктатуры», что вы определённо сносите с Дальневосточным комитетом и т.д. и т.д.»⁴.

¹ Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов... С. 160–161. Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания во главе с генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом базировался в Харбине. 8 июля 1918 г. Д.Л. Хорват провозгласил себя Временным правителем и возглавил претендовавший на всероссийскую власть «Деловой кабинет министров».

² ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 18об.

³ Там же. Л. 20.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

Упоминание о «партии военной диктатуры» было не случайным. Накануне на стол А.Н. Гришина-Алмазова легла рукописная копия проекта устава партии под таким названием. А.Н. Гришин-Алмазов, судя по собственноручно сделанным пометкам и резолюции, датированной 16 июля 1918 г., внимательно ознакомился с текстом этого документа, состоявшего из преамбулы и восьми параграфов. Главным был первый параграф, гласивший: «До окончания войны с Германией и её союзниками вся власть должна быть сосредоточена в руках одного лица – военного диктатора». Военный диктатор должен был избираться существующим Сибирским правительством, другими областными и Российским правительствами, которые образуются после свержения большевиков¹.

В те же дни идея установления военной диктатуры активно обсуждалась в торгово-промышленных кругах Омска, получив отражение на страницах периодической печати. Иркутская газета «Сибирский курьер» поместила статью под заголовком «Будет ли военная диктатура?», автор которой уверял читателей, будто бы «мысль о введении военной диктатуры встречает сильное сочувствие среди военных кругов и части членов Временного [Сибирского] правительства» и что «многие ожидания военных кругов связаны с именами генералов Хорвата и Колчака»².

Оказавшись в состоянии непростого выбора между А.Н. Пепеляевым и его недругами, среди которых оказался соратник А.Н. Гришина-Алмазова по антибольшевистскому подполью П.Я. Михайлов, командарм встал на сторону командира корпуса. В упомянутом выше письме А.Н. Гришин-Алмазов особо подчеркнул: «Раз навсегда, чтобы не было между нами никаких недоразумений, я заявляю Вам, так же как и Вашим врагам, честно и открыто: я верю Вашему офицерскому честному слову служить верой и правдой Временному Сибирскому правительству, я ценю Вас как храброго и умелого боевого начальника, и в смысле политическом Вы также пользовались и ныне пользуетесь моим полным доверием»³.

Возмущённый интригами, А.Н. Пепеляев в ответном письме А.Н. Гришину-Алмазову от 29 июля 1918 г. заверял командарма: «Я даю Вам слово человека, ценящего это слово выше жизни, что ни в какой партии и организации (кроме тайной организации г. Томска,

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

² *Сибирский курьер*. 1918. 25 июля.

³ Цит. по: *Шикин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов... С. 160–161.

которую сам организовал в январе 1918 г.) я не состоял и не состою... Ещё раз считаю долгом Вам доложить, что никаких интриг я не боюсь, ибо совесть моя чиста и потому ещё, что никогда я лицам не служил и не буду служить, я буду лишь служить своей великой, но измученной Родине, и цель моей жизни – хотя немного принести пользы в деле воссоздания былой мощи нашей армии на славу и счастье всей России»¹.

Находясь в Иркутске, А.Н. Пепеляев вынужден был принять участие в разрешении возникшего политико-дипломатического вопроса. Дело в том, что сражавшиеся бок о бок с пепеляевским корпусом чехословацкие войска формально представляли собой часть союзных войск в Первой мировой войне и были подчинены французскому командованию. А в Иркутске тогда находились французский генеральный консул Буржуа и американский генеральный консул Гаррис. По инициативе Р. Гайды состоялись переговоры, продолжавшиеся целую ночь и утро, в которых участвовали оба консула, Р. Гайда с А.Н. Пепеляевым и уполномоченный Временного Сибирского правительства Н.В. Фомин. А.Н. Пепеляеву с Н.В. Фоминым в ультимативной форме были предъявлены на выбор три варианта: 1) передать командование фронтом полковнику Р. Гайде, подчинив ему Средне-Сибирский корпус; 2) Средне-Сибирскому корпусу остаться в Иркутске, а чехословакам дать возможность продвигаться далее на восток самостоятельно; 3) оставить чехословаков в Иркутске и, напротив, дальше на восток пробивать дорогу в сражениях с советскими войсками вплоть до Владивостока одному пепеляевскому корпусу. Как оказалось, авторство этих ультимативных вариантов принадлежало самому полковнику Р. Гайде. Н.В. Фомин и А.Н. Пепеляев дипломатично ответили, что они выступают за «объединение оперативными действиями», но решение этого вопроса находится в компетенции Временного Сибирского правительства. При этом А.Н. Пепеляев, по свидетельству Н.В. Фомина, в присутствии консулов «торжественно заявил, что он может силами своего корпуса очистить восток от неприятеля и уверен в успехе»². Эти свои слова А.Н. Пепеляев подтвердил в личном письме, направленном в те же дни командарму А.Н. Гришину-Алмазову, в котором уверял, что «русский корпус один разобьёт большевистские банды и один освободит Сибирь до Владивостока»³.

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

После состоявшихся переговоров Н.В. Фомин немедленно связался по прямому проводу с премьер-министром Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским и предложил создать должность командующего фронтом, назначив на неё полковника Р. Гайду. В противном случае, по мнению Н.В. Фомина, чехословаки будут действовать сепаратно и в военной, и в гражданской сферах. Более того, Р. Гайда, по его словам, в последние два дня в Иркутске якобы «был недалёк от того, чтобы объявить о принятии гражданской власти в свои руки»¹, что означало бы прямое вмешательство во внутренние дела, входившие в компетенцию Временного Сибирского правительства.

Омское руководство, как видно из последующих событий, приняло предложение Н.В. Фомина. Для более эффективного оперативного управления объединёнными чехословацкими и белогвардейскими силами, сражавшимися на территории Восточной Сибири, 21 июля 1918 г. был образован штаб Восточного фронта. Главкомандующим войсками фронта был назначен Р. Гайда, начальником штаба – подполковник Б.Ф. Ушаков (после его гибели – полковник Б.П. Богословский). Части Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева перешли в подчинение Р. Гайды, однако А.Н. Пепеляев остался командиром корпуса. В его составе здесь действовали Барнаульский, 2-й Новониколаевский, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Томские полки, Томский артдивизион, 1-й эскадрон Томского кавалерийского дивизиона, 3-я сотня енисейских казаков и Нижнеудинская сотня².

Принятое Омском решение о подчинении А.Н. Пепеляева чешскому полковнику оставило, судя по всему, в его душе не совсем приятный осадок. В письме А.Н. Гришину-Алмазову он выразил сожаление, что ему не было предоставлено необходимой самостоятельности и что в результате «приходится, кроме боевых дел, заниматься ещё и улаживанием различных конфликтов»³. К тому же Средне-Сибирский корпус являлся ядром войск Восточного фронта. Его общая численность к 2 августа 1918 г. составляла 5978 человек при 4 орудиях и 33 пулемётах, тогда как у чехословаков насчитывалось 3350 чел. при 25 пулемётах и без орудий⁴. Противостоящие им

¹ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

² Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 88; Симон Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 289.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 4.

на территории Забайкалья силы красноармейцев и красногвардейцев составляли тогда около 6–7 тыс. чел.

В пепеляевском корпусе в течение всего лета 1918 г. сохранялся наиболее высокий, по сравнению с другими частями Сибирской армии, процент офицеров. Сам А.Н. Пепеляев в августе 1918 г. отмечал, что его части состоят «почти исключительно из офицеров»¹. Действительно, из 3294 бойцов корпуса, находившихся непосредственно на передовой, офицерами являлись 2393, или 72,6%. В некоторых частях этот процент был ещё выше: в 1-м Томском стрелковом полку – 82,1%, в 3-м – 84,5%². «Дисциплина в корпусе стоит хорошая, – отмечал А.Н. Пепеляев в одном из своих писем А.Н. Гришину-Алмазову, – но в этом направлении приходится класть массу труда и энергии»³.

Назначение Р. Гайды главнокомандующим войсками Восточного фронта притом, что главной ударной силой являлись части Средне-Сибирского корпуса, было шагом политическим, обусловленным не в последнюю очередь признанием со стороны Временного Сибирского правительства заслуг чехословацких легионеров в деле борьбы с советской властью. В этих условиях А.Н. Пепеляев был вынужден выстраивать соответствующие взаимоотношения с новоиспечённым главкомом, к которому относился на первых порах крайне настороженно. Свидетельство тому – телеграмма, направленная А.Н. Пепеляевым в самый канун создания Восточного фронта, 19 июля, из Иркутска А.Н. Гришину-Алмазову, в которой он «категорически заявлял», что «полковнику Гайде в смысле преданности Временному Сибирскому правительству верить нельзя»⁴. Однако после назначения Р. Гайды командующим фронтом в очередном письме командарму от 29 июля 1918 г. А.Н. Пепеляев уже выражал сожаление по поводу столь категоричной своей оценки, добавив: «Думаю, что из правительства не нравятся ему (т.е. Р. Гайде. – *Н.Л.*) отдельные лица». В этом же письме А.Н. Пепеляев признавался: «Что касается полковника Гайды, скажу откровенно: я до сих пор не могу разгадать этого человека. Как солдат и начальник, он внушает мне уважение. Как человек, он неискренний и часто не исполняет своих слов и вообще не постоянен». Вместе с тем А.Н. Пепеляев заверил коман-

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

² Там же. Д. 161. Л. 37. (Подсчёты наши. – *Н.Л.*)

³ Там же. Д. 45. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 6.

дарма, что не допустит каких-либо конфликтов с Р. Гайдой¹. Однако «маленькие недоразумения с полковником Гайдой», по признанию А.Н. Пепеляева, иногда всё же происходили². Как отмечал уполномоченный ВСП П.Я. Михайлов, побывавший в июле 1918 г. в расположении Средне-Сибирского корпуса, Р. Гаида на первых порах «с Пепеляевым совершенно не считался и только впоследствии объективные внешние условия заставили его войти в определённое отношение с ним. Полковник Гаида человек хитрый и ненадёжный»³. Отмеченные «хитрость и ненадёжность» этого чешского офицера в полной мере проявились в следующем, 1919 году.

2 августа 1918 г. А.Н. Гришин-Алмазов направил всем командирам корпусов, в том числе А.Н. Пепеляеву, приказ, в котором говорилось, что в борьбе с врагами «каждый начальник должен быть настойчив и беспощаден, проявляя необходимую инициативу и не боясь ответственности за превышение власти». «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителя вообще не осудят ни любящие родную землю современники, ни благоразумные потомки»⁴.

К тому времени фронтальная группа чехо-белых, предприняв наступление по железной дороге к востоку от Иркутска, вышла к Байкалу и 20 июля 1918 г. с боем заняла станцию Слюдянка⁵. Однако в борьбе за Кругобайкальскую железную дорогу и Забайкалье чехо-белые встретились с упорным сопротивлением советских войск и вновь были вынуждены произвести перегруппировку сил, в результате которой руководство всеми русскими и чехословацкими частями на ст. Слюдянка и восточнее её было возложено на полковника А.Н. Пепеляева. Он, в свою очередь, 1 августа разделил подчинённые ему войска на две группы – боевой участок (1680 штыков, 200 сабель при 18 пулемётах и 8 орудиях) во главе с полковником Е.К. Вишневым и резерв (1900 штыков) под командованием капитана Э. Кадлеца⁶. Таким образом, пепеляевские части на заключительном этапе своего Восточного похода выступили главной удар-

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

² Там же. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 86.

⁶ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

ной силой в сражениях с советскими вооружёнными формированиями.

Особенно упорными и кровопролитными выдались бои в районе ст. Мурино, в которых А.Н. Пепеляев принимал самое непосредственное участие. Разработанный им совместно с Р. Гайдой план привёл к окружению и полному разгрому крупной группировки красных, потерявших около 700 чел. убитыми и 2,5 тыс. пленными. Были захвачены 2 бронепоезда, 4 артиллерийских орудия, 17 пулемётов, 7 паровозов, вспомогательный, продовольственный и санитарный поезда, несколько порожних составов. Эти трофеи были весьма кстати, так как боевые операции велись преимущественно вдоль железнодорожной магистрали¹.

В письме А.Н. Гришину-Алмазову со станции Слюдянка 19 августа 1918 г. А.Н. Пепеляев отмечал «высокую доблесть и мужество, проявленные войсками во время операции в районе ст. Мурино – Утулик 3–6 августа 1918 г.», и с гордостью подчёркивал: «Это первая большая победа русских и чешских войск на Востоке. Она вызвала огромный подъём энтузиазма во вверенных мне войсках, так как им принадлежит главная часть победы»².

Однако и пепеляевцам победа досталась высокой ценой. В Средне-Сибирском корпусе потери составили 70 чел. убитыми и 200 ранеными. После этих боёв в Томск 10 августа были доставлены 86 раненых бойцов, размещённых в 171-м госпитале на Никитинской улице³. Среди погибших были подпоручики К.С. Часовников (сын томского профессора), В.Т. Лупиш, прапорщики О.В. Лахин (сын священника, студент Томского технологического института), П.И. Серебренников и ряд других офицеров⁴. Войска «постепенно тают, уже много потерь, много больных», – констатировал А.Н. Пепеляев и добавлял в письме А.Н. Гришину-Алмазову, что надо спешить с проведением мобилизации⁵.

Тем временем разгоравшаяся на просторах Сибири гражданская война сопровождалась эскалацией жестокости. Белые практически не брали в плен так называемых интернационалистов – бывших во-

¹ Камбалин А.И. Десантная операция у Посольского монастыря на озере Байкал и бои у станции Посольской 14–20 августа 1918 года // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2009. № 17. С. 65; Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 293–294.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

³ Сибирская жизнь. 1918. 14 авг.

⁴ Там же. 3, 17, 21 авг., 8 сент.

⁵ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

еннопленных Первой мировой войны венгров, немцев, австрийцев, добровольно вступивших в ряды Красной армии и Красной гвардии. В свою очередь, красные убивали, нередко с особой жестокостью, попадавших к ним в плен офицеров. Так, 27 июня в Нижнеудинск были доставлены 9 изуродованных трупов большевистских жертв, которые затем были отправлены в Томск для составления актов в присутствии иностранцев¹. До неузнаваемости оказалось обезображено тело начальника штаба Восточного фронта полковника Б.Ф. Ушакова, попавшего в руки красноармейцев 17 августа 1918 г.

Последняя крупная операция, закончившаяся разгромом советских войск в Забайкалье, была проведена чехо-белыми в период с 14 по 20 августа 1918 г. Фронтальная группа под командованием А.Н. Пепеляева в результате ожесточённого боя 18 августа захватила станцию Посольская, а 20 августа – г. Верхнеудинск. Остатки советских войск отступили в Читу, которую также были вынуждены оставить 26 августа в результате вспыхнувшего там антисоветского восстания. Тем же вечером в освобождённый город вошёл передовой отряд, а на следующий день – основные силы Восточного фронта, в том числе части Средне-Сибирского корпуса, один из командиров которого, генерал А.Г. Укке-Уговец был назначен начальником Читинского гарнизона².

К моменту занятия Читы Средне-Сибирский корпус насчитывал 4805 штыков, 623 сабли, 14 орудий и 52 пулемёта. Приказом А.Н. Гришина-Алмазова от 26 августа 1918 г. были унифицированы номера и названия корпусов, дивизий и полков Сибирской армии. В результате пепеляевский корпус стал именоваться 1-м Средне-Сибирским, а обе его дивизии и все полки получили новую нумерацию. Командирами стрелковых полков в тот период, по данным Д.Г. Симонова, были: подполковник В.Д. Травин (1-й Новониколаевский), полковник А.В. Ивакин (2-й Барабинский), подполковник А.Н. Вольский (3-й Барнаульский), подполковник М.И. Мальчевский (4-й Енисейский), подполковник Б.Я. Шуман (5-й Томский), капитан Николаев (6-й Мариинский), генерал-майор А.Г. Укке-Уговец (7-й Кузнецкий), штабс-капитан Н.Ф. Шнаперман (8-й Бийский)³.

¹ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири... С. 76.

² Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 296, 298–299.

³ Там же. С. 191–192, 196.

Близкая победа над вооружёнными формированиями сибирских советов укрепляла боевой дух офицеров и солдат пепеляевского корпуса. «Было бы непростительно не отметить того прекрасного бодрого боевого настроения, граничащего с горячим энтузиазмом среди молодёжи нашего полка, который царил во всех частях, – вспоминал впоследствии участник Восточного похода помощник командира Барнаульского полка А.И. Камбалин. – Опасная трудная десантная операция только зажигала задор и страстное спортивное соревнование в каждом бойце, толкая его на подвиг и самопожертвование. Песням, шуткам и остротам не было конца, всё делалось с полунамёка или часто по своей инициативе, вызывая только одобрение и похвалу начальства. Наши вчерашние реалисты, гимназисты и студенты, получив боевую закалку в предыдущих тяжёлых боях под Иркутском, у Култука, Слюдянки, Салзана и у ст. Мурино, являлись уже превосходными старыми солдатами. Об офицерском же составе рядовых не могу не вспомнить без чувства восхищения и преклонения... Измученные и нравственно, и физически, потерявшие всё дорогое и близкое, затравленные и униженные, обречённые на гибель, офицеры сражались как львы, зная, что пощады не будет»¹.

А.Н. Пепеляев в эти напряжённые дни и недели кровопролитных боёв находился непосредственно среди бойцов, делил вместе с ними все трудности боевой обстановки. «В старой поношенной шинели, которую он носил ещё с германской войны, в обыкновенной солдатской фуражке, сдвинутой набок, он походил на солдата, а не на ответственного начальника, в руках которого находились жизни этих людей, тёмными, молчаливыми рядами тянущихся за ним по шпалам...», – таким запомнился командир корпуса участникам Восточного похода².

Офицеры и добровольцы чувствовали также и ощутимую поддержку со стороны тыла. В частности, торгово-промышленники Томска ещё в середине июля 1918 г. собрали и отправили бойцам Средне-Сибирского корпуса «гостинцы» – 20 пудов сыра, 20 пудов масла, нескольких пудов колбасы, окороков и разных копчёностей³.

¹ Камбалин А.И. Десантная операция у Посольского монастыря на озере Байкал и бои у станции Посольской 14–20 августа 1918 года // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2009. № 17. С. 68–69.

² Кирилов А.А. Указ.соч. С. 52.

³ Сибирская жизнь. 1918. 20 июля.

Месяцем ранее они же преподнесли в качестве подарка Сибирской армии 800 тыс. руб. для закупки 500 лошадей¹.

Заняв Читу, чехо-белые продолжили преследование остатков советских войск. В восточном направлении от станции Карымская наступление вели бойцы отряда полковника Е.К. Вишневого, в распоряжении которого находились 1-й, 2-й и 4-й Томские полки, 1-й батальон 7-го Татранского чешского полка и две сотни енисейских казаков. В юго-восточном направлении вдоль линии железной дороги на Маньчжурию действовал отряд под непосредственным командованием самого А.Н. Пепеляева в составе 3-го Томского, 2-го Новониколаевского, 3-го Барнаульского и 4-го Енисейского полков.

Спустя несколько дней на реке Онон у станции Оловянная пепеляевский отряд встретился с силами действовавшего в Забайкалье атамана Г.М. Семенова. В связи с этим событием 1 сентября 1918 г. был издан специальный приказ по войскам Восточного фронта, в котором объявлялось: «Разъединённые врагом, мы мужественно боролись с ним, наступая навстречу друг другу, и вот вчера, 31 августа, свершилась давно желанная встреча: на реке Ононе сибирские и чехословацкие войска соединились с войсками атамана Семенова и чехословаками, шедшими с востока»².

На станцию Оловянная для встречи с Р. Гайдой и А.Н. Пепеляевым сначала приехал представитель атамана Г.М. Семенова полковник Афанасьев. По словам участника Восточного похода А.А. Кирилова, Афанасьев «вёл переговоры весьма неопределённо и, казалось, что-то недоговаривал». Русские и чехословацкие военачальники провели экстренное заседание военного совета, по итогам которого «Афанасьеву было предложено передать атаману Семенову, что если он не признает Сибирского правительства, то против него немедленно будут открыты боевые действия, причём был дан срок до 12 час. следующего дня»³. В результате атаман Г.М. Семенов, не дожидаясь окончания срока ультиматума, сам явился в штаб и заявил о своей готовности подчиниться Временному Сибирскому правительству, сопроводив, правда, это согласие просьбой о признании со стороны правительства его атаманства и о производстве его в полковники⁴.

¹ *Сибирская жизнь*. 1918. 23 июня.

² РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³ *Кирилов А.А.* Указ.соч. С. 56.

⁴ Там же.

5 сентября 1918 г. со станции Оловянная в Совет министров в Омск ушла телеграмма за подписями полковника А.Н. Пепеляева и атамана Г.М. Семенова, в которой сообщалось: «Дружески встретились войска Временного Сибирского правительства и атамана Семенова. Достигнуто полное соглашение. Атаман Семенов признаёт власть Сибирского правительства и ему подчиняется. Я предлагаю атаману Семенову формировать штаб Приамурского военного округа [и] Приамурский корпус [в] составе одной пешей, одной конной казачьей дивизии. Прошу одобрить мои действия и утвердить атамана Семенова в должности комкор[а] Приамурского»¹.

По свидетельству А.А. Кирилова, А.Н. Пепеляев в тот же день послал телеграмму в Омск, содержащую представление атамана Семёнова в чин полковника. «Вскоре был получен благоприятный ответ от правительства – атаман Семёнов был произведён в полковники и назначен командиром 5-го Сибирского корпуса, состоящего из двух казачьих и одной пехотной дивизий, сформированных в районе Забайкалья»².

Вскоре на станции Борзя состоялась встреча Р. Гайды, А.Н. Пепеляева и обер-квартирмейстера штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса подполковника А.С. Кононова с генералом Д.Л. Хорватом, который также выразил готовность подчиниться Временному Сибирскому правительству³. Затем А.Н. Пепеляев принял участие во встрече с японским генералом Муто, который представился, судя по воспоминаниям А.А. Кирилова, главнокомандующим японскими экспедиционными войсками на Дальнем Востоке. В действительности генерал-майор Муто возглавлял в тот период японскую военную миссию в Харбине. Фактически она имела статус головного органа японской разведки на Дальнем Востоке⁴, о чём ни А.Н. Пепеляев, ни его окружение, скорее всего, не знали. Во время этой встречи А.Н. Пепеляев, по словам А.А. Кирилова, «категорически настоял на невозможности дальнейшего продвижения японских войск на территорию Сибири и открыто высказал мысль, что это будет нарушением русского суверенитета, хотя японцы были очень настойчивы»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1. Л. 304.

² Кирилов А.А. Указ.соч. С. 57.

³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. М., 2004. С. 255.

⁴ Полтуев А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 4. С. 76.

⁵ Кирилов А.А. Указ.соч. С. 57.

6 сентября состоялся разговор по прямому проводу одного из наиболее приближенных к А.Н. Пепеляеву военачальников его корпуса – командира 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Е.К. Вишневого с председателем Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским. Генерал проинформировал премьера о том, что «все притязания на власть окончательно устранены. Всюду проводится власть правительства, возглавляемого Вами»¹.

Участие во встречах с атаманом Г.М. Семеновым, генералом Д.Л. Хорватом и японским генералом Муто, а ещё ранее – с иностранными консулами в Иркутске – свидетельствовало о постепенном втягивании А.Н. Пепеляева в политику. И хотя в этой сфере он, будучи кадровым боевым офицером, ориентировался слабо, тем не менее действовал в тот период вполне в русле общей политической линии Временного Сибирского правительства и указаний управляющего военным министерством. Судя по сохранившимся архивным документам, А.Н. Пепеляев получал необходимую, в том числе конфиденциальную, информацию, касавшуюся выстраивания своих взаимоотношений с атаманом Семеновым и Д.Л. Хорватом. Такого рода информацией его мог снабжать помощник начальника Иркутского военного округа подпоручик Н.С. Калашников, которому А.Н. Гришин-Алмазов ещё 11 августа 1918 г. подписал удостоверение, поручив от имени командующего Сибирской армией вести переговоры с есаулом Г.М. Семеновым и с генералом Д.Л. Хорватом. С этими документами 22 августа Н.С. Калашников выехал из Иркутска в штаб Восточного фронта². «...Впредь обо всём сообщайте полковнику Пепеляеву. У меня от него не может быть секретов», – инструктировал А.Н. Гришин-Алмазов Н.С. Калашникова³.

Во время пребывания А.Н. Пепеляева в Забайкалье произошла смена военного руководства в столице Белой Сибири. В результате разразившегося там правительственного кризиса 5 сентября 1918 г. был уволен управляющий военным министерством, командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов. Вместо него в тот же день был назначен генерал П.П. Иванов-Ринов, занимавший ранее должность командира 2-го Степного Сибирского корпуса. О произведённой замене омские власти немедленно уведомили командование

¹ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 4, 8, 9.

³ Там же. Л. 18.

Восточного фронта и 1-го Средне-Сибирского корпуса. Во избежание возможных эксцессов и осложнений А.Н. Пепеляев, находившийся на ст. Оловянная, в тот же день отреагировал на полученные известия изданием приказа, которым объявлялось военное положение в районах расположения войск корпуса, т.е. на территории Алтайской, Иркутской, Томской (за исключением Нарымского края) и Енисейской (за исключением Туруханского края) губерний¹.

На другой день по прямому проводу с Забайкальем связался сам премьер-министр Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский. В разговоре с ним генерал Е.К. Вишневский заверил премьера: «Увольнение генерала Гришина-Алмазова считаем целесообразным, необходимым», но вместе с тем добавил: «Полагаем также впредь командование армией должно быть отделено от управления военного министерства. Вредно для дела сосредоточить это в одних руках»².

Одновременно А.Н. Пепеляев обратился в Совет министров Временного Сибирского правительства с ходатайством о назначении на должность главнокомандующего сибирскими и чехословацкими войсками на территории Сибири генерала Р. Гайды с подчинением его Временному Сибирскому правительству. П.В. Вологодский провёл переговоры по прямому проводу с полковником Р. Гайдой, который также высказался за необходимость своего назначения командующим соединёнными силами чехо-сибирских войск «в целях установления единства представительства перед союзными войсками». 6 сентября Совет министров ВСП на своём заседании признал необходимым «установление единства командования соединёнными силами чехо-сибирских войск, действующих на востоке». Однако решение вопроса о назначении Р. Гайды было отложено до консультации с управляющим военным министерством³.

8 сентября Совет министров, заслушав доклад П.В. Вологодского, постановил «послать телеграмму полковнику Пепеляеву с извещением, что назначение генерала Гайды главнокомандующим войсками сибирскими [и] чехословацкими на территории Сибири с подчинением его Временному Сибирскому правительству невозможно до совещания в г. Уфе по созданию всероссийской власти,

¹ *Алтайские губернские известия*. 1918. 15 сент.

² ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

³ *Временное Сибирское правительство...* С. 325.

где должен разрешиться общий вопрос о разграничении командования Западным и Восточным фронтами». Одновременно было решено послать ещё одну телеграмму А.Н. Пепеляеву «с указанием не чинить препятствий к проходу союзных войск»¹.

По итогам Восточного похода А.Н. Пепеляев издал приказ: «После жестоких боёв под Мурино, Танхоем, Мысовой и Посольской, закончившихся полным поражением большевиков и мадьяр и очищением всего Забайкалья, войска Средне-Сибирского, совместно с чехословаками победно вступили в г. Читу. Жалкие остатки противника бежали на Амурскую ж.д. и Троицкосавск. От лица службы благодарю бойцов за беззаветную храбрость. Впереди нас ждёт победа, ибо, воодушевлённые любовью к Родине, мы не можем не победить. Благодарная, свободная Россия не забудет погибших сынов своих, покрывших себя славой на далёких полях Сибири»². Примерно в те же дни (конец августа – начало сентября 1918 г.) А.Н. Пепеляев издал приказ о выделении 10 тыс. рублей на сооружение монумента на берегу Байкала в память погибших офицеров и добровольцев 1-го Средне-Сибирского корпуса и чехословаков³.

23 августа 1918 г. под председательством командующего войсками Восточного фронта Р. Гайды при участии А.Н. Пепеляева, других русских и чехословацких офицеров при штабе фронта в г. Верхнеудинске состоялось собрание Георгиевской думы, принявшей решение о награждении орденом Св. Георгия 3-й и 4-й степеней «за подвиги, оказанные с 20 июля по 20 августа» ряда русских и чехословацких офицеров. Это решение было самостийным, без санкции со стороны высшего командования. Среди награждённых 3-й степенью ордена оказался и командир 1-го Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев⁴. А 10 сентября 1918 г. приказом по Сибирской армии он был произведён в генерал-майоры⁵. В результате двадцатисемилетний Анатолий Пепеляев стал одним из самых молодых генералов в антибольшевистских вооружённых формированиях периода Гражданской войны в России.

В Томске, узнав об успешном завершении военной операции на территории Восточной Сибири, общее собрание биржевого комитета

¹ *Временное Сибирское правительство...* С. 345.

² Цит. по: *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири... С. 97.

³ *Свободный край* (Иркутск). 1918. 8 сент.

⁴ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 183.

⁵ *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 158.

29 августа 1918 г. выбрало специальную делегацию для встречи и приветствия Р. Гайды. Её члены П.П. Вытнов, К.Н. Прохоров и полковник Н.Н. Сумароков, выехавшие на восток в ночь на 3 сентября 1918 г., должны были вручить Р. Гайде папку-адрес, подписанный председателем биржевого комитета Д. Зверевым от имени «торговых людей Томска» со словами «Вождю славянства полковнику Гайда 1918 г.», а также гусарскую саблю, эфес которой был выполнен из чистого золота, причём вес драгоценного металла составлял около полутора фунтов. Тыловая сторона эфеса была украшена крупным рубином. В верхней её части был изображён герб Томской губернии, а внизу эфеса – надпись: «Полковнику Гайда – рази и побеждай». На металлических ножнах была припаяна золотая пластинка с выгравированной надписью: «Победителю германо-мадьярских войск в Сибири от торговых людей г. Томска. Лето 1918 г.»¹. О подарках и приветствии А.Н. Пепеляеву в газетной заметке ничего не сообщалось. Возможно, их и не было, если принять во внимание, что в составе делегации оказался полковник Н.Н. Сумароков, настроивший накануне в Омск, как уже отмечалось, донос на А.Н. Пепеляева.

Летом 1918 г. удача сопутствовала Сибирской армии и на других фронтах. За три месяца боёв вся территория от Урала до Тихого океана была освобождена от власти советов.

Вооружённая борьба в Сибири летом 1918 г. имела свои особенности, которые в полной мере были присущи действиям Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева. Во-первых, война велась преимущественно вдоль крупных транспортных магистралей – железных дорог и водных путей, не проникая сколько-нибудь далеко в сибирскую глубинку, за немногими исключениями. Сравнительно небольшая численность противоборствующих сил, вынужденных сражаться на огромных пространствах края, закономерно нацеливала обе стороны на захват в первую очередь стратегически важных центров и объектов. В условиях Восточного похода это были Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита.

Во-вторых, тактика белых заключалась прежде всего в нейтрализации живой силы противника и сохранении материальных ценностей, особенно объектов инфраструктуры – мостов, дорог,

¹ Сибирская жизнь. 1918. 3 сент.; *Адрианов*. Полковнику Гайде // Сибирская жизнь. 1918. 4 сент.; *Омский вестник*. 1918. 14 сент. Впоследствии подаренная Р. Гайде сабля, по словам Б. Солодовникова, висела на стене в одном из пяти занимаемых им вагонов рядом с огромным его портретом (*Солодовников Б.* Сибирские авантюры и генерал Гайда. Прага, Б.г. С. 32).

туннелей, которые уничтожались отступавшими красноармейцами и красногвардейцами. Такая тактика была обусловлена изначальным захватом Сибирской армией военной инициативы и удержанием её на протяжении всего лета 1918 г. Преимущественно наступательный характер боевых действий со стороны антибольшевистских формирований способствовал поддержанию их боевого духа, энергии, энтузиазма.

В-третьих, экономико-географические особенности театра военных действий (обширность территории, слабо развитая инфраструктура, наличие множества естественных укрытий и т.п.) и немногочисленность вооружённых формирований способствовали активному использованию партизанской тактики. Глубокие обходы, фланговые удары, засады оказались наиболее эффективными методами в условиях гражданской войны. А.Н. Пепеляев, успешно возглавлявший в годы Первой мировой войны команды разведчиков, имел большой опыт в проведении такого рода военных операций и блестяще использовал его во время своего Восточного похода, особенно в боях с превосходящими силами красных. Благодаря этому потери личного состава наступавшего Средне-Сибирского корпуса были намного меньше, чем у оборонявшихся красноармейцев и красногвардейцев. Сыграл свою роль и высокий удельный вес офицеров в частях корпуса, многие из которых сражались тогда в качестве рядовых бойцов.

Глава 7

ОСЕННЯЯ ПЕРЕДЫШКА

В то время как пепеляевский корпус успешно сражался на востоке, другие два корпуса Сибирской армии (Степной и Уральский) совместно с чехословаками очистили от советских войск Западную Сибирь и, развернув наступление на Урал, в конце июля 1918 г. заняли Екатеринбург. Однако дальнейшее продвижение замедлилось. В разговоре по прямому проводу с командиром 1-й Сибирской стрелковой дивизии генералом Е.К. Вишневым 6 сентября 1918 г. премьер-министр Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский констатировал, что на Западном фронте под Екатеринбургом, Пермью и Казанью «наши войска начинают встречать серьёзное сопротивление» и что Западному фронту скоро, возможно, потребуется подкрепление¹. Вполне предсказуемо командование Сибирской армии приняло решение о переброске частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на Урал и отдало соответствующий приказ командующему Восточным фронтом. В свою очередь, А.Н. Пепеляев 8 сентября 1918 г. на ст. Оловянная издал приказ, в котором отметил, что боевая задача, поставленная корпусу, выполнена, поэтому следует «немедленно начать переброску частей в свой корпусной район, откуда после пятидневного отдыха, приведения частей в порядок и пополнения запасов двинуться на Западный фронт»².

Перед броском на Урал главные силы корпуса должны были сосредоточиться в трёх основных центрах –Томске, Новониколаевске и Барнауле. Вместе с А.Н. Пепеляевым в его родной город перемещались штаб корпуса и штаб 2-й дивизии, 5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский полки, две инженерные роты, Томский кавалерийский дивизион, три артиллерийские батареи и несколько более мелких частей. Штаб 1-й дивизии и 2-й Барабин-

¹ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

² РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

ский полк направлялись в Новониколаевск, остальные три полка – в Барнаул. В эти же города, а также в Нижнеудинск и Омск должны были проследовать многочисленные мелкие части¹.

По пути следования, в Красноярске 15 сентября 1918 г. А.Н. Пепеляев в приказе по корпусу объявил о предоставлении всем бойцам по прибытии в места расквартирования трёх дней отдыха, одновременно указав на необходимость «создать самую строгую дисциплину, слушников и нерадивых карать беспощадно»².

Одним из первых для отдыха в Барнаул прибыл 15 сентября 1918 г. 3-й Барнаульский полк, восторженно встреченный многолюдной толпой горожан, засыпавших бойцов цветами³. А.Н. Пепеляев со штабом корпуса возвратился в Томск в ночь на 16 сентября⁴. Штаб расположился в вагонах на ст. Томск-П.

К тому времени на территории Сибири и в прилегающих к ней районах, очищенных от советских войск, развернулась работа по созданию массовой регулярной армии. На местах были восстановлены организационные структуры – воинские присутствия и управления, а также управления воинских начальников, упразднённые весной 1918 г. большевиками. Вся освобождённая от советов территория была разделена на корпусные округа. Их возглавили командиры соответствующих армейских корпусов⁵.

31 июля 1918 г. появился указ Временного Сибирского правительства о мобилизации молодёжи 1898 и 1899 гг. рождения. 6 августа последовала «Грамота Временного Сибирского правительства о призыве молодых людей на военную службу»⁶. Начало призыва было назначено на 23 августа. Медлить с призывом нельзя было ещё и потому, что, по свидетельству члена ВСП И.И. Серебренникова, «чехи предъявили категорические требования о производстве немедленной мобилизации, грозя в противном случае бросить фронт»⁷.

Мобилизация проходила сравнительно успешно, по крайней мере, по меркам гражданской войны, когда молодёжь призывалась на борьбу не против внешнего врага, а против сограждан. Впрочем, си-

¹ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 301.

² РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

³ *Белая армия.* Белое дело. 2008. № 16. С. 70.

⁴ *Сибирская жизнь.* 1918. 17 сент.

⁵ *Сибирь в период Гражданской войны...* С. 79–80; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 98, 101.

⁶ *Временное Сибирское правительство...* С. 254–255.

⁷ *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1: В революции (1917–1919). Тяньцзинь, 1937. С. 365.

бирские власти учитывали негативное отношение крестьян к братоубийственной гражданской войне, поэтому в агитационной работе акцент переносился на необходимость продолжения борьбы с внешним врагом – Германией и Австро-Венгрией, союзниками которых якобы выступали большевики, заключившие сепаратный мир с Германией. Получалось, таким образом, что регулярная Сибирская армия создавалась с целью сокрушения «германо-большевизма».

Сохранившиеся архивные документы дают представление о ходе и результатах мобилизации, в частности, в Томской губернии, являвшейся основой корпусного района А.Н. Пепеляева. Так, в Томском уезде в период с 25 августа по 19 сентября 1918 г. на сборные пункты прибыло 7297 из 8432 подлежащих явке призывников, что составило 86,7%. В Каинском уезде с 26 августа по 9 сентября из 3940 призывников явилось 2988, или 75,8%. В Мариинском уезде эти цифры на 16 сентября составили соответственно 6905 и 4806, или 69,3%. Наиболее высокой оказалась явка призывников в Новониколаевском (92,2%) и Кузнецком (97,6%) уездах¹. Об успехах мобилизации свидетельствуют следующие обобщённые данные. К 29 сентября 1918 г. в ряды Сибирской армии удалось призвать в общей сложности 175 тыс. человек вместо ожидавшихся 150 тыс.²

Вместе с тем мобилизация обнаружила и по-настоящему серьёзные признаки недовольства новой властью в крестьянской среде. Фактически с первых дней призыва значительная часть сельского населения оказалась охваченной антимобилизационными настроениями. На этой почве в ряде мест, в частности на Алтае, вспыхнули вооружённые восстания, которые, впрочем, были быстро подавлены.

Всех новобранцев предполагалось пропустить через так называемые кадровые, т.е. запасные, полки и лишь затем, после обучения военному делу, направлять на фронт. На каждый действующий полк приходился один запасной. Кадровые полки были сведены в соответствующие дивизии – по две на каждый корпус. При запасных дивизиях создавались унтер-офицерские школы с переменным составом в 400 чел. В конце августа 1-й Средне-Сибирский корпус располагал восемью запасными стрелковыми полками, из которых 2 дислоцировались в Томске, 3 – в Новониколаевске, 2 – в Красноярске и 1 – в Барнауле. Кроме того, в Томске находились запасные ка-

¹ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 10. Л. 28, 30, 32, 36, 39, 46 (Подсчёты процентов наши. – Н.Л.).

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 99. Доклад об образовании, организации и плане дальнейшего формирования Сибирской армии от 4 окт. 1918 г.

валерийский и артиллерийский дивизионы, а в Новониколаевске – запасной эскадрон. На 5 сентября в них состояло свыше 29 тыс. солдат и офицеров, в том числе 27 826 новобранцев¹. В результате призыва общая численность Сибирской армии к 1 октября 1918 г. составила 10 754 офицера, 59 911 вооружённых и 113 932 невооружённых солдат².

После нескольких дней отдыха, 22 сентября А.Н. Пепеляев организовал смотр дислоцированных в Томске воинских частей, после которого местный биржевой комитет преподнёс 10 тыс. руб. на нужды корпуса, а самому генералу подарил коня³.

На основании приказов А.Н. Пепеляева от 23 и 24 сентября 1918 г. началось формирование четырёхэскадронного Томского гусарского кавалерийского полка (командир полковник С.А. Клейн) и отдельного Штурмового батальона четырёхротного состава под командованием капитана Е.И. Урбанковского (в г. Ачинске)⁴.

Тем временем в начале осени 1918 г. на территории Белого востока России произошли изменения в системе власти. На Уфимском государственном совещании, работавшем с 8 по 23 сентября, было создано Временное Всероссийское правительство (Директория) в составе 5 человек – Н.Д. Авксентьева (председатель), Н.И. Астрова, П.В. Вологодского, Н.В. Чайковского и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами генерала В.Г. Болдырева⁵.

Как отнёсся к очередной смене власти генерал А.Н. Пепеляев? Судя по всему, он, так же как, вероятно, большинство офицерского корпуса белой армии, не находил ничего позитивного в таких переменах. Об этом косвенно свидетельствуют показания А.В. Колчака следственной комиссии в январе 1920 г. Адмирал, встречавшийся с А.Н. Пепеляевым на Уральском фронте осенью 1918 г., отмечал: «Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определённо говорили, что только военная

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 139. Л. 2. Список запасных частей Сибирской армии к 28 августа 1918 г.; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 198.

² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об. Краткий исторический очерк возникновения Сибирской армии.

³ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–26.

⁴ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 191–192.

⁵ Вместо отсутствовавших Н.И. Астрова, П.В. Вологодского и Н.В. Чайковского временно в состав Директории вошли их заместители В.А. Виноградов, В.В. Сапожников и В.М. Зензинов.

власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из пяти членов Директории, кроме борьбы, интриг, политической розни, ничего не даёт и не даст и что в таком положении вести войну нельзя. Особенно резко говорил генерал-майор Пепеляев: «С моей точки зрения, совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, – но я считаю, что из комбинации Директории с Сибирским правительством ничего не выйдет хорошего»... Пепеляев об этом вопросе говорил с чисто военной точки зрения – раз мы ведём войну, должно быть чисто военное командование; а как это будет, – это для меня совершенно безразлично, потому что я не политик»¹.

Между тем политика вновь напомнила А.Н. Пепеляеву о себе. На этот раз он столкнулся с проявлениями политического кризиса в высших эшелонах сибирской антибольшевистской власти. Дело в том, что в середине сентября 1918 г., как раз в момент прибытия А.Н. Пепеляева в Томск, здесь возобновила работу Сибирская областная дума. Контролировавшие думу эсеры и их сторонники, всё более отодвигаемые от власти центристскими и правыми политическими силами в Сибири, предприняли отчаянную попытку переломить неблагоприятный для них ход событий и поставить под свой контроль военно-политическую ситуацию в крае. Главной формой своей политической акции они избрали заговор, а основным инструментом – подконтрольную им областную думу. Ближайшей целью эсеров стало получение большинства мест во Временном Сибирском правительстве и овладение, таким образом, исполнительной властью. Для достижения поставленной цели эсеры заручились поддержкой руководителей российского отделения Чехословацкого национального совета, рассчитывая при этом на поддержку чехословацких вооружённых сил, находившихся на территории Сибири.

В результате двадцатые числа сентября 1918 г. стали важнейшим рубежом в борьбе за передел власти внутри сибирского антибольшевистского движения. В ответ на притязания эсеров в Омске были арестованы члены Временного Сибирского правительства В.М. Крутовский, М.Б. Шатилов и прибывший накануне из поездки на Украину и на Дальний Восток А.Е. Новоселов. Под угрозой расстрела областник В.М. Крутовский и эсер М.Б. Шатилов подписали заявле-

¹ *Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака // Арстант пятой камеры. М., 1990. С. 407.*

ния о своей отставке и немедленно выдворялись из Омска. А.Е. Новоселов, отказавшийся подчиниться насилию, был убит.

В этих условиях Административный совет Временного Сибирского правительства на своём заседании 21 сентября 1918 г. принял решение прервать заседания Сибирской областной думы и созданных ею комиссий¹. Недостаточно представительная и малокомпетентная², эта дума не могла рассчитывать на сколько-нибудь значительную поддержку со стороны сибирского населения. Тем не менее она отказалась подчиниться решению Административного совета, приняв в ночь на 22 сентября 1918 г. на своём экстренном заседании постановление об увольнении и предании суду исполняющего обязанности председателя Административного совета министра финансов И.А. Михайлова и товарища (заместителя) министра внутренних дел А.А. Грацианова. Тогда же был создан Комитет во главе с председателем и президиумом думы, которому временно предоставлялись «все права думы»³.

В ответ Томский губернский комиссар А.Н. Гаттенбергер по указанию из Омска распорядился произвести аресты заговорщиков. В ночь на 24 сентября были арестованы пятеро членов президиума думы и созданного ею Исполнительного комитета. Остальным удалось скрыться. Канцелярия думы была опечатана⁴.

В свою очередь, Сибирская областная дума, не располагавшая вооружёнными силами, прибегла к помощи симпатизировавших ей чехословаков. В Омске распоряжение об аресте намеченных для предания суду лиц было сделано через командующего Чехословацким корпусом генерала Я. Сыровы, который незадолго до рассматриваемых событий сменил на этом посту русского генерала В.Н. Шокорова. В Томске в эти дела вмешался уполномоченный Чехословацкого национального совета доктор И. Глосс, который с вооружённым отрядом прибыл в Томский губернский комиссариат. А.Н. Гаттенбергер, находившийся в это время у себя дома, опасаясь ареста, ночью «уехал задними улицами», т.е. фактически бежал на станцию Томск-II в расположение находившегося там штаба генера-

¹ *Временное Сибирское правительство...* С. 436.

² По данным мандатной комиссии Сибирской областной думы, из 88 её членов, заполнивших анкеты, почти половина – 41 чел. – имели низшее образование (*Сибирская жизнь*. 1918. 10 сент.).

³ *Вегман В.* Сиболдума // *Сибирские огни*. 1923. № 4. С. 108; *Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство* // *Красный архив*. 1933. Т. 6. С. 78.

⁴ ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 66; *Вегман В.* Сиболдума... С. 108.

ла А.Н. Пепеляева и рассказал ему о действиях И. Глосса. А.Н. Пепеляев, по свидетельству А.Н. Гаттенбергера, «сказал, что у него достаточно вооружённой силы, чтобы не дать Глоссу действовать»¹, а по воспоминаниям Г.К. Гинса, даже пообещал А.Н. Гаттенбергеру «в случае надобности арестовать Глосса и сдать его Гайде, который должен как раз проезжать Тайгу...»². На другой день генерал намеревался встретиться с И. Глоссом, однако, видимо, передумал, и встреча не состоялась³. Тогда же, 24 сентября, специально посланный вооружённый наряд взял под свою охрану Сибирский краевой комитет ПСР, размещавшийся на ул. Белинского в Томске, парализовав тем самым его работу. Была введена военная цензура⁴.

На другой день, 25 сентября, А.Н. Пепеляев в разговоре по прямому проводу с находившимся в Омске врид командарма ген.-м. А.Ф. Матковским так изложил ход произошедших накануне событий: «Вчера ночью ко мне явились начальник гарнизона Томска полковник Бабилов, комендант города, губернский комиссар и доложили следующее: по распоряжению правительства Областная дума была объявлена распущенной. Дума этому не подчинилась, собралась, объявила правительство низложенным, хотела выбрать диктатора. Тогда дума была распущена силой и произведены аресты...». О своём отношении к случившемуся А.Н. Пепеляев высказался в том духе, что он «не считает возможным участие в политических событиях строевых начальников»⁵. Тем не менее А.Н. Пепеляев способствовал подавлению заговора сибирских эсеров, скоординированного с некоторыми чехословацкими деятелями, не позволив ему разрастись. К тому же сам А.Н. Пепеляев, по свидетельству одного из его современников, враждебно относился к Сибирской областной думе⁶. Кстати, точно таким же было отношение к Думе со стороны сибирских областников, входивших в «Потанинский кружок».

¹ ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 66об.

² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 158–159.

³ ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 5. Л. 104. Протокол допроса И.И. Глосса Чрезвычайной следственной комиссией 17 декабря 1918 г. Впоследствии в своих воспоминаниях И.И. Глосс с восторгом писал о Сибирской областной думе и крайне негативно – о сибирском военном руководстве (Глос И. Чехословаки и Сибирская областная дума // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Т. IV. С. 28–35).

⁴ ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 2. Л. 97, 119; ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 75. Л. 33.

⁵ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 64. Л. 93.

⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

Вместо изначально планировавшегося пятидневного отдыха А.Н. Пепеляев пробыл в Томске почти месяц, занимаясь пополнением, обучением и экипировкой своих частей. Несмотря на политические разборки и демарши в высших эшелонах власти, «обыденная жизнь в частях корпуса и гарнизона, – как докладывал А.Н. Пепеляев в Омск 25 сентября 1918 г., – ничем не нарушалась. Идут усиленные занятия, подготовка корпуса к отправлению на фронт. Я поглощён всецело этой работой...»¹.

Многочисленное увеличение численности личного состава Сибирской армии сразу же обострило проблемы, связанные с обмундированием, вооружением, снабжением. Катастрофически не хватало оружия, патронов, шинелей, белья, обуви. Винтовками и артиллерией армия была укомплектована менее чем на одну четверть, пулемётами – примерно на 12%. На 200 тыс. новобранцев (с учётом дальневосточников) имелось всего лишь 40–50 тыс. шинелей, 20–25 тыс. пар сапог и около 60 тыс. полушубков².

Пепеляевский корпус в этом отношении не был исключением. После знакомства с новобранцами томских кадровых (запасных) полков осенью 1918 г. корреспондент газеты «Народная Сибирь» писал: «Лес сверкающих штыков, бравый вид солдат и... вопиющее по своему убожеству и неприличию обмундирование: головные уборы, едва напоминающие бывшие фуражки и шапки, на большинстве солдат “свои обноски лопоти”, не вполне прикрывающие тело, на ногах многих дырявые опорки, от которых до голени ноги накручено грязное старое тряпье, скреплённое верёвочной увязкой... У некоторых видны голые спины, торчащие пальцы из сапог и пакля из шапок»³.

Поставки из-за рубежа от союзников России в мировой войне начались позднее и с большой задержкой. К тому же они могли лишь частично удовлетворить нужды белой армии. В остальном приходилось полагаться на собственные ресурсы. Временное Сибирское правительство осенью 1918 г. вынуждено было даже прибегнуть к принудительной реквизиции солдатского обмундирования, принесённого участниками Первой мировой войны с фронта и из запасных полков домой после роспуска старой Русской армии. Однако такие реквизиции вызывали недовольство и сопротивление

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 64. Л. 93об.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 59, 94.

³ *Народная Сибирь*. 1918. 24 окт.

фронтовиков, вылившееся в ряде мест в вооружённые столкновения с правительственными отрядами, посланными в деревню.

На почве неудовлетворительного материального снабжения, а также под влиянием усилившейся антиправительственной агитации¹ осенью 1918 г. широкие масштабы приобрело дезертирство из запасных частей Сибирской армии, составив в общей сложности около 12,5 тыс. чел., причём почти половина из них (6078 чел.) приходилась на 1-й Средне-Сибирский корпус. Для борьбы с начавшимся дезертирством А.Н. Пепеляев 5 октября 1918 г. вынужден был издать специальный приказ². Однако дезертирство продолжалось. На 5 ноября 1918 г. в его запасных полках насчитывалось 20% дезертиров. Особенно много их было в Барнаульском (39%) и 8-м Бийском (41%) полках.

Недовольство мобилизованных солдат-новобранцев своим положением принимало порой самые острые формы. Так, в ночь на 1 ноября 1918 г. произошло вооружённое выступление нескольких рот 5-го Томского запасного полка. Солдаты захватили штаб полка, освободили тюрьму с находившимися там политзаключёнными и предприняли наступление на ст. Томск-II и военный городок. Белогвардейцы, оправившись от растерянности, бросили против повстанцев конную милицию, офицерскую роту, эскадрон кавалеристов, отряд Орлова, а также юнкеров, казаков и другие оказавшиеся под рукой воинские части. В ночном бою к утру 1 ноября восставшие были разбиты. Однако почти треть заключённых вырвалась на свободу. Разбежалась и часть солдат-новобранцев. В ходе подавления восстания погибло около 100 его участников, а также 11 солдат и офицеров правительственных войск. Спустя сутки свыше 250 задержанных повстанцев были преданы военно-полевому суду, из них 128 чел., в том числе 118 солдат, расстреляны. Несколько десятков были приговорены к каторжным работам. Розыски бежавших, аресты и суды над участниками восстания продолжались и в последующие месяцы. Ликвидация восстания и его последствий осуществлялась под руководством ближайшего соратника А.Н. Пепеляева – главного начальника округа 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса ген.-м. Е.К. Вишневого³.

¹ По мнению генерала Е.К. Вишневого, возглавлявшего запасные формирования в 1-м Средне-Сибирском корпусе, основными причинами дезертирства являлись нехватка обмундирования, заболевание инфлюэнцей (т.е. гриппом), агитация (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 2. Л. 270).

² *Алтайские губернские известия*. 1918. 16 окт.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 81. Л. 26, 61.

В целом, несмотря на трудности комплектования, действующая Сибирская армия получила в последние месяцы 1918 г. достаточно боееспособное пополнение. Пройдя через запасные полки, солдаты-новобранцы приняли участие во многих сражениях, в том числе в составе пепеляевского корпуса. Эта первая мобилизация, в отличие от последующих, по справедливому утверждению советского военного историка А. Анишева, «не могла ещё отразиться на качестве белой армии, так как сильные офицерские кадры целиком впитали в себя крестьянскую молодёжь»¹.

Затянувшаяся борьба с советскими вооружёнными формированиями на территории Сибири, продолжавшаяся в течение всего лета 1918 г., вынудила военное руководство почти с самого начала объявить территорию края театром военных действий. Здесь применялись «во всём объёме все существующие законы военного времени», как отмечал генерал-квартирмейстер Сибирской армии². Это означало, что в городах и иных населённых пунктах реальную власть имели начальники гарнизонов, коменданты, а не уполномоченные правительства и не губернские и уездные комиссары и тем более не местные органы самоуправления в лице земств, городских дум, восстановленных после свержения большевистских советов. Даже Совет министров, по словам члена Временного Сибирского правительства И.И. Серебренникова, «не ощущал всей полноты власти в своих руках... Власть принадлежала скорее военным»³.

Территория, входившая в зону ответственности 1-го Средне-Сибирского корпуса, в этом отношении не была исключением. К тому времени Сибирь была разделена на 5 корпусных районов (по числу армейских корпусов) «для укомплектования, снабжения и охраны государственного порядка». В корпусной район 1-го Средне-Сибирского корпуса входили Томская, Енисейская и Алтайская (за исключением казачьего населения) губерний⁴.

Самому А.Н. Пепеляеву приходилось участвовать в наведении порядка на территории корпусного района, в частности, в подавлении забастовочного движения, вспышка которого произошла в середине октября 1918 г., совпав по времени с выдвижением частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на Урал. Забастовку начали железнодорожные рабочие депо и службы пути ст. Тайга 13 октября 1918 г.,

¹ Анишев А. Очерки истории Гражданской войны. 1917–1920 гг. Л., 1925. С. 225.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 143. Л. 29об. Журнал военных действий.

³ Серебренников И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. С. 116.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 101.

выдвинув экономические требования. На другой день к ним присоединились машинисты и рабочие депо станции Томск-II, а через день – рабочие ст. Болотная. Наряду с экономическими стали выдвигаться и отдельные требования политического характера, в частности, об отмене установленных Временным Сибирским правительством ограничений профсоюзной деятельности¹. В ответ 14 октября Томская и Кольчугинская железные дороги были объявлены А.Н. Пепеляевым на осадном положении. Всем бастовавшим рабочим предписывалось в течение трёх часов с момента опубликования пепеляевского приказа приступить к работе, неподчинившихся – арестовывать и предавать военно-полевому суду с немедленным приведением приговоров в исполнение². В тот же день была прекращена работа I Всесибирского съезда профсоюзов в Томске, открывшегося 6 октября, причём решение министра внутренних дел Сибирского правительства о закрытии его заседаний было доведено до делегатов съезда непосредственно самим А.Н. Пепеляевым³.

Осадное положение развязало руки военной власти. Несколько участников забастовки 15 октября были расстреляны в районе ст. Томск-II. В тот же день был расстрелян по приговору военно-полевого суда арестованный накануне на ст. Тайга член подпольного Сибирского областного комитета РКП(б) М.И. Сычев (Ф.И. Суховерхов). Под угрозой расстрела железнодорожники Томска и ст. Болотная уже спустя сутки приступили к работе. В Тайгу из Томска был направлен карательный отряд и военно-полевой суд, проведены аресты. В результате и там к 17 октября забастовка прекратилась⁴. В этот же день из томских тюрем были вывезены 13 ранее арестованных видных большевиков и советских деятелей. Власти опасались их влияния на бастовавших железнодорожников. Первоначально «политических преступников» планировалось переместить в Омск, но в итоге они оказались в Екатеринбургской тюрьме, где и содержались более полугода. В числе этих узников находились: бывший руководитель Томской организации РКП(б) и одновременно

¹ ГАТО. Ф. р-814. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

² Там же. Л. 42–45.

³ *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т.3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 144–145.

⁴ *Борьба за власть Советов в Томской губернии...* С. 358, 360–362; ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–45;

Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47. Л. 15, 26, 28–31; ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 1. Д. 36а. Л. 110, 114; *Железнодорожник*. 1918. 22 окт.

редактор закрытой после свержения власти большевиков газеты «Знамя революции» В.Д. Вегман, бывший комендант Томска И.В. Лебедев, комиссар юстиции Томского губисполкома, председатель ревтрибунала И.Л. Наханович, организатор Томской Красной гвардии М.Г. Александров, один из красногвардейских командиров Е.И. Мараев, командир 1-й Томской советской гаубичной батареи Е.В. Ильяшенко, бывшая заведующая юридическим отделом Томского совдепа Ф.Н. Жаркова, председатель Совета профессиональных союзов Томска врач В.Н. Чепалов и др. Не все из них дождались освобождения. Скончались от болезней, находясь в заключении, В.Н. Чепалов и И.Л. Наханович.

Ликвидировав забастовку, А.Н. Пепеляев телеграфировал 18 октября 1918 г. начальникам гарнизонов Томской и Алтайской губерний: «Я буду ходатайствовать об улучшении материального положения рабочих. В то же время предупреждаю, что все должны нести свой гражданский долг и никакие забастовки допущены не будут и всякие вспышки таковых будут подавлены самыми жестокими мерами»¹. На другой день, будучи по пути на Урал в Новониколаевске, А.Н. Пепеляев вновь предупредил рабочих о недопустимости забастовок и о жестоким их подавлении².

Спустя несколько дней, «жестоким меры» были предприняты по отношению к начавшим забастовку рабочим-железнодорожникам Новониколаевска, также выдвинувшим, наряду с экономическими и политические требования. Начальником гарнизона полковником Кабаковым 21 октября в городе было введено военное положение, расстреляны содержащиеся в местной тюрьме большевики А.Ф. Клеппер (председатель городского совета профсоюзов) и В.И. Шамшин (бывший комиссар труда Томского губсовдепа)³.

«Жестоким меры» принимались военной властью и по отношению к крестьянским антиправительственным выступлениям. В том же октябре 1918 г. в Мариинском уезде Томской губернии, в районе с. Чумай произошло довольно крупное крестьянское восстание, в котором участвовали около 7 тыс. вооружённых крестьян из 30 сёл и деревень 10 волостей. Вся территория уезда, включая г. Мариинск, была объявлена 22 октября на осадном положении. Против повстанцев выступили 6 отрядов правительственных войск, в том числе из

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 242. Л. 10–11.

² ГАТО. Ф. р-814. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

³ *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т.3... С. 154–155.

Ачинска штурмовой батальон пепеляевского корпуса численностью 150 (по другим данным – 120) человек с четырьмя пулемётами под командованием капитана Е.И. Урбанковского. К 28 октября 1918 г. Чумайское восстание было подавлено. При этом из 107 повстанцев, убитых всеми карательными отрядами, 46 чел. (захваченных с оружием, оказавших вооружённое сопротивление, а также главарей восстания) были на счету штурмовиков. В самом уездном Мариинске были арестованы 20 чел., в том числе члены управы и почти всё правление кооператива, заподозренные в причастности к организации восстания¹. В дни восстания из Томской тюрьмы были вывезены на ст. Кольчугино и там 25 октября расстреляны член ВЦИК, бывший комиссар финансов Центросибири большевик А.Ф. Иванов и бывший комиссар Томской железной дороги левый эсер Н.В. Мазурин².

Сохранившиеся архивные документы не содержат каких-либо сведений о непосредственной причастности генерала А.Н. Пепеляева к производившимся расстрелам. Но вместе с тем, будучи составной частью процесса наведения порядка осенью 1918 г. на территории пепеляевского корпусного района, эти и другие репрессивные меры не могут быть и отделены от его имени.

¹ *Борьба за власть Советов в Томской губернии...* С. 364–379; *Журов Ю.В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 176; *Историческая энциклопедия Кузбасса*. Т. 1. Познань, 1996. С. 102–105, 142; *Народная Сибирь* (Новониколаевск). 1918. 27 окт.; ГАТО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 183. Л. 1, 2об.

² *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т.3... С. 157.

Глава 8

ОРГАНИЗАТОР «ПЕРМСКОЙ КАТАСТРОФЫ»

Отдых и пополнение 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса вместо пяти дней растянулись почти на месяц. Между тем омское военное командование торопило А.Н. Пепеляева с выдвижением на фронт. 1 октября 1918 г. начальник штаба Сибирской армии ген.-м. П.П. Белов по прямому проводу передал в Томск приказ Верховного главнокомандующего о немедленной переброске корпуса на Урал в связи с чрезвычайным положением на фронте. Не в последнюю очередь это было связано с заявлением чехословацких легионеров об отказе воевать и о своём намерении отойти в тыл. Бывший командующий Сибирской армией генерал А.Н. Гришин-Алмазов свидетельствовал, что «к концу сентября и началу октября чехи констатировали начало разложения своей армии. «Совет», «демократические начала», утомление непрерывной борьбой сказались. [Чехословацкая] армия начала давать колоссальный процент венерических заболеваний, спиртные напитки, продажа вещей на базарах...»¹.

В изданном А.Н. Пепеляевым 2 октября 1918 г. приказе отмечалось, что в соответствии с распоряжением командующего армией части корпуса должны в течение пяти дней выступить на фронт. Приказывалось «приступить к подготовке частей к походу»².

Однако А.Н. Пепеляеву и на этот раз не хватило пресловутых пяти дней. Он обратился в Омск с ходатайством о предоставлении корпусу 10 дней, сославшись на трудности с обмундированием: «Части мною укомплектованы до штата однобатальонных полков с командами, части не имеют шинелей и на 50% сапог. Остальное только выдаётся обмундирование и снаряжение. У 30% нет винтовок, нет обозов. Из кадровых полков новобранцы поступили плохо

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4. Л. 14. Доклад генерала Гришина-Алмазова на Яском совещании (по записи П.Н. Милокова) 30 ноября – 2 декабря 1918 г.

² РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

обученными и сейчас обучаются»¹. К 2 октября 1918 г. боевой состав корпуса насчитывал 7449 штыков, 821 саблю при 66 пулемётах, 8 тяжёлых и 6 лёгких орудиях².

Высшее военное командование приняло во внимание аргументы генерала и предоставило его корпусу дополнительную отсрочку, но опять же не более пяти дней. В очередном разговоре по прямому проводу 5 октября командующий армией П.П. Иванов-Ринов приказал выступить частям корпуса не позднее 10 октября. А.Н. Пепеляев заверил командарма: «Нами прилагаются все усилия к скорейшему выходу на фронт. Работа идёт день и ночь в штабах, казармах и поле, и вся задержка лишь в обмундировании»³.

Спустя два дня А.Н. Пепеляев отдал приказ о выступлении 10 октября на фронт 2-й Сибирской стрелковой дивизии (начальник дивизии до 12 октября 1918 г. ген.-м. Е.К. Вишневецкий, затем – ген.-м. А.Г. Укке-Уговец). Штаб этой дивизии находился в Томске. Она почти полностью была укомплектована офицерами и солдатами – жителями Томска и Томской губернии. В состав дивизии входили 5-й Томский полк (командир подполковник Б.Я. Шуман), 6-й Мариинский (подполковник С.В. Пирожков), 7-й Кузнецкий (подполковник П.М. Кузьмин) и 8-й Бийский (подполковник М.В. Эпов). 1-й Сибирской стрелковой дивизии, штаб которой располагался в Омске (начальник дивизии ген.-м. Б.М. Зиневич), надлежало выступить 17 октября. В её состав входили 1-й Новониколаевский полк (подполковник В.Д. Травин, затем подполковник Э.К. Зеленецкий), 2-й Барабинский (полковник А.В. Ивакин), 3-й Барнаульский (подполковник А.Н. Вольский) и 4-й Енисейский (подполковник М.И. Мальчевский). При каждой дивизии имелись артиллерийские дивизионы, а также инженерно-сапёрные и железнодорожные батальоны. Штаб корпуса выехал из Томска 14 октября 1918 г. Штурмовой батальон Е.И. Урбанковского прибыл на Урал в ноябре 1918 г. после завершения карательной операции против крестьян Мариинского уезда. Оставшиеся на территории корпусного района части 1-й и 2-й кадровых (запасных) дивизий с 14 октября 1918 г. перешли под общее командование главного начальника округа 1-го Средне-Сибирского корпуса ген.-м. Е.К. Вишневецкого⁴.

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

² Там же. Д. 161. Л. 149.

³ Там же. Д. 84. Л. 18.

⁴ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 57; *Народная Сибирь*. 1918. 22 окт.; *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Прага, 1928. Т. IV. С. 59; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 191–192.

Первоначально 1-й Средне-Сибирский корпус планировалось перебросить в район Уфа – Челябинск, передав в резерв Верховного главнокомандующего¹. Однако на основании приказа ген.-л. В.Г. Болдырева от 9 октября 1918 г. корпус был направлен в район Екатеринбурга в распоряжение ген.-м. Р. Гайды, назначенного несколькими днями ранее командующим Северо-Уральским фронтом. Изложенный в приказе В.Г. Болдырева стратегический план командования белых заключался в наступлении с целью соединения с войсками генерала Е.К.Миллера, действовавшего на севере в районе Архангельска, и дальнейшего движения на Москву.

Проезжая через столицу Белой Сибири, А.Н. Пепеляев встретился здесь с высшим военным командованием, прежде всего с Верховным главнокомандующим войсками Директории. «Пепеляев представлялся мне в Омске, – вспоминал впоследствии ген.-л. В.Г. Болдырев. – Слишком юный для своего высокого поста, он подкупал избытком молодой энергии и исключительной привязанностью к родной ему Сибири. Я выезжал посмотреть батальоны, которые он вёл на фронт. Они напомнили мне тех доблестных сибирских стрелков, которые творили чудеса во время мировой войны, начиная с их первого появления под Варшавой до последних дней существования старой Русской армии»².

Начавшие прибывать в двадцатых числах октября 1918 г. на фронт части 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса первоначально сосредоточились в районе г. Екатеринбурга. Накануне их прибытия приказом войскам Западного фронта от 12 октября 1918 г. Северо-Уральский фронт был переименован в Екатеринбургскую группу. В тот же день был издан оперативный приказ войскам Западного фронта № 2, согласно которому Екатеринбургская группа под командованием Р. Гайды получила задачу овладеть районом Оса, Оханск, Пермь. 6-й Мариинский и 7-й Кузнецкий полки 1-го Средне-Сибирского корпуса были направлены 23 октября на Кунгурское направление, а 5-й Томский и 8-й Бийский – на станцию Ун, где 26 октября вошли в состав Лысьвенской группы, которую возглавил непосредственно сам А.Н. Пепеляев. В тот же день на ст. Ун он объявил о переходе Лысьвенской группы в наступление. В приказе говорилось:

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 84. Л. 1, 70.

² *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 97.

«Частям вверенного мне корпуса и чехословакам, входящим в моё подчинение, приказано перейти в наступление... Всем начальникам приказываю принять к неуклонному исполнению следующее:

- 1) развить самый энергичный порыв вперёд;
- 2) заботиться о связи;
- 3) поддерживать полную дисциплину в частях;
- 4) исполнять только письменные приказания или словесные, переданные начальником лично;
- 5) исполнение поставленной задачи достигать во что бы то ни стало, памятуя, что неудачное наступление – успех противника;
- 6) открывать стрельбу лишь по цели;
- 7) не допускать отсталых, а трусов и беглецов, если таковые окажутся, расстреливать;
- 8) артиллерии всегда помогать пехоте и не отставать от неё; при наступлении не должна прекращать боя, меняя позицию по частям;
- 9) начальникам быть среди войск, лично подавая пример храбрости и доблести;
- 10) по сбитии противника, несмотря ни на какую усталость, неотомимо преследовать, не давая противнику опомниться;
- 11) пленных мадьяр и немцев не брать;
- 12) товарищей выручать;
- 13) частным начальникам проявлять широкую инициативу, если сулит успех;
- 14) не отдавать приказаний на основании слухов (обошли, охватили и т.д.);
- 15) всякую панику устранять беспощадно;
- 16) всеми мерами воодушевлять свои части;
- 17) напрячь все силы, всю волю для того, чтобы дать успех, ибо он необходим;
- 18) помнить, что на нас с надеждой смотрит вся нами освобождённая Родина;
- 19) лучше смерть, чем неуспех...

С Богом вперёд, за свободу, счастье и славу России»¹.

Наступление началось успешно. В первые же дни войска Лысьвенской группы захватили ст. Кормовище, Кыновский завод и ряд других населённых пунктов. Однако противостоящие пепеляевцам части 3-й Красной армии упорно оборонялись, переходили в контр-

¹ РГВА. Ф. 39509. Оп. 1. Д. 1. Л. 28; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия... С. 352–353, 357–358.

атаки. В частности, против отряда капитана Гудимовича, в который входили две роты 8-го Бийского полка, полурота 5-го Томского полка и несколько других мелких подразделений, было предпринято семь атак красноармейцев после того, как тот захватил железнодорожный туннель на подступах к ст. Ново-Лысьва. Кыновский завод дважды переходил из рук в руки.

В составе красноармейских формирований на Лысьвенском направлении сражались и многие бойцы-интернационалисты, эвакуировавшиеся 31 мая 1918 г. вместе с партийно-советским руководством из Томска. Едва ли не большинство их погибло в ожесточённых боях, в том числе бывшие члены исполкома Томского совета военнопленных депутатов Карой Райнер и Бела Ярош. Пепеляевцы, выполняя приказ своего командира, судя по всему, не брали в плен ни венгров, ни австрийцев, ни немцев, сражавшихся в рядах Красной армии.

В конечном счёте советские войска, получив подкрепление в количестве двух полков, перешли в контрнаступление. А.Н. Пепеляев был вынужден 11 ноября 1918 г. отдать приказ об отступлении на исходные позиции. В результате поставленная генералом боевая задача – занять Лысьвенский завод и ст. Ново-Лысьва – в тот период не была выполнена¹.

Таким образом, первые же бои на Урале показали, что лёгких побед у сибиряков не будет. По-прежнему ощущалась нехватка обмундирования и вооружения. Английский полковник Д. Уорд, в начале ноября 1918 г. сопровождавший А.В. Колчака в его поездке на фронт, был поражён состоянием белой армии, «скверно питающейся, плохо одетой, но продолжающей борьбу за спасение государства при этих невыносимых условиях», в том числе погодных, когда «температура стояла совершенно немислимая для военных операций британской армии». Впечатлило англичанина и посещение частей Средне-Сибирского корпуса под Лысьвой: «Пепеляев – молодой генерал, не более 30 лет, но выглядит настоящим старым солдатом. Мундир его так же грязен и заношен, хотя и не в таких лохмотьях, как у большинства его солдат. Он в полной уверенности, что сможет разбить врага, если его люди будут снабжены оружием и амуницией, которых многие не имеют. Половина его солдат ждёт ружей от своих товарищей, которые могут быть убиты или замёрз-

¹ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 360–361.

нут в снегу»¹. Вероятно, как раз в те дни произошла первая встреча А.Н. Пепеляева с будущим Верховным правителем России А.В. Колчаком, только что, 4 ноября 1918 г., занявшим пост военного и морского министра Временного Всероссийского правительства (Директории). По утверждению С.П. Мельгунова, именно тогда «фронтовые генералы, герои летних боёв Р. Гайда и А.Н. Пепеляев... недвусмысленно высказывались в пользу единовластия и тем самым, наверно, оказывали влияние на Колчака»².

Тяжёлые бои с переменным успехом велись и на соседнем участке фронта, в полосе наступления Кунгурской группы войск под командованием генерала В.В. Голицына, где также сражались части 1-го Средне-Сибирского корпуса. Разделение корпуса в этот период на два направления затрудняло управление полками и отнюдь не способствовало успешному выполнению боевой задачи.

Тем временем в тылу, в Омске, произошли важнейшие политические события, оказавшие решающее влияние на весь последующий ход гражданской войны, прежде всего на востоке страны. В результате государственного переворота 18 ноября 1918 г. была ликвидирована Директория, власть от которой перешла в руки Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Правда, во главе нового правительства по-прежнему оставался П.В. Вологодский.

В разгар этих событий командование Сибирской армии разработало новый план наступления, по-прежнему имевший целью захват важнейшего стратегического центра на Урале – Перми. В Екатеринбурге состоялся военный совет с участием генералов Р. Гайды, А.Н. Пепеляева, В.В. Голицына, Г.А. Вержбицкого³. 22 ноября 1918 г. командармом Р. Гайдой был отдан приказ о наступлении. Почти одновременно, в конце ноября 1918 г. командующим Восточным фронтом Красной армии также был отдан приказ о переходе в общее наступление. При этом 3-й Красной армии ставилась задача прорвать фронт противника в направлении г. Кунгура с последующим захватом Екатеринбурга⁴. Общее соотношение сил в предстоящей операции было далеко не в пользу белых, имевших в своём распоряжении 68,5 тыс. штыков, 5,2 тыс. сабель, 230 пулеметов,

¹ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М.; Пг., 1923. С. 74.

² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. М., 2004. С. 45.

³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 116.

⁴ Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939. С. 46.

70 орудий, тогда как противник располагал 74 510 штыками, 6224 саблями, 894 пулеметами, 179 орудиями¹. Не лишне заметить, что белые армии в техническом оснащении на всём протяжении Гражданской войны уступали красным, которым достались основные запасы той же артиллерии, задействованной ранее на фронтах Первой мировой войны. Одних только снарядов большевики получили в наследство от прежнего режима 18 млн.²

Первыми перешли в наступление 28 ноября белогвардейские войска под командованием генералов Вержбицкого и Голицына. Спустя двое суток к активным наступательным действиям приступил и 1-й Средне-Сибирский корпус в соответствии с приказом № 045, отданным генералом А.Н. Пепеляевым 27 ноября³. Сосредоточившись к вечеру 29 ноября на исходных позициях, на другой день рано утром бойцы корпуса обрушили свой удар на противостоящую им Особую бригаду 3-й красной армии (командарм М.М. Лашевич). Завязались кровопролитные бои, нередко доходившие до штыковых схваток. Белые удачно применяли маневры по охвату флангов и окружению красноармейских частей, нередко вели наступление в ночное время, для быстроты передвижения по бездорожью использовали лыжи⁴. В течение нескольких дней был очищен от советских войск Кушвинский район, в результате чего нависла угроза над Кунгурской группировкой красных.

5 декабря 1918 г. брат Анатолия Виктор Пепеляев, находившийся в Омске, записал в своём дневнике: «От Анатолия прибыл офицер. Письмо. Он наступает. Наступление начато в третий раз. Второе остановилось из-за неподдержки чехами. Между Гайдой и Анатолием некоторая размолвка»⁵.

Для дальнейшего развития успеха Р. Гаيدا 6 декабря приказал 1-му Средне-Сибирскому корпусу занять район Калино – Соинская – Мезенцева и, продолжив наступление, захватить Пермь. Группа А.Н. Пепеляева не случайно получила такую задачу и оказалась на острие главного удара. В это время, к началу декабря 1918 г., она насчитывала 11 125 штыков, 233 сабли, 99 пулемётов, 17 орудий,

¹ Дубленных В.В. Пермская катастрофа // Уральская историческая энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-15-1546-permskayaa> (дата обращения: 04.01.2017).

² Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013. С. 234–235.

³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 366.

⁴ Федоров А. Пермская катастрофа... С. 67.

⁵ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 75.

2 бронепоезда и была самой крупной и боеспособной в составе Екатеринбургской группы войск, включавшей 29 236 штыков и 3466 сабель¹.

А.Н. Пепеляев приступил к выполнению нового приказа. Частями 2-й Сибирской стрелковой дивизии 9 декабря с боями была занята станция Лысьва, на следующее утро – Лысьвенский завод, 13 декабря – узловая станция Калино. В результате 29-я стрелковая дивизия красных (командир М.В. Васильев) оказалась разрезанной надвое. С потерей ст. Калино существенно ухудшилось общее положение 3-й Красной армии. С северо-восточного направления создавалась непосредственная угроза Перми. Одновременно действовавшие на Чусовском направлении войска под общим командованием генерала Г.А. Вержбицкого 8 декабря заняли Бисерский завод, 10 декабря – станцию Бисер, 14 декабря – станцию Чусовская и на следующий день объединились с частями 1-го Средне-Сибирского корпуса.

О напряжении боёв и жестокости свидетельствуют такие факты. В середине декабря 1918 г. в районе дд. Верхние и Нижние Исады² белыми был полностью уничтожен 1-й Морской Кронштадтский полк численностью свыше 1 тыс. чел. Причём захваченных врасплох матросов бойцы штурмового батальона Е.И. Урбанковского в плен не брали, а тут же закалывали штыками или расстреливали³. В свою очередь, красные уничтожили едва ли не большую часть 3-го Барнаульского полка, окружённого Путиловским кавалерийским полком в д. Верх. Кутамышский Починок. Многие солдаты и офицеры были зарублены, 160 человек попали в плен, в том числе 2 командира батальонов и несколько командиров рот, захвачены 2 орудия, 6 пулемётов, 600 винтовок. После этого боя подполковник В.А. Вольский был отстранён от командования полком⁴.

Командующий Западным фронтом генерал Я. Сыровы 15 декабря 1918 г. подвёл итоги 16-дневной наступательной операции Екатеринбургской группы. Сделав вывод о том, что 3-я Красная армия разбита, он приказал захватить Пермь и очистить железную дорогу Чусовая – Соликамск. Однако разгромлены к тому времени были

¹ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 369–370.

² В настоящее время находятся на территории Берёзовского района Пермского края.

³ *Федоров А.* Пермская катастрофа... С. 77; *Ситников М.Г.* 1-я Сибирская штурмовая бригада имени генерал-лейтенанта Пепеляева. Пермь, 2015. С. 60–65.

⁴ *Федоров А.* Пермская катастрофа... С. 74–77; *Краснощеков А.А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк и его командир Александр Иннокентьевич Камбалин // Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы. Барнаул, 2009. С. 13–14.

только 29-я дивизия и Особая бригада 3-й армии, тогда как 30-я и 5-я Уральская дивизии красных сохраняли свою боеспособность. Вдобавок, советское командование приняло меры для усиления 3-й армии. Из Ярославского военного округа на Урал была переброшена стрелковая бригада, которая сосредоточилась 19 декабря в Перми, получив здесь наименование 4-й Уральской дивизии¹.

После кровопролитных сражений конца ноября – первой половины декабря 1918 г. 1-й Средне-Сибирский корпус по-прежнему оставался наиболее боеспособным по сравнению с другими частями белых, действовавшими на Пермском направлении. Именно ему предстояло штурмовать губернский центр. Во исполнение приказа командующего фронтом А.Н. Пепеляев 16 декабря 1918 г. подписал приказ № 049, содержавший план взятия Перми. Решающая роль отводилась 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Б.М. Зиневича².

В течение следующей недели пепеляевские части с упорными боями продвигались к цели. Войска Красной армии оказывали серьёзное сопротивление, но под давлением сибиряков были вынуждены оставлять один за другим всё новые населённые пункты и железнодорожные станции, в том числе Валежную, Сылву, Ляды. По-прежнему сражения носили упорный характер, нередко сопровождаясь штыковыми атаками. В частности, в одном только бою за ст. Валежная 24-й полк Пермской бригады красных потерял треть своего состава – 1000 бойцов и командиров³.

От главнокомандующего советскими войсками 22 декабря 1918 г. поступила директива: «Из последних донесений усматривается, что третья армия отступает с угрожающей для Перми быстротой... Предупреждаю, что г. Пермь ни в коем случае не должен быть сдан»⁴. На следующий день в Перми был создан революционный комитет для обороны города. На совещании отдельных частей Пермского гарнизона, состоявшемся под председательством начальника особых формирований 3-й армии Б.И. Гольдберга, было принято решение Пермь и Мотовилихинский завод без боя не сдавать⁵. Здесь же был разработан план «ар-

¹ Федоров А. Пермская катастрофа... С. 88–90.

² Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 371–373.

³ Федоров А. Пермская катастрофа ... С. 92.

⁴ Цит. по: Федоров А. Пермская катастрофа... С. 102–103.

⁵ Онуфриев И.А. Мои воспоминания. Из гражданской войны на Урале. Кн. 1 (1918 год). Екатеринбург, 1922. С. 70.

тиллерийской обороны города», названный впоследствии комиссией И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского «пустой затеей, оставившей противнику 29 орудий»¹.

Тем временем, 22 декабря 1918 г. советские части без боя оставили село Троицкое, находившееся на просёлочном тракте на подступах к Перми. В результате на фронте у красных образовался разрыв в районе сёл Троицкое – Кольцово, открывавший наступление на город по тракту. Белогвардейское командование не преминуло этим воспользоваться. Было принято решение фланговым ударом двух полков захватить пригородный посёлок Мотовилиха, а затем и саму Пермь. Операция представлялась в высшей степени рискованной, так как необходимо было, во-первых, совершить многокилометровый марш-бросок в сильный мороз по заснеженной дороге. Во-вторых, в тылу при этом оставалось не менее двух советских полков численностью свыше 1000 чел.²

Ранним утром 23 декабря 4-й Енисейский полк, имея в своём составе не более 600 штыков и одно лёгкое орудие, выступил из села Троицкое и, пройдя за день около трёх десятков километров, поздним вечером подошёл к Перми. Спешно выдвинутый из Левшино для закрытия образовавшейся на фронте брешки 1-й Советский полк под командованием Я.П. Бармина численностью в 2000 штыков, перебив коммунистов, перешёл на сторону белых и сдался командиру 4-го Енисейского полка³. На следующее утро 2-й батальон 4-го Енисейского полка под командованием капитана Н. Ластовского, развернувшись цепями, вошёл в Пермь. Почти сразу же были захвачены Красные казармы, где взято в плен около 4 тыс. красноармейцев, освобождены находившиеся в тюрьме политические заключённые. Среди оборонявшихся началась паника. Штаб 3-й Красной армии спешно эвакуировался со станции Пермь-II в Глазов, утратив на сутки связь с дивизиями и штабом фронта. В числе первых бежали члены Пермского революционно-советского комитета по обороне города и руководящие партийно-советские работники: В.А. Трифонов (член Реввоенсовета 3-й ар-

¹ *Сталин И.В., Дзержинский Ф.Э.* Отчет Комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 199.

² *Федоров А.* Пермская катастрофа... С. 104; *Ситников М.Г.* Пермь пала! // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 30; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия... С. 374–375.

³ *Ситников М.Г.* Пермь пала! // Белая армия... № 13. С. 30.

мии), А.Г. Белобородов, Г.И. Сафаров, П.А. Залуцкий, С.А. Окулов, М.Н. Лукоянов и другие.

В 12 часов в Пермь прибыл начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерал Б.М. Зиневич. В течение всего дня 24 декабря шли уличные бои. На помощь наступавшим пришли участники нелегальных антибольшевистских вооружённых организаций. Вышедшие из подполья офицеры-пермяки под руководством штабс-капитана А.С. Марсеева, получив соответствующие задания от белогвардейского командования, тотчас подключились к борьбе. На ст. Пермь-I они, в частности, захватили штаб одного из советских полков, железнодорожный состав с редакцией газеты «Окопная правда» и ящик с 500 000 рублей¹.

На следующее утро, получив в качестве подкрепления две роты 5-го Томского полка, белые возобновили сражение за город, завершившееся к вечеру 25 декабря, когда остатки советских войск были выбиты со станции Пермь-II. Важную роль в достижении победы сыграл прибывший в разгар сражения Штурмовой батальон Е.И. Урбанковского. Благодаря стремительной штыковой атаке штурмовиков был захвачен стратегически важный железнодорожный мост через реку Каму, который его охрана не успела взорвать².

«Суворовским походом» назвал начальник академии Генерального штаба генерал А.И. Андогский взятие Перми по глубокому снегу, в суровых зимних условиях³. Действительно, зима 1918/19 г. выдалась снежная и суровая, морозы доходили порой до 30 с лишним градусов.

В освобождённый город прибыл командир корпуса. «На Пермском вокзале появился блестящий состав поезда со штабом генерала Пепеляева, – вспоминал впоследствии очевидец тех событий Г.И. Клерже. – Перевитые национальными и одновременно с тем и бело-зелёными сибирскими флагами, узорные вензеля украшали наружные стены салон-вагона «героя Перми». Особое чувство подъёма невольно тянуло к этой простой, но яркой эмблеме погранной родины». Вместе с тем на Г. Клерже повеяло «холодной новизной» от пепеляевского бело-зелёного сибирского флага. «Двойственная внешность флагов и эмблем на вагонах

¹ Ситников М.Г. 16 Пермская стрелковая дивизия // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2010. № 18. С. 5.

² Военные ведомости. 1918. 29 дек.; Ситников М.Г. Пермь пала! // Белая армия... № 13. С. 30–36; Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 376.

³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 109.

штаба генерала Пепеляева вызывала такое же неожиданно двойственное впечатление и настроение в душе, истомлённой терзаниями за судьбу России. Простой и искренний порыв, руководивший психикой русского патриота, в эти минуты был невольно озадачен этим раздвоением понятий и положений на антибольшевистском боевом фронте»¹.

Вс.Н. Иванов (будущий советский писатель), также находившийся тогда в Перми, вспоминал, как спустя два дня после захвата города он увидел генерала Пепеляева, «краснощёкого, здоровенного сибиряка с генеральскими погонами, в кресле кабинета дома Любимовой, где помещался штаб Средне-Сибирского корпуса»².

По прибытии в Пермь А.Н. Пепеляев 26 декабря 1918 г. издал приказ, который был широко обнародован:

«§ 1. 24-го сего декабря части 1-го Средне-Сибирского корпуса взяли г. Пермь.

§ 2. Советскую власть в Пермской губернии объявляю низверженной. Отныне Пермская губерния воссоединяется с русским государством под властью Всероссийского Верховного Правителя адмирала Колчака...»³.

Поздним вечером в тот же день он рапортовал: «Части во главе с генералом Зиневичем вошли в Пермь в 6 часов утра 24 декабря, а остальные вели ожесточённый уличный бой до 22 часов 25 декабря и, захватив в бою у Перми до 18000 пленных, окончательно очистили город и мост от красных. Третью армию считаю разгромленной. Из Перми выехал только эшелон командного состава с комиссарами.

Пермь, 26 декабря, 23 часа 13 минут.

Командир Средне-Сибирского корпуса генерал-майор Пепеляев»⁴.

В свою очередь, Р. Гайда немедленно телеграфировал в Омск:

«Верховному правителю России адмиралу Колчаку. Ваше пресвосходительство! Докладываю. Сибирской армией взята Пермь – крупнейший торгово-промышленный центр Урала. Войска третьей красной армии бегут. Неприятель отброшен на сто километров. Красным нанесён значительный урон. Захвачено много пленных. У нас потери небольшие. Взяты огромные военные трофеи. Войска

¹ Клерже Г. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 278.

² Иванов В. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 73.

³ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

⁴ Военные ведомости. 1918. 29 дек.

Сибирской армии готовы продолжать наступление и ждут вашего приказа. Командующий Сибирской армией генерал-майор Гайда¹.

А.В. Колчак 6 января 1919 г. издал специальный приказ, в котором оценил военную операцию по разгрому 3-й Красной армии, как «блестящую победу» сибирских войск и от имени Родины поблагодарил «начальников, офицеров и солдат за их подвиги»².

Падение Перми вызвало международный резонанс. Верховный Правитель получил телеграмму от председателя Совета министров и военного министра Франции: «Я узнал о блестящей победе под Пермью... Рад передать Вам, так же как и Вашим доблестным войскам, мои искренние поздравления. Клемансо»³.

В местной печати появились восторженные стихи, посвящённые победителям-сибирякам:

В морозную вьюгу, по пояс в снегу,
В порыве безжалостной мести
К забывшему Бога и совесть врагу
Вы – рыцари долга и чести,
В бой ринулись. Дрогнул ваш враг,
Рассеялась «красная» стая.
И бело-зелёный Сибирский свой флаг.
Флаг грозного, могучего края
Вы подняли смело в свободной Перми⁴.

Газета «Русская армия» 29 декабря опубликовала пафосную редакционную статью, в которой отмечалось, что «Сибирская армия за короткий срок своего существования доказала наличие в себе таких высоких качеств дисциплины и сознания чувства долга, что, бесспорно, она и явится тем главным ядром, вокруг которого и сосредоточится вся работа по воссозданию большой и боеспособной русской армии».

Появились газетные публикации о самом А.Н. Пепеляеве. «Люди, близко знающие генерала, – отмечалось в одной из них, – удивляются его кипучей энергии; он ежедневно объезжает все свои полки, в простом полушубке садится у костра петь песни и балагурит с солдатами, входит в их положение, обсуждает их нужды. Солдаты боготворят своего генерала...

¹ Цит. по: *Ситников М.Г.* Пермь пала! // Белая армия... № 13. С. 40.

² *Освобождение России.* 1919. 24 янв.

³ *Иртыш.* 1919. № 2. С. 20.

⁴ Цит. по: *Ситников М.Г.* Пермь пала! // Белая армия... № 13. С. 41.

Очевидно, в психике молодого генерала есть тот особенный военный склад, то умение проникать в души русского солдата... Генерал Пепеляев, который сам всегда говорит, что каждое войско должно соответствовать национальному характеру страны, сумел понять психологию русского солдата и повести его к победе...»¹.

События декабрьских дней 1918 г. вошли в советскую историю под названием «Пермская катастрофа». Действительно, для Красной армии паническое отступление из Перми явилось одним из крупнейших поражений времён Гражданской войны. В ходе Пермской операции был утрачен один из важнейших стратегических пунктов на Восточном фронте Советской республики. Огромными оказались человеческие и материальные потери советской стороны. По данным штаба Сибирской армии, было захвачено 18 тысяч пленных, 50 орудий, большое количество пулемётов, винтовок, патронов, 4000 вагонов, 20 автомобилей, броневик, громадное количество конского состава. Советская сторона исчисляла свои потери в районе Перми за период с 22 по 29 декабря более 8 тысяч убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Материальные утраты составили 29 орудий, 10 тысяч снарядов, 8 миллионов патронов, а также 297 паровозов, около 3000 вагонов, 900 тысяч пудов нефти и керосина, 65 вагонов кожи, 150 вагонов продовольствия и много другого имущества. На сторону белых перешёл целый ряд частей Красной армии, в том числе бойцы 1-го Советского, 22-го стрелкового, 10-го кавалерийского, 4-го Камского полков, штаб 3-й Камской бригады².

«Пермская катастрофа» чрезвычайно встревожила руководство Советской республики. На Восточный фронт в спешном порядке выехала специальная комиссия ЦК РКП(б) и Совета Обороны в составе И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского, прибывшая 5 января 1919 г. в г. Глазов. К 31 января комиссия подготовила обширный доклад о случившемся. Отступление было названо «форменным беспорядочным бегством наголову разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее». Причины поражений усматривались в «усталости третьей армии», в «отсутствии сколько-нибудь надежных резервов», «полном развале тыла», «сплошной контрреволюционности населения Пермской и Вятской губерний» и т.д. «Картина общего развала и дезорганизации армии и тыла, бесхозяйственности и безответственности

¹ Е.В. Герой Перми генерал Пепеляев // Сибирская речь. 1919. 3 янв.

² Ситников М.Г. Пермь пала! // Белая армия... № 13. С. 39–40.

армейских, партийных и советских учреждений, – отмечалось в докладе, – дополняется неслыханным, почти повальным переходом целого ряда ответственных работников на сторону противника»¹.

О низком моральном состоянии советских войск, подорванном непрерывными боями, о враждебности крестьянского населения по отношению к Красной армии и Советам, о нехватке продовольствия и фуража вспоминал впоследствии участник тех сражений командир одной из бригад Особой дивизии 3-й Красной армии И.А. Онуфриев. Одновременно он признавал, что моральное состояние белых тогда «было лучше, чем мы предполагали», что высший командный состав у белых «пользовался авторитетом не только среди подчинённых, а также и среди местного населения, в особенности гг. Гайда и Пепеляев»².

По итогам работы партийно-следственной комиссии были сняты с занимаемых должностей командующий 3-й Красной армией М.М. Лашевич, командир 29-й дивизии М.В. Васильев и её комиссар С.В. Мрачковский, командир 1-й бригады Ф.Е. Акулов, расформированы все партийные органы Пермской губернии.

В советской исторической литературе справедливо признавалось, что «неудача 3-й армии Восточного фронта в районе Перми ухудшила его стратегическое положение и положение Республики в целом»³.

В самом начале нового, 1919 г. победители устроили два грандиозных парада своих войск: 2 января – на Соборной площади и 7 января – Рождественский парад на Сенной площади Перми. В них участвовали войска 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Кроме них, в первом параде принимала участие гренадерская рота 1-го Советского полка, перешедшая на сторону белых. Обои парадами командовал начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии ген.-м. Б.М. Зиневич. Принимал парады непосредственно сам А.Н. Пепеляев, выступавший с краткими приветственными речами. Первую из них он закончил словами, встреченными могучими раскатами «Ура»: «Молодые сибирские чудо-богатыри, очищая дорогу от немецкого и большевистского засилья, в недалёком будущем возьмут самое сердце Руси-матушки – Первопрестольную Москву». По словам корреспондента газеты, «народ со слезами на глазах восторжен-

¹ Сталин И.В., Дзержинский Ф.Э. Отчет Комиссии ЦК партии и Совета Обороны... С. 197–224.

² Онуфриев И.А. Указ. соч. С. 76.

³ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 197.

но махал шапками. Момент подъёма был необычайный¹. Во время Рождественского парада после выступления А.Н. Пепеляева состоялась молебен «с провозглашением многолетия российской державе и российскому христоролюбивому воинству». В знак благодарности за освобождение Перми депутацией от городской думы, местного женского общества и других лиц А.Н. Пепеляеву и сибирским войскам были поднесены хлеб-соль. В ответном слове генерал высказал своё заветное желание – дожить до того момента, когда такое громкое «Ура!» «будет кричать весь многомиллионный русский народ по освобождению первопрестольной Москвы», и заверил собравшихся, что он и его корпус решили: «или умереть, или спасти Россию». Здесь же состоялось награждение орденами и георгиевскими крестами отличившихся в боях офицеров и солдат. В завершение парада сибирские части под звуки оркестра прошли церемониальным маршем по площади².

Освобождённый от советских войск губернский центр посетили американский, английский и французский консулы, а 3 января 1919 г. в Пермь прибыл и сам командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда³. 9 января состоялись торжественные похороны офицеров и солдат, погибших при освобождении Перми. Похоронная процессия растянулась на несколько кварталов⁴.

Победа широко отмечалась не только в форме торжественных мероприятий. Вс.Н. Иванов вспоминал: «С «освобождением Перми» забушевало, разлилось по городу широкой волной пьянство, тон которому задавали победители. Полковник Урбанковский, «герой освобождения», со своими офицерами часто скакал «на бешеной тройке» по Сибирской улице, провожаемый с тротуара женскими и девичьими взглядами, чрезвычайно красноречивыми, не требующими разъяснения. Пришедшие в Пермь офицеры-сибиряки пользовались общим благоволением и любовью – победители!»⁵.

За отличие в боях командующий Сибирской армией своим приказом от 6 января 1919 г. произвёл трёх полковников 1-го Средне-Сибирского корпуса в генерал-майоры (Д.Н. Кузьменко, М.В. Эпова

¹ П.Б. О параде 2-го января // Освобождение России. 1919. 4 янв.

² Освобождение России. 1919. 11 янв.; Ситников М.Г. 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк в боях за Пермь // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 13.

³ Ситников М.Г. Пермь пала. Пермь, 2016. С. 202.

⁴ Освобождение России. 1919. 11 янв.

⁵ Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. №12. С. 6.

и Б.Я. Шумана) и ещё трёх офицеров – в полковники (В.С. Николаева, С.В. Пирожкова и Ю.Н. Щеткина)¹. Сам же А.Н. Пепеляев за взятие Перми был произведён в генерал-лейтенанты, причём сообщение об этом появилось в печати уже 29 декабря 1918 г.², хотя приказ А.В. Колчака датирован 31 января 1919 г. (со старшинством с 24 декабря 1918 г.)³. Однако радость победы для А.Н. Пепеляева была омрачена печальным известием – 1 января 1919 г. в бою с партизанами погиб его младший брат Логгин. Поступив накануне в Томский гусарский полк, он в составе отряда полковника И.Н. Красильникова участвовал в подавлении разраставшегося партизанского движения на территории Енисейской губернии⁴.

С этого времени «герой Перми» получил широкую известность в армии. Г.К. Гинс вспоминал: «Имя Пепеляева стало так популярно, что бард единоличной власти Жардецкий⁵, опасаясь за жизнь адмирала, болезнь которого была очень серьёзна, уже поговаривал о Пепеляеве как возможном заместителе адмирала»⁶, однако Верховный правитель выздоровел. Так или иначе, громкий успех, широкий общественный резонанс, новый высокий чин налагали на молодого генерал-лейтенанта повышенную ответственность, от него ждали очередных побед.

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.

² *Заря*. 1918. 29 дек.

³ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 484.

⁴ *Памяти героя // Сибирская речь*. 1919. 12 янв.; *Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь*. 1990. №1. С. 76. По другим сведениям, Логгин погиб под д. Новониколаевская Канского уезда в конце декабря 1918 г., отпевание происходило 30.12.1918 г. (Из письма Нины Аркадьевны Пепеляевой, март 1994 г. Личный архив автора). Похороны состоялись 22 марта 1919 г. на военном кладбище в Томске (Томский некрополь. Списки и некрологи погребённых на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. С. 191).

⁵ В.А. Жардецкий был одним из руководителей Восточного отдела ЦК партии народной свободы, принимал активное участие в ноябрьских событиях 1918 г. в Омске и приходе к власти А.В. Колчака.

⁶ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак... М., 2008. С. 287. Перенесённый в декабре 1918 г. А.В. Колчаком грипп вызвал осложнение на лёгкие. О серьёзности его болезни свидетельствует такой факт: 23 декабря 1918 г. управляющий делами Российского правительства Г.Г. Тельберг в телеграмме Томскому губернскому комиссару просил передать профессору медицины Томского университета М.Г. Курлову приглашение Верховного правителя немедленно приехать в Омск (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 6. Л. 83).

Глава 9

ПОДГОТОВКА К НОВОМУ НАСТУПЛЕНИЮ

На основании директив Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака из Екатеринбургской группы войск 24 декабря 1918 г. была создана Сибирская армия нового формирования. Её командующим стал Р. Гайда, произведённый 6 января 1919 г. в генерал-лейтенанты. 1-й Средне-Сибирский армейский корпус А.Н. Пепеляева вошёл в состав вновь сформированной армии. Он состоял из двух стрелковых дивизий – 1-й Сибирской (командир ген.-м. Б.М. Зиневич) и 2-й Сибирской (ген.-м. А.Г. Укке-Уговец). В каждой дивизии имелось по 4 стрелковых полка, по одному артиллерийскому, инженерному и кавалерийскому дивизиону¹.

6 января 1919 г. адмирал А.В. Колчак отдал приказ о переходе Сибирской армии к активной обороне и переброске части её сил в район Уфы, которая под натиском 1-й и 5-й Красных армий была оставлена белыми 31 декабря 1918 г.² Таким образом, главный удар белых переносился на уфимское направление. Против 3-й армии был оставлен только 1-й Средне-Сибирский корпус в составе восьми полков и двух штурмовых батальонов с приданными ему 20-м полком 5-й Сибирской дивизии и тремя сотнями 11-го Оренбургского казачьего полка³.

После взятия Перми боевые действия против частей 3-й Красной армии продолжала вести 2-я Сибирская дивизия пепеляевского корпуса, тогда как 1-я дивизия сосредоточилась в Перми для отдыха и пополнения. В начале января 1919 г., осуществив перегруппировку, части 1-го Средне-Сибирского корпуса возобновили наступление вдоль линии железной дороги Пермь – Глазов. 9 января 5-й Томский полк занял ст. Чайковская. Вечером 10 января для уточнения деталей

¹ *Путеводитель по фондам белой армии.* М., 1998. С. 123; *Симонов Д.Г.* К истории Отдельной Сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* Сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 112–113.

² *Гражданская война в СССР.* М., 1980. Т. 1. С. 197.

³ *Федоров А.* Пермская катастрофа... С. 150.

операции здесь состоялось совещание с участием начальника штаба Сибирской армии ген.-м. Б.П. Богословского, А.Н. Пепеляева, начальника штаба корпуса полковника А.А. Сурнина, а также командиров дивизий и полков¹. На следующий день полки 2-й Сибирской дивизии возобновили наступление против 29-й дивизии красных. Завязались упорные бои, переходившие в штыковые атаки и контратаки, сопровождавшиеся большими потерями с обеих сторон.

Между тем командование советского Восточного фронта, ещё не вполне оправившись от «Пермской катастрофы», уже к середине января 1919 г. подготовило контрнаступление с целью освобождения Перми силами 2-й, 3-й армий и ударной группы из состава 5-й армии. Наступление советских войск началось 15 января 1919 г. Главный удар наносился в направлении г. Кунгура с целью перерезать железную дорогу Пермь – Екатеринбург. Частям 2-й Красной армии удалось подойти к этому стратегически важному городу на расстояние 15–20 километров. Командующий Сибирской армией Р. Гайда был вынужден перебросить под Кунгур 3-й Степной Сибирский армейский корпус ген.-м. Г.А. Вержбицкого, позиции которого, располагавшиеся на правом берегу Камы (около 60 километров севернее Перми), пришлось занять 1-й Сибирской дивизии. В результате предпринятых мер контрнаступление советских войск было остановлено. Частям 2-й Красной армии удалось продвинуться лишь на 20–40 километров². В конце января на этом участке фронта наступило затишье.

Тем временем части пепеляевского корпуса развернули наступление на Очерский и Павловский заводы с задачей отрезать красным пути отхода на г. Оханск. Генерал Р. Гайда приказал А.Н. Пепеляеву взять этот город³. Одновременно 3-я Красная армия 19 января 1919 г. перешла в общее наступление. Против пепеляевского корпуса было задействовано от 20 до 25 тыс. чел. пехоты с артиллерией и кавалерией⁴. В этот же день завязались кровопролитные бои за с. Дворецкое и в районе Оханска, в результате которых пепеляевцы понесли тяжёлые потери. Были раз-

¹ *Ситников М.Г.* Полковник Е.И. Урбанковский и его штурмовики // Белая армия. Белое дело. 2003. №12. С. 31.

² *Гражданская война в СССР.* М., 1980. Т. 1. С. 197; *Ситников М.Г.* Редактор газеты «Сибирские стрелки» // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2011. № 19. С. 66.

³ *Федоров А.* Пермская катастрофа... С. 157.

⁴ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 30. Приказ по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу №011 от 28 февраля 1919 г.

биты штурмовой батальон 2-й Сибирской дивизии, части 8-го Бийского и 7-го Кузнецкого полков. Красные захватили канцелярию штурмового батальона, штаб Новониколаевского полка. Образовавшийся прорыв нечем было закрыть, вследствие отсутствия у А.Н. Пепеляева корпусного резерва. «С чувством глубокой горечи я отдал приказ об отходе, и части только что с боя, освободившие десятки вёрст с большим количеством сёл и деревень, должны были отойти», – констатировал он 22 января 1919 г.¹ Правый фланг корпуса отступил на линию д. Лузино – ст. Чайковская – д. Усть-Сыны. Это было первое серьёзное поражение пепеляевского корпуса после взятия Перми. Лишь к концу января удалось остановить наступление советских войск и частично даже их отбросить. Следующим своим приказом от 31 января А.Н. Пепеляев ставил задачу во что бы то ни стало удержать вновь занятые позиции².

По данным советского военного исследователя А. Федорова, в первый день массированного наступления 3-й Красной армии белые обстреляли части 29-й дивизии противника химическими снарядами³. Документальных подтверждений этого обстрела обнаружить пока не удалось, однако известно, что в Сибирской армии велась работа по подготовке к использованию химического оружия. Ещё в июне 1918 г. была создана военно-химическая комиссия военного ведомства Временного Сибирского правительства во главе с профессором Томского университета А.П. Поспеловым. От военного ведомства в состав комиссии был откомандирован начальник химической команды поручик Александровский. В ведение комиссии передавалось имущество действовавшей ранее «Комиссии по изучению удушливых газов и по борьбе с ними при Томском университете». В письме А.П. Поспелову от 17 июня 1918 г. инспектор артиллерии Томского района полковник Н.Н. Сумароков предлагал председателю комиссии «приступить к подготовке мастерской по изготовлению необходимых для снаряжения ручных гранат химических средств», а также «принять меры к разработке ближайшей программы заготовки взрывчатых веществ и других химических продуктов, нужных для обороны»⁴. Профессором была подготовлена «Записка о необходимости создания в Сибири военной химической

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 7. Приказ по 1-му Средне-Сибирскому корпусу №05 от 22 января 1919 г.; Федоров А. Пермская катастрофа... С. 160–161.

² РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 8, 14.

³ Федоров А. Пермская катастрофа... С. 161.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

промышленности»¹, которая 1 июля 1918 г. легла на стол тогдашнему командующему Сибирской армией А.Н. Гришину-Алмазову вместе с «Проектом положения о военно-химической комиссии Военного ведомства Сибирского временного правительства». В первом параграфе документа была сформулирована основная задача создаваемой комиссии: обеспечение армии «всеми нужными химическими веществами, как-то: взрывчатыми веществами, равно как и другими химическими средствами, нужными для защиты и нападения»².

Были предприняты меры для подготовки специалистов соответствующего профиля. Известно, в частности, что в Томске весной 1919 г. располагался учебный огнемётно-химический батальон³.

В свою очередь, и красные на Восточном фронте эпизодически прибегали к использованию химического оружия. В архивных документах содержатся сведения о том, как 1 апреля 1919 г. на Вятском направлении южнее с. Килигинского «красные перешли в наступление и обстреливали химическими снарядами, вызвавшими слезотечение»; в мае того же года советские войска на участке 26-го Тюменского полка на Уржумском направлении «после ураганного обстрела химическими снарядами д. Безменшур и Уразай» перешли в наступление и заняли эти деревни⁴. Нелишне отметить также, что весной 1919 г. красные на Восточном фронте прибегали к обстрелам противника разрывными пулями⁵.

В двадцатых числах января 1919 г. натиск красной армии на Пермском направлении продолжался. С переменным успехом шли кровопролитные встречные бои, закончившиеся с истощением наступательных возможностей советских войск. За 10 дней наступления части 3-й Красной армии продвинулись лишь от 10 до 20 километров ценой значительных потерь убитыми, ранеными, обмороженными, пропавшими без вести. Потери белых были меньшими, но также значительными. Задача по взятию Перми и разгрому 1-й Сибирской армии не была выполнена. Однако и 1-я Сибирская армия была вынуждена перейти к обороне. Февраль также прошёл в напряжённых боях, не давших, впрочем, ни одной из сторон сколько-нибудь существенных территориальных приобретений⁶.

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

² Там же. Л. 6.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. р-537. Оп. 2. Д. 3а. Л. 101–102.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 111; Д. 59. Л. 89об.

⁵ Там же. Д. 58. Л. 119.

⁶ Федоров А. Пермская катастрофа... С. 172.

Необходимость восполнения потерь в белой армии вынуждала её командование ускорить комплектование новых частей на освобождённой территории, тем более, что в захваченной Перми оказалось немало количество офицеров. Уже на другой день после взятия города, 26 декабря 1918 г., А.Н. Пепеляев издал приказ, в котором предписывалось всем офицерам старой русской службы явиться для регистрации 29 декабря к начальнику пермского гарнизона. Неявившиеся подлежали преданию военно-полевому суду как дезертиры. В результате был оперативно сформирован Пермский офицерский полк четырёхротного состава численностью около 360 человек во главе с полковником С.М. Поляковым¹. Уже в январе 1919 г. этот полк принял участие в отражении наступления красных в районе Кунгура.

Удачный опыт формирования полка подвигнул А.Н. Пепеляева к формированию дивизии, причём по собственной инициативе, без предписания свыше. Первый приказ по Пермской дивизии появился уже 16 января, хотя приказ по 1-му Средне-Сибирскому корпусу, в котором объявлялось о формировании 1-й Пермской стрелковой дивизии, датируется только 25 января, а телеграмма от командующего Сибирской армией Р. Гайды с подтверждением формирования Пермской пехотной дивизии – 26 января. Официальный же приказ по Сибирской армии вышел и того позже – 9 февраля 1919 г.²

Формирование 1-й Пермской стрелковой дивизии осуществлялось на основе Пермского офицерского полка, который к 1 февраля был отозван с фронта. В течение месяца дивизия была сформирована, став третьей в составе 1-го Средне-Сибирского корпуса. Она состояла из четырёх стрелковых полков: 1-го Пермского, 2-го Чердынского, 3-го Добрянского и 4-го Соликамского. Начальником дивизии был назначен генерал-майор В.С. Шаров, командовавший ранее 2-й бригадой 2-й Сибирской стрелковой дивизии, начальником штаба – полковник В.Н. Сухорский, командиром 1-й бригады – ген.-м. Н.А. Эскин³. Всего же, по данным самого А.Н. Пепеляева, в Перми в его корпус влился 701 офицер из числа ранее служивших в Красной армии⁴.

¹ *Константинов С.И.* Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // *Белая армия. Белое дело.* 1996. № 1. С. 22; *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 2010. № 18. С. 5.

² *Симонов Д.Г.* К истории Отдельной Сибирской армии... С. 114.

³ *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 6, 38; *Ситников М.Г.* Пермь пала! // *Белая армия...* С. 40.

⁴ «Россия погибнет в волнах новой анархии»: Рапорт командующего Северной группой Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева командующему Сибирской

Обучение бойцов новой дивизии было недолгим – всего около двух недель. Перед отправкой на фронт А.Н. Пепеляев провёл смотр её частей, о котором впоследствии Вс.Н. Иванов писал: «Я как сейчас помню, как однажды Пепеляев скакал на белом коне в вихре ясного клубящегося снега под бело-зелёным флагом в Перми, по Сенной площади, вдоль огромного фронта только что сформированной для борьбы с большевиками доблестной Пермской дивизии, а за ним, под раскаты «ура», летел его конвой в шапках с малиновыми верхами»¹. Пермской дивизии приказывалось выдвинуться на фронт к 25 февраля 1919 г.

Одновременно А.Н. Пепеляев занимался пополнением других частей своего корпуса. В частности, 10 февраля в Перми на основе штурмового батальона была развёрнута штурмовая бригада в составе четырёх батальонов, конного и артиллерийского дивизионов и санитарной части. Её командиром стал капитан Е.И. Урбанковский, начальником штаба – капитан Заскокин². В составе 3-го Барнаульского полка появился третий батальон численностью 600 человек, сформированный в середине января 1919 г. в Перми преимущественно из мобилизованных мотовилихинских рабочих³. В конце января А.Н. Пепеляев издал приказ о мобилизации «всех старых солдат сроков службы 1908 и 1909 гг. для зачисления в формируемые при полках корпуса партизанские отряды»⁴.

Приказом от 13 февраля 1919 г. А.Н. Пепеляев возложил на полковника Николаева (вскоре был заменён подполковником Н.Ф. Шнаперманом) обязанность формирования в Перми прифронтной кадровой (запасной) бригады 1-го Средне-Сибирского корпуса в составе трёх полков по 5 тыс. чел. в каждом. В пермских госпиталях предписывалось подготовить не менее 3 тыс. мест, для чего «мобилизовать в Перми все силы и средства»⁵.

армией генерал-лейтенанту Р. Гайде 21 июня 1919 г. / Публикация Н.Д. Егорова, Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 81.

¹ Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 71.

² Ситников М.Г. Полковник Е.И. Урбанковский и его штурмовики... С. 37; Краснощечков А.А., Ситников М.Г. Ещё раз о сибирских штурмовиках и их командире // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 76.

³ Краснощечков А. Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 65–66.

⁴ Освобождение России. 1919. 29 янв. Мобилизованные в Пермской губернии в январе 1919 г. «партизаны» должны были прослужить 6 месяцев. Однако спустя полгода в условиях отступления белой армии А.Н. Пепеляев приостановил их увольнение (*На страже свободы. Орган 1-й стрелковой дивизии. 1919. 23 сент.*).

⁵ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 22, 29.

Одновременно офицеры пепеляевского корпуса обратились в Омск с предложением о проведении очередной мобилизации. Виктор Пепеляев 28 января 1919 г. записал в своём дневнике: «По настоянию офицеров из корпуса Анатолия я на прошлой неделе поднял вопрос о мобилизации интеллигенции, студ[ентов] и гим[назистов]. (...Записка подана нач[альнику] штаба Гл[авкома] и воен[ному] м[инистру] и встречена сочувственно). К[онституционные]-д[емократы] поддерживают»¹.

Тем временем в районе действия Сибирской армии в конце февраля была объявлена мобилизация призывников пяти возрастов – с 1914 по 1918 г. Пепеляевскому корпусу из общего числа призываемых предназначались 16 тыс. чел. Их планировалось направить для обучения в Тюмень, куда передислоцировались 1-й и 2-й кадровые (запасные) полки Средне-Сибирского корпуса. Кроме того, дополнительно были призваны представители мужской части интеллигенции в возрасте до 33 лет включительно².

По представлению военного министра Совет министров Российского правительства 4 марта 1919 г. принял постановление о призыве в войска мужского городского населения в возрасте от 18 до 35 лет с образованием не ниже 4 классов средних учебных заведений на территории всех военных округов. Спустя месяц, 3 апреля Советом министров было принято постановление о дополнительном призыве в войска некоторых категорий городского населения и о производстве учёта всего мужского городского населения в возрасте от 18 до 35 лет, независимо от образования³.

Мобилизации, восполнявшие убыль солдат и офицеров, позволявшие увеличить численность белых войск, в то же время отрицательно сказывались на их качестве, способствовали их внутреннему ослаблению. Симптомы разложения отдельных частей пепеляевского корпуса стали проявляться уже в первые месяцы 1919 г. Так, 13 февраля на сторону красных в полном составе (16 чел.) перешла застава сторожевого охранения 11-й роты 7-го Кузнецкого стрелкового полка во главе с георгиевским кавалером ефрейтором Челибановым. Временно командующий 2-й Сибирской стрелковой дивизией, в составе которой находился полк, ген.-м. М.В. Эпов в тот же

¹ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 77.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 69. Телеграмма из Екатеринбурга от 26 фев. 1919 г.

³ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 379–381, 498–499; *Правительственный вестник*. 1919. 9 марта, 6 апр.

день отдал приказ о расформировании роты и о расстреле её командира и младших офицеров, которые оказались «не на высоте своего призвания и не сумели привить здоровых начал своим подчинённым». В приказе отмечалось: «Такого позора 1-й Средне-Сибирский корпус ещё не знал и больше знать не будет»¹. В результате трое офицеров – поручик Пичугин, подпоручик Ляпустин и прапорщик Брейман – были расстреляны. А.Н. Пепеляев в приказе по корпусу от 22 февраля одобрил действия Эпова: «Нахожу жестокою и решительную меру начальника дивизии, ввиду неприятеля и в связи с трудной боевой обстановкой, правильной»². Однако проведённое расследование показало, что расстрелянные офицеры не заслуживали такого жестокого наказания³. М.В. Эпов был отстранён от командования и с апреля 1919 г. состоял в качестве прикомандированного к штабу корпуса, позднее – к штабу Северной группы. В начале августа 1919 г. он вновь получил назначение на командную должность, став командиром бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Однако затем, 1 октября 1919 г. состоялся военно-полевой суд при штабе 1-й Сибирской армии, который приговорил М.В. Эпова за неправомерный приказ о расстреле трёх офицеров к семнадцати с половиной годам каторжных работ с лишением «всех прав состояния, чинов и орденов». Правда, уже через день, 3 октября А.Н. Пепеляев своим приказом существенно смягчил этот суровый приговор, ограничившись отрешением М.В. Эпова от должности с последующим заключением в крепость сроком на 1 год и 2 месяца, да и то после окончания Гражданской войны⁴.

Этот эпизод, похоже, заставил А.Н. Пепеляева и других командиров высшего звена его корпуса с большей осторожностью относиться к расстрельным приговорам. В частности, за переход к противнику 11 солдат команды пеших разведчиков в ночь на 5 марта 1919 г. начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии ген.-м. А.Г. Укке-Уговец приказал их непосредственных командиров лишь «разжаловать в рядовые до искупления боевыми подвигами»⁵. Смертную казнь десяти солдатам, приговорённым военно-полевым судом за агитацию и неподчинение,

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 32.

² Там же. Д. 30. Л. 25.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 152.

⁵ Там же. Д. 23. Л. 55.

А.Н. Пепеляев своим приказом от 30 марта 1919 г. заменил двадцатилетней каторгой¹.

Однако и смертные приговоры продолжали выноситься. В приказе по корпусу от 15 апреля 1919 г. объявлялось о расстреле перед строем трёх военнослужащих, пытавшихся поднять мятеж в маршевых ротах, прибывших из 2-го Прифронтового (запасного) полка на пополнение штурмового батальона 2-й Сибирской стрелковой дивизии. По замыслу зачинщиков маршевики должны были обезоружить весь батальон и перейти на сторону красных². 28 июля 1919 г. А.Н. Пепеляев утвердил своим приказом решение военно-полевого суда, приговорившего к смертной казни через повешение Л.Л. Бермана, члена Екатеринбургской организации партии «Бунд», принимавшего участие в подготовке вооружённого восстания в тылу правительственных войск³.

Увеличение численности корпуса потребовало изыскивать дополнительные ресурсы для снабжения оружием, боеприпасами, обмундированием, питанием солдат и офицеров. Частично эта проблема решалась за счёт взятых в Перми богатых трофеев. Барон А.П. Будберг вспоминал: «Пепеляев захватил все запасы, найденные в Перми, и не хочет ни с кем делиться; он же заставил все местные заводы работать только на свой корпус»⁴. Подобного рода сепаратизм не в последнюю очередь был обусловлен в целом неудовлетворительной организацией снабжения войск. Достаточно сказать, что, прибыв осенью 1918 г. на фронт, пепеляевский корпус вынужден был в первое время питаться за счёт привезённых с собой продуктов, а затем прибегать к самостоятельным заготовкам, получая в централизованном порядке лишь 20–30% необходимого⁵.

Впрочем, распорядиться трофеями должным образом А.Н. Пепеляеву, видимо, не вполне удалось. По свидетельству Вс.Н. Иванова, «промахом Пепеляева с его штабом и никого больше» явилось то, что захваченные на станции Пермь-II огромные интендантские грузы «были разграблены»⁶.

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 87об.

² Там же. Л. 99.

³ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

⁴ *Барон А. Будберг. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея) // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 243.*

⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 151. Л. 1. Рапорт начальника этапно-хозяйственного отдела Северной группы Сибирской армии полковника Жданова главному начальнику снабжения Сибирской армии от 5 июня 1919 г.

⁶ *Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 74.*

Ещё 4 января 1919 г. А.Н. Пепеляев обратился к пермской буржуазии с просьбой предоставить беспроцентный военный заём для восстановления нормальной деятельности правительственных и общественных учреждений в сумме 3 млн руб.¹ Однако ожидаемого эффекта также не получилось. Пермская буржуазия неохотно делилась своими накоплениями с колчаковской властью и белой армией. За полтора месяца удалось собрать лишь 2,7 млн рублей. Комитет по сбору займа был вынужден даже обратиться к А.Н. Пепеляеву с просьбой принять меры по отношению к неплательщикам².

Впрочем, снабжение других частей колчаковской армии также оставляло желать много лучшего. Об этом красноречиво свидетельствует запись в дневнике премьер-министра Российского правительства П.В. Вологодского от 25 февраля 1919 г.: «В вечернем заседании Совета Министров главный полевой контролёр докладывал о положении дел на фронте. Им была нарисована довольно мрачная картина. Дело с продовольствием стоит на фронте довольно плохо, запасов хлеба и мяса почти нет поблизости фронта. Находящиеся же в тылу большие запасы того и другого не могут быть продвинуты к фронту вследствие полной разрухи тыла... Среди командного состава (например, у г[ен].-л. Пепеляева) создалось впечатление, что там вовсе не заботятся о фронте. Это вызывает, с одной стороны, раздражение у фронта против тыла, а с другой – служит поводом для фронта захватывать военную добычу в пользу частей, взявших эту добычу. Даже г[ен].-л. Пепеляев деньги, найденные им в разных государственных и общественных кассах при взятии Перми, забирал себе и по своему распоряжению раздавал различным учреждениям, не давая о том знать центральным учреждениям... Докладчиком были продемонстрированы перед Советом М[инистров] образцы разных предметов снабжения войск, никуда не годных. Как яркий пример были представлены солдатские портянки, одни из которых разваливаются при первом к ним прикосновении, другие – из такого грубого материала (конский волос с шерстью), что ноги сразу же стираются до ран. Были такие поставки пимов, что они через день ношения разваливались и становились совершенно негодными для дальнейшего употребления»³. Командир 3-го Степного Сибирского армейского корпуса Г.А. Вержбицкий отмечал в своём донесении весной

¹ *Освобождение России*. 1919. 23 янв.

² *Ситников М.Г.* Редактор газеты «Сибирские стрелки»... С. 68, 71.

³ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 148.

1919 г., что «продовольственное дело поставлено ужасно, большая половина ходит в лаптях»¹.

Проводимые А.Н. Пепеляевым мероприятия по комплектованию и материальному снабжению своего корпуса осуществлялись в рамках широкомасштабной подготовки к весеннему наступлению, план которого был изложен в директиве А.В. Колчака от 15 февраля и дополнен 3 марта 1919 г. В соответствии с этим планом переход в наступление по всем направлениям намечался на начало марта. Главный удар наносился Западной армией с целью захвата уфимского района. Сибирской армии была поставлена задача продвинуться в направлении Вятки, разбить 2-ю Красную армию и овладеть районом Сарапул, Воткинский и Ижевский заводы².

Накануне наступления оправившийся к тому времени от болезни адмирал А.В. Колчак совершил 18-дневную поездку на фронт. Побывал он и в расположении пепеляевского корпуса. В репортаже об этом событии газета «Отечественные ведомости» 25 февраля 1919 г. сообщала:

«19 февраля в 9 часов утра поезд Верховного правителя подошёл к разукрашенной зеленью и флагами станции Пермь I. Приняв почётный караул, Верховный правитель с генералами Гайдой и Пепеляевым, сопровождаемый свитой, проехал в собор. Епископ Казанский Борис произнёс прочувствованное слово, приветствуя вождя той армии, которая принесла освобождение Перми.

После молебна состоялся грандиозный смотр войскам. Церемониальным маршем проходили перед Верховным правителем героические части корпуса генерала Пепеляева. При проезде по улицам, украшенным флагами и вензелями, Верховный правитель был предметом шумных и восторженных манифестаций»³.

В военном параде участвовали офицеры и бойцы 1-й Сибирской штурмовой бригады капитана Е.И. Урбанковского, 1-й Пермской стрелковой дивизии генерал-майора В.С. Шарова, ударные батальоны 1-й и 2-й Сибирских дивизий и другие части 1-го Средне-Сибирского корпуса. Под музыку сменявших друг друга оркестров во главе марширующих стройными рядами частей шёл командир корпуса генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев. В заключение парада Верховный главнокомандующий лично наградил наиболее отличившихся в сражениях солдат Георгиевскими крестами и медалями⁴.

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

² *Гражданская война в СССР. Т.2...* С. 48.

³ Цит. по: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак... С. 426–427.

⁴ *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 8.

После парада А.В. Колчак посетил зал благородного собрания, где ему представились многочисленные делегации, преподносившие приветственные адреса и хлеб-соль. После завтрака в штабе А.Н. Пепеляева он побывал на торжественном заседании Земского собрания и городской думы.

На другой день рано утром поезд Верховного правителя был подготовлен к поездке на фронт. На станции в сопровождении Р. Гайды и А.Н. Пепеляева адмирал произвёл смотр боевым частям 1-го Средне-Сибирского корпуса. Здесь же делегации крестьян прифронтной полосы преподнесли А.В. Колчаку хлеб-соль и благодарили за спасение от большевиков. После приёма крестьяне были приглашены на чай в вагон-столовую Верховного правителя¹. Затем его поезд двинулся в направлении фронта, пролегавшего в нескольких десятках километров к западу от Перми, близ станции Менделеево. По словам газетного репортёра, поезд «продвинулся до последнего разъезда, в нескольких саженях от которого стоит наша батарея. При прибытии поезда батарея была в горячей работе и громким салютом приветствовала Верховного главнокомандующего»². После осмотра построенных воинских частей и раздачи Георгиевских крестов А.В. Колчак с генералами Гайдой и Пепеляевым на трёх санях и с небольшой свитой проехал на передовые позиции 5-го Томского Сибирского стрелкового полка (командир ген.-м. Д.Н. Кузьменко). Затем пешком в сопровождении Гайды и Пепеляева Верховный правитель прошёл в окопы, занимаемые одним из батальонов этого полка. «Солдаты, – по словам репортёра, – радостно приветствовали своего вождя, награждавшего храбрых Георгиевскими крестами. Несколько раз деревня, где находился Верховный главнокомандующий, обстреливалась красными. На наших батареях Верховный главнокомандующий наблюдал за удачной стрельбой»³. На обратном пути А.В. Колчак позавтракал в штабе 5-го Томского полка, на станциях осматривал части и госпитали, беседовал с ранеными.

После возвращения в Пермь Верховный правитель осматривал пермские лазареты. Между прочим, несколько недель спустя, в начале марта 1919 г., дополнительный лазарет для раненых был организован при Мариинской женской гимназии в Перми с

¹ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак... С. 427–428.

² Там же. С. 428.

³ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак... С. 428.

участием жены А.Н. Пепеляева Нины Ивановны. Он получил название 1-й Пермский сводный госпиталь имени Н.И. и А.Н. Пепеляевых¹.

Сопровождавший Верховного правителя в его поездке на фронт омский журналист С. Ауслендер оставил следующее впечатление об армии, её бойцах и офицерах: «Прежде всего, молодая армия. Солдаты 18 лет, 24-летние полковники, генералы в возрасте от 27 до 40 лет и 44-летний Верховный главнокомандующий. Будущее принадлежит молодости...». И здесь же несколько строк об А.Н. Пепеляеве: «Вдоль [солдатских] рядов проходит в солдатской серой шинели, в потрёпанной папахе генерал Пепеляев, от его фигуры статной, от голоса громкого, улыбки широкой, какие-то токи бегут молодой, весёлой бодрости...»².

К приезду Верховного правителя в штабе корпуса был подготовлен и 19 февраля 1919 г. собственноручно А.Н. Пепеляевым подписан «Почётный рапорт о состоянии войск 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса», позволяющий получить точное представление о его составе и численности на тот период (табл. 1).

Состав войск 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса на 19 февраля 1919 г.³

Наименование войск	Численность							
	генералов	штаб-офицеров	обер-офицеров	врачей		чиновников	солдат	
				медицинских	ветеринарных		строевых	нестроевых
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Штаб корпуса и пр. корпусные управления	2	7	64	3	1	42	416	100
1-я Сибирская стрелковая дивизия								
Штаб дивизии	1	1	43	1		18	260	226
1-й Новониколаевский полк			77	2			1682	198

¹ *Сибирские стрелки*. 1919. 4, 11 апр.

² *Ауслендер С.* В поезде Верховного правителя // *Сибирская речь*. 1919. 4 марта.

³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 164. Л. 21–22.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2-й Барабинский полк		3	137	2		11	2497	149
3-й Барнаульский полк		1	112	2	1	13	2125	385
4-й Енисейский полк		3	146	3		8	1207	347
Партизанский батальон			65			4	1245	
Управление 1-го сводного артиллерийского дивизиона			5	1	1	3	77	27
1-я лёгкая батарея		1	12			2	141	76
2-я лёгкая батарея			12			1	108	79
Гаубичная батарея		1	12			1	130	65
Инженерная рота			63	1		6	223	30
2-я Сибирская стрелковая дивизия								
Штаб дивизии	1	1	18	1		8	152	31
5-й Томский полк	1		95	3	1	8	1447	99
6-й Мариинский полк		1	102	2		13	2016	242
7-й Кузнецкий полк		1	126	3	1	9	1866	265
8-й Бийский полк			123	3		14	1389	318
Партизанские батальоны			60				2872	47
Управление 2-го сводного артиллерийского дивизиона		1	3	1	1	3	46	29
1-я лёгкая батарея			26			2	136	44
2-я лёгкая батарея			10			2	173	62
Гаубичная батарея			17			3	132	44
1-я отдельная тяжёлая батарея			10			2	177	61
Инженерная рота			66	1		5	177	50

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1-я Пермская стрелковая дивизия								
Штаб дивизии	2	1	18	2		5	148	107
1-й Пермский полк		1	91	1		2	1317	149
2-й Чердынский полк			80		1	2	1350	56
3-й Добрянский полк		1	68	1		1	1414	83
4-й Соликамский полк		1	67			4	302	81
Инженерная рота		1	54	1			234	26
1-й Пермский артиллерийский дивизион		1	12		1	2	269	94
1-й Сибирский штурмовой батальон		1	43	2		5	1463	158
4-й эскадрон 1-го Томского гусарского полка			7			2	205	52
Отдельная телеграфная рота			27			10	318	154
Автомобильная рота			10			2	115	
Телефонная учебная команда			3			1	46	7
Полевой подвижной инженерный парк			2			1	59	5
Пермская приёмная радиостанция			1				5	1
12-й Сибирский авиаотряд			4			2	16	29
Подвижной артиллерийский склад			2					9
Прифронтовой артиллерийский склад			4					12
Броневой поезд №1			16				74	
Броневой поезд №2			9				47	
Всего в корпусе	7	28	1922	36	8	217	28076	3998

В результате поездки в действующую армию появился приказ адмирала А.В. Колчака № 108, изданный им 24 февраля 1919 г. в Екатеринбурге. Констатируя проведенный с 16 по 24 февраля осмотр находящихся на фронте, боевых линиях и в резерве частей Сибирской армии, Верховный правитель объявил благодарность «за отличную боевую подготовку войсковых частей армии» командующему Сибирской армией ген.-л. Р. Гайде, начальнику штаба армии ген.-м. Б.П. Богословскому. Третьим в списке удостоенных благодарности значился командир 1-го Средне-Сибирского корпуса ген.-л. А.Н. Пепеляев¹.

Вскоре французское командование через своего представителя – главу французской миссии в Екатеринбурге майора (по другим сведениям – полковника) Болифро прислало некоторым генералам и высшим офицерам колчаковской армии награды. Ген.-л. А.Н. Пепеляев вместе с ген.-л. Вержбицким были удостоены ордена Круаде-Гер с пальмой. Пепеляеву орден вручил командующий Сибирской армией Р. Гайда².

После возвращения в Омск 26 февраля 1919 г. А.В. Колчак поделился впечатлениями о своей поездке с министрами Временного Российского правительства. По свидетельству П.В. Вологодского, Верховный правитель остался ею доволен, отметив, что «на фронте дела обстоят лучше, чем он думал, настроение войск хорошее, дух бодр, отношения командного состава с армией вполне удовлетворительные, есть, правда, раздражение против тыла, есть большие дефекты по снабжению, продовольствию, содержанию фронта. Отзывается очень тяжело на фронте общая разруха транспорта»³. Не в последнюю очередь на такую оценку адмирала повлияли, вероятно, и встречи на фронте с А.Н. Пепеляевым, который, по словам Вс.Н. Иванова, «в высшей степени в резкой форме» жаловался Верховному правителю «на наше интендантство, бездарное, как всегда»⁴.

Таким образом, заканчивавшаяся зима оказалась для А.Н. Пепеляева и его корпуса в целом удачной. Впереди их ожидало весеннее наступление. Генерал был настроен оптимистически.

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 64; Русская армия. 1919. 1 марта.

² *Голос сибиряка* (Екатеринбург). 1919. 10 апр.

³ П.В. Вологодский. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 149.

⁴ Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 74.

Глава 10

НА ВЯТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Примерно в те же дни, что и колчаковское командование, а именно 21 февраля 1919 г., главнокомандующий Красной армии И.И. Вацетис подписал директиву, в соответствии с которой войска Восточного фронта также должны были начать наступление. Их главный удар наносился в полосе Челябинск, Екатеринбург с целью овладения этими городами¹. Пермское направление вновь оказалось в эпицентре сражения.

Стремясь перехватить инициативу, части 2-й и 3-й Красных армий 26 февраля первыми перешли в наступление. Удар 3-й армии, располагавшей 30 тыс. штыков и сабель и 78 орудиями, наносился в направлении на Пермь, севернее железной дороги Вятка – Пермь. Противостоявший красным 1-й Средне-Сибирский корпус, по-прежнему являвшийся главной ударной силой 1-й Сибирской армии, насчитывал в своем составе около 34 тыс. штыков и сабель².

Между тем Сибирская армия ещё не завершила подготовку к своему наступлению. В результате одновременно с перегруппировкой частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на основе приказа А.Н. Пепеляева №10 ему пришлось в течение недели сдерживать наседавшего противника. За проявленное мужество и доблесть в первых же боях командир корпуса наградил Георгиевскими крестами 50 бойцов 2-го Барабинского, 3-го Барнаульского и 7-го Кузнецкого полков³.

Отразив натиск противника, выдвинув на фронт полки только что сформированной 1-й Пермской дивизии, в соответствии с приказами Верховного главнокомандующего и Р. Гайды 1-й Средне-Сибирский корпус в ночь на 5 марта (в 04 часа 05 минут) перешёл в контрнаступление, ударив в стык 2-й и 3-й Красных армий между городами Оханском и Осой. Корпусу ставилась задача взять г. Гла-

¹ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 48.

² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 164. Л. 21–22; *Какурин Н.* Как сражалась революция. Т. 2: 1919–1920 гг. М.; Л., 1926. С. 155.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 41.

зов и наступать на Вятку. На следующий день А.Н. Пепеляев бросил в прорыв дополнительные силы, в том числе прибывшую из Перми 1-ю Сибирскую штурмовую бригаду. В результате успешных действий пепеляевцы, прежде всего 2-й Барабинский и 3-й Барнаульский стрелковые полки 1-й Сибирской дивизии, разгромили 4-ю бригаду 30-й дивизии красных. В ночь на 7 марта сибиряки захватили г. Оханск¹.

Получив сообщение об этом, командующий Сибирской армией в тот же день направил А.Н. Пепеляеву телеграмму: «Счастлив поздравить части первой дивизии с блестящим успехом. От лица службы благодарю всех начальствующих лиц, а молодцам-сибирякам шлю моё солдатское спасибо. Желаю всем дальнейших успехов, здоровья и энергии. Командарм Сибирской генерал-лейтенант Гайда»².

В ответ А.Н. Пепеляев 9 марта телеграфировал Р. Гайде из Перми: «Счастлив принять лестную оценку действий 1-й дивизии, которая, не зная преград, блестяще выполняет свою задачу, но прошу распоряжения распространить эту похвалу и на 2-ю дивизию, которая не только сдержала натиск превосходных сил красных, но и разбила группы Блюхера из 6 полков, взяв более 20 пулемётов»³.

Вместе с тем в первые же дни сражения обнаружились серьёзные недостатки в подготовке наступления и снабжении частей корпуса боеприпасами. 7 марта 1919 г. А.Н. Пепеляев телеграфировал командующему Сибирской армией: «Категорически настаиваю на немедленной высылке двух миллионов патронов и десяти тысяч снарядов. В противном случае вести операцию не могу». К тому времени в корпусе оставалось лишь 270 тыс. патронов⁴.

Тем временем наступление пепеляевского корпуса продолжалось. 9 марта Штурмовая бригада вошла в Нытву. Одновременно теснил противника соседний 3-й Степной Сибирский корпус, занявший 8 марта уездный город Осу. В результате напряжённого уличного боя 11 марта был взят Очерский завод. Части генерала А.Г. Уккее-Уговца 12 марта захватили ст. Менделеево⁵.

Сражения носили ожесточённый характер, советские войска упорно оборонялись. А.Н. Пепеляев в своём донесении отмечал, что

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 18об., 32.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 133.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 109. В.К. Блюхер в тот период был помощником командующего 3-й Красной армией С.А. Меженнинова.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 101; Д. 58. Л. 23.

⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 42, 46об., 47.

в ходе наступления его корпус встретил на своём левом фланге «небывалое до сих пор сопротивление красных, которые сами переходят в контратаки. Артиллерия противника и пулемёты наносят нам громадные потери. Барабинский полк за день боя под заводом Андреевским потерял всех пулемётчиков и во многих ротах всех офицеров». На подступах к Нытве некоторые роты Пермской дивизии потеряли до половины своего состава убитыми и ранеными¹.

Прорвав фронт советских войск, в дальнейшем части 1-го Средне-Сибирского корпуса стали развивать наступление с целью выхода на железную дорогу Пермь – Глазов в районе станции Кузьма и окружения частей 29-й дивизии и Особой бригады красных. Однако сопротивление красных не ослабевало. Кровопролитное сражение разгорелось 10 марта за село Дворецкое. Бойцы Штурмовой бригады несколько раз атаковали укрепленные позиции красных, но всякий раз безуспешно. Лишь на другой день к вечеру Дворецкое было взято, хотя и высокой ценой. Во время одной из атак был смертельно ранен командир бригады Е.И. Урбанковский, которого А.Н. Пепеляев считал одним из лучших офицеров своего корпуса².

В связи с его гибелью А.Н. Пепеляев издал специальный приказ №98 по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу: «В боях у села Дворецкого 11 марта 1919 г. пал смертью героя доблестный вождь штурмовиков, герой восточных операций и храбрый из храбрых командиров наших частей, командир штурмовой бригады полковник Урбанковский. С глубокой горечью и болью в сердце объявляю эту печальную весть по всем частям...». Этим же приказом А.Н. Пепеляев ходатайствовал о разрешении наименовать 1-й батальон штурмовой бригады «Батальоном имени полковника Урбанковского»³. Погибшего командира штурмовиков сменил капитан П.Н. Соколов, также уроженец Томска.

Тело Е.И. Урбанковского было доставлено в Пермь, где находился штаб бригады. После отпевания в римско-католическом костеле гроб с его телом был отправлен в Томск, где 28 марта состоя-

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 23; *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 10.

² *Краснощечков А.А., Ситников М.Г.* Ещё раз о сибирских штурмовиках... С. 75; *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 10.

³ *Сибирские стрелки.* 1919. 13 марта. В приказе А.Н. Пепеляева Е.И. Урбанковский назван полковником, хотя в биографической справке, приведённой Д.Г. Симоновым, он был за отличия в боях произведён в подполковники (а не полковники) приказом адмирала А.В. Колчака от 16 мая 1919 г. (посмертно) со старшинством с 6 января 1919 г. (*Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 г.... С. 519).

лись торжественные похороны. На них присутствовало не менее 10 тыс. человек. Похоронные марши играли пять оркестров. Тогда же местная общественность решила устроить в Томске Дом штурмовиков имени полковника Урбанковского. К 26 апреля 1919 г. для этой цели было собрано свыше 30 тыс. рублей¹.

Тем временем наступление 1-го Средне-Сибирского корпуса продолжалось. 14 марта была взята ст. Верещагино, расположенная почти на полпути между Пермью и г. Глазовом. В тот же день А.Н. Пепеляев издал приказ, в котором 2-й Сибирской дивизии ставилась задача взять г. Глазов. Спустя неделю на крайнем правом фланге пепеляевского корпуса в районе р. Печоры произошла встреча сибирского отряда белых с архангельским отрядом северной контрреволюции, которая, впрочем, не послужила началом скольки-нибудь значимого боевого взаимодействия.

Высшее военное руководство из Омска торопило сибиряков. 24 марта Верховный главнокомандующий приказал Сибирской армии с целью содействия Западной армии не позднее 26 марта начать наступление с тем, чтобы к 5 апреля выйти на линию Глазов – Ижевск – Сарапул². Выполняя приказ, части пепеляевского корпуса с боями заняли Песковский, Залазнинский и Белорецкий заводы. К 8 апреля они овладели ст. Кузьма³. В бою за Песковский завод погиб командир красноармейского Путиловского полка П.М. Прокофьев. Созданный к тому времени в г. Чердыни правофланговый Северный отряд под командованием полковника А.В. Бордзиловского 9 апреля занял с. Ижму. В тот же день А.Н. Пепеляев в очередной раз приказал 2-й Сибирской дивизии «неутомимо, безостановочно преследовать противника» и взять г. Глазов⁴.

12 апреля из Омска была получена директива, в которой Сибирской армии ставилась задача преследования отступавших советских войск с целью прижать их к реке Вятка, отрезать от мостов и выйти на рубеж Котельнич, Казань⁵. Одновременно 12 апреля 1919 г. А.В. Колчак издал приказ, в котором благодарил «доблестных офицеров и солдат Сибирской и Западной армий за проявленное муже-

¹ *Вестник* Томской губернии. 1919. 31 марта, 30 апр.; *Томский* некрополь. Списки и некрологи погребённых на старых томских кладбищах. 1827–1939 / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001. С. 191.

² РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 44. Приказ по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу №014 от 14 марта 1919 г.; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 18–23; Д. 58. Л. 53об.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 235.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 235; Д. 58. Л. 140об.

⁵ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 50.

ство, настойчивость и быстроту действий» в ходе успешного наступления против красных войск и приказал всех отличившихся представить к наградам¹.

В течение апреля наступление пепеляевского корпуса продолжалось, по-прежнему преодолевая упорное сопротивление противника. Некоторые населённые пункты неоднократно переходили из рук в руки. И белые, и красные прибегали к штыковым атакам. Обе стороны несли тяжёлые потери. В частности, красноармейская кавалерийская бригада вследствие огромных потерь была расформирована, а её остатки сведены в один полк. Имели место случаи массовой сдачи красноармейцев в плен. Так, 13 апреля 1919 г. на сторону белых перешли 1-й батальон и 4-я рота 2-го батальона 10-го Московского полка численностью около 400 человек².

В результате широкомасштабного наступления белогвардейские войска к концу апреля 1919 г. оказались на подступах к Самаре и Казани, а части пепеляевского корпуса – в полутора десятках километров от Глазова. Таким образом, была захвачена огромная территория с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, с населением более 5 млн человек. Это вынудило ЦК РКП(б) во главе с В.И. Лениным объявить 10 апреля 1919 г. Восточный фронт главным фронтом Советской республики и выдвинуть лозунг «Все силы на помощь Восточному фронту!». В девяти центральных губерниях России была объявлена мобилизация в Красную армию³.

По итогам весеннего наступления А.Н. Пепеляевым 21 апреля 1919 г. на ст. Верещагино, куда переместился штаб корпуса, был издан приказ:

«Братья офицеры и стрелки доблестного 1-го Средне-Сибирского корпуса! Вами снова, как и всегда, одержана большая победа. Враг снова бежал под неудержимым напором сибирских стрелков, и только весенняя распутица временно остановила наше наступление.»

3-я советская армия в третий раз разбитая Вами, бежала, теряя обозы, снаряжение и ружья.

А положение наше перед наступлением было трудное. Красные собрали на наш фронт 32 полка с 4000 кавалерии, более 500 пулемё-

¹ *Голос Сибирской армии.* 1919. 26 апр.

² *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 21, 23.

³ *Гражданская война в СССР. Т.2...* С. 51–52.

тов и 68 пушек. Они получили приказ взять Пермь, и все силы направили для этого.

Но разве есть сила такая в мире, которая могла бы сломить силу сибирского стрелка. Все попытки противника взять гор. Пермь окончились для него неудачно, и 5 марта мы сами перешли в наступление.

Трудно было это наступление. В течение двух недель корпус наш один на один дрался со всей 3-й армией...

Враг был сломлен и шаг за шагом стал отходить, теряя массу убитых, пленных, оружия и обозов.

Все трудности суровой зимы, плохого питания, одежды, непроходимых дорог, превосходство сил врага – ничто не остановило Вас и Вы сами, неся тяжёлые потери, шли вперёд, освобождая города, сёла, заводы и деревни.

Много пало храбрейших и достойнейших из Вас, запечатлев дорогой кровью своей любовь к народу русскому и родной России...

Восхищённый подвигами Вашими, я не нахожу слов для благодарности. Благодарить Вас будет весь русский народ, освобождённый Вами...

Уж близок конец кровавой гражданской распри. Победа ждёт нашу армию и победа эта воскресит Россию к новой, славной, свободной и счастливой жизни»¹.

Отличившиеся в весенних боях офицеры и бойцы 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса были представлены к наградам – Георгиевским крестам и медалям, а отличившиеся унтер-офицеры произведены в первый офицерский чин. Приказом А.В. Колчака от 21 мая 1919 г. А.Н. Пепеляев «за отличия в боях против советских войск» был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами². Примерно тогда же в частях корпуса стало известно об утверждённом Советом министров Российской Республики 14 марта 1919 г. (затем прошедшем необходимые согласования) Положении о предоставлении военнослужащим Русской армии и флота, принимавшим участие в борьбе за возрождение России, «преимуществ и льгот в отношении земельного и хозяйственного устройства»³.

¹ Сибирские стрелки. 1919. 26 апр.; *Голос Сибирской армии*. 1919. 1 мая (Подчёркнутые фразы в оригинале выделены особым шрифтом).

² РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.

³ *Совет министров Российской Республики...* Т.1. С. 420; РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 172.

Однако многие сотни солдат и офицеров не дожили до наград, сложив головы в весенних кровопролитных боях. Особенно заметной была убыль офицеров. Уже в самом начале мартовского наступления А.Н. Пепеляев в одном из своих донесений бил тревогу: «С офицерами дело [обстоит] критически»¹. Причём всё меньше оставалось в корпусе тех, с кем он начинал борьбу летом 1918 г. в Сибири. В частности, к середине апреля 1919 г. в 3-м Барнаульском полку в ротах из 18–20 офицеров, выехавших на фронт в ноябре 1918 г., их осталось лишь по 2–3. Существенно сократился также и удельный вес солдат-сибиряков. В некоторых ротах того же Барнаульского полка их осталось не более 10–15 человек².

Для восполнения убыли офицеров А.Н. Пепеляев своим приказом от 16 марта 1919 г. потребовал «представить достойных унтер-офицеров к производству за боевые отличия в первый офицерский чин», а командирам полков – «выдвигать всех честных и храбрых солдат, достойных носить звание офицера и способных занимать офицерские должности взводного и ротного командиров»³. Это требование повторялось затем в некоторых других его приказах. Для пополнения Сибирской армии офицерскими кадрами её командующий генерал Р. Гайда своим приказом от 8 апреля 1919 г. объявил мобилизацию в районе своей армии офицеров армии и флота, военных и военно-морских чиновников до 50-летнего возраста. Первым днём призыва назначалось 5 мая⁴.

Во время Пасхальной недели⁵, 24 апреля 1919 г., на Сенной площади Перми А.Н. Пепеляевым был произведён смотр Штурмовой бригады. Генерал обратился к штурмовикам с праздничным пасхальным приветствием и, как сообщала газета «Сибирские стрелки», «высказав удовольствие по поводу молодецкого вида бригады... выразил твёрдую надежду, что молодцы штурмовики всю силу и энергию употребят на спасение и освобождение дорогой нашей Родины. Бригада отвечала громовым «Ура!»... После этого войска прошли церемониальным маршем мимо генерала Пепеляева». После смотра командующий корпусом поздравил жителей города, присутствовавших на смотре, с праздником

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 23.

² *Письмо* офицера 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка Георгия Литвиненко министру труда Л.И. Шумиловскому (19–25 апреля 1919 г.) // *Забывтый полк...* С. 91.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 171.

⁵ В 1919 г. Пасха отмечалась 20 апреля.

святой Пасхи. В ответ раздавались крики «Ура» и слова благодарности «освободителю Перми».

Пермские гимназистки преподнесли А.Н. Пепеляеву небольшой художественной работы серебряный жетон, на одной стороне которого значилось: А.Н. Пепеляеву от воспитанниц 7-го класса П.М.Ж.Г., а на обороте – посвящение:

Вся Русь Вам шлёт своё благословенье,
Все взоры слёз и радости полны,
Полны надежд, любви и удивленья,
На подвиг Ваш устремлены¹.

К празднику Пасхи для бойцов пепеляевского корпуса на фронт из Томска были присланы подарки. А.Н. Пепеляев ответил благодарственным письмом в адрес Томского биржевого комитета, которое было опубликовано в газете «Сибирская жизнь»:

«Представителями комитета Губайдуллиным и Неверовым привезены подарки к Пасхе, которые розданы мною 2-й Сибирской дивизии. Сердечно благодарю от себя и передаю благодарность офицеров и стрелков за подарки, которые дороги воинам, как привет от граждан родной Сибири, не забывающих своих защитников. Генерал-лейтенант Пепеляев»².

Очередную порцию подарков вскоре доставила на фронт в расположение сибиряков супруга генерала, Нина Ивановна Пепеляева. Накануне своего отъезда 1 мая 1919 г. из Томска она обратилась в Томский комитет помощи армии с предложением собрать подарки для воинов 1-го Средне-Сибирского корпуса. Предлагалось дарить предметы первой необходимости – бумагу, конверты, карандаши, иголки, нитки, гребешки, пуговицы, носки, бельё, перчатки, орехи, пряники, курительную бумагу, мыло, табак, а также мануфактуру (или деньги для приобретения материалов для халатов в прифронтовые госпитали) и ночные туфли³. Уже одно только перечисление предметов, в которых солдаты испытывали нужду, свидетельствует о явно невысоком уровне снабжения фронтовиков.

Помогали своим солдатам и офицерам жители других сибирских городов, в которых были сформированы полки 1-го Средне-Сибирского корпуса, в том числе в ответ на обращения фронтовиков с просьбами о присылке разных вещей и продуктов. В частности,

¹ *Сибирские стрелки*. 1919. 3 мая.

² *Сибирская жизнь*. 1919. 14 мая.

³ Там же. 30 апр.; *Вестник Томской губернии*. 1919. 30 апр.

Биржевой комитет Барнаула, кроме подаренных в разное время полушубков, валенок и белья, ежемесячно присылал 3-му Барнаульскому полку по вагону белой муки. «Таким образом, – вспоминал впоследствии его командир А.И. Камбалин, – за всё время пребывания на Уральском фронте мы всегда питались отличным белым хлебом», а местный Комитет полковых дам (возглавлявшийся супругой командира Е.А. Камбалиной) «не раз баловал нас присылкой на фронт белья, табака и всякой снеди, до пельменей и окороков включительно. Барнаул считал наш полк своим, родным»¹.

В сибирском тылу пристально следили за положением дел на фронте, в том числе за боевыми успехами пепеляевских частей. Местная печать регулярно освещала эти вопросы. Сведения нередко черпались, что называется, из первых рук. Однако в условиях существования военной цензуры на газетные полосы попадала далеко не вся информация, которой владели журналисты. В частности, состояние фронта, настроения в армии были одним из предметов беседы редактора газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова с посетившим Томск в пасхальные дни 1919 г. премьер-министром Российского правительства П.В. Вологодским. Последний довольно откровенно говорил об «убывающей в боях и умирающей от эпидемических болезней нашей армии, которой, кстати сказать, осточертела эта гражданская война». В ответ на замечание А.В. Адрианова, что «Сибирская армия на фронте в хорошем настроении, такое же впечатление вынес и Колчак за последнее свое посещение фронта», П.В. Вологодский ответил, что у него «есть сведения о совершенно ином настроении Сибирской армии, в особенности за последнее время. Солдаты ген. Пепеляева прут вперед под обаянием личной храбрости и мужества своего командующего, а в других армиях, действующих на фронте, этого не замечается»². Такого рода откровения, конечно, не выходили за рамки частных разговоров и дневниковых записей.

Кстати, сам А.Н. Пепеляев, будучи равнодушен к литературе, придавал большое значение печатному слову. Это видно из текстов его обращений к населению, а также текстов приказов, которые нередко составлялись в форме проникновенных обращений к солдатам и офицерам. При штабе 1-го Средне-Сибирского корпуса издавалась газета «Сибирские стрелки», пользовавшаяся популярностью не только среди бойцов, но и у местного населения. Она выходила под

¹ Краснощечков А. Барнаульские полки белой армии... С. 68.

² П.В. Вологодский. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 160.

девизом: «Могучая дисциплинированная армия – залог спасения России», на первых порах периодичностью три раза в неделю. После прихода к её редактированию в Перми подпоручика Вс.Н. Иванова (впоследствии известного писателя) газета стала ежедневной, объём увеличился с двух до четырёх полос. С целью привлечения средств для издания в ней стали помещаться торговые и бытовые объявления. По словам редактора, «газета наращивала тираж настолько, насколько могла выдержать походная типография»¹.

Командир корпуса следил за содержанием газеты. Об этом свидетельствует, в частности, эпизод, приведённый Вс.Н. Ивановым в его воспоминаниях. А.Н. Пепеляев, требовавший «поднажать на патриотичность», однажды на собрании штаба, развернув газету, наткнулся на объявления:

«– Какая же это к чёрту военная фронтовая газета? – кричал генерал. – Смотрите объявление: «Коза продаётся!». Коза в военной газете... Чёрт знает что такое! Где Иванов?

– Ваше превосходительство! – отвечал я. – Коза – это объявление. Деньги! Это тираж! Это спокойное дело! Нельзя жить одними красивыми словами...

Генерал, фыркнув, бросил на стол газету»².

Будучи в Перми, однажды А.Н. Пепеляев пригласил в свой штабной вагон на станции Пермь-I представителей редакций двух местных газет («Освобождение России» и «Свободная Пермь») и газеты «Сибирские стрелки». Во время получасовой беседы, состоявшейся вечером 27 марта 1919 г., генерал подверг критике работу изданий: «Ваши газетные статьи в большинстве случаев совсем не годятся для солдата, он не поймёт их и читать не станет. Проще нужно писать, понятной для простого человека речью. И побольше сердечности, тепла, которого он лишён на фронте. Надо знать и понимать душу солдата»³. А.Н. Пепеляев считал необходимым помещать на страницах газет и беллетристику, и стихи, только не «про луну, да не про любовь, а стишки, занятные для простого солдата». Напомнив, что Русскую армию не смогли сокрушить германские орудия, но «разложила ядовитая речь советского большевизма», генерал посоветовал издавать, помимо газеты, также небольшие, легко понимаемые солдатами брошюры с разъяснениями значения и це-

¹ Иванов Вс.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Цит. по: Ситников М.Г. Редактор газеты «Сибирские стрелки» // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2011. № 19. С. 68.

лей борьбы с большевиками, с освещением истории появления Российского правительства А.В. Колчака.

Впоследствии в пепеляевских войсках вынашивалась даже идея издания еженедельного иллюстрированного журнала, юбилейного альбома (вероятно, к годовщине создания 1-го Средне-Сибирского корпуса), а также серии открыток. С этой целью в штабе накапливались фотографии, «характеризующие борьбу сибирских полков с красными, их жизнь и обстановку»¹.

Тем временем с целью совершенствования управления Сибирская армия приказом № 17/оп от 25 апреля 1919 г. была разделена на две армейские группы с правами неотдельных армий – Южную во главе с генералом Г.А. Вержбицким и Северную во главе с генералом А.Н. Пепеляевым (начальник штаба ген.-м. А.А. Сурнин). В Северную группу вошли 1-й Средне-Сибирский армейский корпус (командир ген.-м. Б.М. Зиневич, начальник штаба полковник Д.П. Турбин) в составе 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий (командиры соответственно генерал-майоры М.И. Мальчевский и А.Г. Укке-Уговец; начальники штабов подполковники И.М. Штальберг и М.Е. Остроумов), а также 16-я Сибирская стрелковая дивизия (командир ген.-м. В.С. Шаров), 17-я отдельная Сибирская стрелковая бригада (полковник Я.Н. Перчук) и 1-я отдельная Сибирская штурмовая бригада (капитан П.Н. Соколов). Группа Г.А. Вержбицкого составила левый фланг Сибирской армии и получила задачу наступать на Сарапул – Казань. Северная группа должна была продолжить наступление на Глазов и Вятку. Её штаб располагался на ст. Верещагино, где А.Н. Пепеляевым 29 апреля 1919 г. был издан приказ войскам группы под № 01².

Тем временем руководство Советской республики, предприняв чрезвычайные меры после весеннего поражения, сумело стабилизировать Восточный фронт и существенно пополнить его войска свежими силами. Одних только коммунистов было мобилизовано и направлено сюда около 15 тысяч³. Командованием Восточного фронта был разработан план контрнаступления и в течение апреля проведена соответствующая подготовка. Главный удар наносился Южной группой советских войск. Северная группа Восточного фронта после

¹ *Сибирские стрелки*. 1919. 5 июня; *Вестник* Томской губернии. 1919. 6 авг.

² РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д.30. Л. 103; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 181; *Бушин А.Ю.* Во имя России: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий // *Белая армия. Белое дело*. 2000. № 7. С. 83; *Симонов Д.Г.* К истории Отдельной Сибирской армии... С. 118.

³ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 54.

окончания весенней распутицы должна была нанести главный удар на Сарапул, Воткинск, разгромить Сибирскую армию и освободить Прикамье. Приказ о контрнаступлении был отдан 28 апреля 1919 г.¹

В свою очередь, штабом Сибирской армии был разработан план майского наступления, в соответствии с которым частям армии ставилась задача выйти на линию г. Котельнич – Яранск – Царёвсанчурск – р. Большая Кокшага до её устья – р. Волга – р. Свияга – р. Улема до г. Тетюши. При этом войскам Северной группы генерала А.Н. Пепеляева предстояло нанести удар в направлении Глазова и Вятки против 3-й Красной армии с целью соединения через Котлас с Архангельском, т.е. с войсками северной контрреволюции. Действовавшие южнее войска генерала Вержбицкого должны были взять Казань². Отдельному отряду Северной группы под командованием полковника А.В. Борзиловского ставилась задача наступления к реке Вычегда с целью захвата Северного Екатерининского канала, открывавшего возможность снабжения Сибирской армии из Архангельска по Двине, Вычегде и Каме.

Для пополнения рядов белой армии был проведён досрочный призыв новобранцев сроков службы 1920–1922 гг. Адмирал А.В. Колчак, характеризуя его итоги на территории Омского военного округа, отмечал, что в большинстве уездов мобилизация, начатая 8 мая 1919 г., успешно завершилась к 26 мая, что «наряды главного штаба выполнены с большим перебором против предположенного числа», что в целом на территории округа этот перебор составил до 40 с лишним процентов³. Правда, весь этот контингент предстояло ещё обучить, пропустив через запасные полки.

В первой половине мая 1919 г. Верховный правитель предпринял очередную поездку на фронт. Утром 8 мая он прибыл в Екатеринбург, где дислоцировался штаб Сибирской армии. Начальник штаба ген.-м. Б.П. Богословский сделал оперативный доклад о ходе боевых действий. Затем последовал доклад о развитии наступления на Москву, куда генерал А.Н. Пепеляев якобы обещал вступить через полтора месяца⁴.

Участник Екатеринбургского совещания ген.-л. А.П. Будберг выражал сомнение в реализации этого плана. Ревниво относившийся к молодым генералам, в свойственном ему язвительном тоне Буд-

¹ *Гражданская война в СССР. Т.2...* С. 61, 64.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 8–9; *Гражданская война в СССР. Т. 2...* С. 72.

³ *Сибирская жизнь. 1919.* 20 июня.

⁴ *Барон А. Будберг. Дневник белогвардейца...* С. 249.

берг записал в своём дневнике: «Пришлось убедиться, что руководство операциями целых армий находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но смотрящих на дело со ступеньки ротного командира и думающих только о своём приходе и о своих фантазиях... Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву»¹. Такая нелицеприятная оценка молодых генерал-лейтенантов лишь отчасти была справедливой.

Конечно, А.В. Колчак далеко не всему верил. Об этом свидетельствует дневниковая запись премьер-министра П.В. Вологодского, отметившего, что адмирал возвратился в Омск 17 мая 1919 г., будучи «крайне удручён происходящим на фронте»². И для этого были основания. Советские войска в результате успешно проведённой операции к середине мая 1919 г. нанесли поражение Западной армии генерала М.В. Ханжина и прорвали фронт белых в полосе шириной до 500 километров на главном, самаро-уфимском направлении. На северном участке фронта 2-я Красная армия также существенно потеснила белых³. Брат Анатолия Виктор Пепеляев, занявший в начале месяца должность управляющего Министерством внутренних дел, 17 мая записал в своём дневнике: «На фронте положение трудное. Западная [армия] отступает. Судьба страны в руках Анатолия и его солдат»⁴.

Верховный главнокомандующий приказал командиру Северной группы «вырвать инициативу у красных, сбить их и нанести им решительный удар». При этом 16-й и 2-й Сибирским дивизиям ставилась задача в ночь на 16 мая 1919 г. перейти в решительное наступление, а 1-й Сибирской дивизии – «категорически ликвидировать наступление красных»⁵.

А.Н. Пепеляев 16 мая 1919 г. отдал приказ о наступлении. Отпечатанный тиражом в 3 тыс. экземпляров приказ был разослан во все роты, эскадроны, батареи. Он начинался словами: «Братья офицеры и стрелки! Противник, пользуясь нашим отдыхом после долгих боёв и походов, предупредил нас и, перейдя в наступление, потеснил левый фланг нашей группы, взял несколько деревень.

¹ Барон А. Будберг. Дневник белогвардейца... С. 249.

² П.В. Вологодский. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 168.

³ Гражданская война в СССР. Т.2... С. 61, 64, 66.

⁴ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 82.

⁵ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 42об.

Не могу допустить, чтобы доблестные части группы, любимые народом сибиряки, дали противнику вырвать победу из своих рук...».

Приказывая перейти в наступление и разбить врага «во имя счастья народа русского, во имя великой Святой России», А.Н. Пепеляев уверял: «Россия должна и будет жить. В ряду великих держав она делается самой могучей и сильной и народ заживёт в счастье...» и заклинал: «Да поможет нам Господь бог в нашем правом деле». Приказ завершился словами: каждый солдат должен знать, что он «борется не за какую-нибудь партию, не группу, не за отдельных личностей, а только за весь русский народ и свободу, счастье и славу великой России»¹. Для более оперативного управления наступающими частями штаб Сибирской армии во главе с командующим Р. Гайдой 17 мая выдвинулся из Екатеринбурга в Пермь.

Части 3-й Красной армии, противостоявшие группе А.Н. Пепеляева, оказывали упорное сопротивление. Стремясь перехватить инициативу, они постоянно предпринимали контратаки. Некоторые населённые пункты до семи раз переходили из рук в руки. Наступление 2-й и 16-й дивизий Северной группы захлебнулось, потребовалась перегруппировка сил².

Вдобавок в рядах пепеляевских войск появились тревожные симптомы разложения. Участились случаи добровольного перехода к красным и невыполнения приказов. 19 мая отказался идти в атаку 3-й батальон 7-го Кузнецкого Сибирского полка. 9-я и 10-я роты этого батальона были отведены в д. Оросово, где во время объявления им приказа о разоружении и требования выдачи агитаторов солдаты попытались оказать вооружённое сопротивление. Мятеж был подавлен пулемётным огнём, после чего последовал арест обеих рот, следствие и предание зачинщиков военно-полевому суду³.

Получив соответствующее донесение от А.Н. Пепеляева, командарм Р. Гайда 29 мая 1919 г. издал приказ, в котором объявил, что он не может «допустить подобного позора, которого до сих пор не было ещё в Сибирской армии». Семьи перешедших к врагу приказывалось лишать имущества, скота и земли с последующей передачей их семьям солдат той же деревни, честно несущих службу. «Агитаторов, подстрекающих на измену», приказывалось расстреливать на месте⁴.

¹ РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 (Подчёркнутые слова в тексте приказа выделены крупным шрифтом).

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 113.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 99; *Голос Сибирской армии*. 1919. 1 июня.

Тем временем ранним утром 22 мая войска 3-й красной армии предприняли наступление по всему своему фронту. Вновь развернулись упорные кровопролитные бои¹. Ситуация для белых войск становилась угрожающей.

В сложившейся обстановке 24 мая 1919 г. Анатолий Пепеляев обратился по прямому проводу в Омск к своему брату Виктору. О содержании их разговора можно судить лишь по сохранившейся краткой дневниковой записи В.Н. Пепеляева: «Вчера Анатолий вызвал меня по проводу. Положение у него тяжёлое. Встречные бои. В приказе красных говорится, что сопротивление колчаковских банд не сломлено только на фронте Сиб[ирской] армии»².

Действительно, в тяжёлых боях части Северной группы не только сумели отразить контрнаступление противника, но и продолжили настойчиво продвигаться на запад. В авангарде наступления шли 16-я (бывшая 1-я Пермская) и 2-я Сибирская дивизии. Части последней в одном из боёв захватили штаб красноармейского Волынского полка, 50 пленных и большой обоз. 2 июня 1919 г. 2-й Егерский полк под командованием полковника Б.Н. Николаева захватил г. Глазов³. Далее открывался путь на Вятку.

За любимым вождём
К Вятке путь мы пробьём,
Обратив вражьи полчища в трупы.
Мы – могучая рать,
И врагу не сдержать
Пепеляевской Северной группы, –

откликнулась на эти события газета пепеляевцев «Сибирские стрелки»⁴.

Численность Северной группы в тот период (на 10 июня 1919 г.) составляла 28 340 штыков и 1188 сабель, на её вооружении были 302 пулемёта, 73 орудия, 4 самолёта⁵.

После захвата Глазова части Северной группы продвинулись в западном направлении ещё на 40 километров. Однако наступление на Вятку Северной группы войск Сибирской армии под командованием А.Н. Пепеляева стало последним его крупным успехом на территории Европейской России.

¹ РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 128. Приказ по Северной группе № 07 от 27 мая 1919 г.

² Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 83.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 114, 120об.; *Сибирские стрелки*. 1919. 3 июня.

⁴ Юнкер А.Г. «Северная группа» // Сибирские стрелки. 1919. 8 июня.

⁵ Симонов Д.Г. К истории Отдельной Сибирской армии... С. 126.

Глава II

ОТСТУПЛЕНИЕ

С захватом пепеляевскими частями г. Глазова возникла реальная угроза Вятке, серьёзно беспокоившая советское руководство. 6 июня 1919 г. В.И. Ленин направил телеграмму Реввоенсовету Восточного фронта (С.И. Гусеву и М.М. Лашевичу): «Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру. Обратите серьёзнейшее внимание, извещайте чаще о фронте под Глазовом»¹.

Командование Восточного фронта Красной армии в спешном порядке усилило 3-ю армию, влив в её ряды 10 тыс. человек пополнения. В район Глазова были брошены все резервы армии, части Вятского укрепрайона и тыловые части. Совместно с подошедшими бригадами ударной группы они контратаковали Северную группу и в ожесточённых боях 6–7 июня остановили её наступление на Вятку².

К тому времени положение пепеляевской группы серьёзно осложнилось в связи с отступлением под ударами советских войск Западной армии генерала М.В. Ханжина. В результате обнажился весь левый фланг 1-й Сибирской армии. У Северной группы А.Н. Пепеляева создалось критическое положение. Командование 1-й Сибирской армии, понимая, что ей грозит окружение, усилило сопротивление на Красноуфимском и Воткинском направлениях, т.е. на своём левом фланге. Однако в центре оно было вынуждено начать отвод своих войск к Перми. Получив приказ Р. Гайды об отступлении, 13 июня 1919 г. пепеляевцы оставили Глазов.

Под нараставшим давлением 2-й и 3-й Красных армий части Сибирской армии отступали со средним темпом до 15 км в сутки, а в Северной армейской группе, далеко углубившейся накануне в оборону противника, они достигали порой 30 км. «По тракту двигались ряда в три обозы, растянувшиеся на десятки вёрст, а по бокам шли люди, – записал 15 июня 1919 г. в своём дневнике прапорщик П.П. Чащин, – участник отступления. – Войском этих изнурённых

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 342.

² Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 74.

голодом и ходьбой людей назвать уже было нельзя... Смешались все части... Идём ночь, день... Дорогой разбрасываются тысячи прокламаций, которые тут же подбираются солдатами на «цигарки». Жителей они грабят самым наглым образом. Забирают телят, лошадей для обоза... Хлеб на полях, особенно вблизи дороги, потоптали, потравили дочерна. Бедные... мужики боятся сказать слово»¹. В издаваемых в те дни приказах А.Н. Пепеляева (13, 14, 15, 17, 18 июня) всякий раз определялись всё новые рубежи для отхода и закрепления войск. При этом генерал требовал от командиров частей «уныние не допускать, панику без пощады устранять, поддерживать в частях бодрость», отходить без материальных и людских потерь, «местное население не обижать», реквизированные продукты оплачивать по рыночной цене, посевы не топтать, «домов и заборов не жечь, помня, что скоро мы вернёмся обратно»². Фактически за неделю пепеляевская группа откатилась к Перми, оставив территорию, которую в течение почти полугода завоёвывала в упорных боях ценой больших потерь. 19 июня и сам А.Н. Пепеляев вместе со своим штабом перебрался со ст. Верещагино в Пермь, откуда неделей раньше, 11 июня, перебазировался подальше в тыл, в Екатеринбург штаб 1-й Сибирской армии³.

В приказе своим войскам 22 июня 1919 г. А.Н. Пепеляев так объяснял сложившуюся ситуацию: «Окончена тягчайшая и труднейшая операция, которую в течение месяца исполняли части группы... Взятием Глазова заканчивается первый период операции, и мы готовы были гнать врага дальше... В это время на южных фронтах войска наши не справились с наступающими силами красных и быстро отходили. Со взятием красными Воткинского завода и с быстрым движением их на север создавалась угроза обхода всей группы, и командующий армией отдал приказ нашей группе отойти на позиции, которые вы заняли теперь... За нами Пермь...»⁴.

Позднее, будучи в эмиграции, А.Н. Пепеляев с горечью рассказывал об этих днях: «Мы двигались к Вятке. К нам приходили уже многочисленные депутации от крестьян из района Вятки с обеща-

¹ 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте. 1919 г.: воспоминания участника // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2015. № 22. С. 26.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 162; Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 42, 46–49, 50–54, 71, 88–89.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 148.

⁴ Сибирские стрелки. 1919. 22 июня.

ниями поддержки нашего похода местными восстаниями против большевиков. Войска рвались в поход; всё складывалось так, что предвещало полный успех. И вдруг мы получаем из Омска приказ об отступлении. Я лично был всецело против отступления, для которого, по моему мнению, не было решительно никаких оснований, и стоял за продвижение вперёд, к Вятке, а затем к Вологде, откуда, в случае необходимости, мы могли бы перекинуться в Архангельск, на соединение с союзниками. Однако созванное мною военное совещание высказалось за исполнение омского приказа об отступлении. Начатый нами отход привёл нас в конце концов к катастрофе»¹.

Впрочем, складывавшаяся тогда военно-политическая и стратегическая обстановка отнюдь не предвещала того «полного успеха», о котором с необоснованным оптимизмом заявлял впоследствии генерал. К тому же и сам он в какой-то мере в этом был виноват. А.Н. Пепеляеву не удалось укрепить тыл своих войск, наладить тесную взаимосвязь и совместную созидательную работу военных и гражданских властей. «Взятие Перми, Оханска, Глазова, продвижение в Вятскую губернию – это были успехи, раздуваемые мыльными барынями из омских бюро, – вспоминал впоследствии журналист Вс.Н. Иванов. – А кругом, на том пространстве, которое вполне зависело от Пепеляева, всё шло как Бог положит на душу, создавая дальнейший неуспех». «Оказалось, что общественного порядка в Перми единственно по способу невмешательства создать не удалось. Эсеровская Дума продолжала политику обобществления торговли, распределяла, “регистравала”, жала купцов и была глубоко бездарна, как всякий кооператив. Войска требовали запасов, интендантство реквизировало их, конечно, у тех же купцов. Биржевой комитет плакал, зря ходил к Пепеляеву и на ушко друг другу передавал штабные весёленькие историйки.

Чем громче и авторитетнее было заявление генерала об “общественности”, тем хуже у него было под боком.

Представителям газет были в его салон-вагоне возвещены истины насчёт демократичности. А на Каме расстреливали еженощно: “отправить в штакор” было обиходным термином, исполнители торговли на базаре пимами, в комендантской команде в вагоне пороли шомполами и т.д.

¹ *Серебрянников И.И.* Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь, 1940. С. 33.

Я утверждаю, что боевой генерал был неспособен установить политического порядка в непосредственном своём подчинении... Это было причиной тылового неуспеха. Но так как боевые успехи у Пепеляева были, и счастье неизменно сопутствовало ему, то по отношению к окружающей его разрухе у него создавалось чувство какой-то презрительной обиды»¹.

Впрочем, красочно нарисованная будущим советским писателем картина неблагополучия в тылу пепеляевских войск была характерна в тот период для всех тыловых районов колчаковской армии. Военщина нигде не была на высоте политического положения.

Стремительное отступление Сибирской армии и вместе с нею Северной армейской группы оказывало деморализующее влияние на её ряды. В связи с этим А.Н. Пепеляев в своём приказе от 22 июня 1919 г., объяснив причины отхода, поставил задачу привести в порядок все части и в кратчайший срок укрепить вновь занятые позиции, сделав их неприступными. Он выражал уверенность, что солдаты и офицеры сделают «всё возможное и даже невозможное», чтобы враг в лесах и болотах Прикамья нашёл себе гибель. «Россия погибнуть не может. Она должна и будет жить – великая, свободная, святая Русь», – заклинал генерал².

Одновременно А.Н. Пепеляев обратился «К населению Пермской губернии и прифронтовой полосы Северной группы войск Сибирской армии» с призывом выступить на борьбу с врагом. Обращение было отпечатано большим тиражом в форме афиши, а также размещено в газетах. В нём генерал призывал все слои и группы общества – земство, духовенство, крестьян, рабочих, членов всех партий – объединиться под лозунгом «единой Родины, великой и нераздельной, свободной России»³.

Военная печать белых в те дни всячески пыталась вселить уверенность и оптимизм в ряды отступавшей армии, в том числе в литературной форме. В частности, в номере газеты «Голос Сибирской армии» от 20 июня были опубликованы стихи, посвящённые командующему Северной группой. Автор, скрывшийся под псевдонимом Рустэний, писал:

¹ Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 73–74.

² *Сибирские стрелки*. 1919. 22 июня.

³ ГАРФ. Ф. 6219. Оп. 1. Д. 42. Л. 7; *Сибирские стрелки*. 1919. 22 июня; *Голос Сибирской армии*. 1919. 28 июня.

Всем любо имя «Пепеляев»,
Идёт в народе слух о нём.
Русь от непрошенных хозяев
Он очищает день за днём...
Разит врагов рука героя.
Хоть будь их больше во сто крат,
Выходит с честью он из боя,
Достойный вождь своих солдат...

Заняв 19 июня 1919 г. оборонительные позиции на подступах к Перми, пепеляевцы приготовились к отражению наступления советских войск. Белогвардейское командование рассчитывало в оборонительных боях за Урал измотать и обескровить советские войска, выиграть время для создания мощной группировки, поднять боеспособность своих армий и затем перейти в контрнаступление. В тылу в спешном порядке создавался стратегический резерв из пяти новых дивизий, были приняты меры по улучшению управления войсками. Назначенный 20 июня 1919 г. главнокомандующим фронтом генерал М.К. Дитерихс 26 июня на ст. Екатеринбург издал приказ о срочной мобилизации мужского населения шести призывных возрастов в районах Сибирской и Западной армий¹. На следующий день А.Н. Пепеляев своим приказом объявил мобилизацию «без всяких льгот и отсрочек» мужского населения шести сроков службы (с 1902 по 1907 г.) Пермского, Оханского, Чердынского и Соликамского уездов².

Задачей Сибирской армии и входившей в её состав Северной группы было удержание Пермского промышленного района. С этой целью на подступах к Перми были сооружены две линии окопов с проволочными заграждениями, заминирован участок Камы от г. Осы до Перми, строились укрепления вдоль рек Ирень, Сытва, подтягивались резервы³.

Тем временем, 17 июня 1919 г. Реввоенсоветом Советской республики было принято постановление о развитии наступления на Восточном фронте. Командование и штаб фронта к 22 июня разработали план наступательных операций по освобождению Урала. Главный удар наносился 5-й Красной армией в направлении Златоуста и Челябинска с целью разгрома Западной армии белых. 2-я и 3-я Красные армии должны были вести наступление против Сибирской армии по сходящимся направлениям на Екате-

¹ *Голос Сибирской армии*. 1919. 1 июля.

² РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.

³ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 81.

ринбург. 23 июня началось общее наступление армий Восточного фронта¹.

Выдвинувшиеся на рубеж Оханск, Карагай войска 3-й Красной армии завязали ожесточённые бои с целью прорыва укреплённой позиции, возведённой белыми на дальних подступах к Перми. Они продолжались до конца июня. Особенно упорное сопротивление красные встретили в районе станций Григорьевская, Чайковская, Шабуничи. Опорой А.Н. Пепеляева в боях за Пермь в эти дни была Штурмовая бригада. В критический момент ему самому даже пришлось повести батальоны бригады в штыковую атаку, при этом штурмовики понесли большие потери. Однако дальнейший отход Южной группы войск Сибирской армии под натиском красных продолжал создавать угрозу Северной группе, вынуждая её к дальнейшему отступлению. К концу июня А.Н. Пепеляеву пришлось отвести свои войска за р. Каму. Но и здесь не удалось закрепиться. Форсировав реку, части Красной армии 30 июня вышли к Перми и в ночь на 1 июля заняли город. Последними его покинули бойцы Штурмовой бригады. Прикрывая отход войск, они взорвали Камский мост².

К тому времени белым удалось более-менее организованно осуществить эвакуацию из губернского центра многих учреждений и специалистов, в том числе преподавательский состав Пермского университета (в Томск); вывезти значительную часть ценного оборудования и военного имущества; сжечь свыше половины пароходов и барж, уведя оставшуюся часть флотилии на р. Чусовую. Тем не менее изрядное количество различных запасов досталось победителям, в том числе около 100 тыс. пудов муки, более 1 тыс. вагонов, несколько сотен орудийных стволов на Мотовилихинском заводе. На ст. Левшино были оставлены все хозяйственные эшелоны полков 2-й Сибирской стрелковой дивизии с полуторамесячными запасами продовольствия, снаряжения, все мастерские, хлебопекарни и др.³ Их утрата не могла впоследствии не сказаться отрицательно на боеспособности дивизии.

Быстрое отступление, накопившаяся усталость от сражений, большие потери усиливали деморализацию пепеляевских частей. Мобилизованные и наспех обученные солдаты-новобранцы

¹ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 78–80.

² *Ситников М.* Полковник Петр Соколов // *Сибирский исторический альманах*. Т. 1: *Гражданская война в Сибири*. Красноярск, 2010. С. 112.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 42. Л. 86. Рапорт командира 2-й Сибирской стрелковой дивизии от 15 августа 1919 г.

из уральских губерний не горели желанием воевать. К этому добавлялись недостатки в снабжении. «Тыл мёртв, – писал в своём рапорте от 5 июня 1919 г. начальник этапно-хозяйственного отдела штаба пепеляевской армейской группы полковник Жданов. – Он не знает и не хочет знать о тех лишениях в питании и обмундировании, которые испытывает армия, он не знает, что некоторые солдаты ходят в лаптях или в сапогах с подошвами, привязанными верёвками»¹. В результате резко усилилось дезертирство. На совещании в Совете Верховного правителя, состоявшемся 24 июня 1919 г., А.В. Колчак, по свидетельству Виктора Пепеляева, огласил полученную от его брата телеграмму, в которой сообщалось, что более 100 человек из состава Барабинского полка перешло на сторону красных и что предохранить армию от развала можно лишь наступлением². Не прошло и недели, как 30 июня под Пермью добровольно перешли на сторону красных около 1 тыс. солдат 3-го Добрянского и 4-го Соликамского полков вместе с командиром одного из полков и шестью офицерами³.

Оставив Пермь и оторвавшись от противника, части 1-го Средне-Сибирского корпуса по приказу А.Н. Пепеляева попытались в первых числах июля 1919 г. закрепиться «для упорной обороны» на рубеже по правому берегу р. Сылвы. Штурмовой бригаде ставилась задача обеспечить отход частей от г. Кунгура, занятого 1 июля советскими войсками⁴. Сам же командующий Северной группой отступил со своим штабом из Перми по горнозаводской железнодорожной ветке на ст. Лысьва. Здесь же остановился штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса, а неподалёку на узловой станции Калино – штаб 2-й Сибирской дивизии.

Тем временем войска 2-й Красной армии, продолжая теснить белых, вынудили Южную группу генерала Г.А. Вержбицкого отойти своим правым флангом от р. Сылвы на р. Шакву в район между д. Берёзовка и Шумково, в очередной раз обнажив тем самым левый фланг пепеляевцев⁵. С падением Кунгура возникла угроза выхода советских войск в тыл Сибирской армии, чем противник не преминул воспользоваться. В этих условиях командующий Сибирской армией приказал остановить начавшееся от Кунгура наступление красных, нанести им удар и захватить город. Поставленную коман-

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 151. Л. 5об.–6.

² *Дневник* В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 87.

³ *Симонов Д.Г.* К истории отдельной Сибирской армии... С. 130.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 207об.

⁵ РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.

дармом задачу А.Н. Пепеляев своим приказом №019 от 4 июля 1919 г. возложил на 1-й Средне-Сибирский корпус¹. Однако контрнаступление успеха не имело, прежде всего, по причине деморализации войск. 6 июля в бою у д. Болтушки (Сергинская волость) учебная команда 4-го Енисейского полка подняла вооружённый мятеж, «предательски убила своих офицеров и верных своему долгу солдат, напала на остальные части 1-й дивизии, привела их в замешательство». В результате в полку погибли 13 офицеров и 5 солдат. К мятежникам присоединились некоторые роты двух других полков. Офицеры Барнаульского полка, пытавшиеся подавить мятеж, были убиты, а из Новониколаевского полка – спаслись бегством. На сторону красных в общей сложности перешли 1 580 солдат и 12 офицеров². Отказались подчиняться командирам и несколько сот мобилизованных Пермского полка, когда офицеры попытались организовать атаку. Окружив командование и штаб, солдаты убили 11 офицеров, разогнав остальных, и толпой пошли сдаваться в плен³. Остатки боеспособных частей в спешном порядке отошли в сторону Лысьвы на линию Комарихинская – Саинская.

В этих условиях командующему Северной армейской группой ничего не оставалось делать, как продолжить общее отступление. Выяснение причин и наказание виновных за вспыхнувший мятеж и срыв контрнаступления было отложено до лучших времён. Приказами А.Н. Пепеляева от 7 и 8 июля 1919 г. командиру 1-го Средне-Сибирского корпуса генералу Б.М. Зиневичу была поставлена задача погрузить остатки 1-й и 16-й дивизий в эшелоны и вместе с 2-й дивизией, 17-й бригадой, штабами и артиллерией выехать на ст. Алапаевск, где получить указания о дальнейшем движении в тыл на переформирование. Туда же, согласно его приказу от 9 июля, предстояло на другой день выдвинуться частям генерала А.Г. Укке-Уговца, погрузившись в эшелоны на ст. Калино и Чусовская.

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 137.

² РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 4; 4 *Енисейский* Сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте. 1919 г.: воспоминания участника // *Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах*. Екатеринбург. 2015. № 22. С. 27; *Ситников М.Г., Вебер М.И.* «В военном деле, если что когда-либо и знал, то давным-давно всё переабыл»: доклад поручика А.М. Смирнова о генерал-майоре А.В. Бордзиловском // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Ижевцы и воткинцы в гражданской войне*. 2016. № 1 (30). С. 184. Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

³ *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 33–34.

Сам А.Н. Пепеляев 8 июля переехал из Лысьвы на ст. Чусовская, где ему предстояло выполнить поставленную командующим Сибирской армией задачу обеспечения эвакуации Чусовского железнодорожного узла. С этой целью Штурмовая бригада должна была в ночь на 9 июля занять и удерживать позицию в районе станции и деревни Кормовище, расположенных примерно в полусотне километров от Чусового. Однако на другой день оборону железнодорожного узла генерал перепоручил отряду А.В. Бордзиловского, в то время как Штурмовой бригаде предписывалось перейти на ст. Бисер, откуда эшелонами выехать в Алапаевск. Одновременно А.Н. Пепеляев приказал 3-му Барнаульскому полку в ночь на 11 июля занять позицию в районе Кыновского завода, откуда затем отойти за р. Чусовую и, войдя в подчинение А.В. Бордзиловскому, вместе с его отрядом занять оборону и удерживать её для обеспечения прохода всех частей Северной группы через Нижний Тагил на Алапаевск. После посадки 2-й дивизии в эшелоны А.Н. Пепеляев собирался выехать в Екатеринбург¹. Отряд Бордзиловского последним из пепеляевских частей отступил от Чусового и в дальнейшем двигался в арьергарде пепеляевской группы.

Однако оперативная обстановка менялась настолько стремительно, что намеченные планы рушились на глазах. В результате поражения белых в ходе Пермской операции и отступления их более чем на 100 км на восток Сибирская армия оказалась рассечённой на две части. Одна из них отходила к Екатеринбургу, другая (группа А.Н. Пепеляева) – на Кушву, Нижний Тагил. Один за другим оставались города и заводские посёлки: Березники, Усолье, Лысьва (10 июля), Соликамск (11 июля). После сдачи 14 июля Екатеринбурга Сибирская армия окончательно была рассечена на две изолированные группировки – Южную, отходившую на Челябинск, и Северную – на Верхотурье. Попытки белых арьергардными боями с использованием последних резервов задержать наступление советских войск оказались безуспешными. Дополнительно дезорганизацию в отступающие части белых внесла в те дни оперативная кавалерийская группа 3-й Красной армии численностью свыше 2 тыс. сабель под командованием Н.Д. Томина, осуществившая стремительный рейд по тылам Сибирской армии.

Тем временем основные эшелоны Северной группы А.Н. Пепеляева, двигаясь со скоростью всего лишь около 100 км в сутки, доб-

¹ РГВА. Ф. 40017. Оп. 1. Д. 1. Л. 104, 106, 107, 108.

рались до Нижнего Тагила. В частности, штаб 2-й Сибирской дивизии оказался близ этого города, на ст. Сан-Дonato 12 июля¹. Отсюда эшелоны двинулись на Алапаевск и далее в направлении Тюмени, куда стали прибывать спустя примерно неделю. Сам А.Н. Пепеляев к 19 июля был уже в Тюмени.

Таким образом, дивизии 2-й и 3-й Красных армий после захвата Перми и Кунгура за две недели продвинулись на расстояние до 300 км, полностью овладев территорией Среднего Урала. В дальнейшем для них открывалась перспектива наступления левым крылом фронта на Шадринск, Тюмень и далее вглубь Западной Сибири².

Главные причины неудач белой армии были изложены в приказе А.В. Колчака от 17 июля 1919 г.: переутомление и усталость от непрерывных боёв; «недостаточно хорошая, иногда преступно-небрежная» организация снабжения, бесхозяйственность; отчуждение офицеров от солдатской массы; активная агитация и пропаганда большевиков и эсеров; «малая осведомлённость, малая сопротивляемость агитационной работе большевиков»³.

Указанными причинами, конечно, не исчерпывались беды белой армии. К ним следует добавить стратегические просчёты колчаковского командования в планировании и проведении ряда крупных военных операций; нерешенный вопрос о будущем политическом устройстве России; нерешённый земельный вопрос в условиях, когда основную массу солдат-призывников составляли крестьяне; низкую эффективность работы идеологического аппарата белых⁴ и др. Российское правительство во главе с П.В. Вологодским оказалось не на высоте своего положения, в значительной степени оторванным от широких народных масс. В отличие от большевистской России территорию, занятую белыми, не удалось превратить в единый военный лагерь.

П.В. Вологодский записал в своём дневнике 6 июля 1919 г. после беседы с приехавшими из Екатеринбурга председателем комиссии по выборам в Учредительное собрание А.С. Белевским (Белорусо-

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 142.

² *Гражданская война в СССР*. Т. 2... С. 82–83.

³ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 313.

⁴ В отличие от Красной армии в войсках белых неизменно оставался принцип «армия вне политики», что в условиях гражданской войны с её столкновением идеологий, противоположных мировоззренческих концепций самым негативным образом сказывалось на устойчивости и боеспособности белогвардейских формирований. Подробнее см.: *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат Белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. 184 с.

вым) и членом комиссии, присяжным поверенным, давним знакомым премьер-министра по адвокатуре П.А. Кронебергом: «Белевский-Белорусов и Кронеберг указали, что в армии обнаруживается полное незнакомство с тем, что представляет из себя правительство в Омске, каковы его задачи и планы. О законах этого правительства последнего времени: о земле, о призрении инвалидов, семей воинов, убитых на войне, и проч., имеется весьма смутное представление. По мнению Бел[евского]-Белорусова и Кронеберга, следовало бы издать ещё более соблазнительные законы для бойцов: о земле, о пособиях и пенсиях семейств воинов, а также настойчивее и популярнее говорить об Учредительном собрании. Народ верит в Учред[ительное] собрание, как единственно спасительное средство от гражданской войны»¹.

Одной из главных причин была усталость основной массы населения от войны, о чём откровенно сообщалось в июне 1919 г. в докладах начальника главного военного цензурно-контрольного бюро подполковника Павловского начальнику осведомительного отдела. Эта усталость «проникает даже в те круги, которые безусловно настроены противобольшевистски». В результате «за последнее время и в частях войск, и среди крестьян, и в рабочих группах заметно усилилось недовольство существующим порядком». Письма солдат, отправляемых на фронт, «не отражают ни воинского пыла, ни бодрой уверенности в свои силы; тон плачевный и состояние духа угнетённое»².

Подобного рода настроения не могли не затронуть командного состава белых, приведя к серьёзным разногласиям в его рядах, к поиску виновных. Причём разногласия начались ещё до сдачи белыми войсками Перми.

По свидетельству бывшего председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева, после первых же весенних неудач «командующий Сибирской армией генерал Гайда, учитывая последствия прорыва фронта, стал настаивать на радикальном изменении курса внутренней политики Омского правительства. На военных совещаниях отдельных командиров было вынесено решение довести до сведения Верховного правителя об истинном положении вещей на фронте и непосредственной связи неудач на фронте с внутренними событиями в тылу. К этому же времени относится письмо генерала Пепеляева на имя адмирала Колчака, в котором он поддерживал со-

¹ Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 183.

² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 56. Л. 128, 130, 157, 158.

ображения, высказанные затем в личном докладе ген. Гайды Верховному правителю в Омске, известном в обществе под названием «Итоги весеннего наступления»¹.

Доклад Р. Гайды был составлен ещё в начале мая 1919 г. начальником информационного отделения штаба Сибирской армии капитаном Н.С. Калашниковым. В нём говорилось о причинах отступления соседней Западной армии, о росте повстанческого движения в сибирском тылу, о росте оппозиционности в обществе и т.п. По мнению командарма, «совпадение наших неудач на фронте, внутренних волнений и общественного недовольства заставляет предполагать наличие общих причин, вызывающих эти явления. Этих причин следует искать в методах управления страны»². В документе приводились многочисленные примеры произвола со стороны военщины, неоправданные репрессии, чрезмерное ограничение прав и свобод граждан, отсутствие внимания к деревне, к крестьянству и т.д. Далее предлагался целый спектр практических мероприятий, осуществление которых было необходимо для исправления положения. Среди них в докладе, в частности, назывались требования «срочной и широкой организации снабжения армии»; «назначение на военные посты лиц, пользующихся доверием общественных кругов и армии»³.

Р. Гайда через своего ординарца подпоручика Молотковского передал 26 мая (по другим данным – 25 или 27 мая) премьер-министру Российского правительства П.В. Вологодскому срочную телеграмму, в которой говорилось о катастрофическом положении на фронте и «в очень решительных тонах» содержалась критика начальника штаба Верховного главнокомандующего ген.-м. Д.А. Лебедева. Распоряжения последнего назывались «неправильными, а директивы его безумными, роняющими авторитет Верховного правителя». Как следствие таких действий – «катастрофическое положение на всём фронте, вынужденное, почти без боёв, отступление Южной армии, совершенно беспорядочное, и упадок настроения [в] Сибирской армии, где в некоторых частях и даже в командном составе замечается нежелание воевать и уйти к родным местам – в Сибирь»⁴. Р. Гайда ультимативно требовал отстранить Д.А. Лебедева от

¹ Якушев И.А. Комитет содействия созыву Земского собора // Вольная Сибирь. Прага, 1929. Т. VI–VII. С. 74.

² Итоги весеннего наступления // Вольная Сибирь. Прага, 1929. Т. VI–VII. С. 84.

³ Там же... С. 86–87.

⁴ Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 169–170.

занимаемой должности. В этом вопросе А.Н. Пепеляев полностью разделял позицию своего командарма. Неделями ранее, 20 мая, в разговоре по прямому проводу с ним и начальником штаба Сибирской армии ген.-м. Б.П. Богословским он выражал несогласие с произведёнными в Омске перестановками в высшем военном командовании и руководстве Западной армии, в результате которых Д.А. Лебедев стал военным министром с оставлением за ним должности наштаверха, а начальником штаба Западной армии был назначен ген.-м. К.В. Сахаров с перспективой стать её командующим. На вопрос Р. Гайды: «Лично Вы кого бы хотели видеть на должности командующего Западной [армией]?» А.Н. Пепеляев ответил: «Генерала Вержбицкого и совсем другое устройство фронта и уход Лебедева». В завершение разговора Р. Гайда посоветовал: «Брат генерал, мне кажется, Вам удобнее будет лично послать телеграмму адмиралу Колчаку с Вашим мнением»¹.

Получив телеграмму Р. Гайды, П.В. Вологодский в тот же день передал её содержание А.В. Колчаку. К слову сказать, это был уже не первый демарш Р. Гайды. Ещё в начале ноября 1918 г. он присылал в Омск ультимативное требование об устранении от должности в течение 48 часов начальника штаба Сибирской армии ген.-м. П.П. Белова, угрожая в противном случае двинуться на Омск².

Вместо Д.А. Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего предлагались различные кандидатуры. Среди офицеров обсуждалась кандидатура начальника штаба Сибирской армии ген.-м. Б.П. Богословского. На совещании у Верховного правителя 28 мая 1919 г. некоторые министры предлагали назначить на эту должность ген.-м. А.И. Андогского. В ходе обсуждения его кандидатуры А.В. Колчак заметил, что «командное офицерство настроено против генерала Андогского», поскольку не может простить ему участие в работе большевистской делегации «для заключения с германцами Брест-Литовского мира». По словам А.В. Колчака, в числе противников А.И. Андогского надо считать и генерала А.Н. Пепеляева, который «как-то в разговоре с Верховным главнокомандующим случайно обронил фразу, неблагоприятную для такой кандидатуры генерала Андогского»³.

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 14. Л. 147–150.

² *Дневник* В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1989. № 6. С. 84.

³ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра... С. 172–173.

Демарш Р. Гайды не в последнюю очередь, вероятно, был связан с активизацией подпольной офицерской организации, окопавшейся в Сибирской армии. Одним из первых ещё в начале 1920-х гг. на это обратил внимание Вс.Н. Иванов, отмечавший, что «пока на фронте было всё благополучно, эти группы были относительно устойчивы. Как только наступали времена похуже, оттуда начинал вырастать разлагающий подозрительный протест, саботаж и критика»¹. В советской печати об «областнической организации в недрах колчаковской армии» тогда же писал В.Д. Вегман². В начале 1930-х гг. историк-эмигрант С.П. Мельгунов утверждал: «Имеется определённое указание на то, что «ультиматум» в значительной степени был подготовлен революционной военной организацией, бывшей при гайдовском «штабе», – другими словами, эсерами во главе с кап. Калашниковым»³.

Действительно, после состоявшейся в апреле 1919 г. Сибирско-Уральской конференции партии социалистов-революционеров произошли изменения в тактике сибирских эсеров, в том числе находившихся в рядах белой армии. Принятая конференцией резолюция ориентировала членов эсеровской партии на борьбу за осуществление идей народовластия как против колчаковского режима, так и против власти большевиков, т.е. одновременно на два фронта. Тогда же, весной 1919 г., в рядах сибирских эсеров произошёл раскол, в результате которого появился левоцентристский «Сибирский союз социалистов-революционеров». Одной из организаций этого Союза и являлась эсеровская группа, действовавшая в штабе 1-й Сибирской армии и руководимая Н.С. Калашниковым, одновременно возглавившим Центральное бюро военных организаций Сибири⁴. По образному выражению С.П. Мельгунова, в Сибирской армии «свила себе гнездо “революционная крамола”. Здесь с.-р. кап. Калашникову удалось создать оппозиционное ядро; здесь летом 1919 г. подготовлялся переворот, намечавший Гайду вместо Колчака; здесь происходила офицерская конференция, на которой был поднят вопрос об открытии фронта для пропуска в Сибирь советских войск...»⁵.

¹ Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 74–75.

² Вегман В. Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 145–148.

³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2... С. 130.

⁴ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 176.

⁵ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2... С. 63. См. также: Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 551–552, примечание.

Кроме Н.С. Калашникова, занимавшего должность начальника осведомительного отдела Сибирской армии, в источниках и литературе называются имена таких активных деятелей этой организации, как начальник разведывательного отделения штаба Сибирской армии подполковник А.С. Кононов, редактор газеты «Голос Сибирской армии» подпоручик И.И. Кашкадамов, помощники Н.С. Калашникова подпоручик Н.А. Галкин («заведующий информацией») и Никольский. Организация поддерживала связь с Иркутским эсеровским комитетом через Омск и через врача-офицера Моисеева¹.

После апрельской эсеровской конференции и передислокации штаба Сибирской армии из Екатеринбурга в Пермь тайная офицерская организация выработала на своих совещаниях политическую платформу. Впервые её содержание было изложено В.Д. Вегманом в журнале «Сибирские огни» с оговоркой, что он не располагает какими-либо документами и пишет о Калашникове и его организации исключительно на основании сведений, которые ему предоставили «лица, близко стоявшие к этой организации и обо всём осведомлённые». При этом нужно учитывать, что В.Д. Вегман, будучи правоверным большевиком-ленинцем, пострадавшим к тому же от белогвардейских репрессий, соответствующим образом интерпретировал события, происходившие в лагере противника. В его изложении упомянутая политическая платформа содержала следующие положения:

«1. Идея военной диктатуры изжила сама себя на практике. Необходимо полное разделение военной и гражданской власти с безусловным преимуществом последней.

2. Немедленное прекращение внутренней гражданской войны в Средней Сибири и на Дальнем Востоке путём заключения мира с крестьянами и выполнения их требований.

3. Немедленное прекращение гражданской войны на Уральском фронте с советской властью. Заключение с советской властью мира на основах взаимного признания и полной независимости...

4. Немедленный созыв Земского собора в лице представителей земств и городов, которому и вручается вся полнота власти. На местах же власть принадлежит только земствам и городам.

¹ ГАТО. Ф. Р-809. Оп. 1. Д. 1. Л. 82; *Иванов В.Н.* Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 61; *Ситников М.Г.* Пермский период в жизни генерала Радолы Гайды // Белая армия. Белое дело. 2004. № 14. С. 36. (Моисеев и Никольский впоследствии были расстреляны по приказу ген. Лохвицкого. И.И. Кашкадамов в начале января 1920 г. во время антиколчаковского мятежа был назначен эсеровским Политцентром комендантом г. Иркутска).

5. Земский собор обязуется собрать в трёхмесячный срок Сибирское Учредительное собрание, которому предоставляется выбрать конституцию Сибирской республики и ратифицировать мирный договор с советской властью.

6. Верховное командование передать Р. Гайде, которого обязать ликвидировать атаманщину всеми мерами, находящимися в распоряжении военной власти»¹.

По свидетельству достаточно осведомлённого в событиях того времени А.А. Кирилова, со стороны заговорщиков высказывалось предложение генералу А.Н. Пепеляеву «послать в Омск одну или две дивизии, разогнать Ставку и взять власть в свои руки, чтобы спасти Сибирь». Но А.Н. Пепеляев будто бы на такой шаг не пошёл².

Начавшееся политическое брожение в офицерской среде не следует, на наш взгляд, связывать только с активной работой подпольщиков-эсеров. Как уже отмечалось, к концу Первой мировой войны офицерский корпус в массе своей состоял из так называемых офицеров военного времени, выходцев из мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, служащих. В белую армию многие из них были мобилизованы и не горели желанием воевать, поэтому лозунги прекращения гражданской войны не могли им не импонировать. В Северной группе А.Н. Пепеляева на 1 мая 1919 г. офицеров военного времени насчитывалось 1337 чел., т.е. абсолютное большинство, тогда как кадровых насчитывалось лишь 24³. В моменты военных неудач и отступления часть этой основной офицерской массы становилась неустойчивой и в политическом, и в военном отношении.

Между тем ультимативная телеграмма Р. Гайды вызвала серьёзную озабоченность в правящих кругах. А.В. Колчак был вынужден для улаживания конфликта выехать 30 мая в Пермь, в штаб Сибирской армии⁴. Вместе с ним в этой поездке находился и министр внутренних дел Временного Российского правительства Виктор Пепеляев. В Перми 1 июня 1919 г. состоялась встреча Верховного правителя с Р. Гайдой, которая, впрочем, лишь на короткое время позволила сгладить остроту конфликта между чешским генералом и омской властью.

¹ Вегман В. Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной... С. 147–148.

² Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Т. IV. С. 66.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 65. Л. 51об.

⁴ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2... С. 129–131.

В тот же день А.Н. Колчак вместе со своим министром побывал на фронте. Виктор Пепеляев выкроил время для встречи с братом на станции Верещагино, где размещался в тот период штаб Средне-Сибирского корпуса. О необходимости такой встречи он обмолвился ещё накануне поездки, в Омске, в приватной беседе с премьер-министром П.В. Вологодским. Характеризуя своего брата «крайне наивным в вопросах политических», В.Н. Пепеляев говорил П.В. Вологодскому: я «должен поехать к Анатолию, поставить его в курс наших течений, а то я боюсь, что, всегда разбирающийся в политических вопросах плохо, он попадёт под чьё-нибудь дурное влияние. Время от времени его надо информировать, а мне он верит безусловно»¹.

Состоявшийся 1 июня 1919 г. разговор с братом В.Н. Пепеляев следующим образом отразил в своём дневнике:

«Анатолий встретил меня со штабом. Затем мы были с ним почти всё время вдвоём. Он не знал о телеграмме Гайды. Но в критической части согласен с ней. Гайда, по его мнению, необходим. Он умеет заставлять работать. Гайда не опасен. Он и не захочет на кого-либо посягнуть, да и не может. Он всё-таки чех.

– Какие гарантии, что Гайда не противопоставит себя Верховному правителю?

– Да я – гарантия. Об этом ты можешь даже сказать Верховному правителю.

Положение фронта Анатолия весьма удовлетворительно, но ввиду отхода Вержбицкого может стать опасным. Ан[атолий] всё-таки наступает и возьмёт скоро Глазов»².

Возникает вопрос, осведомлён ли был А.Н. Пепеляев о существовании нелегальной военной организации при штабе Сибирской армии. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать вывод, что, скорее всего, нет. Его недовольство сложившейся ситуацией в белом движении базировалось, главным образом, на военно-организационных ошибках и просчётах Омской власти и высшего военного командования. Вместе с тем А.Н. Пепеляеву не были чужды эсеровские лозунги «народовластия», созыва Земского собора, так же как и идеи сибирских областников, «Потанинского кружка». Однако А.Н. Пепеляев, в отличие от заговорщиков, вкладывал несколько иное содержание в выдвигавшиеся эсерами лозун-

¹ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра... С. 404.

² *Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь.* 1990. №1. С. 84.

ги, не разделял их намерения заключить мир с большевиками и уж тем более был далёк от свойственного эсерам политиканства. Будучи коренным сибиряком, он искренне любил этот суровый край. Не случайно В.Г. Болдырев отмечал «исключительную привязанность» А.Н. Пепеляева «к родной ему Сибири»¹. По мнению А.А. Кирилова, «генерал Пепеляев, зная психологию сибиряка, был вдохновителем сибирской идеи в реальных формах Сибирской армии»². Впоследствии, во время своего «Якутского похода», А.Н. Пепеляев так сформулировал своё кредо: «Мои убеждения – я народник, ненавижу реакцию с её мезьей, кровью, возвращением к старому, и пока буду во главе вооружённых сил, никогда не допущу старорежимцев. Власть крестьянства, деревни – вот мой идеал. Воплощение старорусских вечевых начал православия, ополчения национального. Значок Сибирской нац[иональной] нар[одно]-рев[олюционной] армии – бело-зелёный флаг на одной стороне, красная полоса, широкая, по диагонали, на другой – золотой крест-символ: революция заканчивается обращением к Христу, к кресту всей нации и городов Сибири»³.

В свою очередь, областники с момента формирования Сибирской армии внимательно следили за её боевыми действиями. Ещё в июле 1918 г. в ответ на просьбу Г.Н. Потанина ему был передан по приказанию тогдашнего командарма А.Н. Гришина-Алмазова список частей Сибирской армии, сформированных в Томске и находившихся в тот момент на фронте⁴. Редактируемая членом «Потанинского кружка» А.В. Адриановым газета «Сибирская жизнь» регулярно информировала читателей о положении на фронтах, в том числе об успехах пепеляевского корпуса. В годовщину освобождения Сибири от большевизма сибиряки-областники в лице Головачева, Новомбергского, Молодых, Попова направили А.Н. Пепеляеву приветствие, как «одному из народных героев»⁵.

Всё это вместе взятое, вероятно, и побудило командующего Северной группой обратиться 21 июня 1919 г. к своему непосредственному начальнику генералу Р. Гайде с рапортом, содержащим не только резкую критику Ставки, но и конкретные требования политического характера. Они во многом совпадали с требованиями под-

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервью. Новониколаевск, 1925. С. 97.

² Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение... С. 67.

³ Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева периода «Якутского похода» // Сибирь. 1990. № 6. С.37.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 160. Л. 62.

⁵ Голос Сибирской армии. 1919. 4 июня.

польной офицерской организации, но в большей степени, пожалуй, отражали взгляды и настроения боевых офицеров Сибирской армии.

А.Н. Пепеляев ставил в вину высшему военному командованию неправильное использование войск своей группы в ходе наступления на Вятку, составление в Ставке оторванных от жизни войсковых штатов, напрасные потери десятков тысяч людей на фронте, неспособность обеспечить войска офицерскими кадрами, неудачно проводимую мобилизацию новобранцев, плохое снабжение войск питанием и обмундированием. Генерал отмечал, что Ставка в своих расчётах «не приняла во внимание того, что победа в гражданской войне должна быть решительной и быстрой, но в то же время безусловной и действительной». Особо он указывал на необходимость «упорядочения» тыла.

Однако «более глубокая причина наших неудач, – полагал А.Н. Пепеляев, – которую нужно уничтожить во что бы то ни стало, при наличии которой никакой порядок тыла не даст победы, – это апатия общества к делу возрождения России». «Я – солдат и не склонен вмешиваться в политику, но, как начальник, должен открыто заявить, что нельзя рассчитывать на идейную победу над большевизмом до тех пор, пока к этому не приступит само общество. Пока в 1918 году это было, фронт был неуязвим... Там, где войска в 1918 году восторженно встречались населением, теперь бродят тысячные шайки, с которыми правительство не может справиться вполне. Всё это отражается на фронте: нет солдат, бодрых духом, знающих, за что они борются, не беспокоящихся за тыл и семью, видящих заботу правительства о всех и каждом... Настала такая минута, когда не знаешь, что будет завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком. Должен быть какой-то перелом, новый взрыв патриотизма, без которого мы все погибнем».

В рапорте выражалась вера, что «этот подъём настанет, как только само общество будет призвано к деятельности в форме возможно менее ограниченного самоуправления и будет допущено к кормилу государственной власти». С этой целью, по мнению А.Н. Пепеляева, было необходимо:

- 1) торжественно объявить о созыве Учредительного собрания;
- 2) немедленно объявить, что «отныне по всей России земля будет принадлежать только тому, кто лично трудится на ней»;
- 3) «немедленно урегулировать рабочий вопрос», обеспечив рабочих жильём, работой, достойным вознаграждением за их труд;

- 4) объявить всеобщую трудовую повинность;
 - 5) призвать на военную службу интеллигенцию без всяких льгот и отсрочек;
 - 6) не военных обложить прогрессивным военным налогом.
- В армии необходимо:
- 1) назначить Главнокомандующего с полевым штабом;
 - 2) расследовать причину неудач на фронте;
 - 3) упорядочить вопрос комплектования армии солдатами;
 - 4) обеспечить необходимым семьи призванных на службу;
 - 5) установить пенсии увечным воинам и семьям погибших в бою;
 - 6) обеспечить заботу о раненых;
 - 7) увеличить жалование офицерам;
 - 8) устранить волокиту штабов в наградном деле;
 - 9) устранить всякие цензы при производстве солдат в офицеры.

В заключение А.Н. Пепеляев ходатайствовал о спешной передаче своего рапорта Верховному правителю. «Я лично, – писал генерал, – как солдат, буду воевать всегда и при каких угодно условиях, но как старший начальник, ведущий в бой тысячи людей, могу лишь тогда оставаться на месте, когда верю в успех, без этих высказанных мною условий надежды на успех нет...»¹.

Рапорт А.Н. Пепеляева был передан Р. Гайде в дни, когда у того рушилась карьера в Российской белой армии. Не прошло и трёх недель, как Р. Гайда на основании поданного им прошения об отставке был освобождён 7 июля от должности командующего Сибирской армией и спустя неделю выехал из Омска на Дальний Восток в собственном поезде, со своей свитой и охраной². А.Н. Пепеляеву же предстояло в полной мере испытать горечь новых поражений и потерь, но уже в должности командующего армией.

¹ «Россия погибнет в волнах новой анархии»: Рапорт командующего Северной группой Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева командующему Сибирской армией генерал-лейтенанту Р. Гайде 21 июня 1919 г. / Публикация Н.Д. Егорова, Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 80–83.

² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2... С. 317.

Глава 12

КОМАНДАРМ

Неудачи на фронте побудили командование белых провести очередную реорганизацию в целях улучшения управления войсками. Приказом А.В. Колчака от 14 июля 1919 г. на базе Западной армии была создана 3-я армия во главе с ген.-м. К.В. Сахаровым. Северная и Южная группы Сибирской армии развёртывались соответственно в 1-ю Сибирскую (командующий ген.-л. А.Н. Пепеляев) и 2-ю (ген.-л. Н.А. Лохвицкий) армии. Все три армии вошли в состав Восточного фронта во главе с ген.-л. М.К. Дитерихсом.

1-я Сибирская армия включала 1-й Средне-Сибирский корпус (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии), 7-ю и 16-ю Сибирские стрелковые дивизии, 17-ю отдельную Сибирскую стрелковую бригаду, отряд полковника А.В. Бордзиловского, Штурмовую и Егерскую бригады. Численность её была невелика, вследствие гибели, добровольной сдачи в плен, дезертирства во время отступления многих тысяч солдат и офицеров. По словам самого А.Н. Пепеляева, из его войск осталось «не более 6 тыс. штыков из бывших 30 тыс. хороших и храбрых солдат»¹.

Одновременно с назначением на должность командарма А.Н. Пепеляеву была поставлена задача: силами авангардной группы (отряд полковника Бордзиловского и 7-я Сибирская стрелковая дивизия) обеспечивать Кушвинский, Тагильский и Егоршинский железнодорожные узлы, упорно прикрывать направления Соликамск – Верхотурье, Верхотурье – Ирбит, Тюмень, Кушва – Тагил, Егоршино – Ирбит. Остальные части отводились в район Тюмень – Ялуторовск для реорганизации, пополнения и снаряжения². Однако указанная «авангардная группа» фактически продолжала выполнять роль арьергарда, отступая под давлением советских войск. После

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 246. Л. 17.

² *Симонов Д.Г.* К истории Отдельной Сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 131.

того как красноармейская конная группа Н.Д. Томина 19 июля захватила узловую ст. Егоршино, перекрыв вместе с повстанческо-партизанскими группами путь по железной дороге на восток, отряд Бордзиловского был вынужден на ст. Алапаевск уничтожить свои паровозы и вагоны с имуществом и продвигаться трактовыми дорогами в направлении Туринска¹. Подобным образом отходила на восток и 7-я дивизия, точнее её остатки вместе с остатками 15-й Воткинской. Обе они затем сосредоточились в с. Липчинском (в 60 км к северо-западу от Тюмени), где А.Н. Пепеляеву 25 июля 1919 г. пришлось их приводить в порядок². Действовавшие южнее пепеляевские части пытались, похоже, вместе с командармом удержать Богдановичский железнодорожный узел. На это указывает попавшая в газеты информация о том, что в бою у ст. Богданович, расположенной в 100 км к востоку от Екатеринбургa, А.Н. Пепеляев был ранен в руку³.

Вступив в командование армией, А.Н. Пепеляев первым делом занялся её реорганизацией, пополнением и снаряжением. Почти сразу же была расформирована 16-я Пермская дивизия, остатки которой влились в полки 1-й Сибирской дивизии. Приказом от 30 июля был упразднён 1-й Средне-Сибирский корпус и его штаб. Штаб армии возглавил подполковник А.С. Кононов. Командиром 2-й прифронтовой кадровой бригады, ответственной за подготовку новобранцев, с 21 июля был назначен полковник Я.Н. Перчук. В армии временно отменялись все отпуска. Предпринимались меры для восполнения убыли офицеров. А.Н. Пепеляеву было предоставлено право восстанавливать разжалованных офицеров в чинах и орденах до капитана и до ордена Св. Анны 2-й степени включительно. Некомплект офицеров 1-й Сибирской штурмовой бригады решался, с согласия командарма, добровольным переходом из других полков, но не более четырёх человек от полка в чине не выше капитана⁴. Между прочим, эта бригада в пепеляевской армии была экипирована лучше других. Обмундирование, снаряжение, обувь у штурмовиков были английские.

А.Н. Пепеляев принял командование 1-й Сибирской армией в тяжёлые для неё дни. Поэтому главное внимание он сразу же обра-

¹ Ситников М.Г., Вебер М.И. «В военном деле, если что когда-либо и знал...»... С. 210–213, 295.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 47. Л. 152, 154. Оперативные сводки штаба фронта от 25 июля 1919 г.

³ Военные ведомости. 1919. 15 авг.

⁴ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 30. Л. 149; Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 35, 38, 40, 70.

тил на укрепление дисциплины, подъём морального духа в войсках после поражений и длительного отступления. Среди самых первых были изданы его приказы (20 и 23 июля 1919 г.), направленные на искоренение дезертирства и мародёрства. Объявив дезертиров и мародёров «врагами армии и народа», командарм распорядился «всем воинским частям немедленно выслать команды для поимки дезертиров и доставление их в ближайшие части; дезертиров, грабящих местных жителей или оказавших сопротивление при задержании, расстреливать без суда... из населённых пунктов, в коих будут укрываться шайки вооружённых дезертиров, брать заложников и в случае, если населённый пункт явится вторичным пристанищем для шайки дезертиров, заложников расстреливать; мародёров, грабящих местное население, расстреливать без суда, на месте грабежа»¹. В те же дни он приказал «произвести строжайшее расследование о действиях 1-й дивизии и причинах измены и бунта» 6 июля в бою у д. Болтушки, в результате чего было сорвано контрнаступление на г. Кунгур. Виновных приказывалось немедленно арестовать и предать военно-полевому суду. Для расследования назначалась комиссия во главе с полковником Я.Н. Перчуком². Приказом А.Н. Пепеляева от 31 июля ряд солдат за дезертирство были преданы военно-полевому суду³.

Одновременно командарм обратил внимание на информационную работу, разъяснение целей борьбы, противодействие разного рода слухам. В одном из первых приказов (№ 04 от 20 июля 1919 г.) он разъяснял, что «правительство единственной целью считает очищение Родины от большевизма, когда собранное Учредительное собрание из представителей всего народа русского само решит дальнейшее устройство России»⁴. Спустя десять дней, он вновь разъяснял, что Верховный правитель «ведёт народ не за восстановление старых порядков, а для самого народа, чтобы сам народ, свободный и сильный, установил бы власть и закон в своей стране. Земля будет принадлежать трудящимся и отойдёт к крестьянам»⁵.

В первые же дни генерал объехал вверенные ему части. Прапорщик 4-го Енисейского стрелкового полка П.П. Чащин оставил запись в своём дневнике от 23 июля 1919 г. о том, как А.Н. Пепеляев в тот

¹ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Д. 10. Л. 32.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 52. Приказ № 34 войскам 1-й Сибирской армии от 30 июля 1919 г.

день посетил их полк, поздоровался отдельно с каждым батальоном. «После приветствия он попросил нас сойтись подружной и сказал небольшую речь. Оратор он плохой, но какой искренностью дышали его немногие слова, с каким чувством произносилась каждая его фраза. Говорил старое, знакомое нам, однако солдаты слушали со слезами на глазах. «Я верю Вам», – заключил он. – «Идите с Богом»... Вслед понеслось громовое «ура»»¹.

Спустя несколько дней, 27 июля 1919 г. появился ещё один приказ командарма. Он был обращён к офицерам и начинался словами: «Братья офицеры! ...Оглядываясь на пройденный нами путь тяжёлой борьбы и необычайного напряжения сил, я преклоняюсь пред доблестью, храбростью и беззаветным самоотвержением Вашим, дорогие соратники... Бессменно и одиноко, часто не поддержанные обществом, вы безропотно и гордо исполняете долг свой...». А.Н. Пепеляев призывал офицеров «до последних сил служить нашему делу», выражал уверенность в победе над большевизмом и убеждал: «Лучше смерть, чем оставить страну в руках изменников и разбойников!»².

Вместе с тем в кругу высшего военного руководства А.Н. Пепеляев вновь поднял вопрос о необходимости немедленного созыва Земского собора. Произошло это во время посещения 19 июля 1919 г. пепеляевского штаба главнокомандующим Восточным фронтом. В тот день в совещании с генералом М.К. Дитерихсом в Тюмени приняли участие также начальники дивизий 1-й Сибирской армии³.

Выступление А.Н. Пепеляева оказалось созвучным требованиям сибирской эсеровской верхушки, усилиями которой в Иркутске летом 1919 г. был создан Комитет содействия созыву Земского собора в составе председателя И.А. Якушева, членов В.И. Моравского, В.О. Сидорова, А.А. Краковецкого, М.П. Павловского и секретаря М.Э. Негрескула. Легальным органом, выполнявшим задачу организационной подготовки его созыва, являлся Сибирский союз земств и городов (Сибземгор). Нелегальным органом выступало Центральное бюро военных организаций Сибири, которому отводилась роль

¹ 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте 1919 г.: Воспоминания участника // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 28.

² РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 16; *На страже* свободы. 1919. 31 июля.

³ *Письмо* Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву от 28 июля 1919 г. // Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия. 1992. Вып. 3. С. 11–13.

«технического аппарата военного переворота», призванного «устранить существующую власть Верховного правителя»¹. Возглавлял его капитан Н.С. Калашников, к тому времени вместе с Р. Гайдой покинувший ряды Сибирской армии.

Об эмоциональном состоянии А.Н. Пепеляева, похоже, основательно потрясённого отступлением и потерей более чем половины своей Северной группы, свидетельствует запись одной из конфиденциальных бесед 21 июля 1919 г. в Тюмени, во время которой генерал следующим образом оценивал ситуацию: «Я смотрю на всё очень пессимистически, армии у нас нет, такого отступления в продолжение каких-нибудь двух-трёх недель история не знает. Я знаю, что в этом винят генерала Гайду, но виноват лишь штаб во главе с Дитерихсом и Богословским, которые ведут свои интриги уже больше месяца. Генерала Гайду съели, теперь очередь за мной, но я решил сам подать в отставку и уйду самое позднее через месяц, пусть делают, что хотят. Я считаю Россию погубленной, и как далеко мы не будем перекочёвывать в Сибирь, от фронта не уйдём и впоследствии он перегонит нас». На вопрос, как он смотрит на генералов Генерального штаба, находящихся у власти, А.Н. Пепеляев ответил, что «определённо это изменники и своего рода спекулянты, торгующие Россией оптом и в розницу». В качестве главной причины крушения фронта командарм назвал «интриги, протекцию и генеральный штаб». По его мнению, «пора отбросить все предрассудки и дать дорогу молодым, умным, честным людям, любящим свою родину, и я уверен... молодые люди сделают чистку штыком». «Я устал, – признавался генерал, – и нет физической возможности бороться с этим злом и, не желая встать во главе, если можно так назвать, неминуемого переворота, считаю лучшим, если я на время уйду. Работать под такими условиями невозможно...»².

В эти же дни, 25 июля, он связался по прямому проводу со своим братом министром внутренних дел Виктором Пепеляевым, находившимся в Омске. Последний записал в своём дневнике: «Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, «которую нужно создавать снова», не услышит от самого «народа» призыва к борьбе. Этот призыв от народа он мыслит себе в образе только «Земского собора», который нужно созвать «немедленно». Он ждёт этого созыва, заявляя,

¹ Якушев И.А. Комитет содействия созыву Земского собора // Вольная Сибирь. Т. VI–VII. Прага, 1929. С. 78–79.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 246. Л. 16–17.

что иначе не верит в создание армии и хочет уйти. Я ответил ему, что не верю вполне в этот способ и вообще не верю в искусственные меры, принимаемые от случая к случаю. Обещал подумать, доложить Правителю и приехать к нему для более тесного взаимоосведомления»¹. После разговора с братом Виктор Пепеляев направился к Верховному Правителю с докладом, во время которого изложил содержание своей беседы с Анатолием. Здесь же он изъявил желание поехать на фронт по делам своего министерства и одновременно «разъяснить Анатолию обстановку, из которой он увидит, что голос народа получить не так просто». А.В. Колчак дал «добро» на эту поездку².

К тому времени вопрос о немедленном созыве Земского собора, открыто поставленный А.Н. Пепеляевым и его заместителем – командиром 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса ген.-м. Б.М. Зиневичем перед командующим фронтом на совещании в Тюмени, был доложен генералом М.К. Дитерихсом в письме А.В. Колчаку³.

29 июля Виктор Пепеляев отплыл на пароходе в расположение войск 1-й Сибирской армии с целью, как он записал в дневнике, переговорить с Анатолием, «лично увидеть фронт и проверить Тобольскую губернию». Накануне отъезда, 28 июля, он побывал на приёме у Верховного правителя, который в его присутствии собственноручно написал и зачитал письмо, адресованное генералу. «Поводом к нему, – заметил В.Н. Пепеляев, – послужило письмо Правителю ген. Дитерихса, в коем последний пишет о разговоре с Анатолием и ген. Зиневичем, когда они подняли вопрос о Земском соборе. Письмо Правитель написал довольно резко и раздражённо»⁴. В нём адмирал А.В. Колчак, в частности, писал:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь Анатолий Николаевич. Сегодня я получил письмо от генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, в котором он изложил разговор с Вами и Вашими начальниками дивизий, бывший в Тюмени 19 сего июля.

Это письмо только подтвердило мне и дало лишнее объяснение того глубокого морального разложения, которое, хочу верить, временно охватило Сибирскую армию.

¹ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 91.

² Там же.

³ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 476. Позднее Б.М. Зиневич писал, что он в конце июля 1919 г., будучи в Тюмени, указывал А.В. Колчаку на необходимость созыва Земского собора (ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1).

⁴ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. №1. С. 91–92.

Только полное уважение и доверие к Вам, как болеющему за эти начальные явления в армии, даёт основание мне писать настоящее письмо».

Далее Верховный правитель отмечал, что вопрос о немедленном созыве «Национального Учредительного собрания» поставлен «в постыдные дни разложения части армии, той, на которую была возложена главная надежда». «Неужели же Вам, – укорял он А.Н. Пепеляева, – перед глазами которого прошли все революции, не видно смысла и сущности того, что произошло 19 июля в Тюмени. Ведь это точное воспроизведение периода разложения армии при Керенском. Ведь это точное повторение тех событий, которые определили созыв Учредительного собрания 1917 г., которое избрало председателем Чернова и запело интернационал...

Я не могу допустить, чтобы Вы сознательно могли бы принимать участие в этом деле, но я не поручусь за Ваших помощников и тех лиц, которые заявляют «требования» в указанном направлении.

Я считаю немедленный созыв Учредительного собрания, помимо фактической невозможности «немедленно» это сделать, гибелью всей огромной и успешной в общем борьбы с большевизмом. Это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К^о естественно довёл страну до большевизма.

На это я никогда не пойду.

Сибирская армия разложена эсеровщиной, может быть, незаметной для Вас, но мне отлично видимой со стороны...

Меня более всего удивляла Ваша полная неосведомлённость о правительственной работе в области не только земельного и рабочего законодательства, но даже вопроса о материальном обеспечении войск, их семейств и проч.

Я пришёл к убеждению и знаю, что мои приказы и правительственные распоряжения задерживаются в штабах Сибирской армии, и на почве незнания и непонимания велась определённая противоправительственная работа.

Всё это уже пережито и испытано. Но я на путь ничтожного шутства в стиле Керенского не могу вступить и обращаюсь к Вам, как к солдату с приказанием немедленно прекратить во вверенной Вам армии работу, которая под красивыми лозунгами народовластия неизменно приведёт к новой вспышке большевизма».

Верховный правитель сообщал в письме, что уже в день его написания отдал приказ, в котором «сжато сформулировал свои цели

и задачи». Этот приказ «должен служить для Вас директивой для внушения войскам и разъяснением им, за что мы ведём борьбу...».

«Как командующему армией я приказываю Вам, – писал он в заключение, – всеми средствами бороться с политиканством и ложным демократизмом и выбросить из состава армии те элементы, которые являются по существу предателями и изменниками, иногда не отдающими себе отчёта в этом. Нельзя позволить гнусной эсеровщине повторить свой опыт над Родиной. Я верю, что Вы, как солдат и патриот, поможете мне в этом.

Примите уверения в совершенном уважении,
А. Колчак»¹.

7 августа 1919 г. А.Н. Пепеляев в очередной раз обсуждал со своим братом по прямому проводу волновавшие его вопросы. Разговор протекал в завуалированной форме. «Настаивай энергично на тех планах и формированиях, [о] которых мы говорили. Я верю, что при таких условиях будет всё хорошо. Относительно технических сторон и времени я уже составил план», – говорил генерал².

В тот же день Виктор Пепеляев, находившийся в Тобольске, в разговоре по прямому проводу с начальником канцелярии Верховного правителя генералом А.А. Мартьяновым просил последнего доложить А.В. Колчаку о том, что он пробыл «в Тюмени около суток и подробно переговорил обо всём с братом... Доложите Верховному правителю результаты своих³ наблюдений и бесед... что один из вопросов, интересовавших его [в] Омске в связи с выраженным мнением моего брата, снят [с] очереди. Должен сказать, что в других вопросах, поскольку они касаются общего положения, я совершенно согласен с генералом Пепеляевым. Подробно доложу лично...»⁴. Можно предположить, что Виктору Пепеляеву удалось убедить брата-генерала о несвоевременности его требования немедленного созыва Земского собора.

13 августа В.Н. Пепеляев возвратился в Омск из поездки на фронт. А.В. Колчак его принял не сразу, а, судя по дневнику, лишь 19 августа: «Говорили о съезде крестьян..., – записал В.Н. Пепеляев. – Я сказал, что с самого разговора с братом о Земском соборе я думаю о Совете крестьян в форме или съезда представителей волостных земских управ или особых делегатов от волостных схо-

¹ Письмо Верховного правителя... С. 11–13.

² ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

³ Так в тексте. Правильно: моих.

⁴ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

дов, и предложил обдумать конкретно этот вопрос к его возвращению. Он едет сегодня в 3-ю армию, потом во 2-ю, всего дней на 5. Я рассказал Правительству о действиях генерала Гайды в Иркутске, что мне сообщил приехавший управляющий губернией Яковлев. Ген. Гаида, злоупотребляя именем Анатолия, говорил общественным деятелям о необходимости переворота»¹.

Надо сказать, что генерала Р. Гаиду, отстранённого от командования Сибирской армией, поддержало совещание офицеров и высших чехословацких чинов, заявившее, что поступок адмирала Колчака по отношению к Гаиде непростителен и обижает весь чехословацкий народ. Со страниц газеты «Чехословацкий дневник» заявлялось: «Необходим новый состав Омского правительства по принципу честной коалиции, подчинённой какому-нибудь органу – или расширенному экономическому совещанию, или Сибирскому предпарламенту. Нужно приближение народа к власти, чтобы он видел и чувствовал, что стоят за него и его благо, а не за кабинетную политику нескольких безответственных людей»².

Переговоры, активизировавшиеся в высших эшелонах власти летом 1919 г., были направлены на поиск путей выхода из очередного военно-политического кризиса в стане восточной контрреволюции. Колчаковский режим нуждался в расширении своей социальной базы в условиях, когда эта база, и без того достаточно узкая, летом 1919 г. стала сокращаться. Ярким проявлением недовольства властью и проводимой ею политикой стали крестьянские восстания, массовое партизанское движение в сибирском тылу, уклонения от призыва в армию, дезертирство из её рядов, переход белоармейцев на сторону красных.

Беспокойство омских политиков и военных было обусловлено также продолжавшимся ухудшением обстановки на фронте. Провал предпринятого белыми наступления на Южном Урале привёл к оставлению 24 июля важного стратегического центра – города Челябинска. С 6 августа 5-я красная армия развернула наступление вдоль железной дороги Челябинск – Курган, а 3-я – на Ялуторовск, Тюмень. Военная обстановка в полосе обороны 1-й Сибирской армии существенно обострилась. В зашифрованной телеграмме в Омск исполняющему должность председателя Совета министров Г.Г. Тельбергу Виктор Пепеляев 6 августа 1919 г. сообщал: «Был [в] Тоболь-

¹ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 92–93.

² Чехословацкий дневник. 1919. 16 сент.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 6. Л. 235–236.

ске, Тюмени, сейчас снова [в] Тобольске. Положение чрезвычайно грозно. Фронт обезлюдел. Редкая цепь храбрецов медленно с боем отходит [на] восток, неся большие потери. Тюмень накануне оставления. [На] некотором расстоянии [от] фронта пополняются мобилизацией растрёпанные [в] предыдущем отступлении части, обречённые, может быть, на преждевременное вступление [в] бой [в] силу отхода арьергардов. Есть попытки сформировать добровольческие отряды... но на пути всё то же катастрофическое отсутствие обмундирования и вооружения. Если этого не будет, наконец, нужно или переходить снова на партизанскую борьбу или признать, что всё погибло. Интеллигенция должна [быть] взята (т.е. призвана в ряды армии. – *Н.Л.*) вся. Изъятие лишь одно – неспособность носить оружие. Во что бы то ни стало нам надо остановить врага. Здесь убеждены, что оставление Правительством Омска – гибель его и всего. Должно быть обращение от всего Правительства ко всем с откровенным признанием нависшей угрозы годовым жертвам и трудам...»¹.

9 августа 1919 г. последовал указ Верховного правителя о призыве в войска мужского городского населения, включая беженцев, в возрасте от 18 до 43 лет на территории Омского и Иркутского военных округов. При этом от призыва освобождались мастеровые, рабочие². 2 сентября вышел указ А.В. Колчака о призыве внегородского населения от 18 до 43 лет. При этом вводился образовательный ценз (призыву подлежали лица, имевшие хотя бы начальное образование) либо имущественный ценз (в частности, владеющие не менее чем 50 десятинами земли либо капиталом свыше 100 тыс. руб.)³. От всеобщей мобилизации мужского населения Сибири колчаковское руководство отказалось. В этой связи управляющий Министерством внутренних дел в своём уведомлении главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета министров Г.К. Гинсу от 9 сентября 1919 г. откровенно признавался, что подобная мобилизация невозможна, прежде всего из-за опасения влить в армию «элементы не государственно настроенные», а также из-за нехватки оружия и обмундирования и необходимости на селе рабочих рук для уборки урожая⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 15. Д. 25. Л. 14; Ф. 195. Оп. 1. Д. 43. Л. 1. Со значительными отступлениями от подлинника этот текст был опубликован Г.Х. Эйхе в его книге «Опрокинутый тыл» (М., 1966. С. 312).

² *Сибирская речь*. 1919. 13 авг.; *Сибирская жизнь*. 1919. 16 авг.

³ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 12. Л. 50–51; *Сибирская жизнь*. 1919. 18 сент.

⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

Ещё одним указом Верховного правителя с 1 августа 1919 г. устанавливалось особое боевое вознаграждение сверх всех видов денежного содержания в размере 100 руб. всем входящим в боевой состав армии – солдатам, казакам, добровольцам, офицерам, т.е. военнослужащим всех чинов и званий¹. Кроме того, военнослужащим-добровольцам выдавалось, помимо жалованья, единовременное денежное пособие в размере 1 тыс. руб. (при поступлении на службу), 600 руб. (после шестимесячной службы), 1 тыс. руб. (после годовичного срока службы) и т.д. Семейным добровольцам были предусмотрены квартирные деньги в размере одной трети основного оклада, продовольственное пособие не менее 100 руб. на семью².

12 августа 1919 г. произошло обновление высшего командного состава восточной контрреволюции. Д.А. Лебедев был смещён с должностей военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Военным министром стал генерал А.П. Будберг. Реорганизации подверглась система снабжения армии. Были арестованы и попали под следствие некоторые высокопоставленные чины управления военных сообщений и органов снабжения, которые обвинялись в спекуляции и злоупотреблениях. В частности, ещё 8 июля М.К. Дитерихс снял с должности главного начальника снабжения Сибирской армии ген.-л. В.В. Рычкова, назначив расследование по его делу³.

Между тем неудачи на фронте вынудили белогвардейское командование отвести свои войска к р. Тоболу. В результате была решена судьба Тюмени. 7 августа 1919 г. А.Н. Пепеляев сообщил своему брату, что город «продержится лишь 1–2 дня»⁴. Действительно, уже на другой день, 8 августа войска 1-й Сибирской армии оставили Тюмень, штаб А.Н. Пепеляева отошёл на 80 км на восток, в г. Ялуторовск. Незадолго до отступления, благодаря А.Н. Пепеляеву, из тюменской тюрьмы был освобождён под поручительство городской управы и союза учителей, вывезен в Тобольск и тем самым, возможно, спасён от гибели один из лидеров местной организации РСДРП Н.Н. Авдеев. Дело в том, что, он был арестован в марте 1919 г. и вместе с другими арестованными по дороге в уездную тюрьму был

¹ *Сибирская речь*. 1919. 29 июля.

² *Сибирская речь*. 1919. 2 сент.

³ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 310–311; РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 151об.

⁴ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

расстрелян конвоирами, но чудом остался жив, добрался домой, а затем помещён в тюремную больницу¹.

Однако советским войскам хватило пяти дней, чтобы приблизиться и к этому рубежу. Газетная зарисовка отразила весь трагизм положения: «Уже четвёртый день стоял командующий армией в Ялуторовске. На путях – состав штаба, два бронепоезда и вспомогательный поезд; впереди – где-то верстах в 8–10 – несколько сот штыков и сабель держат фронт. И это всё. Командующий армией отправил все части в тыл на отдых. В тылу и комендантская рота, и личный конвой командарма; ещё недавно, в критическую минуту эти части были посланы им в бой и вернулись, потеряв 150 человек»².

Командарм поставил задачу – малыми силами задержать в районе Ялуторовска противника на неделю с тем, чтобы дать передышку основным силам армии, отведённым в ближайший тыл. «Вот уже четвёртый день командарм держит противника на 60-вёрстном фронте, имея... 250 штыков и 400 сабель. И как держит! – восхищённо продолжал автор публикации. – С утра на паровозе, на углях командарм уезжает в район расположения своих постов, обходит расположение, беседует с солдатами; возвратившись в штаб, он через некоторое время вновь едет верхом на лошади на другой участок фронта; связался с частями телефоном и постоянно говорит с ними в те короткие промежутки, когда он находится у себя в штабе...

Командарм продержался в Ялуторовске ровно неделю, как обещал, и выехал со штабом 17 августа пополудни, когда красные были уже верстах в пяти от города. За это время части, оттянутые в тыл, немного отдохнули, стали получать пополнения, и началась большая работа по восстановлению, спайке и обучению армии.

Недельная задержка неприятеля около Ялуторовска такими сравнительно ничтожными силами и лишь большой выдержкой и энергией генерала Пепеляева показала, что наступательный порыв противника ослабел...»³.

¹ *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Тюмень, 1999. С. 147–148. Впоследствии Н.Н. Авдеев состоял членом коллегии Центрархива, был одним из организаторов Общества историков-марксистов, автором ряда работ по истории революции.

² *Калинин В.* Из недалёкого прошлого: Генерал Пепеляев // Сибирские стрелки. 1919. 16 окт.

³ *Калинин В.* Из недалёкого прошлого: Генерал Пепеляев // Сибирские стрелки. 1919. 16 окт.

Следующим местом пребывания штаба 1-й Сибирской армии стал г. Ишим.

Между тем окрылённое успехами главное командование Красной армии 11 августа 1919 г. поставило Восточному фронту задачу продолжать преследование противника и занять территорию Западной Сибири. В соответствии с этой директивой командующий Восточным фронтом В.А. Ольдерогге 16 августа приказал войскам 5-й и 3-й армий форсировать Тобол, к берегам которого в тот день они вышли, и овладеть важнейшими узлами дорог на правом берегу реки¹.

18 августа началась Петропавловско-Ишимская наступательная операция Красной армии. Форсировав Тобол, части 5-й армии прорвали оборону белых и в течение последующих двух недель продвинулись вперёд на 150–170 км, выйдя на дальние подступы к Петропавловску. Одновременно 3-я Красная армия, также форсировавшая 20–23 августа Тобол на всём протяжении своего фронта, к 8 сентября достигла рубежа 40–90 км западнее реки Ишим. Действовавшие на её левом фланге части 51-й стрелковой дивизии под командованием В.К. Блюхера 4 сентября заняли Тобольск и продолжили движение в северном и восточном направлениях вдоль Иртыша².

Армия А.Н. Пепеляева продолжала вести тяжёлые оборонительные бои. Как и прежде, на самых трудных участках фронта сражались бойцы Штурмовой бригады. Вот лишь один из боевых эпизодов с их участием. В арьергардном бою 23 августа 1919 г. у разъезда №27 Омской железной дороги отряд штурмовиков под командованием подпоручика Макушина численностью 96 человек был атакован противником силою до одного полка пехоты. Штурмовики отразили 4 атаки. Эскадрон красноармейцев, зашедших с тыла, был уничтожен огнём и штыками. Затем последовала атака уже двумя эскадронами красных конников. Даже находясь в окружении, пепеляевцы продолжали оказывать упорное сопротивление. Большинство из них погибли. Вырвавшиеся из окружения 16 бойцов приказом А.Н. Пепеляева от 27 августа 1919 г. были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени³.

Однако, наряду с героизмом и самопожертвованием многих бойцов и офицеров, в белой армии всё шире распространялись апатия, равнодушие, нежелание воевать. Измотанные боями, морально

¹ Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 11–12; *Гражданская война в СССР*. Т. 2... С. 86–87, 224.

² *Гражданская война в СССР*. Т. 2... С. 225.

³ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 68; *Надежда России*. 1919. 13 сент.

подавленные отступлением части 1-й Сибирской армии постепенно теряли свою боеспособность. Контрразведка штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии в донесении от 22 августа 1919 г. сообщила, что настроение в 5-м Томском полку «в боевом отношении неуверенное». «Относительно отступления слышны разговоры: «Ну, что ж, будем отступать до Томска, а там и по домам». А отношение к войне таково: «Поскорей бы хоть что ли или мы их, или нас, только бы кончить эту войну, надоела такая жизнь»¹.

В архиве сохранилась «Сводка сведений о настроении войсковых частей и об отношении к ним населения по данным таблицы срочных донесений, полученных к 1 сентября от контрразведывательных органов», составленная начальником контрразведывательного отдела штаба Главного начальника военно-административных управлений Восточного фронта подполковником Шуминским (по другим документам – Шиманский). В его распоряжении находилось, в частности, местное контрразведывательное отделение при военно-административном управлении района 1-й Сибирской армии, временно располагавшееся в тот период (на 15 сентября 1919 г.) на ст. Омск. В «Сводке» рисовалась достаточно объективная картина состояния армии к началу осени 1919 г.: «Общими чертами в настроении большей части солдатских масс являются: безразличие к политическим событиям и полное равнодушие к существующей власти при стремлении к отдыху и скорейшему окончанию войны. Большевицкая агитация в последнее время, после принятия решительных мер по отношению к замеченным агитаторам, незначительна. Недовольство солдат возбуждается, главным образом, недостатком обмундирования, неполучением жалованья, неудовлетворительными санитарными условиями и иногда недостойным поведением офицерского состава. Нежелательным образом сказывается на настроении солдат почти полное отсутствие на фронте как осведомительной, так и агитационной литературы»².

Значительный фрагмент «Сводки» был посвящён 1-й Сибирской армии А.Н. Пепелева. Отмечалось, в частности, что в её рядах из-за наличия «вредного элемента» ненадёжен 1-й Новониколаевский полк, где 25 августа 1919 г. была раскрыта тайная большевицкая организация в 10-й и 11-й ротах. Заговорщики планировали «немедленно по вступлении на позиции перерезать всех офицеров и перей-

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.

² РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 9.

ти на сторону красных». Организация пыталась установить связь со 2-м Барабинским и 3-м Барнаульским полками. Узнав о заговоре, командир полка построил без оружия весь полк, затем отделил указанные две роты и приказал выдать зачинщиков, дав на размышление счёт до трёх. Солдаты выдали двух человек, которые были тут же перед строем расстреляны вместе с арестованными ранее агитаторами, в числе которых оказался и офицер. В дальнейшем расследование по этому делу, сопровождаемое арестами, продолжилось. «Усиленная большевистская агитация, имевшая целью возбудить солдат к восстанию под лозунгом прекращения войны», была выявлена и во 2-м Барабинском полку, где по приказу его командира 7 чел. (1 офицер и 6 стрелков) также были расстреляны¹.

Как «весьма ненадёжное и неустойчивое» оценивалось настроение бойцов даже в 1-й Сибирской штурмовой бригаде пепеляевской армии, о чём сообщалось в очередной «Сводке сведений о настроении населения и войсковых частей в районе Восточного фронта армий...» (к 15 сентября 1919 г.): «Слышатся разговоры о бессмысленности войны, заметно тяготение к красным. «Если туго придётся, то штык в землю и пойдём к товарищам», – на такие речи в бригаде можно натолкнуться сплошь и рядом. Отношение солдат к офицерам недоверчивое...»².

Негативные процессы затронули и офицерский корпус. 15 августа 1919 г. прапорщик 4-го Енисейского полка И.И. Чашин записал в своём дневнике: «Красные заняли Ялуторовск. Наши бегут... Кругом восстания, бегство на фронте, а правительство Колчака всё ещё на что-то надеется. Здесь никто уже не верит в победу...»³.

Колчаковская контрразведка отмечала, что «общим печальным явлением в офицерской среде является пьянство и связанные с ним эксцессы. Однако некоторые части представляют в этом смысле исключение: такова, например, 1-я Сибирская штурмовая бригада, где пьянство офицеров почти прекратилось, сменившись карточной игрой. Кроме того, офицерский состав на высоте положения во 2-м Барабинском полку, в 3-м Барнаульском и в особенности в 15-м кадро-

¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 9–10.

² РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 43.

³ ⁴ *Енисейский Сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте 1919 г.: Воспоминания участника // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 29.*

вом прифронтовом»¹. Большинство из перечисленных частей входило в состав 1-й Сибирской армии А.Н. Пепеляева.

Приходящее из тыла пополнение отнюдь не горело желанием участвовать в войне. В частности, в одном из воинских эшелонов, перевозивших маршевые роты из Томска на фронт, солдаты в массовом порядке стали срезать погоны, часть их дезертировала. В результате по приговору суда были расстреляны 38 чел. с изъятием их имущества и земли².

Всё более враждебным становилось отношение к белогвардейским войскам со стороны местных жителей. В уже упоминавшейся «Сводке сведений о настроении войсковых частей...» отмечалось: «Как крестьянское, так и городское население проявляют в отношении к войскам крайний эгоизм и совершенное несознание своего долга перед ними. Обычное полное безучастие к воинским частям, квартирующим в данной местности, сменяется острой неприязнью и недружелюбием при всякой попытке последних посягнуть на обывательскую собственность». Жители были недовольны постоем солдат в их домах, разорением солдатами огородов. В Ишимском уезде некоторые крестьяне даже запахивали хлеба на корню, чтобы они не доставались воинским частям. Население роптало на объявленную правительством военную конско-повозочную повинность, скрывало от неё своих лошадей, увозя лучших далеко в лес, упряжь и телеги прятали в ямы. Поддержка ощущалась, пожалуй, лишь со стороны сельской интеллигенции, которая, по словам авторов «Сводки», «с доверием относится к правительству, бодро настроена, несмотря на неудачи на фронте, и в некоторых сёлах организует патриотические кружки, где принимаются пожертвования на нужды армии деньгами и вещами»³.

Значительная часть городской интеллигенции также оказывала моральную и материальную поддержку армии. В тяжёлые дни её отступления лидер сибирского областничества Г.Н. Потанин обратился со страниц газеты «Сибирская жизнь» 22 августа 1919 г. с воззванием к населению Сибири с призывом поддержать Сибирскую армию и подняться на борьбу с большевиками. Обращение начиналось словами: «Граждане! Банды большевистские у ворот! Нет, они уже сломали ворота и озверевшие, озлобленные, беспощадные,

¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 9.

² Приказ войскам Омского военного округа 29 июля 1919 г. // Сибирская речь. 1919. 3 авг.

³ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

в крови и в огне ворвались в родную Сибирь!..»¹. Это воззвание было перепечатано другими газетами².

Таким образом, июль и август 1919 г. стали для А.Н. Пепеляева временем, когда он поднялся ещё на одну ступеньку своей военной карьеры, став командующим армией. Энергично взявшись после отступления, тяжёлых потерь, деморализации за приведение армии в порядок, одновременно сам командарм в эти месяцы был охвачен зародившимися сомнениями в победе над большевиками без серьёзных политических изменений в структуре власти.

¹ Сибирская жизнь. 1919. 22 авг.

² Сибирские стрелки. 1919. 30 авг.; Надежда России. 1919. 2 сент.

Глава 13

МЕЖДУ ТОБОЛОМ И ИШИМОМ

В конце августа 1919 г., несмотря на малочисленность войск, их низкий боевой дух, колчаковское командование приняло решение о контрнаступлении с целью добиться перелома на фронте, захватить города Курган на юге и Тобольск на севере и выйти в предгорья Урала. Не в последнюю очередь оно было вызвано необходимостью встряхнуть войска после продолжительного отступления, вдохнуть в них веру в победу. Контрнаступление позволяло также сковать красноармейские полки и дивизии на Восточном фронте с тем, чтобы воспрепятствовать их переброске на запад, где разворачивалось успешное наступление деникинских войск на Москву.

Главнокомандующий фронтом генерал М.К. Дитерихс 23 августа отдал приказ о подготовке к операции. Основной удар наносили 2-я и 3-я армии, тогда как А.Н. Пепеляеву отводилась вспомогательная роль. Его армия должна была ударить прежде всего своим левым флангом¹. 24 августа А.Н. Пепеляев издал приказ-обращение к своим бойцам: «Солдаты! От вас зависит сейчас судьба Родины... [Это] наступление должно иметь решающее значение для нашей Родины». Отмечая, что красные в Европейской России теряют город за городом, что армия Деникина стремительно продвигается к Москве, что с запада наступают польская армия и армия Юденича, командарм завершил свой приказ словами: «Выше же бело-зелёные знамёна. С надеждой смотрит на вас свободная, гордая Сибирь и ждёт к себе... общая наша любимая Родина-мать, Великая Святая Русь»².

Контрнаступление колчаковских войск началось сначала против 5-й Красной армии (командующий М.Н. Тухачевский), а затем против 3-й (командарм М.И. Алафузо, впоследствии М.С. Матиясевич) на огромном участке фронта шириной свыше 400 километров в междуречье Тобола и Ишима. Развернулись ожесточённые встречные бои, в результате которых белым удалось потеснить соединения 5-й Красной армии на Петропавловском направлении и создать угрозу их окружения.

¹ Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 20.

² РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

Находившаяся севернее 1-я Сибирская армия перешла в наступление на рассвете 28 августа из района ст. Омутинская. К началу операции её численность составляла около 20 тыс. штыков и сабель. В состав армии входили четыре дивизии – 1-я и 2-я Сибирские стрелковые (командующие соответственно генерал-майоры А.Г. Укке-Уговец и Б.М. Зиневич), 7-я Тобольская (полковник А.В. Бордзиловский) и 15-я Воткинская (полковник Г.Н. Юрьев); 1-я Сибирская штурмовая бригада (подполковник П.Н. Соколов); 1-й офицерский Добровольческий полк (капитан П.А. Борзцов); 1-й, 2-й и 7-й артиллерийские Сибирские полки (командиры соответственно полковник Колосов, подполковники Попов и Стрижев), 5-я Отдельная Оренбургская казачья бригада, дивизион бронепоездов, бронефлотилия (капитан 2-го ранга П.П. Феодосьев), 2-й авиаотряд и отдельная прожекторная Камская рота¹.

Противостояли сибирякам 29-я и 51-я стрелковые дивизии (начдивы соответственно В.Ф. Грушецкий и В.К. Блюхер) 3-й красной армии.

Приказом от 30 августа генерал М.К. Дитерихс поставил 1-й Сибирской армии задачу «энергично покончить с 29-й дивизией противника и, ограничившись настойчивым преследованием противника в направлении Ялуторовска, быстро двинуть главные силы на фронт Емуртлинская, Уваровское, Курган»².

Прорвав фронт 29-й и 30-й стрелковых дивизий, пепеляевцы вынудили войска 3-й Красной армии начать отход. 1 сентября Виктор Пепеляев записал в дневнике: «Ген. Андогский сообщил мне по телеграфу о крупном успехе у Анатолия. Разбиты 6 полков красных и отходят. Был момент, когда потребовалось участие в бою даже штаба армии, который с писарями ходил в бой»³.

Мужество и стойкость проявили все четыре полка 1-й Сибирской стрелковой дивизии, о чём говорилось в приказе от 15 сентября 1919 г. Так, солдаты и офицеры 3-го Барнаульского полка в боях у д. Камышевской с добровольческими батальонами красных, почти сплошь состоявшими из коммунистов, «бросились на стрелявшие почти в упор пулемёты противника и взяли их. Несмотря на большие потери в этом бою – убиты 2 офицера, ранено 5 и убито и ранено до

¹ Ситников М. 1-я Сибирская стрелковая дивизия в Тобольской операции // Сибирский исторический альманах. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011. С. 168–169; РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.

² Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 23.

³ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 93.

120 стрелков – усталость от ночного боя, барнаульцы окончательно сбили противника и выполнили возложенную на них задачу»¹.

Однако в первых же боях обнаружилась слабая подготовка влившегося в армейские части пополнения. По сведениям контрразведки, «многие солдаты при первом столкновении с красными, ошеломлённые массой новых ощущений, не слыхавшие не только оружейных выстрелов, но и пулемётной и частой ружейной стрельбы, потеряли всякую способность к сопротивлению и разбежались, частью переходя к противнику. Даже угрозы револьвером и бывшие случаи пристреливания бегущих из цепи не имели успеха»². Состояние 8-го Бийского стрелкового полка характеризовалось следующим образом: «Настроение определённо паническое; от пополнения ничего не осталось, часть разбежалась, часть перешла к красным. Положение таково, что удержать полк от окончательного распыления можно только решительными и репрессивными мерами»³.

Всю первую половину сентября боевые действия на участке 1-й Сибирской армии протекали с переменным успехом. Красноармейские части не только упорно оборонялись, но и раз за разом переходили в контратаки. Некоторые селения по несколько раз (иногда до шести) переходили из рук в руки. 7 сентября красным удалось захватить г. Тобольск. Защищавшие город части 7-й Тобольской и Воткинской дивизий (командиры соответственно полковники Борзиловский и Юрьев) на пароходах отступили вниз (тобольцы) и вверх (воткинцы) по Иртышу⁴.

Между тем командование белых в середине сентября посчитало, что можно переходить к решению второй наступательной задачи – «окончательному разгрому большевиков на Восточном фронте». После перегруппировки сил на фронте 1-я Сибирская армия 15 сентября получила приказ развивать наступление на Ялуторовск⁵. Для усиления армии в её состав была передана 1-я кавалерийская дивизия под командованием ген.-л. Д.Я. Миловича. На правом фланге

¹ *На страже свободы. 1919. 2 окт.; Краснощеков А.* Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 67.

² РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 42. Л. 55.

³ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 43.

⁴ *Ситников М.Г.* Воткинская дивизия второго формирования // Ижевско-Воткинские повстанцы в истории Гражданской войны / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: научно-практический журнал. 2014. № 6 (23). С.152. Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

⁵ *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. С. 32.

15 сентября 1919 г. была создана Отдельная Тобольская группа войск под командованием ген.-м. М.Е. Редько.

В результате успешных действий к 1 октября 1919 г. 5-я красная армия была отброшена за р. Тобол, сумев, однако, удержать плацдарм на его правом берегу в районе Звериголовской. К концу месяца удалось оттеснить за Тобол и 3-ю красную армию. 27 сентября части Отдельной Тобольской группы выбили советские войска из г. Тобольска. Вышедшие к Тоболу части 1-й Сибирской армии взяли в плен в общей сложности 2200 красноармейцев и захватили 63 пулемёта¹. Соседняя 5-я Красная армия из 22 тыс. своих бойцов потеряла в сентябрьских боях 14719 чел. убитыми, ранеными, пленными и больными². Боеспособность обеих красных армий была существенно подорвана.

В период контрнаступления белых войск адмирал А.В. Колчак предпринял две поездки в районы расположения пепеляевской армии – 25–30 сентября на поезде к западу от г. Ишима и спустя неделю – на пароходе в Тобольск³.

Однако осеннее контрнаступление колчаковских войск стало последним их крупным успехом. В тяжёлых, кровопролитных наступательных боях изматывались и перемалывались лучшие, наиболее боеспособные части сибирских белых армий, погибали испытанные бойцы и офицеры. Так, в сентябре в бою за д. Коровинскую был почти целиком уничтожен 3-й батальон 3-го Барнаульского полка⁴. В д. Казанка, в 25 верстах от г. Ишима 11 сентября 1919 г. погиб командир 1-й Сибирской отдельной штурмовой бригады имени генерала Пепеляева подполковник П.Н. Соколов, тело которого, как и его предшественника Е.И. Урбанковского, было доставлено личным конвоем в Томск, где 21 сентября под звуки оркестра похоронено на Преображенском кладбище⁵. Приказом по Восточному фронту от 11 сентября 1919 г. он был за боевые отличия посмертно произведён в полковники⁶. В пепеляевской армии об этом отчаянной храбрости офицере говорили: «Капитан Соколов молодец... И начальник штаба

¹ Ситников М. 1-я Сибирская стрелковая дивизия в Тобольской операции... С. 174.

² Эйхе [Г.Х.]. 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война. 1918–1921. Т. 1: Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 203.

³ *Вперед!* (Фронтовая ежедневная газета). 1919. 8 окт.; *Дневник* В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 95–96.

⁴ Краснощеков А. Барнаульские полки белой армии... С. 78.

⁵ *Томский некрополь*. Списки и некрологи погребённых на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. С. 199–200.

⁶ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 138.

у него такой же. Наступают цепи, а они впереди их, верхом, покуривают, разговаривают. У начальника штаба портфель под мышкой. Точно на прогулку выехали, а кругом свистят пули...»¹.

В начале октября 1919 г. на фронте наступила оперативная пауза, заполненная на отдельных участках затяжными боями. Как признавался впоследствии командующий 5-й Красной армией Г.Х. Эйхе, и красные, и белые, понеся значительные потери убитыми, ранеными, пленными, оказались в одинаковом положении с точки зрения боеспособности. Обе стороны с имевшимися у них силами не могли начать серьёзные операции и рассчитывать на успех. «Очередь была за тылом, и тот, кто первый, восстановив свои силы, получив подкрепление, поддержку из тыла, сможет первым перейти в наступление, – тот должен иметь успех»².

К тому времени пепеляевская армия существенно поредела. Для советского командования не были тайной ни её численность, ни состояние. Это видно, в частности, из доклада большевистского агента, побывавшего по заданию Реввоенсовета Восточного фронта Красной армии с 15 по 19 октября в тылу белых в г. Ишиме, где в те дни располагался штаб 1-й Сибирской армии. Перечислив довольно точно состав её полков, агент сообщал, что «в ротах в среднем 30–40 штыков. В полках не более 10 пулемётов системы «Кольта» и «Максима». Стрелки вооружены винтовками американского изготовления «Ремингтон». Обмундирование на стрелках в большинстве состоит из сермяжных пиджачков, в шинелях очень мало...». В 1-й кавалерийской дивизии не более 1000–1200 сабель. 1-я Сибирская армия располагала также 2 бронепоездами и 4 броневыми автомобилями. 15 октября в Ишиме шла мобилизация от 18 до 43 лет. Настроение мобилизованных революционное³.

Для восстановления боеспособности белым требовались новые пополнения, перегруппировка сил. Ещё 3 сентября появилось обращение Верховного правителя к русским людям с призывом спасти гибнущую Родину. Объявлялась запись добровольцев, которая производилась у всех воинских начальников⁴. Для инициирования добровольчества, его организационного оформления предпринимались значительные усилия. В начале сентября 1919 г. была учреждена

¹ *На страже свободы*. 1919. 17 окт.

² *Эйхе. 5-я армия в борьбе...* С. 203–204.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 10. Л. 2–3.

⁴ *Посадский А.В.* Страницы белого добровольчества на Востоке России // *Белая армия. Белое дело*. 2002. № 11. С. 84.

должность начальника добровольческих формирований, на которую был назначен ген.-л. В.В. Голицын. На местах создавались соответствующие управления, назначались региональные уполномоченные, определены пять районов добровольческих формирований. Одним из них был Томский, где начальником 1-го агитационного и вербовочного отделения приказом от 17 сентября 1919 г. был назначен А.И. Гаврилович. С 5 октября ему предписывалось открыть в Томске вербовочные городские пункты¹. По приказу А.Н. Пепеляева в Томске началось формирование 1-го Сибирского конно-гренадерского добровольческого полка под командованием ротмистра Цевловского².

Однако осенью 1919 г. в условиях неудач на фронте, усталости от затянувшейся войны добровольчество находило слабый отклик среди населения, в отличие от лета – осени 1918 г., когда в разгар антибольшевистского выступления, на волне энтузиазма, в предвкушении грядущих побед под ружьё добровольно встали тысячи офицеров, гимназистов, представителей сибирской интеллигенции. Теперь же в авангарде добровольческого движения оказались не сибиряки, а беженцы из Прикамья и Приуралья, численность которых на территории Сибири, по оценке министра внутренних дел, составляла до 200 тыс. чел.³

Беженцы были в первую очередь заинтересованы в победах белой армии, в её успешном контрнаступлении, что сулило им возвращение в родные места. В Сибири они испытывали громадные трудности. По свидетельству корреспондента одной из томских газет, «масса беженцев ютится в общежитиях... В духовном училище... в общежитие превращены не только комнаты и коридоры, но и лестницы... Теснота страшная, воздух невозможный, холод адский...»⁴. Недостаток топлива вынуждал беженцев тайком жечь перила, заборы, доски тротуаров. Начавшаяся эпидемия тифа уносила, в частности, в Томске порой до 150 человек в день⁵. Присутствие беженцев существенно изменило облик ряда сибирских городов. «Томичи с недоумением оглядываются вокруг себя. Им кажется, что они попали в какой-то чужой, незнакомый город», – констатировала одна из местных газет⁶.

¹ Посадский А.В. Указ соч. С. 89.

² Сибирская жизнь. 1919. 21 окт.

³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 166. Л. 378.

⁴ Русская армия. 1919. 3 окт.

⁵ Родина. 1919. 20, 27 окт.

⁶ Там же. 10 нояб.

К активизации добровольческого движения осенью 1919 г. подключилась церковь. Начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил 19 сентября 1919 г. «Положение о дружинах Святого Креста»¹. В ряде городов были созданы братства Святого Креста для борьбы с большевизмом в тылу и на фронте для защиты веры и Родины. В Новониколаевске 21 сентября состоялся крестный ход из всех церквей на городскую площадь, где был отслужен молебен о даровании победы над большевиками. В нём приняли участие, наряду с православными, также старообрядцы, католики, мусульмане².

В Томске братство Святого Креста стало функционировать 5 октября. Оно было призвано всеми мерами способствовать образованию воинских дружин Святого Креста, заботиться об обеспечении этих дружин и семейств дружинников всем необходимым. Членами правления Братства были избраны томский епископ Анатолий, профессора Аносов и Иванов, контр-адмирал Е.В. Клюпфель, протоиерей А. Никольский, а также Н.В. Такжин, В.И. Тыжнов, Е.В. Аносова и Снитко. К тому времени в Братство записалось 75 членов³. Движение «крестоносцев» поддержал член областнического «Потанинского кружка» профессор Н.Я. Новомбергский.

Однако практические результаты этой деятельности были скромными. Сформированные «дружины Святого Креста» и мусульманские «отряды Зеленого Знамени» дали для фронта всего лишь около 6 тыс. чел.⁴

В целом же добровольческое движение, хотя и приносило свои плоды, но представляло собой относительно небольшой ручеек. В частности, к концу октября в Новониколаевске добровольцами записались в армию около 3600 чел., в том числе в армию А.Н. Пепеляева – 930 чел.⁵ Для полноценного пополнения армии, несущей ежедневные потери, требовался более мощный поток.

Поскольку приток добровольцев оказался скудным, среди беженцев возникла идея о поголовной мобилизации. В октябре общее собрание беженцев Самары, Поволжья, Прикамья и Урала, состоявшееся в Новониколаевске, обратилось к генералам А.Н. Пепеляеву, В.О. Каппелю и атаману Семенову с просьбой поддержать их ходатайство перед Верховным правителем о проведении такого рода мо-

¹ Посадский А.В. Указ. соч. С. 85.

² Русская речь. 1919. 23 сент.

³ Народный вестник. 1919. 15 окт.

⁴ Иванов В.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991. С. 37.

⁵ Родина. 1919. 27 окт.

биллизации. А.Н. Пепеляев откликнулся на эту просьбу телеграммой, в которой писал: «Сибиряки рады каждому сознательному бойцу за дело возрождения Родины. Мы ждём вас, беженцы, дабы с вами прийти в Россию и столицу её Москву»¹.

На фронте по-прежнему ощущался дефицит офицерских кадров, тогда как в тылу, по воспоминаниям томича художника Н.Г. Котова, молодые «офицеры всячески отлынивали от поездки в свои части и ловчили, как могли, чтобы не покидать домов и весёлого Томска. А Томск веселился вовсю. По всем вечеринкам, ресторанам, шантанам лихо разъезжал «шарабан»... Пели и частушки...:

Пароход идёт прямо к пристани,
Будем рыбу кормить коммунистами.
Пароход идёт. Волны кольцами,
Будем рыбу кормить комсомольцами.

Пели и о том, как «прапорщик юный со сводом пехоты старается знамя полка отстоять». Но все эти патриотические песенки звучали как-то редко и по принуждению, и все их прямо-таки сметал со своей дороги лихой «шарабан»².

Между тем командование и штаб советского Восточного фронта разработали новый план наступления. Была проведена перегруппировка сил и мобилизация, в результате которой 3-я и 5-я Красные армии к 9 октября получили свыше 33 тысяч человек пополнения, из которых две трети являлись добровольцами³. 10 октября 1919 г. красные начали наступление в полосе пепеляевской армии первоначально силами одной бригады 29-й дивизии. Завязались ожесточённые бои. В частности, в течение нескольких дней они шли за Петровский завод. После этих боёв, по информации красного разведчика, от Штурмовой бригады, и без того немногочисленной (в начале октября в её 4-м батальоне насчитывалось всего 90 штыков), «осталась в целости только одна рота около 100 штыков». В результате бригада была выведена в тыл на переформирование. «Раньше эта бригада состояла из добровольцев, но теперь большинство мобилизованные. Настроение у всех солдат паническое и деморализованное», – доносил информатор⁴.

¹ Русская речь. 1919. 18 окт.

² Воспоминания художника Н.Г. Котова о Томске в период Гражданской войны // ТГОИАМ. Отдел советского периода. Оп. 3. Д. 512. Л. 8.

³ Гражданская война в СССР. Т.2... С. 226.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 10. Л. 2–3.

Удар главными силами 3-я армия нанесла 18 октября, сразу же существенно потеснив некоторые части сибиряков. На следующий день А.Н. Пепеляев своим приказом категорически потребовал от командира Отдельной егерской бригады и начальника 2-й Сибирской дивизии «частями Егерской бригады, перейдя в решительное наступление, восстановить положение... во что бы то ни стало занять свои основные позиции». Начальникам приказывалось лично руководить боем¹.

Однако сдержать наступление советских войск пепеляевцы не смогли. 30-й и 29-й стрелковым дивизиям Красной армии удалось в конце месяца выйти на рубеж в 80–100 километрах юго-западнее и западнее Ишима. 31 октября после трёхдневных упорных боёв белые оставили г. Петропавловск, а в ночь на 5 ноября г. Ишим. Севернее части 51-й стрелковой дивизии, войдя 22 октября в Тобольск, продолжили затем наступление вдоль Иртыша².

«Бои, – вспоминал впоследствии Г.К. Гинс, – проходили с необычным ожесточением. Обе стороны дрались со страшным упорством. Наше командование бросило на фронт все резервы... Смерть безжалостно косила ряды бойцов.

Погода установилась отвратительная. Обмундирование, которое было выслано на фронт, каталось по рельсам, так как непрерывное отступление не давало возможности развернуться. Солдаты мёрзли в окопах.

Бесперывные мобилизации дали несколько десятков тысяч новых солдат, но этим солдатам нельзя было доверять. Не было гарантий, что они не перейдут к красным, не потому, что они сочувствовали им, а потому, что больше верили в их силу, чем в силу Колчака. Кто наступал, тот вёл за собой солдат.

Ряды первой армии так поредели, что, когда красные повели наступление на армию генерала Пепеляева, ему некого было выслать; он бросился в бой сам, вместе со штабом, и отбросил противника»³.

В этих условиях А.Н. Пепеляеву в полной мере приходилось использовать и накопленный боевой опыт, и популярность в войсках, и личную храбрость, чтобы остановить отступление или хотя бы сдержать его темпы и спасти от разгрома свою армию. Он постоянно объезжал свои части – на паровозе, верхом на лошади – отдавал приказы, беседовал с солдатами. Штаб командарма располагался поблизости от передовой. Через приказы А.Н. Пепеляева, относя-

¹ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

² *Петропавловская операция // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.* М., 1983. С. 454–455; *Гражданская война в СССР.* Т. 2... С. 226–227.

³ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак... М., 2008. С. 492.

щиеся к октябрю 1919 г., красной нитью проходит требование соблюдения самой строгой дисциплины, решительных действий, решительных мер по отношению к малодушным, предписание «растреливать всех беглецов» и т.п.¹

«Войска дерутся очень упорно, – признавал главнокомандующий Восточным фронтом генерал М.К. Дитерихс, побывавший в середине двадцатых чисел октября в расположении 1-й Сибирской армии, – и только после пяти-шести контратак в день устают, не имея смены, и уступают противнику. Настроение хорошее, но осилить противника окончательно нечем... Дальше завтрашнего дня части едва ли выдержат, так как противник обходит глубоко с севера прямо на Вагай»².

Упорное сопротивление белых армий, в том числе и 1-й Сибирской, не позволило советскому командованию до конца выполнить поставленную перед Восточным фронтом задачу – ликвидировать главные силы колчаковцев в междуречье Тобола и Иртыша. Оновная их часть и на этот раз сумела выйти из-под ударов советских войск³. Тем не менее к концу октября 1919 г. военная обстановка для белых сложилась угрожающая. Не оправдался к тому же их расчёт на успешное наступление войск Южного фронта под командованием А.И. Деникина на Москву. Захватив в октябре Орёл и Воронеж, приблизившись к столице на расстояние в несколько сотен километров, деникинский фронт к середине ноября 1919 г. под ударами советских войск откатился далеко на юг.

В самой Сибири надежды на успех подрывало широко развернувшееся в белом тылу повстанческо-партизанское движение, в рядах которого насчитывалось уже свыше сотни тысяч человек. Командующий войсками Омского военного округа ген.-л. А.Ф. Матковский, эвакуировавшийся вместе со штабом в конце лета 1919 г. в Томск, вынужден был 21 сентября объявить практически всю территорию Западной Сибири «временным районом театра военных действий»⁴. Против партизан были брошены не только отряды особого назначения, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел, но и регулярные армейские части с артиллерией и бронепоездами. В боях с алтайскими партизанами участвовали также польские военные формирования. Тем не менее перелома на внутреннем фронте не наблюдалось. Колчаковский режим вступил в последнюю фазу своего существования.

¹ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 1. Л. 45, 46 и др.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.

³ *Гражданская война в СССР*. Т. 2... С. 228.

⁴ *Вестник Томской губернии*. 1919. 26 сент.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТОМСК

Октябрьское отступление, огромные потери, усталость от непрерывных боёв подрывали веру в успех, разрушали сами устои 1-й Сибирской армии. Это понимали все – от рядовых бойцов и младших командиров до высшего командования белых войск. «Наша армия дезорганизована», – записал в своём дневнике 28 октября 1919 г. прапорщик 4-го Енисейского полка И.И. Чащин¹. Об этом же свидетельствовали фронтовые сводки, поступавшие к главнокомандующему Восточным фронтом генералу М.К. Дитерихсу. Побывав в расположении пепеляевской армии, он отмечал: «Части необычайно слабы числом, понеся [в] последних боях большие потери, а пополнения, вследствие краткого периода воспитания, не выдерживают и разбегаются». И далее: «Приходится заботиться не столько о вопросе, как продолжать операцию, как по вопросу, чем продолжать борьбу»².

В сложившейся ситуации М.К. Дитерихс после объезда всех командующих армиями генералов (К.В. Сахарова, Н.А. Лохвицкого и А.Н. Пепеляева) принял согласованное с ними решение начать отступление, не останавливаясь перед сдачей Омска³. Разработанный им план был рассчитан на восстановление в течение наступающей зимы боеспособности белых войск. С этой целью отправлялись в тыл уже снятые к тому времени с фронта 1-я Сибирская егерская и Штурмовая бригады. Следом предполагалось снять 13-ю Сибирскую и Красноуфимскую дивизии, расположив их в Омске, затем 1-ю и 2-ю Сибирские (в район Новониколаевска – Мариинска). На фронте 1-й Сибирской армии оставлялись «с уклонением фланга на р. Вагай» бригада И.Н. Красильникова, бригада добровольцев, кавалерийская дивизия, казачья бригада и некоторые отдельные батальоны, что, по

¹ 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте 1919 г.: Воспоминания участника // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 31.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 66. Л. 9–10.

³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... М., 2008. С. 492.

мнению главнокомандующего, не очень заметно изменило бы количественный состав войск на линии фронта. Всю эту группу вместе с Тобольской группой М.К. Дитерихс намеревался подчинить генералу С.А. Войцеховскому, а общее командование возложить на генерала Н.А. Лохвицкого. Во главе Омского военного округа, к тому времени уже объявленного театром военных действий, М.К. Дитерихс собирался поставить А.Н. Пепеляева, который должен был на этой территории восстанавливать свою новую армию. Три её дивизии уже к 20 ноября должны были стать «наполовину боеспособными», а к 20 января 1920 г. армия Пепеляева имела бы «шесть отличных дивизий до 50 тыс. штыков». Ещё две дивизии – Егерская образцовая и Морская – должны были составить стратегический резерв фронта¹.

С 25 октября без согласования с А.В. Колчаком М.К. Дитерихс приступил к реализации намеченного плана. Уже 27 октября в места дислокации 2-й Сибирской стрелковой дивизии отправились назначенные её штабом квартирьеры. В Томск старшим квартирьером выехал командир 2-го артиллерийского Сибирского полка полковник Попов². Там должны были разместиться штабы 1-й армии и 2-й дивизии, а также четыре её стрелковых полка (5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий, 8-й Бийский) и 1-й Сибирский драгунский полк. Штаб 2-й дивизии, находившийся 31 октября на ст. Маслянская (примерно в трёх сотнях километров к западу от Омска), к 5 ноября переместился в Омск³.

Приказом по 1-й Сибирской армии от 27 октября командующим арьергардом был назначен ген.-м. Б.М. Зиневич с задачей выиграть время в течение 6–7 дней при обороне района сёл Сорокинское – Гольшмановское. В состав арьергарда вошли 1-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-я отдельная Оренбургская казачья бригада, Конноегерский полк бригады генерала Красильникова и конная команда разведчиков 2-й Сибирской стрелковой дивизии. После выполнения приказа и передачи фронта Северной группе войск 2-й армии части 1-й Сибирской дивизии отводились в пункты своего первоначального формирования – в г. Новониколаевск (1-й Новониколаевский и 2-й Барабинский Сибирские стрелковые полки), в г. Красноярск (4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк и штаб 1-й Сибирской

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 66. Л. 9об.–10.

² РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 25. Л. 24об.

³ Там же. Л. 14, 16об.

стрелковой дивизии) и в г. Барнаул (3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк)¹.

Однако план М.К. Дитерихса не устроил Верховного правителя. «Из Ваших директив о выводе всех частей первой армии в тыл, – писал он 29 октября главнокомандующему Восточным фронтом, – получается впечатление, что Вами предрешается оставление Омска без сопротивления всеми наличными силами фронта. Я не могу согласиться с оставлением Омска, так как это явится полным политическим уничтожением нашим и в России, и за границей»².

Получив разъяснение от Дитерихса, А.В. Колчак согласился с отводом в тыл 1-й Сибирской армии, однако приказал «первоначально сосредоточить её в районе Омска» и лишь затем «дать указания на дальнейшие распоряжения»³. На это М.К. Дитерихс заявил А.В. Колчаку о принципиальном несогласии с ним по вопросу о значении Омска, сообщив, что им уже отдан приказ о передислокации 1-й Сибирской армии в тыл, поэтому отменить его может теперь только сам А.В. Колчак. Одновременно он добавил, что «практического значения остановка [1-й Сибирской] армии в районе Омска иметь не будет, так как подать ей пополнения из тыла не удастся, а морально остановка сильно отразится на солдатах»⁴.

Страсти в высшем военном руководстве продолжали накаляться. В очередной шифровке М.К. Дитерихс 1 ноября написал А.В. Колчаку: «Ночью я обдумал ещё раз всё положение и, взвешивая, что важнее для будущего продолжения борьбы – сохранение возможности воссоздать часть сил, но потерять Омск или рисковать потерять и то, и другое, – я останавливаюсь твёрдо на первом». Далее он подтвердил, что остаётся «при решении о необходимости вывода Пепеляева в глубокий тыл и об организации борьбы за Омск без него» и заключил своё послание словами: «Проводить в жизнь то, что, на мой взгляд, гибель всего, в должности главнокомандующего не могу»⁵. Таким образом, М.К. Дитерихс фактически поставил Верховному правителю ультиматум: или А.В. Колчак соглашается с его планом, или он оставляет пост главнокомандующего Восточным фронтом. Адмирал 4 ноября 1919 г. выбрал второе: «Его Превосхо-

¹ Ситников М. 1-я Сибирская стрелковая дивизия в Тобольской операции... С. 176–177.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 66. Л. 11.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 17–18.

дительству ген.-л. Дитерихс. Согласно пожелания Вашего предоставляю Вашему Превосходительству избрать себе дальнейшее назначение...»¹.

В тот же день новым главнокомандующим армиями Восточного фронта был назначен ген.-л. К.В. Сахаров². Вызвав его к себе на приём, А.В. Колчак поручил новому главкому сделать всё возможное для спасения Омска. Одновременно Верховный правитель отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт, посчитав, по свидетельству К.В. Сахарова, вывод армии А.Н. Пепеляева в такой момент «безумным делом»³.

Узнав об этом, А.Н. Пепеляев на другой же день прибыл на приём к А.В. Колчаку с тем, чтобы убедить его не останавливать отвод 1-й Сибирской армии в тыл. К.В. Сахаров впоследствии так вспоминал о состоявшемся 5 ноября 1919 г. разговоре в особняке Верховного правителя:

«Адмирал встретил меня словами:

– Вот генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу.

Я отвечал, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операций на фронте. Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моём штабе. Пепеляев поднялся во весь рост, посмотрел в упор из-под нависшего сморщенного складками лба на адмирала.

– Вы мне верите, Ваше Высокопревосходительство? – спросил он каким-то надломленным голосом.

– Верю, но в чём же дело?

Пепеляев тогда перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто ударяя себя в грудь и плечи.

– Так вот Вам крестное знамение, что это невозможно, – если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шёл спор. Пепеляев пускал все способы не доводов и убеждения, а прямо устрашения. В конце концов адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армии Пепеляева, а направил её в районы, указанные ещё генералом Дитерихсом...»⁴.

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

² *Сибирский казак*. 1919. 7 нояб.

³ Сахаров К. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала А.В. Колчака. М., 2004. С. 219.

⁴ Сахаров К. Белая Сибирь... М., 2004. С. 221–222.

Согласно записям, сделанным дежурными адъютантами Верховного правителя, К.В. Сахаров был принят А.В. Колчаком 5 ноября 1919 г. Однако среди побывавших в этот день у него на приёме фамилия Пепеляева отсутствует. На другой день среди принятых значится ген.-л. Пепеляев, наряду с генералами Ноксом, Войцеховским, но отсутствует фамилия Сахарова, которой нет и среди принятых А.В. Колчаком 7 ноября, в то время как там снова значится фамилия Пепеляева, наряду с генералами Жаненом, Лохвицким, Голицыным, князем Кантакузенном¹. В таком случае возникает вопрос, когда же одновременно встречались у Верховного правителя все трое – Колчак, Сахаров и Пепеляев? Впрочем, эпизод, описанный Сахаровым, выглядит вполне правдоподобно. По мере ухудшения стратегического положения белых войск, их поражений и отступления А.Н. Пепеляев становился всё решительнее и смелее в своих взаимоотношениях с высшими командными чинами. Об этом свидетельствует и упоминание Вс.Н. Иванова о том, как А.Н. Пепеляев «покрыл последним матом Лохвицкого, командарма II, на общем совещании»².

Так или иначе, но А.Н. Пепеляеву понадобились две аудиенции у Верховного правителя, чтобы настоять на продолжении начавшегося вывода его армии вглубь Сибири. К.В. Сахарову ничего не оставалось делать, как издать 8 ноября 1919 г. приказ об отправке задержанных было пепеляевских частей на переформирование в тыл.

Передислокация 1-й Сибирской армии протекала в условиях начавшейся общей эвакуации из Омска. Дело в том, что 9 ноября советские войска развернули очередную наступательную операцию, получившую впоследствии название Омской. Оставшиеся на фронте 2-я и 3-я белые армии не смогли сдержать натиск противника. Колчаковское командование, будучи не в состоянии организовать оборону своей столицы, приняло решение об отступлении: уже 10 ноября город покинуло правительство, а поздним вечером 12-го и сам Верховный. Утром 14 ноября 1919 г. Омск был занят советскими войсками.

Части 1-й Сибирской армии, как вспоминал впоследствии командир 3-го Барнаульского полка А.И. Камбалин, лишь «после долгих мытарств и потери драгоценного времени из-за перегруженности Сибирской железной дороги эвакуацией прибыли в свои родные города»³. В частности, его полк добрался до места дислокации 17 но-

¹ ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–3.

² Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 197.

³ Камбалин А. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском ледяном походе // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 215.

ября, а сам командир только 22 ноября 1919 г.¹, 4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк прибыл в Красноярск в ночь на 21 ноября. При этом по дороге многие бойцы заболели тифом².

После оставления Омска командование белых главные свои надежды возлагало на организацию глубоко эшелонированной обороны в районе Новониколаевска – Томска – Красноярска. Отведённые в этот район части 1-й Сибирской армии после отдыха и пополнения должны были в дальнейшем вступить в борьбу в качестве стратегического резерва. Согласно директиве главнокомандующего, белым армиям предписывалось остановить наступление советских войск на территории Томской губернии – на линии Новониколаевска – Тайги – Томска и, осуществив перегруппировку сил, перейти к активной обороне. С этой целью планировалось основательное переформирование и пополнение 1-й Сибирской армии, о чём свидетельствует сохранившаяся схема управления армии от 18 ноября 1919 г. за подписью и.д. начальника её штаба полковника Кононова. Скорее всего, она отражала не реальную, а будущую структуру армии. В соответствии с этой схемой в состав кадровых частей армии входили три корпуса: 1-й Средне-Сибирский (две дивизии, в каждой из которых по 4 стрелковых и одному артиллерийскому полку, а также по одному егерскому батальону, инженерному и конному дивизиону), 2-й Сибирский Егерский (две дивизии, 10 полков, включая два артиллерийских, и по инженерному и конному дивизиону). В качестве третьего в документе фигурировал Конный корпус, который предстояло ещё создать, поэтому его состав не был расписан. Кроме перечисленных корпусов, в армию входили 1-я Сибирская штурмовая бригада, Отдельная Сибирская кавалерийская бригада, тяжёлый артиллерийский дивизион, зенитная батарея, 1-я и 2-я Сибирские прифронтовые бригады³. Таким образом, А.Н. Пепеляев намеревался восстановить в своей армии корпусную систему, увеличив при этом количество корпусов до трёх. Первые два воссозданных армейских корпуса с 1 ноября 1919 г. возглавили ген.-м. Б.М. Зиневич (1-й Средне-Сибирский) и ген.-м. Е.К. Вишневский (2-й Сибирский егерский). Нетрудно предположить, что решение о существенном увеличении

¹ Краснощеков А. Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 68.

² 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк... С. 32.

³ Управление Первой Сибирской армии. 18 ноября 1919 г. Типограф. оттиск // РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 2.

конных частей до трети состава армии было принято им с учётом накопленного боевого опыта и внимания к той роли, которую играла конница в маневренной гражданской войне.

Тем временем литерные поезда во главе с А.В. Колчаком, медленно двигаясь на восток вместе с отступавшими войсками, лишь в ночь на 20 ноября прибыли в Новониколаевск. К тому моменту А.Н. Пепеляев уже находился в этом городе. Пробыв там несколько дней, он 21 ноября 1919 г. вместе со своим штабом выехал в Томск. Встречался ли генерал в Новониколаевске с Верховным правителем, не известно.

А.В. Колчак задержался в Новониколаевске на целых две недели. Здесь 21 ноября он издал указ, на основании которого учредил Верховное совещание из высших представителей военного командования и гражданской власти, призванное содействовать ему «в объединении деятельности власти на фронте и в тылу». Уже на следующий день состоялось первое его заседание, одобрившее несколько разработанных Верховным правителем первоочередных законопроектов, направленных на материальную поддержку офицеров и солдат, сражавшихся на фронте, а также членов их семей в тылу. Эти законопроекты в срочном порядке предполагалось направить для рассмотрения в Совет министров. Совещание получило от А.В. Колчака также указание «разработать мероприятия по изысканию способов привлечения на фронт всех способных носить оружие»¹.

На другой день, 25 ноября, появилось «Воззвание Верховного правителя», в котором адмирал объявил «Родину и всё русское национальное дело в опасности» и призвал жителей края вступать в ряды белой армии².

Во время пребывания в Новониколаевске штаб главнокомандующего Восточным фронтом занимался подготовкой новой военной операции. Планировалось, что «армия будет медленно и планомерно, прикрывая эвакуацию, отходить в треугольник Томск – Тайга – Новониколаевск, где к середине декабря должны были сосредоточиться резервы». Отсюда армия должна была перейти в наступление, сильным ударом отбросить советские войска на юг, отрезая их от железной дороги. Одновременно предполагалось произвести зачистку тыла, а именно, «секретными приказами был намечен одновременный арест и предание военно-полевому суду

¹ *Посадков А.Л.* «Столица» на две недели: к истории пребывания А.В. Колчака в Новониколаевске (19 ноября – 4 декабря 1919 г.) // История Белой Сибири: Матер. 6-й межд. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 128–129.

² Там же. С. 129–130.

всех руководителей заговора в тылу, всех партийных эсеров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке»¹. Был подготовлен проект приказа о превращении 1-й Сибирской армии А.Н. Пепеляева в неотделимый корпус с последующим включением его в состав 2-й армии генерала С.Н. Войцеховского².

Будучи в Новониколаевске, главнокомандующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров 24 ноября издал приказ, согласно которому объявлялся «общий призыв всенародного ополчения на всём театре военных действий». На местах предписывалось немедленно создать «комитеты самоохраны и народного ополчения в составе председателя и пяти членов». Комитеты должны были «выделить и изолировать с представлением списков всех преступных лиц агитаторов, шпионов и большевиков, ведущих развращающую и антирусскую работу, смущающих русский честный народ и не дающих покончить с большевизмом»; в течение двух суток произвести призыв в дружины самоохраны и народного ополчения всех надёжных честных русских граждан, способных носить оружие; немедленно приступить к боевой подготовке и обучению этих дружин; начать принудительный сбор тёплой одежды для армии и дружин; приспособить города к обороне». Решение всех вопросов, связанных с добровольчеством и народным ополчением на территории всей страны, передавалось в ведение начальника добровольческих формирований ген.-л. В.В. Голицына³.

Впоследствии К.В. Сахаров называл «возложение охраны на местах и мобилизационных функций на само население, главным образом, на крестьянство, под руководством и наблюдением военных властей» «важным мероприятием». Выдавая желаемое за действительное, он писал: «Выяснилось совершенно определённо, что крестьяне Сибири, в большинстве своём, искренне желают оказать Верховному правителю всякую поддержку, что они стоят непримиримо против большевиков и других социалистов...»⁴. А в это время значительные массы крестьянства с оружием в руках сражались против колчаковских войск в повстанческо-партизанских формированиях во всех сибирских губерниях.

Между тем, 21 ноября 1919 г. в 2 часа дня штаб 1-й Сибирской армии во главе с А.Н. Пепеляевым прибыл в Томск. На вокзале генералу была устроена торжественная встреча с почётным караулом

¹ Сахаров К. Ледяной Сибирский поход... С. 8.

² Там же. С. 16.

³ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 54. Л. 4–5.

⁴ Сахаров К. Ледяной Сибирский поход... С. 10.

и преподнесением хлеба-соли. Его приветствовали представители городского самоуправления, земств, военной и гражданской власти, биржевого комитета. Генерал пригласил их в свой вагон, где состоялась беседа, в которой участвовали городской голова Томска, представители земства (Н.В. Ульянов), Биржевого комитета (К.Р. Эман, И.Ф. Скулимовский, А.В. Горохов) и др.¹ Суть этой беседы в кратком изложении Русского телеграфного агентства (РТА) заключалась в следующем: «Пепеляев заявил, что постигшие нас на фронте неудачи носят временный характер. Сейчас имеется возможность достаточными силами остановить дальнейшее наступление, однако силы эти с полным успехом могут быть использованы только при условии общественного единения, уничтожения общественной ослабленности и общей солидарности в работе»².

Штаб А.Н. Пепеляева расположился, как и в 1918 г., в вагонах на ст. Томск-II. Три его тяжёлых эшелона стояли в тупике. Там же разместились типография и редакция армейской газеты «Сибирские стрелки», перебравшиеся из г. Ишима ещё до 11 ноября. Однако издание газеты возобновилось лишь 3 декабря 1919 г., вследствие дефицита в городе электроэнергии³. Перебои в электро- и водоснабжении в Томске начались из-за нехватки каменного угля. С конца ноября электроэнергия со станции подавалась только с 8 до 12 часов вечера, после чего город погружался «в унылый мрак»⁴.

Накануне приезда А.Н. Пепеляева в Томске, по словам А.А. Кирилова, прибывшего сюда со своим полком, «в городе было какое-то особенное оживление, но это оживление носило болезненный, лихорадочный характер. Все словно готовились к чему-то жуткому, что должно неминуемо придти». После получения известия о падении Омска и отступлении белой армии «в городе началась паника». С прибытием А.Н. Пепеляева «сгустившаяся, грозная атмосфера немного прояснилась»⁵. Генерал «по-прежнему не терял веры, и его бодрый голос был далеко слышен из штабного вагона на Томске-II, где он проводил дни и ночи за работой»⁶. Газетное объявление гла-

¹ *Сибирская жизнь*. 1919. 23 нояб.; *Вестник* Томской губернии. 1919. 26 нояб.

² *Русский голос*. 1919. 25 нояб.

³ *Наша газета*. 1919. 11, 23 нояб.; *Русский голос*. 1919. 2 дек.; *Сибирские стрелки*. 1919. 3 дек.;

⁴ *Русский голос*. 1919. 30 нояб.

⁵ *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.) // *Русское обозрение*. Пекин. 1920. Декабрь. С. 245.

⁶ Там же. С. 247.

сило: А.Н. Пепеляев «принимает посетителей ежедневно с 12 до 1 часу дня» в эшелоне штаба армии¹.

К началу декабря 1919 г. практически все части 1-й Сибирской армии добрались до назначенных им мест дислокации. Кроме Томска, это были названные ранее Новониколаевск, Барнаул, Красноярск. В источниках и литературе фигурируют также Ачинск (1-я Сибирская штурмовая бригада), Канск (1-я Сибирская егерская бригада), Тайга, Мариинск, Кузнецк, Болотное, Боготол. Едва ли не самым последним прибыл в Томск 2-й добровольческий Тобольский полк².

К тому времени Томск покинули дислоцировавшиеся в городе чехословацкие части. В результате освободились занимаемые ими помещения, которые передавались для размещения русских войск и под госпитали. В частности, в здании 1-й мужской гимназии, где находился чешский госпиталь, был развернут госпиталь на 400 коек для раненых и больных воинов белой армии³.

Ещё на пути в Томск, на ст. Новониколаевск А.Н. Пепеляев 18 ноября 1919 г. издал два приказа, направленных на восстановление 1-й Сибирской армии. Первый из них начинался словами: «К вам, боевые соратники, братья офицеры и стрелки доблестных частей армии, обращаюсь я с горячим призывом во имя Родины, во имя счастья и свободы помочь мне в воссоздании мощной грозной армии, которая бы раз навсегда положила предел успехам красных наших врагов...». Во втором приказе генерал ставил задачу офицерам «создать вновь могучую грозную Сибирскую армию, создать железные полки». Одновременно он обратился с патриотическими призывами к гражданам становиться «под бело-зелёные знамёна Сибирской армии», так как «пламя гражданской войны разгорелось в коренных пределах Сибири»⁴.

До конца ещё, вероятно, не осознав весь трагизм положения белых, генерал в те дни оптимистично заявлял, что «при наличии 30 тыс. добровольцев... в два месяца большевики будут отброшены за Урал»⁵. Однако нужно было ещё найти этих добровольцев, организовать и обучить их ратному делу.

Страницы газет запестрели соответствующими объявлениями, были открыты круглосуточные пункты записи добровольцев. В ча-

¹ *Наша газета*. 1919. 27 нояб.

² *Архив УФСБ по Новосибирской области*. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 16; *Наша газета*. 1919. 2 дек.; *Ситников М.* 1-я Сибирская стрелковая дивизия... С. 176.

³ *Русский голос*. 1919. 26 нояб.

⁴ РГВА. Ф. 40025. Оп. 1. Д. 10. Л. 101, 104; *Сибирская жизнь*. 1919. 23, 25 нояб.; *Наша газета*. 1919. 25 нояб.; *Русский голос*. 1919. 25 нояб.; *Вестник Томской губернии*. 1919. 26 нояб., 3 дек.

⁵ *Русский голос*. 1919. 25 нояб.

стности, во 2-ю Сибирскую стрелковую дивизию запись велась непосредственно в её штабе, который размещался в главном корпусе Томского технологического института, а также в штабах 5-го Томского и 7-го Кузнецкого полков (в корпусе химической лаборатории института) и 2-го артиллерийского полка (в гимназии Минович по Дворянской ул., № 25)¹. Запись во 2-й добровольческий полк объявил 25 ноября через газету его командир штабс-капитан Кирилов².

Добровольцев пытались рекрутировать не только из местного населения, но также из многочисленных беженцев. В ноябре 1919 г. в одном лишь Томске количество зарегистрированных беженцев составило 20 491 чел., а вместе с незарегистрированными – около 40 тыс.³ В городе насчитывалось около 70 беженских общежитий. Начальник вербовочного пункта в Томске А.И. Гаврилович сформировал к декабрю 1919 г. из числа оказавшихся в Сибири ижевских и воткинских беженцев Прикамский батальон Воткинской дивизии.

Назначив 29 ноября 1919 г. начальником гарнизона г. Томска командира 2-го Сибирского Егерского корпуса ген.-м. Е.К. Вишневого, А.Н. Пепеляев приказал ему «немедленно прекратить всякую эвакуацию и выезд мужчин, способных носить оружие». Одновременно «решительными мерами» и «в наикратчайший срок» приказывалось поднять санитарное состояние в городе и в воинских частях, поскольку в этот период по всей Сибири распространилась эпидемия тифа⁴.

Ещё накануне передислокации 1-й Сибирской армии в тыловые районы А.Н. Пепеляев обратился к Томскому биржевому комитету с просьбой о содействии в формировании конных полков. В ответ комиссия Биржевого комитета 13 ноября постановила оказать всемерную поддержку 1-й Сибирской армии, «сосредоточить на ней всё своё внимание» и ассигновать 600 тыс. руб. командиру конногренадерского полка ротмистру Цевловскому на приобретение лошадей. Кроме того, комиссия приняла решение передать 2-му артиллерийскому полку 400 пар пимов, 400 меховых шапок, 400 пар рукавиц и 400 пар варежек на общую сумму 352 400 руб. «Сердечно благодарю граждан, объединённых Биржевым комитетом г. Томска, за отзывчивость к нуждам Сибирской армии, – написал в ответ генерал А.Н. Пепеляев. – Убеждён, что в полном и действительном еди-

¹ *Русский голос*. 1919. 29 нояб.

² *Сибирская жизнь*. 1919. 25 нояб.

³ *Русский голос*. 1919. 28 нояб.

⁴ Там же. 2 дек.; *Вестник* Томской губернии. 1919. 3 дек.

нении с населением армия, быстро окрепнув материально, вновь станет на защиту законности и права Родины»¹.

С приездом в Томск А.Н. Пепеляеву были подчинены все войска бывшего Омского военного округа². Во исполнение приказа главнокомандующего Восточным фронтом генерала К.В. Сахарова от 24 ноября 1919 г. о широком использовании добровольческого движения населения Сибири для организации самообороны и дружин народного ополчения для пополнения рядов армии А.Н. Пепеляев спустя неделю издал свой приказ по району 1-й Сибирской армии. Объявив, что «отныне охрана жизни, чести и имущества граждан Средней Сибири принадлежит самим гражданам», генерал предлагал «в кратчайший срок во всех городах, сёлах и деревнях района Бийск – Барнаул – Новониколаевск (исключительно) – Томск – Мариинск – Ачинск – Красноярск (исключительно) организовать местный комитет самообороны и народного ополчения в составе председателя и 5 членов». Выборы в эти органы предписывалось провести распоряжениями городских самоуправлений – в городах и земствами – в сёлах и деревнях. На создание таких комитетов отводилось 5 дней³. В г. Томске уже на другой день состоялось заседание городской думы, рассмотревшее вопрос о создании Комитета самообороны⁴.

По замыслу военного командования «Комитеты самообороны и народного ополчения» должны были формировать для армии «Дружины народного ополчения». А.Н. Пепеляев планировал фактически тотальную мобилизацию мужчин, способных носить оружие. «Все за винтовку! Все в строй! Пусть каждая деревня, каждое село будет укрепленным пунктом, пусть вся Средняя Сибирь будет укрепленным районом», – призывал он в своём приказе⁵.

Пепеляевским штабом был разработан план обороны Томска. Генерал, по свидетельству А.А. Кирилова, «родной город надеялся удержать или погибнуть». Он «ездил по частям гарнизона», «волновался, строил тысячи предположений, всё время справлялся о настроении солдат, и ему докладывали, что настроение солдат твёрдое и боевое»⁶.

Действительность, однако, была совершенно иной. Жители Томска вяло реагировали на призывы братья за оружие, отнюдь не горели желанием вставать на защиту обречённой власти.

¹ *Русский голос*. 1919. 27 нояб.

² *Вестник Томской губернии*. 1919. 8 дек.

³ *Сибирские стрелки*. 1919. 4 дек.

⁴ *Русский голос*. 1919. 4 дек.

⁵ *Вестник Томской губернии*. 1919. 8 дек.

⁶ *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.)... С. 247.

ЗАГОВОР И МЯТЕЖ

Выраженные А.Н. Пепеляевым в первые же часы своего пребывания в Томске пожелания о необходимости «общественного единения» и «общей солидарности в работе» для продолжения борьбы с большевизмом были не пустым звуком. Властные структуры Белого движения под влиянием поражений, в условиях стремительного отступления своих войск лихорадочно искали выход из трудного положения, предпринимали отчаянные попытки с целью если не расширения, то хотя бы сохранения имевшейся социальной базы, склонялись к заключению прежде неприемлемых для них политических компромиссов.

Надвигавшаяся катастрофа вынуждала и военных, в том числе генерала А.Н. Пепеляева, всё в большей степени втягиваться в политику. Уже на другой день после прибытия в Томск он связался со своим братом Виктором, находившимся к тому времени в Иркутске. Буквально в этот же день Верховный правитель предложил его брату сформировать и возглавить правительство вместо П.В. Вологодского. В.Н. Пепеляев принял это предложение. В конце ноября 1919 г. он ещё надеялся спасти положение. В первую очередь для реализации его планов нужна была поддержка военных. Поэтому вполне предсказуемо новый премьер-министр обратился к своему брату-командарму. Разговор по прямому проводу, состоявшийся между братьями 22 ноября, был, таким образом, одинаково важным для них обоих.

«Необходимо, – излагал Виктор Пепеляев свою программу, – проникновение в народ, примирение с оппозицией и объединение всех здоровых сил страны, отказ от системы исключительно военного управления страной, вступление на путь действительной законности и борьбы с произволом, всемерная поддержка добровольческого движения, расширение прав Государственного земского совещания с возможностью отказа от членов по назначению, сближение с чехами, сокращение ведомств»¹.

¹ *Последние дни колчаковщины...* С. 137.

Затем ещё дважды, 24 и 26 ноября, между Пепеляевыми происходили конфиденциальные переговоры по прямому проводу. Поскольку у Анатолия не оказалось министерского шифра, братьям приходилось быть крайне осторожными, прибегать к намёкам, понятным только им одним. Генерал просил брата как можно скорее приехать в Томск и «о многом переговорить», ибо «настроение у всех таково, что не нужно терять ни минуты времени и спасти положение». Виктор заверил Анатолия, что будет с ним советоваться по каждому важному вопросу¹. Как показали дальнейшие события, во время этих переговоров братья вырабатывали план ближайших совместных действий. Одновременно оба они – один в Иркутске, другой в Томске – попытались наладить связи с широкими кругами общественности с целью либерализации политического режима.

Виктор Пепеляев в конце ноября встречался с представителями иркутских эсеров, социал-демократов, народных социалистов, городской думы, кооперации, профсоюзов, земскими деятелями и обращался к ним с предложениями делового сотрудничества вплоть до вхождения в новый кабинет министров представителей революционной демократии². Встречи проходили неофициально на квартире управляющего Иркутской губернией П.Д. Яковлева. Однако успеха они не имели, поскольку для В.Н. Пепеляева были неприемлемы лозунги эсеров «долой гражданскую войну», «мир с большевиками», а оппозицию не устраивала ни его программа, ни его присутствие в будущем составе правительства.

В свою очередь, генерал Пепеляев вместе со своим начальником штаба полковником А.С. Кононовым также обращался к томским политическим и общественным организациям, эсерам, меньшевикам, кооператорам, земским деятелям с предложением создать общественный блок с целью спасти Сибирь от большевистского нашествия. Оказавшийся в середине декабря 1919 г. в Томске журналист Вс.Н. Иванов впоследствии отмечал, что город тогда «был до отказа насыщен слухами о мире... Разговоры шли и более определённые. Говорили о том, что начальник штаба полковник Кононов ведёт переговоры по этому поводу с левыми центральными социалистическими кругами, вставшими на точку зрения примирения с советской властью, однако с требованиями известных демократических гарантий».

¹ *Последние дни колчаковщины...* С. 138–140.

² *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 323.

Эти переговоры и встречи велись в квартире «богатого присяжного поверенного и мецената В.П. Зеленского, состоявшего на военной службе и устроившегося в редакции газеты «Русский голос»... В качестве же одного из главных деятелей этого объединения называли А.И. Гавриловича, беженца-пермяка». В переговорах и совещаниях у В.П. Зеленского принимал участие также командир 25-го Екатеринбургского (затем 13-го добровольческого) полка, уполномоченный добровольческих формирований Томского района молодой полковник Б.А. Герасимов¹. Однако, по словам участника антиколчаковского подполья в Томске Е. Лосевича, эсеры сразу же отказались от сотрудничества с А.Н. Пепеляевым. Большевики сначала будто бы согласились и стали договариваться с генералом, но затем под влиянием эсеров и они бросили эту затею². Правда, благодаря этим контактам с А.Н. Пепеляевым удалось с помощью меньшевиков спасти от расстрела нескольких участников антиколчаковского подполья³.

Другой активист-подпольщик, Я.Р. Елькович, впоследствии утверждал, что А.Н. Пепеляев через одного из членов томской земской управы якобы предлагал встретиться даже с руководителями местной нелегальной организации РКП(б) с намерением обсудить сделку: в обмен на арест Колчака и передачу его вместе с золотым запасом в руки большевиков получить гарантии автономного самоуправления Сибири. Разумеется, такого рода гарантии могли дать только центральные органы коммунистической партии, поэтому томские большевики могли выступить разве что в роли передаточной шестерёнки. Однако и на этот шаг они не пошли, отказавшись от встречи с генералом⁴. Впрочем, утверждение Я.Р. Ельковича могло быть попросту отражением слухов, которые в те дни переполняли город.

Выполняя просьбу брата-генерала, Виктор Пепеляев выехал в Томск. Анатолий поспешил ему навстречу на ст. Тайга. Здесь с братьями Пепеляевыми встречался командующий войсками Енисейской губернии ген.-м. Б.М. Зиневич, выступавший за созыв Земского

¹ *Иванов В.* В гражданской войне (из дневника омского журналиста). Харбин, 1921. С. 65, 67. Борис Апполинариевич Герасимов (1896–1970) был братом известного впоследствии советского кинорежиссёра Сергея Апполинариевича Герасимова.

² *Лосевич Е.* Восстановление советской власти в Томске // Знамя революции. 1920. 7 нояб.

³ *Знамя революции* (Томск). 1921. 29 апр.

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. Л. 39 – 40.

собора¹. Возможно, этот вопрос и был в центре внимания участников встречи.

Что представлял собой Земский собор в Сибири в понимании его сторонников? В проекте основного положения о нём, в частности, отмечалось:

«1. Земский собор является законодательным органом, действующим впредь до созыва Всесибирского Учредительного собрания. На Земский собор возлагается выработка положения, назначение срока и созыв Всесибирского Учредительного собрания, а равно текущая законодательная работа...

2. Земский собор составляется из представителей земств, аймаков, городских самоуправлений и казачьих кругов...

9. Земский собор избирает лицо, которому поручает составление Временного правительства.

10. Временное правительство в полном своём составе ответственно перед Земским собором...».

Примерное число представителей в Земском соборе определялось в 176–200 членов. Кроме того, в него должны были войти также от 25 до 40 членов Учредительного собрания, избранных на территории Сибири².

Таким образом, по справедливому утверждению В.Ж. Цветкова, Сибирскому Земскому собору предопределялся не совещательный и даже не законодательный характер, а учредительно-санкционирующий, во многом аналогичный бывшей Сибирской областной думе³. Именно таким представлял этот властный орган бывший председатель Сибирской областной думы эсер И.А. Якушев, который ещё 5 сентября 1919 г., будучи во Владивостоке, обратился со специальной «Грамотой к стране». Объявив себя «первым избранником Сибири», автор Грамоты призывал население края «к безотлагательному избранию представителей для образования Сибирского Земского собора», которое должно было, прежде всего, создать Временное правительство, ответственное перед Собором, и принять меры к созыву Всесибирского Учредительного собрания. Диктатура адмирала Кол-

¹ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1. Открытое письмо Верховному правителю адмиралу Колчаку командующего войсками Енисейской губернии ген.-м. Зиневича от 28 дек. 1919 г.

² ГАРФ. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 12. Л. 1. Проект основного положения о Земском соборе в Сибири.

³ Цветков В. Проекты реформирования Российского правительства в конце 1919 года. «Административная революция» В.Н. Пепеляева: подготовка и результаты // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 11.

чака в этом документе была названа преступной, безответственной, политика правительства – «дезорганизационной», а их результатом – развал тыла и армии, сползание страны к неминуемой гибели. Явно имея в виду Р. Гайду и А.Н. Пепеляева, хотя и не называя их имён, И.А. Якушев писал, что «армия в лице своих лучших и популярнейших генералов неоднократно указывала адмиралу Колчаку на необходимость коренных реформ в тылу для обеспечения фронта»¹.

Тогда же, в сентябре 1919 г., нелегальное Центральное бюро военных организаций обратилось с прокламациями «К гражданам», к «Братьям солдатам и офицерам», к «Братьям-юнкерам», в которых содержались призывы к ликвидации диктатуры А.В. Колчака. В частности, в листовке «К гражданам» разъяснялась необходимость созыва Земского собора и Сибирского Учредительного собрания². Комитет содействия созыву Земского собора 10 октября 1919 г. информировал своих сторонников: «...Вся наша работа, главным образом, сосредоточилась на создании аппарата переворота». «Мы мыслим себе переворот во времени очень близком, по возможности одновременно в крупных центрах Сибири – Омске, Иркутске, Томске, Владивостоке»³.

Таким образом, политический замах братьев Пепеляевых по своему содержанию во многом совпадал с эсеровским. По сути, он представлял собой заговор двух представителей высшей политической и военной власти. При этом он был настолько же радикальным, насколько и утопическим, так как в условиях кровопролитной гражданской войны в России не было тогда места сколько-нибудь эффективным и самостоятельным демократическим властным структурам.

Тем временем на станцию Тайга, где уже находились братья Пепеляевы, утром 8 декабря прибыл выехавший в ночь на 5 декабря 1919 г. из Новониколаевска А.В. Колчак. Следом за ним в тот же день здесь оказался и генерал К.В. Сахаров со своим штабом. Он встретил в Тайге следующую картину: «У семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута Егерская бригада этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева и одна батарея. В вагоне адмирала находились целый день оба брата Пепеляевы»⁴.

Действительно, в тот же день братья встретились с Верховным правителем и попытались добиться его согласия на немедленный со-

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 105. Л. 5–6.

² *Вольная Сибирь*. Т. VI–VII. Прага, 1929. С. 95–97.

³ Там же. С. 91–92.

⁴ *Сахаров К. Ледяной Сибирский поход // Великий Сибирский ледяной поход*. М., 2004. С. 16.

зыв Сибирского Земского собора. «Адмирал протестовал. Пепеляевы почти вымогали решение», – писал впоследствии об этом эпизоде Г.К. Гинс¹.

По словам К.В. Сахарова, когда он пришёл к Верховному правителю с докладом о подготовленных распоряжениях по выполнению принятого плана, то нашёл А.В. Колчака «крайне подавленным». «Пепеляевы сидели за столом по сторонам адмирала... Лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз, – сразу почувствовалось, что перед моим приходом велись какие-то неприятные разговоры». К.В. Сахаров попросил у адмирала разрешения сделать доклад без посторонних. В отсутствие Пепеляевых он доложил о принятых мерах. А В. Колчак подписал заготовленные приказы и телеграммы, за исключением приказа о реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус. Адмирал посчитал такую реорганизацию несвоевременной.

В свою очередь, К.В. Сахаров отказывался идти на компромисс по отношению к генералу А.Н. Пепеляеву. Тогда А.В. Колчак, прежде чем подписать ставший камнем преткновения приказ, решил ещё раз обсудить его с Пепеляевыми. Приглашённые адъютантом брата – «две массивные фигуры вошли, тяжело ступая, в салон-вагон. Приказ о переформировании 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус, – вспоминал К.В. Сахаров, – произвёл ошеломляющее впечатление. Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затем генерал оправился и заговорил повышенным, срывающимся в тонкий крик голосом:

– Это невозможно, моя армия этого не допустит...

– Позвольте, – перебил я, – какая же это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа...

– Думайте, что говорите, генерал Пепеляев, – обратился к нему резким тоном, перебив меня, адмирал. – Я призвал Вас, чтобы объявить этот приказ и заранее устранить всё недоговоренное, – главнокомандующий считает, что эта перемена вызывается жизненными требованиями, необходима для успеха плана, и без этого не может нести ответственности. Я нахожу, что он прав»².

За брата-генерала вступился премьер-министр. К.В. Сахаров ответил, что не может позволить, чтобы кто-либо вмешивался в дела армии, кроме Верховного правителя. Тогда В.Н. Пепеляев заявил, чтобы его освободили от обязанностей премьер-министра. А.В. Колчак

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... М., 2008. С. 533–534.

² Сахаров К. Ледяной Сибирский поход... С. 16–18.

«вспыхнул», но сдержался и отпустил всех, сказав, что должен подумать и принять решение.

Сначала Верховный правитель предложил генералу М.К. Дитерихсу вновь занять должность главнокомандующего, однако последний поставил неприемлемые условия. Тогда, прекратив с ним дальнейшие переговоры, адмирал обратился к ген.-л. В.О. Каппелю, вызвав его из Новониколаевска. Однако вследствие перегруженности железной дороги отступавшими войсками В.О. Каппель не смог вовремя прибыть в Тайгу. Не дождавшись его, эшелоны Верховного правителя в ночь на 9-е декабря отбыли из Тайги на следующую станцию Судженка. Для их сопровождения А.Н. Пепеляев предоставил даже свой бронепоезд¹.

На другой день, 9 декабря, события на станции Тайга приняли ещё более крутой оборот. Поезд К.В. Сахарова был окружён егерями 1-й Сибирской армии с пулемётами, на позицию выкатили батарею. В вагон К.В. Сахарова вошли три ближайших к А.Н. Пепеляву, офицера и один из них, полковник И.П. Жданов, объявил К.В. Сахарову о его аресте. В ответ К.В. Сахаров заявил, что он сам пойдёт разговаривать с премьер-министром.

Далее снова предоставим слово К.В. Сахарову (с учётом того, что в своих воспоминаниях он пытался испытанное в Тайге унижение компенсировать язвительными характеристиками Пепеляевых): «Оба брата Пепеляевы сидели мрачно в грязном салон-вагоне командующего 1-й Сибирской армией. На столе, без скатерти, валялись окурки, был разлит чай, рассыпаны обгрызки хлеба и ветчины. Генерал сидел развалиясь, без пояса, в рубахе с расстёгнутым воротом и также с взлохмаченной шевелюрой. И грязь, и небрежность в одежде и позе – всё было декорацией для большей демократичности.

Объяснение носило полукомический характер. Министр заявил мне, что для блага дела он решил меня арестовать, чтобы отделить от Верховного правителя, “за то, что Вы имеете на него большое влияние”, – докончил он. Брат его, командующий армией, откровенно признался, что я виноват в оскорблении 1-й Сибирской армии, которую считал хуже других.

– А кроме того, Ваше Превосходительство, Вы хороший и храбрый генерал, это все признают, но Вы стоите за старый режим и... очень строгий. Нам такого не надо...»².

¹ *Вырыпаев В.* Каппелевцы // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 168.

² *Сахаров К.* Ледяной Сибирский поход... С. 20–21.

В результате К.В. Сахаров оказался в положении арестованного, «под самым строгим наблюдением»¹.

Тем временем прибывший в Тайгу генерал В.О. Каппель, не оставив А.В. Колчака, направился к поезду К.В. Сахарова. Сопровождавший В.О. Каппеля полковник В.О. Вырыпаев вспоминал: «Эшелон главнокомандующего генерала Сахарова, к нашему изумлению, был оцеплен войсками 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева, и вход в вагоны (а также и выход из них) был запрещён по приказу Пепеляева. Отыскивали салон-вагон, занятый генералом Пепеляевым. Каппель вошёл туда один. Там он встретил министра Пепеляева». Заявив, что генерала К.В. Сахарова можно арестовать только по приказу Верховного правителя, В.О. Каппель затем пошёл на станцию, где написал приказ генералу Войцеховскому и начальнику кавалерийской бригады 3-й армии, на случай ареста его самого генералом Пепеляевым. После этого В.О. Каппель вернулся в свой вагон, куда, по словам всё того же В.О. Вырыпаева, через несколько минут вошёл генерал Пепеляев, который «радостно приветствовал Каппеля и чуть ли не со слезами на глазах повторял ему: «Владимир Оскарович, только на вас одного теперь вся надежда»².

После выяснения обстановки в Тайге В.О. Каппель выехал на станцию Судженка, где находился А.В. Колчак. Беседа с адмиралом в его вагоне продолжалась в течение трёх часов. Здесь А.В. Колчак подписал приказ о назначении В.О. Каппеля главнокомандующим, а также, по словам В.О. Вырыпаева, подписал приказ об аресте К.В. Сахарова и о назначении комиссии для производства дознания о его деятельности. При этом якобы «когда Каппель доложил об аресте Пепеляевым генерала Сахарова, Верховный правитель был очень удивлён». А.В. Колчак теперь уже В.О. Каппелю отдал приказ доставить генерала Сахарова в Иркутск, где военная комиссия во главе с генералом Бутурлиным должна была вести следствие по делу генерала Сахарова на посту главнокомандующего. Однако, несмотря на привезённый В.О. Каппелем, возвратившимся на станцию Тайга, приказ об аресте К.В. Сахарова, Пепеляевы, по свидетельству В.О. Вырыпаева, всё же решили увезти вагон с К.В. Сахаровым в Томск. «Большого труда стоило Каппелю доказать Пепеляевым, что они не имеют права это сделать»³.

¹ Сахаров К. Ледяной Сибирский поход... С. 21.

² Вырыпаев В. Каппелевцы... С. 165–166.

³ Там же... С. 166, 168–169.

Между тем все дни, пока горели страсти и велись переговоры во круг должности главнокомандующего, армия фактически находилась без управления. Генерал Д.В. Филатьев впоследствии справедливо заметил: «Как бы ни относиться к генералу Сахарову, но отмеченный арест его Пепеляевыми... был явлением отрицательным, свидетельствовавшим о развале армии даже на её верхах и о полном падении авторитета адмирала...»¹.

Однако братья Пепеляевы, добившись смещения К.В. Сахарова с должности главнокомандующего войсками Восточного фронта, не ограничились его арестом. В тот же день, 9 декабря 1919 г., они направили А.В. Колчаку на ст. Судженка телеграмму с требованием немедленно издать акт о созыве Сибирского Земского собора, «в лице которого сам народ возьмёт в свои руки устройство Сибири и изберёт сибирское правительство». Далее братья фактически предъявили Верховному правителю ультиматум: «Мы ждём согласия до 24 часов девятого декабря. Мы честно, открыто и долго убеждали Вас в необходимости этой меры и получили от Вас принципиальное согласие. Время не ждёт, и мы говорим Вам теперь, что во имя Родины мы решимся на всё. Нас рассудит Бог и народ»². К телеграмме был приложен проект указа Верховного правителя, предписывавший председателю Совета министров, т.е. В.Н. Пепеляеву, «незамедлительно внести в Совет министров проект закона о Сибирском соборе с тем, чтобы такой был созван в самый кратчайший срок»³. Однако А.В. Колчак не подписал требуемый документ.

Не достигнув желаемых результатов, Пепеляевы 11 декабря 1919 г. вернулись в Томск⁴. Премьер-министр намеревался пробыть здесь 1–2 дня. Похоже, первая же ночь в Томске выдалась для них бессонной. Братья не могли не осознавать меру ответственности за предпринятое ими сотрясение устоев колчаковского режима. Можно предположить, что именно этим объясняется отправленная ранним утром следующего дня (черновик датирован 4 часами утра) А.В. Колчаку из Томска телеграмма, в которой В.Н. Пепеляев соглашался (наверняка с одобрения брата-генерала) на то, чтобы Верховный правитель признал Земский собор «хотя бы принципиально»⁵. Таким образом, главной зада-

¹ Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири... С. 453.

² Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 146.

³ Там же. С. 146.

⁴ Сибирская жизнь. 1919. 12 дек.

⁵ Последние дни колчаковщины... С. 149.

чи заговорщикам решить не удалось. Правда, смещение генерала К.В. Сахарова стало для них всё же приятным бонусом.

В то время, как в высших эшелонах белой власти кипели нешуточные политические страсти, кризис режима захватил и нижние его этажи. В борьбе с колчаковщиной на короткое время совпали интересы сибирских умеренно-социалистических кругов (правые эсеры, эсеры-центристы, меньшевики, земские деятели) и леворадикалов в лице большевиков, левых эсеров, анархистов. Внести свою лепту пытались различные «представители общественности».

В Новониколаевске, по свидетельству Вс.Н. Иванова, возникло Особое совещание общественных организаций во главе с поручиком П.П. Васильевым и писателем-старообрядцем Ф.Е. Мельниковым, которое пыталось остановить окончательный развал фронта. Во время пребывания в Новониколаевске А.В. Колчака члены этой группы представили адмиралу свой проект управления Сибирью. Он предусматривал формирование двух округов – Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского во главе с генералами В.В. Голицыным и М.К. Дитерихсом. Командование общими вооруженными силами предполагалось возложить на генерала А.Н. Пепеляева. Однако, по словам Вс.Н. Иванова, «Верховный обошёлся с делегацией очень сурово..., за неё взялись разные контрразведки». В результате «вся эта группа рассыпалась, исчезла»¹.

Но зато никуда не исчезли набиравшие силу и решимость эсеровские организации, действовавшие нелегально. Они давно уже вели в гарнизонах и воинских частях белой армии работу по созданию ячеек «Сибирского военно-социалистического союза защиты народовластия», образованного ещё в начале августа 1919 г. военным отделом Сибирского краевого комитета ПСР. Причём наиболее успешно их подпольная работа велась как раз в частях 1-й Сибирской армии.

От имени Исполнительного комитета этого Союза распространялась листовка «Ко всем солдатам». В ней содержался призыв к «беспощадной борьбе со всеми насильниками и угнетателями трудящихся». Разъяснялась цель Союза – «спаять разрозненные солдатские силы под знаменем народовластия» и методы достижения цели – «лишь широким, организованным, вооружённым выступлением будет сметена с лица земли кучка авантюристов». Содержался призыв не бросать винтовок, организовывать «во всех ротах, полках, эскадронах и батареях ячейки военно-социалистического союза, всемерно помо-

¹ Иванов Вс.Н. В гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин. 1921. С. 55–56; Он же. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 40–41.

гать ему в трудном и опасном деле». Заканчивалась листовка лозунгами: «Товарищи, все на борьбу за народовластие! Долой Колчака! Долой бесправие народа! Да здравствует Учредительное собрание!»¹.

Начальник Иркутского контрразведывательного отдела штабс-капитан Черепанов в телеграмме от 28 октября 1919 г. сообщал своему шефу полковнику Злобину в Омск, что, по его сведениям, «на 15–19 ноября предполагается выступление эсеров [в] общесибирском масштабе»². И действительно, восстание, приуроченное к годовщине прихода к власти А.В. Колчака, было предпринято. Однако оно ограничилось лишь пределами Владивостока, где поднятый Р. Гайдой, а также И.А. Якушевым, А.А. Краковецким и другими эсеровскими деятелями вооружённый мятеж был быстро подавлен.

Несмотря на неудачу, подготовка вооружённого выступления продолжалась. Руководители «Военно-социалистического союза» планировали поднять восстания одновременно в четырёх крупных сибирских городах – Томске, Новониколаевске, Красноярске и Иркутске. Причём в первых трёх дислоцировались как раз части 1-й Сибирской армии. Здесь семена антиколчаковской агитации легли на благоприятную почву. В донесении контрразведки от 30 ноября 1919 г. отмечалось, что «внешняя дисциплина солдат Новониколаевского гарнизона, в частности, военного городка, начинает понижаться. Внутренняя дисциплина совершенно отсутствует... Настроение офицеров местного гарнизона весьма подавленное, в особенности у тех, которые приехали с фронта... Надежды на улучшение на фронте никакой. У всех один вопрос: как эвакуировать семьи, куда?... Жажда мира растёт. У всех одно желание – как бы скорее закончить эту войну»³.

Как показали дальнейшие события, к организации восстаний оказались причастны и офицеры. Генерал А.Н. Пепеляев вряд ли знал о разветвлённой подпольной работе и о подготовке восстаний. Однако его симпатии к сибирским областникам, враждебные отношения с главнокомандующим К.В. Сахаровым, его позиция по вопросу о Земском соборе не могли не способствовать формированию той атмосферы в армейских частях, в условиях которой безнаказанно шла подготовка мятежа. Следует признать правоту Г.К. Гинса, заметившего в своих воспоминаниях, что штаб А.Н. Пепеляева, приютивший

¹ *Последние дни колчаковщины...* С. 82–84.

² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 25.

³ *Последние дни колчаковщины...* С. 65.

представителей демократии, обратился в источник разложения собственной воинской силы¹.

Начало серии мятежей в колчаковских войсках было положено в Новониколаевске, где дислоцировались штаб и два полка 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Командование дивизией приказом А.Н. Пепеляева было временно возложено на командира 2-го Барабинского полка двадцатишестилетнего полковника А.В. Ивакина, который и возглавил мятеж.

Подготовка к нему, проводимая А.В. Ивакиным, не осталась незамеченной военным руководством белых. Главнокомандующий фронтом генерал К.В. Сахаров, будучи в Новониколаевске, потребовал 4 ноября явиться к нему с докладом начальника гарнизона, обязанности которого исполнял в те дни А.В. Ивакин. Последний во время доклада якобы говорил К.В. Сахарову, что «падение Новониколаевска неминуемо, а с потерей этого города у колчаковской армии не будет снабжающей базы, и разгром её в силу этого произойдёт неизбежно. Капитуляция же до прихода Красной армии послужит смягчающим вину обстоятельством». К.В. Сахаров в ответ, будто бы, доказывал Ивакину, что того «ввели в заблуждение относительно мощи Красной армии и материальных ресурсов армии Колчака»². Впоследствии в своих воспоминаниях К.В. Сахаров характеризовал А.В. Ивакина как «очень храброго, но совершенно сбитого с толку и втянутого в политику полковника».

На другой день Верховный правитель, также находившийся тогда в Новониколаевске, по словам К.В. Сахарова, после его оперативного доклада, сказал недовольным голосом, что «через приближенных людей до него дошли слухи, будто полковник Ивакин собирается в одну из ближайших ночей арестовать» и А.В. Колчака, и К.В. Сахарова. На этот раз уже сам адмирал, потребовав вызвать к себе А.В. Ивакина, «около часа говорил с ним и лично выяснил вздорность всей этой истории»³. Однако дальнейшие события показали, что доходившие до высшего армейского командования слухи и подозрения о готовящемся мятеже имели под собой серьёзные основания.

О подготовительной работе к антиправительственному выступлению вспоминал впоследствии также А.И. Камбалин, командир 3-го Барнаульского полка, входившего в состав 1-й Сибирской стрелковой

¹ Гинс Г.К. Указ соч. Т. 2. С. 261.

² Сергей С. Последние дни колчаковщины в Новониколаевске // Дело революции. 1920. 15 дек.

³ Сахаров К. Ледяной Сибирский поход ... С. 12.

дивизии. Будучи вместе с полком в Барнауле, он по своей должности поддерживал связь с полковником А.В. Ивакиным, обменивался с ним «депешами служебного характера». Нередко А.В. Ивакин информировал А.И. Камбалина об общей обстановке на фронте и в тылу, а также о политических событиях. «Некоторые его депеши, – отмечал А.И. Камбалин, – были для меня загадочны, особенно по вопросам политики... Говорил он, между прочим, что намечается новый состав правительства при участии земцев и других общественных кругов, что с ними ведутся переговоры. С его слов у меня создавалось впечатление, что всё это делается лицами, причастными к правительственным кругам, и с согласия высшего командования и что сам командарм 1-й Сибирской генерал Пепеляев принимает во всём этом близкое участие»¹.

Однажды А.И. Камбалина посетил председатель Барнаульской уездной земской управы Каллистратов. «Принятый один на один, – вспоминал А.И. Камбалин, – он повёл такие речи: Омское правительство де оказалось несостоятельным вывести страну из создавшегося тяжёлого положения, власть скоро перейдёт в руки представителей земства и общественности, война должна быть закончена миром с большевиками, которые де теперь уже не те, многому научились и сумеют восстановить порядок и хозяйство. Довольно крови – мы братья. Достаточно вашего слова – и Барнаул будет спасён от разрушения и жертв. Всем господам офицерам – прощение и сохранение занимаемых положений, Вы будете назначены командующим Барнаульским округом и пр.». Выслушав Каллистратова, А.И. Камбалин отказался от сделанного ему предложения, заявив, что принял и выслушал его «как частное лицо, а не как представитель военной власти, иначе дело это могло принять для него дурной оборот»². А.И. Камбалин, по его словам, не придавал этому посещению большого значения. И только после того, как получил в тот же день «громом поразившую» его телеграмму из штаба фронта о попытке переворота, затеянного полковником А.И. Ивакиным, ему «стали понятны и посещение земца Каллистратова, и загадочные намёки полковника Ивакина на какую-то земскую власть и общественность»³.

Новониколаевский мятеж вспыхнул в ночь на 7 декабря 1919 г., спустя двое суток после отъезда из города эшелонов А.В. Колчака

¹ Камбалин А. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском ледяном походе // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Там же.

и его штаба. Повстанцы (2-й Барабинский полк), возглавлявшиеся полковником А.В. Ивакиным, захватили тюрьму и освободили заключённых, заняли почту, вокзал, комендантское управление, предприняли попытку ареста командующего 2-й армией генерала С.Н. Войцеховского, находившегося со своим штабом на станции¹.

Программа полковника А.В. Ивакина сводилась к тому, чтобы свергнуть существующую власть, заключить с большевиками мир, но при условии: Сибирь должна остаться демократической и свободной, со своей армией под командованием генерала А.Н. Пепеляева. Однако, по свидетельству Вс.Н. Иванова, начальник пепеляевского штаба полковник Кононов направил в адрес Ивакина телеграмму, где якобы предлагал кандидатуру генерала Пепеляева поддержать в глазах общественности «на время не более двух-трёх дней», поскольку Пепеляев придерживался линии продолжения гражданской войны, тогда как эсеры требовали демократического мира². Таким образом, можно заключить, что начальник пепеляевского штаба был посвящён в заговор и что заговорщики действовали за спиной командарма, но для успеха восстания намеревались использовать его имя.

Мятеж 2-го Барабинского полка в ту же ночь был жестоко подавлен. Его участников погубила прежде всего нерешительность, обусловленная, очевидно, недостаточной подготовленностью к вооружённому выступлению. К тому же не все части Новониколаевского гарнизона поддерживали мятежников. Решающую роль в ликвидации мятежа сыграла расквартированная в городе польская дивизия и начальник её штаба полковник К. Румша. Четверо солдат-барабинцев, по данным самого А.Н. Пепеляева, погибли в бою. Другие участники мятежа, преимущественно офицеры, были арестованы и по приговору военно-полевого суда при штабе 2-й армии расстреляны. При этом количество репрессированных существенно расходится в разных источниках – от 7 (в приказе А.Н. Пепеляева) до 30 (у Вс.Н. Иванова и А.И. Камбалина)³. Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов на одном из заседаний этого высшего органа советской власти в Сибири называл цифру в 24 чел.⁴

¹ *Иванов Вс.Н.* В гражданской войне... С. 57–58; *Шиловский М.В.* Восстание Барабинского полка 6–7 декабря 1919 г. в Новониколаевске // История Белой Сибири: Материалы 5-й меж. науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 175–176.

² *Иванов Вс.Н.* В гражданской войне... С. 57.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 226; *Иванов Вс.Н.* В гражданской войне ... С. 58; *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк... С. 224–225.

⁴ *Протокол заседания Сибирского революционного комитета от 23 дек. 1919 г.* // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 38об.

А.Н. Пепеляев, получив известие о вооружённом выступлении в Новониколаевске, пытался заступиться за своего соратника, которого его брат характеризовал как «бывшего до сего [выступления] одним из лучших офицеров армии»¹. По словам К.В. Сахарова, на станции Тайга, где в те дни находился А.Н. Пепеляев, «шли почти всю ночь переговоры из-за этого инцидента. Генералом Пепеляевым была выдвинута снова угроза бунта его армии, если Ивакин не будет освобождён, причём весь этот новониколаевский случай выставлялся им как самочинное действие войск»². А.Н. Пепеляев во время этих переговоров с Верховным правителем, председателем Совета министров, главнокомандующим Восточным фронтом и командующим 2-й армией категорически настаивал на замене смертной казни всем офицерам и солдатам такими наказаниями, которые бы дали им возможность продолжить борьбу в рядах Сибирской армии³. Однако спасти А.В. Ивакина А.Н. Пепеляеву не удалось. По одной версии полковник застрелился, по другой – был расстрелян, по третьей – убит часовым при попытке к бегству⁴. В приказе А.Н. Пепеляева по 1-й Сибирской армии от 12 декабря 1919 г. гибель командира дивизии была представлена следующим образом: «Полковник Ивакин был арестован, но ночью, произведя нападение на караулившего его офицера был им убит»⁵.

В этом же приказе, целиком посвящённом новониколаевским событиям, А.Н. Пепеляев осудил поступок Ивакина, назвав его гибельным для армии, раскалывающим и распыляющим её. Вместе с тем он демонстративно, в пику высшим военным начальникам, включил в свой приказ такие слова об Ивакине: «Память о нём для меня будет всегда свята, ибо никакое преступление не наложит позора на чистую и светлую душу героя»⁶.

¹ *Последние дни колчаковщины*. М.-Л., 1926. С. 148.

² *Сахаров К.* Ледяной Сибирский поход // *Великий Сибирский ледяной поход*. М., 2004. С. 19.

³ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

⁴ *Иванов В.Н.* В гражданской войне... С. 58; *Сахаров К.* Ледяной Сибирский поход... С. 19; *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском ледяном походе // *Великий Сибирский ледяной поход*. М., 2004. С. 224–225. По свидетельству А. Камбалина, Аркадий Васильевич Ивакин до глубины души ненавидел большевиков. «Нервный, вспыльчивый, преданный Белой Идее, но политически безграмотный, как и большинство офицеров, он поддался сладким уговорам и обману бесчестных левых политиканов и пал жертвой безвременья».

⁵ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

⁶ Там же.

Командир 1-го Сибирского корпуса пепеляевской армии ген.-м. Б.П. Зиневич спустя три недели в открытом письме Верховному правителю назвал А.В. Ивакина «рыцарем без страха и упрёка, доведённым до отчаяния создавшейся обстановкой безвластия, безначалия и дикого произвола и искавшим выход из мрака реакции»¹.

Сразу же после подавления новониколаевского мятежа принявший в нём непосредственное участие 2-й Барабинский полк был расформирован. Одновременно был восстановлен 62-й Чердынский полк, который ранее был влит в состав 2-го Барабинского полка². Новый главнокомандующий фронтом генерал В.О. Каппель устроил проверку благонадёжности всех других частей 1-й Сибирской дивизии, которой временно командовал А.В. Ивакин. В частности, он потребовал от командира 3-го Барнаульского полка А.И. Камбалина представить ему объяснения по этому делу и всю переписку с полковником А.В. Ивакиным, что сразу же было выполнено. «По-видимому, – вспоминал А.И. Камбалин, – генерал Каппель удовлетворился моими объяснениями и понял, что если, быть может, с большой, впрочем, натяжкой я и был виновен в недонесении, то для обвинения меня в соучастии данных никаких не было. Дело предали забвению»³. А.И. Камбалин уже 11 декабря 1919 г. телеграммой А.Н. Пепеляева был назначен командиром 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Правда, узнал он об этом спустя три недели, в районе Красноярска, а в командование дивизией вступил только 3 января 1920 г.⁴

Под впечатлением событий в Новониколаевске премьер-министр В.Н. Пепеляев телеграфировал 10 декабря 1919 г. в Иркутск своему заместителю: «Обстановка такова: фронта почти нет, всё, что осталось, непрерывно отходит... Недоверие офицерства командному составу достигло пределов, допускающих эксцессы. [В] Новониколаевске было [на] этой почве безумное восстание кучки офицеров под лозунгом мира [с] большевиками [во] главе [с] полковником Ивакиным»⁵.

На следующий день уже адмирал А.В. Колчак в телеграмме заместителю председателя Совета министров в Иркутск сообщал о трудном стратегическом положении армий, которые подвергались

¹ *Последние дни колчаковщины...* С. 93–94; ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

² *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 2010. № 18. С. 34–35.

³ *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк... С. 224–225.

⁴ *Краснощеков А.* Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // *Сибирский исторический альманах.* Т. 1: *Гражданская война в Сибири.* Красноярск, 2010. С. 69.

⁵ *Последние дни колчаковщины...* С. 148.

с фронта давлению превосходящих сил большевиков, а в тылу разразилось восстание в Барнаульском районе, создавая серьёзную угрозу левому флангу и тылу армии. При дальнейшем отступлении такую же роль в отношении левого фланга армии могли сыграть Кузнецкий и Минусинский районы, «уже захваченные красными». Единственным резервом фронта оставались части 1-й Сибирской армии. Однако, по характеристике А.В. Колчака, 1-я Сибирская армия, «подверглась влиянию пропаганды, и многие части находятся в состоянии полного разложения. В некоторых частях определённо высказываются требования заключения мира с большевиками и обычные эсеровские лозунги. Подтверждением служит сдача сорок третьего и сорок шестого полков в полном составе повстанческим бандам¹ и подавленный в его начале бунт в некоторых частях новониколаевского гарнизона. Следует отметить, что часть офицеров также затронута этой пропагандой и даже выступает активно»².

Таким образом, военно-политический заговор братьев Пепеляевых продемонстрировал предельную глубину кризиса власти в стане восточной контрреволюции, а мятеж в Новониколаевске положил начало серии других вооружённых выступлений, окончательно обрушивших фронт белых войск.

¹ Имелся в виду мятеж, поднятый в ночь на 28 ноября 1919 г. в селе и на ст. Поспелиха солдатами 43-го и 46-го стрелковых полков, участвовавших в подавлении партизанского движения на территории Степного Алтая. Мятежники перебили часть офицеров и в полном составе (1892 чел.) со всем вооружением (в том числе 2 орудия, 28 пулемётов) и снаряжением перешли на сторону партизан (*Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.)*). Документы и материалы. Новосибирск, 1959. С. 422–424).

² *Последние дни колчаковщины...* С. 86.

ГИБЕЛЬ 1-Й СИБИРСКОЙ АРМИИ

Отмеченные А.В. Колчаком симптомы разложения 1-й Сибирской армии в полной мере проявились и в других местах её дислокации. В Томске проэсеровски настроенной группой военных ещё до новониколаевских событий было подготовлено обращение к «товарищам-офицерам». Его авторы предлагали остановить братоубийственную войну и начать переговоры с большевиками о мире. «Медлить нечего: начнём в Томске», – говорилось в листовке, и намечался ближайший план действий: после рассылки воззваний во все части гарнизона «начальники частей, предварительно сговорившись, должны собрать офицеров и взводных 6 декабря»¹. Иначе говоря, томские подпольщики, действовавшие в частях местного гарнизона, намеревались выступить одновременно с новониколаевскими. Однако по какой-то причине выступление в Томске было отложено, а полученная информация о подавлении мятежа в Новониколаевске и вовсе на время охладила пыл заговорщиков. Они заняли выжидательную позицию, развернув в то же время энергичную пропаганду среди солдат².

Спустя два дня после новониколаевских событий, 9 декабря 1919 г. томская губернская организация социалистов-революционеров выпустила листовку-воззвание, где говорилось, что партия «снова поднимает знамя восстания против предателей интересов народа». Подтверждалось основное требование эсеров – немедленный созыв всенародного Учредительного собрания, создание «однородно-социалистической государственной власти, опирающейся до созыва Учредительного собрания на земства и объединения демократии». Содержались также требования «автономии Сибири и созыва Сибирского учредительного собрания», «осуществления всех гражданских свобод и политической амнистии». Население призывалось встать под знамёна партии «для решительной борьбы с насильниками народной воли»³.

¹ *Последние дни колчаковщины*. М.; Л., 1926. С. 85.

² *Лосевич Е.* Восстановление советской власти в Томске // *Знамя революции*. 1920. 7 нояб.

³ *Путь борьбы*. Томск. 1923. № 1. С. 15.

Томская большевистская подпольная организация, крайне ослабленная провалами весны – лета 1919 г., осенью сумела более-менее укрепить свои ряды и также приступила к подготовке вооружённого восстания. Важную роль в этом сыграл бежавший из Иркутска и укrywшийся в Томске на квартире меньшевика Д.И. Розенберга как раз накануне декабрьских событий опытный большевик-подпольщик, бывший председатель Иркутского совдепа Я.Д. Янсон.

Впоследствии ряд белых генералов в поиске виновных в поражении своих войск во многом бездоказательно и несправедливо пытались свалить большую часть вины на А.Н. Пепеляева, как это, в частности, делал бывший командир 8-й Камской стрелковой дивизии генерал-майор Ф.А. Пучков, утверждавший, будто бы в Томске «подготовка к выступлению велась открыто и без всякого противодействия со стороны генерала Пепеляева, прекрасно осведомлённого о существовании и планах революционных организаций»¹. Ещё дальше пошёл генерал К.В. Сахаров, уверявший впоследствии своих читателей, что эсеры якобы не только «проникли в штаб Сибирской армии, а оттуда в её корпуса и дивизии», но что и сам А.Н. Пепеляев попался в сети и тайно состоял в эсеровской партии, одновременно приписывая ему признание, будто он, «говоря с глазу на глаз со своими начальниками, уверял их дрожащим голосом, что сам он по своим убеждениям монархист»². К.В. Сахаров, похоже, до конца своей жизни не мог простить А.Н. Пепеляеву унижения, испытанного им в результате ареста на станции Тайга в начале декабря 1919 г.

Нет никаких оснований полагать, что А.Н. Пепеляев состоял в эсеровской партии. Точно так же не являлся он в это время и монархистом. Было бы вообще неверно рассматривать офицерство в качестве сторонника исключительно монархического государственного устройства России. В значительной степени это были чувства, настроения, не ставшие для значительного числа (если не для большинства) офицеров их политическими убеждениями. Многие офицеры могли бы, вероятно, подписаться под словами атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова: «Я люблю Россию... В этом вся моя платформа... Партийной борьбы не признавал и не признаю»³. К их числу вполне можно причислить и генерала А.Н. Пепеляева, с добав-

¹ Пучков Ф. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 263.

² Сахаров К. Ледяной Сибирский поход // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 11.

³ Омский вестник. 1918. 30 июля.

лением разве что присущего ему ещё и искреннего чувства привязанности к Сибири и сибирякам. Кстати, один из последних своих приказов по 1-й Сибирской армии он закончил словами: «Пусть неисповедимые судьбы истории несут нам новые испытания. Мы через всё пронесём своё бело-зелёное знамя чистым и незапятнанным»¹.

Между тем советские войска приступили к очередной наступательной операции, получившей название Новониколаевской. Она началась 8 декабря 1919 г. Части 5-й Красной армии, ещё в конце ноября 1919 г. вступившие на территорию Томской губернии, в первой половине декабря развернули энергичное наступление по нескольким направлениям. Ударом главных сил (35, 27 и 30-я стрелковые дивизии) вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали и в обход Новониколаевска с севера и юга оборона белых была разрушена, и в ночь на 14 декабря город был занят красными. В Новониколаевске, по сообщению газеты «Советская Сибирь», остались почти все учреждения белых, в том числе в полном составе комендатура, работающие госпитали, Новониколаевский и Барабинский полки, другие воинские части². По словам председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, красным в Новониколаевске досталось одних только импортированных белыми из Англии товаров на сумму в 300 млн руб. На участке между Новониколаевском и Тайгой было захвачено до 200 паровозов и 15 тыс. вагонов³.

Продолжая наступление, к исходу 17 декабря советские войска вышли на рубеж 15–25 км восточнее железной дороги Барнаул – Новониколаевск и 120 км северо-восточнее Новониколаевска. Таким образом, менее чем за месяц они на 680 километров продвинулись на восток в полосе Транссибирской железнодорожной магистрали⁴. В дальнейшем во исполнение директивы командования Восточного фронта от 15 декабря 1919 г. войска 5-й Красной армии получили приказ выйти на рубеж Кузнецк – станция Тайга – Томск. При этом 30-й дивизии, наступавшей на Томск, предписывалось, овладев городом, «выйти главными силами 23 декабря в район дер. Халдеева – Семилужское, имея авангарды к р. Яя»⁵.

В свою очередь, в эти же дни белое командование разрабатывало контр наступательную операцию, суть которой была изложена в ди-

¹ РГВА. Ф. 39511. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

² *Советская Сибирь*. 1919. 25 дек.

³ ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 38об.

⁴ *Гражданская война в СССР*. Т. 2. М., 1986. С. 229–230.

⁵ *В боях рождённая*. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): Сб. док. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 224–225.

рективе от 12 декабря 1919 г. нового главнокомандующего ген.-л. В.О. Каппеля и начальника штаба фронта ген.-л. Б.П. Богословского. Со ст. Судженка директива была разослана командующим всех трёх армий и одновременно адмиралу А.В. Колчаку. Её содержание гласило: «Общая обстановка в стране требует напряжения всех наших сил для сохранения за нами богатого района Средней Сибири, чтобы использовать его для подготовки армии к весенней кампании. Во исполнение этой задачи я решил, удерживая частью сил наступление противника с целью выигрыша времени для окончания подготовки резервов, перейти с линии д. Вороново, Моховая, Бурхатово, Бормотово в наступление, нанося главный удар первой и второй Сибармиями в юго-западном и третьей армией – в западном направлениях с целью разбить противника и тем остановить его дальнейшее продвижение». 1-й Сибирской армии ставилась задача «в кратчайший срок сосредоточить все свои части в районе Ярса – Черное – Томилово, имея в виду нанесение решительного удара в юго-западном направлении», а также «принять меры к обеспечению Томского района с запада выдвиганием части своих [войск] в район дер. Кожевниково». Сосредоточение и подготовку армии к наступлению приказывалось закончить к 24 декабря 1919 г.¹

Однако 1-я Сибирская армия не выполнила приказ и не вышла на указанные рубежи. В условиях деморализации фронта и тыла, отсутствия сколько-нибудь широкой поддержки со стороны населения генерал А.Н. Пепеляев был вынужден 16 декабря 1919 г. отдать приказ об её эвакуации из Томска. Для объявления этого приказа, по свидетельству А.А. Кирилова, А.Н. Пепеляев лично поехал «к своему любимому гренадерскому батальону и конному дивизиону, которые стояли в Доме Науки». Некоторые из солдат плакали². Но даже и этот приказ не был выполнен. Большинство частей Томского гарнизона отказалось эвакуироваться на восток. Особенно «резко были настроены против колчаковщины» в тот период, по словам А.Н. Пепеляева, запасные полки, находившиеся в тыловых городах, в том числе в Томске. «Солдаты открыто выражали своё нежелание драться с красными войсками. Времени для их воспитания и обучения было мало». Стремительное наступление Красной армии «вносило панику в обывательские круги населения. Это настроение заражало солдат и офицеров. Дисциплина резко пала. Жажда как-то скорее окончить

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 158. Л. 6; *Последние дни колчаковщины*. М.; Л., 1926. С. 87–88.

² *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.)... С. 247.

войну овладевала всеми. Началось повальное дезертирство. Удержать стихийный развал армии не было сил»¹.

В этих условиях руководители антиколчаковского подполья посчитали, что настал благоприятный момент для вооружённого выступления, и почти одновременно с пепеляевским приказом приняли решение о его начале². Расчёт делался на то, что белое командование, занятое эвакуацией, не рискнёт ввязываться в серьёзные бои в оставляемом ими городе. Таким образом, очередной мятеж вспыхнул теперь уже в самом центре дислокации 1-й Сибирской армии – Томске, где находились и штаб, и сам командующий. Причём мятеж произошёл в самый разгар Новониколаевской наступательной операции Красной армии, разрушив и без того призрачные планы колчаковского военного командования.

Памятуя о жестокой расправе над политическими заключёнными в Новониколаевске, большая часть которых при отступлении колчаковских войск была расстреляна и зарублена³, томские подпольщики издали листовку-обращение к офицерам, в которой последние объявлялись заложниками, отвечающими за жизнь заключённых в тюрьме. Листовка была распространена по всем частям гарнизона и разослана по квартирам офицеров. «Эффект, – по словам Я.Р. Ельковича, – оказался поразительным... Колчаковские офицеры организовали наружную патрульную охрану вокруг тюрьмы, не допуская к ней ни одного контрразведчика»⁴. 16 декабря была распространена также листовка-обращение «Комитета Томского военного района» к солдатам от имени эсеровского «Военно-социалистического союза». В ней говорилось, что генерал А.Н. Пепеляев якобы за спинами солдат договорился с А.В. Колчаком, в то время как в Новониколаевске подавлялось антиколчаковское восстание и производились расстрелы, что А.Н. Пепеляев затевает новую игру с целью втянуть войска в безнадёжный бой на линии г. Мариинска. Предлагалось войти в ряды Военно-социалистического союза, подчиняясь приказам его штаба. «Союз на этот переходный момент ставит своей задачей исключительную охрану Томска, его района, жизни граждан и целостности народного добра»⁵. Примечательно, что томские эсеры, войдя в коалицию с

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л.16–17.

² Иванов Вс. В гражданской войне. Харбин, 1921. С. 67; ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 91. Л. 19.

³ Советская Сибирь. 1919. 25 дек.

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. Л. 7–8.

⁵ ГАТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 7. Л. 15–17.

местными большевиками, меньшевиками, анархистами, публично в эти дни не выпячивали свои политические лозунги, действуя, хотя и энергично, однако вместе с тем достаточно осмотрительно и сдержанно.

Утром 16 декабря 1919 г. подпольщики получили достоверные сведения, что вечером того же дня пепеляевская армия начнёт эвакуацию из Томска и что сам А.Н. Пепеляев уже перебрался с охраной на железнодорожную станцию. По словам участника событий Е. Лосевича, на заседании большевистского нелегального партийного комитета, собравшегося в 11 часов дня 16 декабря 1919 г., было решено «организовать ревком и взять власть в свои руки»¹. В 6 часов вечера того же дня было созвано первое заседание военно-революционного комитета (ВРК), в состав которого вошли 9 человек, в том числе коммунисты Я.Д. Янсон, К.М. Молотов, Т.Д. Екишев, Е.В. Лосевич, меньшевик-интернационалист Я.Р. Елькович, левый эсер А. Ильин, представитель инициативной группы эсеров А. Левин, меньшевик А.Е. Гуревич и анархист-синдикалист С. Толмачев. Здесь же был избран президиум ВРК. Председателем Комитета стал Я.Д. Янсон, его товарищем (заместителем) – К.М. Молотов, секретарём – А. Левин². На этом же заседании было решено взять власть как можно безболезненнее. ВРК отдал распоряжение о немедленной доставке оружия к зданию Общества содействия физическому развитию (в настоящее время ул. Красноармейская, 14). Само заседание ВРК было решено сделать непрерывным, а его охрана доверена сербской роте, с которой у подпольщиков давно уже существовала тесная связь³.

Вечером 16 декабря 1919 г. в манеже Общества содействия физическому развитию ВРК провёл полулегальную конференцию представителей подпольных ячеек и групп сочувствующих, которые ранее были созданы, преимущественно, видимо, социалистами-революционерами и имелись к тому времени в большинстве воинских частей томского гарнизона. Прибывшие на конференцию около 70 делегатов приняли решение о переходе на сторону восставших. Через эти нелегальные ячейки и группы воинские части были оповещены о создании в городе советской власти и о необходимости зарегистрироваться в военно-революционном штабе всем воинским частям, не желающим эвакуироваться из Томска.

¹ Лосевич Е. Восстановление советской власти в Томске // Знамя революции. 1920. 7 нояб.

² Знамя революции. 1919. 21 дек.

³ Борьба за власть советов в Томской губернии (1917–1919 г.). Томск, 1957. С. 499–500; ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. Л. 8–9; ГАТО. Ф. р-53. Оп. 1. Д. 54. Л. 11.

Первым изъявил желание перейти на сторону советской власти 1-й гренадерский батальон. Причём гренадеры выкатили пулемёты, преградив путь отступления по Иркутскому тракту конному дивизиону, который должен был в соответствии с приказом отступить в голове колонны. За гренадерским батальоном последовали сербский отряд, 5-й Томский Сибирский стрелковый полк вместе со своим командиром полковником Николаевым, 7-й Кузнецкий полк и его командир Щеткин, 1-й артиллерийский полк, 1-й Сибирский драгунский полк и другие части гарнизона¹. Более того, вечером 16-го декабря, по свидетельству очевидца тех событий Вс.Н. Иванова, солдаты восставшего гренадерского батальона – «надежды генерала Пепеляева» – будто бы намеревались даже идти на станцию Томск-II, где располагался штаб армии, захватить самого командующего, чтобы затем передать его красным и таким образом заключить с ними мир².

В результате начавшейся паники, свидетельствовал находившийся в гуще тех событий А.А. Кирилов, «план эвакуации города был нарушен, оказалось невозможным вывезти семьи офицеров и добровольцев, а также больных и раненых – они были покинуты персоналом в ужасных антигигиенических условиях и остались в городе... Были случаи помешательства и самоубийства. Раненые офицеры убегали из госпиталей по частным квартирам. Началось бегство по соседним деревням, прямо в тайгу, в Нарым, переодевание в платье простолюдинов»³.

В ночь на 17-е декабря 1919 г. штабной поезд А.Н. Пепеляева выехал из Томска на Транссибирскую магистраль⁴. Отъезд, вспоминал Вс.Н. Иванов, происходил не без приключений: «Профиль пути между станциями Томск-II и Томск-I представлял собой впадину. Огромный состав шёл в темноту, пыхтя и скрипя. Под уклон съехали благополучно, но при вытягивании на подъём у станции Томск-I оборвались подрубленные кем-то тяжести у головного вагона, и весь состав, гудя, понесся обратно на Томск-II, откуда выходили в это время броневики. Столкновения, к счастью, не произошло – наш эшелон в гору не вкатился, а снова понесся вниз, пока не остановился на дне выемки. Все мы повыскакивали на ходу в сугробы снега. Я видел, как

¹ *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 500–501; *Лосевич Е.* Указ.соч.

² *Иванов Вс.* В гражданской войне... С. 68.

³ *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.)... С. 246.

⁴ Впоследствии бывший командующий 5-й красной армией Г.Х. Эйхе в стремлении унижить противника утверждал, будто бы в декабре 1919 г. «Пепеляев, переодевшись в крестьянскую одежду, бежал на лошадях» из Томска (*Эйхе Г.Х.* На главном направлении // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 166).

сам генерал Пепеляев, кувыркаясь зайцем, летел в туче снежной пыли под откос. Мы стояли в темноте, без паровоза, сзади шла стрельба – там тёмный люд грабил эшелоны. Наконец мы добыли паровоз, вытянули состав, обрезали на версту провода телеграфа и уехали на станцию Тайга. Томск выскочил из наших рук сам собой...»¹.

Вместе с А.Н. Пепеляевым, по оценке генерала Ф.А. Пучкова, из Томска выехали «только его конвой и небольшая группа офицеров и верных долгу солдат, всего около 400 человек»². Другие, подчинившиеся приказу А.Н. Пепеляева части, выбирались из мятежного города самостоятельно на лошадях по Иркутскому тракту. Таким путём ушёл, в частности, запасной батальон Ижевской дивизии численностью в 680 человек, часть офицеров формировавшегося в Томске Сибирского конно-гренадерского полка во главе с уполномоченным добровольческих формирований Томского района полковником Б.А. Герасимовым, немногие офицеры 7-го Кузнецкого полка, отряд особого назначения во главе с управляющим Томской губернией Б.М. Михайловским и капитаном В.А. Суровым, унтер-офицерская школа во главе с полковником Н.Ф. Шнаперманом³.

Одновременно с эвакуацией А.Н. Пепеляева и его штаба Томский военно-революционный комитет отдал приказ своему военно-революционному штабу занять правительственные учреждения в городе, взять на учёт и обеспечить сохранность оружия. В перешедшие на сторону советской власти колчаковские части направлялись представители ВРК. В течение ночи и утром 17 декабря повстанцами были заняты все наиболее важные городские учреждения – губернаторский дом, почта, телеграф и др. В то же утро из томской тюрьмы были освобождены политзаключённые⁴.

Вооружённая стычка с отступавшими частями произошла около 10 часов вечера 17 декабря в районе Дома науки, когда интернациональная рота, состоявшая преимущественно из бывших военнопленных-венгров, обстреляла бойцов отступавшего из города Егерского полка. С обеих сторон было несколько убитых и раненых. На выходе

¹ Иванов Вс. В гражданской войне... С. 68–69.

² Пучков Ф. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 263.

³ Иванов Вс. В гражданской войне... С. 89; Пучков Ф. Указ. соч. С. 263; Кручинин А.М. От Уральских гор до Щегловской тайги: Краткая история 7 Уральской дивизии горных стрелков // Белая армия. Белое дело. 2003. №12. С. 56; Мармышев А. Красноярская катастрофа // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 143.

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. Л. 11–12, 14. Из воспоминаний Я.Р. Ельковича.

из города егеря ещё раз были обстреляны, на этот раз бойцами гренадерского батальона, перешедшего на сторону повстанцев. Однако Егерский полк ушёл, не приняв боя¹. Военно-революционным штабом были посланы вдогонку ушедшим частям вестовые с предложением вернуться в город. По свидетельству Е.В. Лосевича, почти все они, включая даже Егерский полк, возвратились в город с обозами². На сторону восставших перешли также отступавшие через Томск белогвардейские формирования, в том числе 19 декабря 1-й кавалерийский полк численностью около 1000 чел.³ Таким образом, общее количество отступивших из Томска на восток солдат и офицеров было достаточно скромным. Скорее всего, их оказалось не более полутора – двух тысяч человек.

Накануне эвакуации из Томска генерал А.Н. Пепеляев официально передал власть в городе органу местного самоуправления – городской думе. 17 декабря состоялось экстренное её заседание, участники которого заявили о принятии на себя всей полноты власти. Был избран Комитет общественной безопасности и охраны порядка во главе с председателем думы А.С. Зелениным. В его состав вошли гласные думы П.Г. Лихачев, А.П. Новицкий, Д.И. Розенберг, В.Е. Воложанин, С.В. Соколов, М.С. Столяров, а также В.В. Корелин, М.М. Нейман и В.П. Денисов⁴. В номере «Сибирской жизни» от 18 декабря появилось объявление о том, что Комитет вступил в исполнение своих обязанностей в 5 часов вечера 17 декабря 1919 г. и предлагал «немедленно явиться в дружины самоохраны всем тем гражданам в возрасте от 17 до 60 лет, кои почему-либо до сих пор этого не сделали»⁵.

Таким образом, формально в городе образовалось двоевластие, однако в действительности думский орган, не имея вооружённой опоры, не мог соперничать с военно-революционной властью. Поэтому после состоявшихся в ночь на 18 декабря 1919 г. переговоров с повстанческим руководством Комитет общественного порядка и безопасности принял решение о прекращении своей деятельности. Около 4 часов дня 18 декабря его председатель А.С. Зеленин позвонил редактору «Сибирской жизни» А.В. Адрианову и попросил напечатать

¹ Там же. ЛЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. 12–13; Д. 1036. Л. 3; *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 500. По свидетельству Е. Лосевича, в результате вооружённого столкновения с Егерским полком было убито около десятка человек (*Лосевич Е. Указ. соч.*).

² *Лосевич Е. Указ. соч.*

³ *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 500, 504.

⁴ *Сибирская жизнь*. 1919. 18 дек.

⁵ Так же.

в ближайшем номере газеты постановление о передаче власти военно-революционному комитету¹. На следующий день это постановление было расклеено по городу.

18 декабря 1919 г. приказом № 2 военно-революционного штаба по войскам Томского гарнизона комендантом города был назначен большевик К.И. Озол, его помощником – Т.В. Лялин, начальником гарнизона – эсер полковник И.В. Вершинин², которые в тот же день приступили к исполнению своих обязанностей. Вершинин издал приказ № 1 по гарнизону г. Томска от 18 декабря, в котором подводились первые военные итоги³. К восстанию примкнули в общей сложности до 15 тыс. человек⁴.

Таким образом, в течение 17–18 декабря власть в Томске и формально, и фактически сосредоточилась в руках военно-революционного комитета. Немедленно была отправлена радиogramма за подписью председателя Томского ВРК Я.Д. Янсона и секретаря А. Левина, в которой сообщалось: «В ночь на 18 декабря в Томске власть перешла в руки революционного народа. Все части томского гарнизона бывшей колчаковской армии заняли город по указанию военревкома и передали себя в полное распоряжение его...»⁵.

В субботу 20 декабря 1919 г. на улицы советского Томска вступили части 30-й дивизии 5-й Красной армии. В городе и его окрестностях им достались богатые трофеи: около 2 тыс. пулемётов, 36 орудий, большое количество инженерного имущества, обмундирования и снаряжения, интендантские склады. «В городе осталось до 70 отдельных частей противника со штабами и командирами, отказавшихся выполнить приказ белогвардейского командования о дальнейшем отступлении вглубь Сибири. Полностью остались штаб 2-й Сибирской дивизии и учреждения штаба 2-й армии противника... Число трофеев колоссальное, подсчёту не поддаётся», – сообщил в первой же телеграмме начдив А.Я. Лапин⁶.

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1036. Л. 4. Фотокопия фрагмента дневника А.В. Адрианова. Постановление было опубликовано в «Сибирской жизни» 21 декабря.

² *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 501; ГАТО. Ф. р-53. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

³ *Борьба за власть советов в Томской губернии...* С. 502–503; ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 114. Л. 15.

⁴ Эта цифра чаще всего фигурирует в источниках и литературе. Однако встречаются и другие сведения относительно численности Томского гарнизона, перешедшего на сторону красных. В частности, в газете «Знамя революции» от 24 дек. 1919 г. – «до 11 тыс. чел.». В «Исторической энциклопедии Сибири» в разных её томах приводятся совершенно разные цифры: 12 тыс. чел. (Т. 1. С. 301) и 30 тыс. чел. (Т. 2. С. 493).

⁵ *Советская Сибирь*. 1919. 25 дек.

⁶ Там же.

Одновременно красным досталось в Томске и около 9 тыс. больных тифом¹, в числе которых было много солдат и офицеров белой армии.

Советское командование сразу же приступило к регистрации офицеров белой армии. В первый же день, 22 декабря 1919 г., было зарегистрировано свыше 500 чел. и ещё больше – на другой день². Для проверки командного состава сдавшихся в плен пепеляевских частей Реввоенсоветом 5-й Красной армии в Томск был направлен заведующий политотделом 27-й дивизии В.О. Корницкий. В его задачу входило привлечение некоторых из бывших белых офицеров в Красную армию. Пленные офицеры были собраны в аудиториях Томского университета. «В большинстве это были офицеры запаса – учителя, студенты, служащие различных учреждений, – вспоминал впоследствии В.О. Корницкий. – Все они, за небольшим исключением, говорили, что их мечта – демобилизация и возвращение к мирной жизни. Многие из них выдавали себя за либералов, даже радикалов, попавших в белую армию не по своей воле, а по принуждению, несмотря на то, что они якобы совершенно непригодны для военной службы. Охотно соглашались пойти на службу к нам, только желательно не на военную»³.

Одним из таких офицеров был, в частности, И.В. Вершинин, в июне 1918 г. мобилизованный в войска Временного Сибирского правительства, где он командовал гаубичной батареей, артиллерийским дивизионом, был помощником командира артиллерийского полка в армии А.Н. Пепеляева. Добровольно перейдя вместе с полком в декабре 1919 г. в Томске на сторону повстанческого военно-революционного комитета, до января 1923 г. служил на различных тыловых должностях в Красной армии⁴.

Рядовой состав оставшихся в Томске частей белой армии в значительной своей массе сразу же был использован для пополнения поредевших в боях и от эпидемии тифа красноармейских формирований.

¹ *Борьба с тифом* (Беседа с начальником санитарной части 5 армии Р. Азарх) // Сибирский коммунист. 1920. 21 янв.

² *Знамя революции* (Томск). 1919. 25 дек.

³ *Корницкий В.О.* Впереди – Иркутск // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 112.

⁴ Вершинин Иван Васильевич (1889–1937), родился в семье рабочего-маляра, окончил военное училище. Участник Первой мировой войны, воевал в артиллерийских частях. После увольнения из Красной армии проживал в Барнауле, работал землемером, старшим техником землеустроительной партии. В 1937 г. репрессирован, расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

В частности, на укомплектование 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии были переданы около 900 бойцов 1-го Томского и 2-го Уфимского кадрового кавалерийских полков, 1300 чел. – из гренадерского, 600 – из 12-го кадрового Сибирского полков¹.

Ещё до томских событий был вынужден отступить из осаждённого партизанами Барнаула 3-й Барнаульский полк, входивший в состав 1-й Сибирской армии. Приказ об оставлении Бийска и Барнаула был отдан его командиром полковником А.И. Камбалиным 9 декабря 1919 г. Во время движения к Красноярску, 3 января 1920 г. А.И. Камбалин на основании приказа командующего 1-й Сибирской армией, переданного ему через командира 1-го Новониколаевского полка полковника Ластовского, вступил в командование 1-й Сибирской стрелковой дивизией. К тому времени от дивизии остались только два полка. А через несколько дней в районе ст. Кемчуг был практически полностью уничтожен партизанами 1-й Новониколаевский полк, отступавший следом за барнаульцами. В результате 1-я Сибирская дивизия к началу января 1920 г. сократилась до одного полка².

Между тем беспорядочно отступавшие из Томска по Сибирскому тракту разрозненные остатки 1-й Сибирской армии вместе с беженцами и их домашним скарбом добрались до г. Мариинска, бросив по пути несколько тяжёлых орудий. Вскоре сюда прибыл и двигавшийся по железной дороге генерал А.Н. Пепеляев со своим штабом. Где-то в этом районе он получил приказ главнокомандующего фронтом В.О. Каппеля прикрыть отступление 2-й и 3-й армий. Впоследствии, будучи в советской тюрьме, в показаниях следователю 20 октября 1937 г. А.Н. Пепеляев отмечал, что во исполнение этого приказа он «смог собрать в районе Мариинска тысячи 4 штыков, несколько сотен конницы, 2 горных орудия и, лично командуя этим отрядом, прикрывал отход армии на пути Мариинск – Красноярск»³. Эти его слова подтверждаются Вс.Н. Ивановым, эвакуировавшимся из Томска вместе со штабом 1-й Сибирской армии: «На ст. Мариинск Пепеляев... сформировал небольшой походный штаб, с которым и двинулся против большевиков..., принимал личное участие в боях, сражаясь в аръ-

¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 1. Д. 161. Л. 193. Приказ по войскам 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии от 22 дек. 1919 г.

² Краснощеков А.А., Суманосов В.А. «Ура, тебе! Герой наш славный...»: Штрихи к биографии командира 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка А.И. Камбалына // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2009. № 17. С. 58; Краснощеков А. Барнаульские полки белой армии и их командиры А.И. Камбалин и Б.Г. Ляпунов // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 69.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 17.

ергарде»¹. Начальником его штаба вместо А.С. Кононова стал полковник И.М. Штальберг. Штабной эшелон А.Н. Пепеляева, продвинувшийся к востоку от Мариинска лишь на одну-две станции, пришлось оставить, так как один паровоз сгорел, другой был заморожен². Вероятно, именно в те трагические дни погиб архив штаба 1-й Сибирской армии. 25 декабря 1919 г. А.Н. Пепеляев в последний раз имел возможность связаться по прямому проводу с Иркутском, с заместителем премьер-министра А.А. Червен-Водали³.

На пути к Красноярску на станции Ачинск, с одним из эшелонов 1-й Сибирской армии произошло трагическое происшествие, о котором впоследствии поведал в своих воспоминаниях полковник В.О. Вырыпаев. Как и на многих других железнодорожных станциях Транссиба, все пути здесь до предела были забиты самыми разнообразными эшелонами, ожидавшими своей очереди отправки на восток. «Несмотря на мороз, станция походила на большой муравейник в летнее время... В самом центре стоявших эшелонов стояли два вагона с чёрным порохом, ранее предназначенным для камчатских охотников. С другой стороны цистерн с бензином неподалёку стоял эшелон, принадлежавший 1-й Сибирской армии (генерала Пепеляева) с каким-то странным наименованием “эшелон особого назначения”, под начальством капитана Зубова. Этот капитан Зубов по каким-то соображениям устроил «товарообмен» оружия (винтовок и револьверов) на чёрный порох, причём порох был упакован в бочках, неудобных для переноски. И было решено порох насыпать в мешки прямо под вагонами и под цистернами. А так как мешки не были достаточно прочными, то порох из них просыпался на снег, образуя чёрную дорогу, об опасности которой не задумывались участники обмена». В результате произошёл мощный взрыв, жертвами которого стал почти целиком весь конвой штаба Восточного фронта, состоявший из 70 человек, находившийся в вагонах вблизи от взрыва⁴. В Ачинске тогда находилась также и Штурмовая бригада 1-й Сибирской армии⁵.

Тем временем наступавшие с запада по линии Транссибирской магистрали красноармейские части продолжали сбивать немногочисленные заслоны и слабые арьергарды колчаковских войск. Одним из

¹ *Иванов В.С.* В гражданской войне... С. 69.

² Там же. С. 69–70, 72.

³ *Дроков С.В.* Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. С. 340.

⁴ *Вырыпаев В.* Каппелевцы // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 170–172

⁵ *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.) // Русское обозрение. Пекин. 1920. Декабрь. С. 252.

последних крупных очагов их сопротивления стали город и узловая станция Тайга, сражение за которые продолжалось в течение двух дней – 22 и 23 декабря 1919 г. Понеся огромные потери, оборонявшие Тайгу войска, ядро которых составляла польская дивизия, были вынуждены отступить. 22–23 декабря они оставили Анжерку и Судженку, 28 декабря 1919 г. – г. Мариинск.

Катившаяся на восток лавина колчаковских войск неожиданно для себя в районе Красноярска встретила барьер, созданный при непосредственном участии командующего 1-м Сибирским корпусом армии А.Н. Пепеляева ген.-м. Б.М. Зиневича. Как уже отмечалось, этот генерал и ранее вместе с А.Н. Пепеляевым выступал за созыв Сибирского Земского собора, в декабре 1919 г. встречался с генералом А.Н. Пепеляевым в Тайге и Томске. Вернувшись из Томска, Б.М. Зиневич, по его словам, узнал о «крайнем возбуждении» воинских частей в Красноярске. В течение целого дня он беседовал с образовавшимся в городе Комитетом общественной безопасности, командирами частей и представителями общественности. В ходе этих встреч Б.М. Зиневич, вероятно, нашёл общий язык, прежде всего с местными эсеровскими и земскими деятелями.

Тем временем под давлением демократической общественности командующий войсками Енисейской губернии ген.-л. В.И. Марковский вечером 22 декабря 1919 г. вынужден был, «в целях умиротворения местных элементов», уступить свою должность генералу Б.М. Зиневичу¹. Той же ночью В.И. Марковский покинул город, не сообщив об этом даже Б.М. Зиневичу и не посвятив его в военную обстановку². Б.М. Зиневич с 23 декабря вступил в командование войсками Енисейской губернии. Начальником штаба был назначен полковник Д.П. Турбин³. В тот же день в Красноярске был сформирован Временный губернский комитет общественных организаций (комитет общественной безопасности) во главе с председателем губернской Земской управы народным социалистом Г.П. Сибирцевым. В его состав вошли местные деятели из числа членов губернской и уездных земских управ, городских самоуправлений, профсоюзных рабочих организаций, кооперативов, а также 2 члена Учредительного собрания (разогнанного в начале января 1918 г. в Петрограде большевиками).

¹ *Последние дни колчаковщины*. М.; Л., 1926. С. 89.

² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 158. Л. 28.

³ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 24. Л. 14а. Приказы командующего войсками, действующими и расположенными в пределах Енисейской губернии № 121 и 123 от 23 и 24 декабря 1919 г.

Этому органу генерал Б.М. Зиневич приказал на другой день передать гражданскую власть в губернии¹. Оправдывая свои действия, в воззвании к населению Б.М. Зиневич и Д.П. Турбин уверяли, что 1-я Сибирская армия во главе с генералом А.Н. Пепеляевым, «этим честным солдатом», «боролась только за Учредительное собрание, как волю всего народа, а не за бюрократию и капиталистов»².

Констатировав 26 декабря в разговоре по прямому проводу с директором канцелярии Верховного правителя ген.-м. А.А. Мартьяновым, что «наступил паралич власти»³, 28 декабря 1919 г. генерал Б.М. Зиневич обратился с открытым письмом к Верховному правителю, в котором призывал А.В. Колчака отказаться от власти и передать её Земскому собору. «...Вы лишь цепляетесь за власть, – писал Б.М. Зиневич, – не будучи в силах, не имея желания стать действительным борцом за народную свободу во имя счастья Родины и прекращения гражданской войны... Я в последний раз призываю Вас дать возможность народу вылить свою волю и докладываю Вам, что если Вы не передадите добровольно власть народным представителям в лице немедленно созванного Земского Собора, я впредь Ваших повелений выполнять не буду и пойду туда, куда прикажет русский народ...»⁴. Одновременно в эти дни Б.М. Зиневич убеждал солдат и офицеров сложить оружие, предлагал главнокомандующему фронтом В.О. Каппелю приехать на переговоры в Красноярск. Однако командование белых уклонилось от однозначного ответа, сообщив Б.М. Зиневичу, что ответ на его предложение может дать только содействие высших военных начальников армий⁵.

Надо сказать, что действия Б.М. Зиневича получили одобрение со стороны руководства штаба 1-й Сибирской армии, о чём свидетельствовал журналист Вс.Н. Иванов, находившийся в армейском штабном эшелоне во время его движения к Красноярску. На одной из станций Транссибирской магистрали, встретив прогуливавшегося начальника штаба 1-й Сибирской армии А.С. Кононова, Вс.Н. Иванов спросил его: «Скажите, господин полковник, как обстоит дело на востоке?». «Отлично! Отлично! – заверил журналиста полковник. – Я только что

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 158. Л. 28. Приказом № 122 от 24 декабря власть передавалась от Управляющего губернией Енисейскому губернскому земству (РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 24. Л. 14а).

² *Мармышев А.* Красноярская катастрофа // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С.138–139.

³ *Последние дни колчаковщины...* С. 425–428.

⁴ Там же. С. 93–94.

⁵ *Мармышев А.* Красноярская катастрофа... С. 139–140.

говорил по прямому проводу с генералом Зиневичем. С Красноярском. Он уже сдал всю власть земству и работает с ним в полном контакте. Полная поддержка общественности и кооперации. В армии – прекрасное настроение». На вопрос об Иркутске, где происходили аналогичные события, тревожные слухи о которых также докатились до отступавших войск, А.С. Кононов оптимистично утверждал: «Да, там были выступления. Но теперь и там у власти земство, войсками командует штабс-капитан Калашников. И в Иркутске все прекрасно!»¹.

Между тем и в Красноярске, и в Иркутске события стремительно развивались совсем не по сценарию сторонников Сибирского Земского собора. В Красноярске параллельно с Временным губернским комитетом вскоре был создан городской совет рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось уже 31 декабря 1919 г.² Большевики и их сторонники приступили к подготовке вооружённого восстания. Впрочем, и сам Б.М. Зиневич в разговоре по прямому проводу с генералом Мартьяновым 26 декабря 1919 г. признавал, что «г. Красноярск – пороховая бочка и взрыв её грозит бедствию фронту»³.

Одновременно Б.М. Зиневич по прямому проводу безуспешно пытался заключить соглашение с командованием наступавших частей Красной армии. В конце концов он был вынужден во время переговоров с комбригом Грязновым согласиться на капитуляцию красноярского гарнизона. Тем временем гарнизон, помимо Б.М. Зиневича, перешёл на сторону Красноярского революционного комитета, в руках которого оказалась власть в результате начавшегося утром 4 января 1920 г. в городе большевистского вооружённого восстания. Штаб Б.М. Зиневича немедленно был нейтрализован, а сам генерал арестован⁴.

В результате этих событий подходившие с запада к Красноярску части белой армии оказались между молотом и наковальной. С тыла на них наседали передовые отряды Красной армии, уже 2 января 1920 г. вступившие в г. Ачинск, а с востока мятежный Красноярск ошетилился штыками перешедшего на сторону советской власти гарнизона, заблокировав Транссибирскую магистраль.

27 декабря 1919 г. адмирал А.В. Колчак направил главнокомандующему фронтом генералу В.О. Каппелю директиву, в которой приказывалось отвести войска за Енисей, поскольку устойчивость фронта, видимо, окончательно потеряна, а Минусинский фронт угрожает

¹ Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. №12. С. 48.

² Мармышев А. Красноярская катастрофа... С. 140.

³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 158. Л. 28.

⁴ Мармышев А. Красноярская катастрофа... С. 142.

тылу армии. Неразложившиеся части приказывалось свести в одну сильную боеспособную группу и обеспечить её отход на восток. Если есть надёжные верные части, то занять ими Красноярск и разоружить восставших¹.

Чтобы продолжить отступление на восток, белые предприняли штурм мятежного города. В качестве главной ударной силы выступил эвакуировавшийся из Томска Ижевский запасной батальон. Прорвав оборону противника, ижевцы заняли Алексеевскую слободу, железнодорожный переезд и вплотную подошли к местной тюрьме. Однако их атака не была должным образом поддержана другими частями, прежде всего из-за плохо продуманной и наспех организованной белым командованием операции по захвату города. В итоге Ижевский батальон, потеряв свыше половины своего состава, вынужден был оставить занятые рубежи. Большие потери понёс и Чердынский полк, отступавший со 2-й армией белых и также принявший участие в попытке прорыва².

На подступах к Красноярску А.Н. Пепеляев заболел сыпным тифом, но, даже будучи больным, принимал участие в боях. Об одном таком эпизоде позднее вспоминал капитан А.А. Кирилов (в эпических тонах). В одной из деревень в 15 верстах от Красноярска «началась полная паника – восставшие части, руководимые тайными большевистскими агентами, начали беспорядочную стрельбу по деревне и бросание бомб. Обозы бросились в несколько рядов сразу – ехали по саням, топтали людей, расстреливали неповинующихся. Творилось что-то кошмарное, было сознание окончательной гибели... В этот момент на конце деревни, отстреливаясь от противника, появилась кучка храбрецов во главе с генералом Пепеляевым – это и был весь арьергард генерала Пепеляева, который, боля тифом, несмотря на сильный жар, был среди солдат и вдохновлял их примером личной храбрости и отваги, когда противник решительным натиском хотел уничтожить их и гибель была неминуема. – генерал Пепеляев рассыпал три цепи и приказал им отступать – сам же оставался на одном месте, пропуская мимо себя цепи – и здоровался с ними. Огонь был весьма сильный и сосредоточенный – и как остался жив генерал Пепеляев – было трудно понять. Только геройским подвигом арьергарда можно объяснить, что некоторые части выбрались из деревни, выйдя на Енисейский тракт, для обхода Красноярска с севера»³.

¹ *Последние дни колчаковщины...* С. 92.

² *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 2010. № 18. С. 34–35.

³ *Ледяной поход (Мемуары участника похода капитана К.)...* С. 253.

Однако болезнь брала своё, и А.Н. Пепеляев был вынужден сдать командование отрядом генералу Е.К. Вишневному, а сам на ст. Клюквенная (в 132 км восточнее Красноярска) почти в бессознательном состоянии помещён в теплушку чешского санитарного эшелона¹. На одной из станций рабочие, узнав о нахождении в чехословацком поезде А.Н. Пепеляева, потребовали его выдачи. Однако комендант поезда не растерялся, вышел к толпе, заявив, что, действительно, заболевший тифом генерал находился в их эшелоне, но на одной из предыдущих станций ему стало совсем плохо, и чехословаки были вынуждены оставить его там для помещения в госпиталь. Толпа, поверив объяснению, постепенно разошлась². Таким образом, чехословаки, вместе с которыми А.Н. Пепеляев начинал вооружённую борьбу с советскими войсками летом 1918 г., спасли русского генерала, благополучно доставив его в своём санитарном поезде до г. Верхнеудинска (между антиколчаковскими повстанцами и чехословаками в это время был заключён договор о беспрепятственной эвакуации последних на восток).

Тем временем белые, отказавшись от дальнейших попыток штурма Красноярска, утром 6 января двинулись в обход его с севера. В ночь на 7 января в Красноярск вступила 30-я стрелковая дивизия Красной армии.

Тогда же, 6 января 1920 г., была издана директива Главного командования Красной армии, в соответствии с которой с 15 января расформировывались управления Восточного фронта и 3-й армии, а общее руководство дальнейшими операциями возлагалось на командование 5-й (с 15 января – Отдельной) Красной армии с подчинением её непосредственно Главкому и Реввоенсовету Республики³.

После Красноярска немногочисленные остатки 1-й Сибирской армии были присоединены ко 2-й армии⁴ и в полной мере испытали все тяготы печально знаменитого Сибирского ледяного похода. Они двигались вместе с Воткинской дивизией по Иркутскому тракту на Тулун, Зиму. С Балаганского тракта свернули к Ангаре. Пытались наступать на Иркутск, но неудачно. В дальнейшем заняли ст. Иннокентьевскую, затем перешли

¹ *Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 17; Пучков Ф. 8-я Камская стрелковая дивизия... С. 263.*

² *Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. II: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь, 1940. С. 34.*

³ *Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 231.*

⁴ *Пучков Ф. 8-я Камская стрелковая дивизия... С. 263.*

по льду через Байкал из пос. Голоустово на ст. Мысовая, откуда перебрались на ст. Посольская и в Верхнеудинск¹.

До Читы добрались остатки Чердынского полка, в котором после Красноярска насчитывалось около 300 бойцов². Отряд полковника Б.А. Герасимова, дойдя в общем потоке до Нижнеудинска, затем отделился и двигался дальше на восток самостоятельно. Однако у с. Елань (восточнее г. Нижнеудинска) отряд был окружён партизанами и сдался в плен. Жестоко избитый, больной тифом полковник Б.А. Герасимов чудом остался жив³. Отделился от армии В.О. Каппеля и 3-й Барнаульский стрелковый полк под командованием А.И. Камбалына. Вместе с 11-м Оренбургским казачьим полком и некоторыми другими мелкими отрядами он в составе Северной колонны совершил трудный переход по малонаселённым районам Восточной Сибири примерно на 500 км севернее основных сил генерала Каппеля, отступавших вдоль Транссибирской магистрали⁴. Первоначально колонной командовал генерал Н.Т. Сукин, а с февраля 1920 г. вместо заболевшего генерала колонну возглавлял А.И. Камбалин. По пути на восток на Енисее к 3-му Барнаульскому полку присоединились часть конвоя А.Н. Пепеляева и отряд особого назначения Томской губернии во главе с капитаном Б.М. Михайловским, включённый в Барнаульский полк в качестве 2-й конной сотни⁵. Прорываясь с боями через заслоны противника, 3-й Барнаульский полк прошёл несколько тысяч километров по рекам Енисей, Ангара, Илим, Лена и по льду через Байкал. До Читы в середине марта 1920 г. добралось около 100 офицеров и 400 нижних чинов или менее трети его первоначального состава. За время похода большинство солдат и офицеров переболело тифом, и по прибытии в Забайкалье полк представлял скорее транспорт с ранеными, чем воинскую часть⁶. Тем не менее этот полк оказался единственной воинской частью 1-й Сибирской армии, которая дошла до Забайкалья, полностью сохранив внутреннюю организацию.

Добравшиеся до Забайкалья остатки 1-й Сибирской армии разместились в железнодорожном посёлке города Верхнеудинска. Здесь же оказался и сам генерал А.Н. Пепеляев, едва поправившийся от тифа.

¹ *Ледяной поход* (Мемуары участника похода капитана К.)... С. 267.

² *Ситников М.Г.* 16 Пермская стрелковая дивизия... С. 34–35.

³ *Кручинин А.М.* От Уральских гор до Щегловской тайги: Краткая история 7 Уральской дивизии горных стрелков // *Белая армия. Белое дело.* 2003. № 12. С. 56.

⁴ *Краснощечков А.А.* Тернистый путь: из истории 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка // *Белая армия. Белое дело.* 2008. № 16. С. 63–64.

⁵ *Краснощечков А.* Барнаульские полки белой армии... С.70.

⁶ Там же. С. 63–64.

В Верхнеудинске он встретился с женой и сыном, успевшими побывать к тому времени в Иркутской тюрьме. Отправив семью в Харбин, А.Н. Пепеляев остался в Забайкалье.

Среди тех, кому не суждено было добраться до Забайкалья, оказался начальник штаба пепеляевской армии полковник А.С. Кононов. Вс.Н. Иванов, отступавший из Томска вместе со штабом армии, вспоминал, что в последний раз видел, как тот «в валенках, пешком брел на восток. Кажется, так и не дошел...»¹. Действительно, полковник А.С. Кононов оказался в плену и вместе с другими колчаковскими генштабистами весной 1920 г. был переправлен Особым отделом 5 Красной армии сначала в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа, а затем – начальника Всероссийского главного штаба².

Таким образом, после Красноярска армия Колчака как организованная крупная военная сила перестала существовать. А переход тогда же на сторону красных 1-го Сибирского корпуса во главе с генералом Зиневичем поставил крест и на 1-й Сибирской армии. Будучи инструментом для захвата и удержания власти, белая армия постепенно и закономерно в условиях гражданской войны превращалась в субъект политики. Периоды неудач, крупных поражений лишь стимулировали этот процесс, и ни А.Н. Пепеляев, ни другие военачальники не могли его остановить. Разница заключалась, пожалуй, лишь в том, что процесс разрушения 1-й Сибирской армии оказался более быстрым и катастрофическим.

¹ Иванов Вс.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 48.

² Ганин А.В. Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 8.

ГЕНЕРАЛ БЕЗ АРМИИ

Относительно численности остатков колчаковских войск, пробившихся в Забайкалье, сведения существенно расходятся. В публикациях участников похода приводятся цифры от 15 (генерал П.П. Петров) до 45 тыс. чел. (И.И. Серебренников)¹. По данным советской разведки и командования Красной армии, в составе белогвардейских войск весной 1920 г. насчитывалось около 20 тыс. штыков и сабель, 78 орудий и 496 пулемётов². Сам же А.Н. Пепеляев определял их численность до 40–45 тыс. штыков и 3–4 тыс. сабель³. Это всё, что осталось от некогда многочисленных трёх колчаковских армий. Причём наименьшим оказалось количество добравшихся до Забайкалья солдат и офицеров из 1-й Сибирской армии. А.Н. Пепеляев оказался фактически генералом без армии. Ему ничего не оставалось, как объявить в последнем своём приказе: «Сибирская армия не погибла, а с нею вместе не погибло и освобождение Сибири от ига красных тиранов. Меч восстания не сломан, он только вложен в ножны. Сибирская армия распускается по домам для тайной работы – до того момента, пока грозный час всенародного мщения не позовет её вновь для борьбы за освобождение Сибири. Я появлюсь в Сибири среди верных и храбрых войск, когда это время наступит, и я верю, что это время скоро придёт»⁴.

Иным по содержанию и тону выглядел приказ войскам 3-й армии, изданный в Мысовске 12 февраля 1920 г. В нём говорилось о том, что солдаты и офицеры мужественно совершили свой поход, чтобы «отдохнув на территории Забайкалья, снова взяться за оружие и быть готовыми в нужный момент броситься на врага и раздавить его окончательно»⁵.

¹ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 157; *Серебренников И.И.* Великий отход. Харбин, 1936. С. 45.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 524. Л. 18–19; Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 362.

³ *Архив УФСБ по Новосибирской области.* Арх.-следств. дело № 17137. Л. 17–18.

⁴ Цит. по: *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь.* Прага, 1928. Т. IV. С. 67.

⁵ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 151. Л. 2.

Главнокомандующий войсками Восточного фронта ген.-м. С.Н. Войцеховский¹ 11 февраля 1920 г. издал приказы о награждении всех участников Великого Сибирского похода «в воздаяние исключительных опасностей и трудов, понесённых войсками» соответствующим знаком отличия, а 12 февраля – о производстве в следующие чины «всех штаб- и обер-офицеров фронта, следовавших из района Красноярска в составе колонн генералов Сахарова, Вержбицкого, Бангерского и штаба фронта»². Однако атаман Г.М. Семенов не признал эти производства, что послужило поводом к неприязни между семеновцами и каппелевцами. Территория Забайкалья в тот период являлась своеобразной вотчиной атамана Г.М. Семенова и размещённых здесь японских войск, численность которых оценивалась в 2,7–3 тыс. человек³. По свидетельству Г.К. Гинса, в преддверии краха Колчака в кругах атамана Семенова был разработан свой проект организации власти в Сибири. Суть его: «Семенов получает в своё «владение» всю территорию к востоку от Байкала. Территории же к западу от Байкала предполагалось «уступить» генералу Пепеляеву»⁴. Накануне своего ареста А.В. Колчак формально передал власть именованному атаману Семенову.

Своим приказом от 20 февраля 1920 г. Г.М. Семенов назначил ген.-м. С.Н. Войцеховского командующим войсками Российской восточной окраины⁵. В свою очередь, приказом последнего от 22 февраля 1920 г. была произведена реорганизация вооружённых сил, оказавшихся на территории Забайкалья. Они были сведены в три отдельных стрелковых корпуса. В 1-й корпус вошли части войск атамана Г.М. Семенова с придачей к ним отступивших в Забайкалье казачьих полков. Части 2-й армии генерала Вержбицкого составили 2-й корпус под командованием генерала И.С. Смолина, куда и были влиты остатки 1-й Сибирской армии. Из 3-й армии был создан 3-й корпус, в командование которым вступил командир Ижевской дивизии генерал В.М. Молчанов. Бывшие дивизии сводились в полки, а полки – в батальоны. Командирам корпусов были предоставлены права коман-

¹ После смерти генерала В.О. Каппеля непродолжительное время, с 25 января по 20 февраля 1920 г., командующий 2-й армией С.Н. Войцеховский являлся главнокомандующим Восточного фронта.

² Новиков П.А. Прямой и честный путь русского офицера // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 88–89.

³ *Гражданская война в СССР*. М., 1986. Т. 2. С. 362.

⁴ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... С. 526.

⁵ *Путеводитель* по РГВА. С. 55.

дующих неотдельными армиями. Кроме того, в Забайкалье находились и другие воинские части, не входившие в состав корпусов¹.

По словам генерала П.П. Петрова, «психологически это были люди, державшиеся вместе для того, чтобы жить, оправиться и ждать благоприятной обстановки, а не закалённые бойцы при всякой обстановке... Эти люди не хотели ни мириться с большевиками, ни воевать, без веры в успех»². Тем не менее они продолжали сопротивление большевизму. В частности, 2-й Отдельный стрелковый корпус, куда входили остатки пепеляевской армии, с 30 марта по 4 июля 1920 г. вёл борьбу с красными в Нерчинско-Сретенском районе³.

Оказавшись в Забайкалье и оправившись от болезни, А.Н. Пепеляев явился в Верхнеудинске в штаб командующего армией Войцеховского. «Исхудалый, уставший от всего пережитого», по словам одного из участников «Великого Сибирского похода», генерал был тем не менее полон решимости продолжать борьбу с большевиками. «С глубокой думой о тяжёлых потерях своих братьев, принесших свои жизни на алтарь Отечества, он по-прежнему был твёрд и полон веры в будущее возрождение родной Сибири»⁴.

Однако К.В. Сахаров и некоторые другие офицеры и генералы, считавшие А.Н. Пепеляева «виновным в государственном преступлении, в предательстве армии под Красноярском», обратились к генералу Войцеховскому, по существу, с доносом на бывшего командарма. Из Читы, куда тем временем переехал со своим штабом Войцеховский, в Верхнеудинск пришла зашифрованная телеграмма, в которой предписывалось генерала Пепеляева арестовать и отправить под конвоем в Читу, если он не выедет туда к назначенному сроку⁵. Однако А.Н. Пепеляев самостоятельно прибыл в Читу. После встречи с ним генерал Войцеховский 11 марта 1920 г. издал приказ о формировании Сибирского партизанского отряда под командованием ген.-л. Пепеляева с присвоением ему прав начальника отдельной дивизии и непосредственным подчинением командующему войсками Российской

¹ *Путеводитель по РГВА. С. 55; Марков С. Пятьдесят лет тому назад // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 198–199; Бушин А.Ю. Во имя России: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7. С. 83.*

² *Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 152.*

³ *Бушин А.Ю. Во имя России: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий... С. 83.*

⁴ *Ледяной поход (Мемуары участника похода капитана К.) // Русское обозрение. Пекин. 1920. Декабрь. С. 267.*

⁵ *Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 292–293.*

восточной окраины. Временно исполняющим должность начальника штаба назначался полковник Остроумов. Отряд формировался из частей бывшей 1-й армии Восточного фронта и выделенных частей 2-го и 3-го корпусов, но только тех из них, равно как и отдельных чинов бывшей 1-й армии, которые добровольно захотят перейти в пепеляевский отряд¹.

С присущей ему энергией А.Н. Пепеляев приступил к формированию отряда. Были отпечатаны объявления с призывами вступить в партизанский отряд. С этой же целью сам генерал и его окружение, по словам К.В. Сахарова, выступали на организуемых ими митингах, «заманивая к себе молодых офицеров и солдат, то обещаниями дать новое обмундирование, то указаниями на то, что в «партизанской дивизии» будет установлена «революционная дисциплина, без каких-либо признаков и отрывков старого режима». В отряде была принята «особая форма присяги. Пепеляев приказал титуловать себя «гражданин генерал» или «брат-генерал»².

Однако бурная деятельность генерала встретила неприятие со стороны старших начальников, которые, наподобие К.В. Сахарова, считали А.Н. Пепеляева одним из главных виновников краха антибольшевистского фронта в Сибири в конце 1919 г. В результате генерал Войцеховский 24 марта 1920 г. запретил выпуск агитационных листовок, призывавших офицеров и солдат переходить из одной воинской части в другую, и приказал немедленно прекратить выделение частей и отдельных чинов из всех трёх корпусов в отряд Пепеляева³. Формирование партизанского отряда тормозилось также и нежеланием войти в его состав некоторых бывших подчинённых А.Н. Пепеляева, в частности полковника А.И. Камбалина, которых не устраивал демократический настрой генерала.

В результате сформировать сколько-нибудь крупное войсковое соединение А.Н. Пепеляеву не удалось. Тем не менее к 6 апреля 1920 г. в его Сибирском партизанском отряде были организованы 1-й и 2-й отдельные Сибирские партизанские батальоны по две стрелковых роты и команды (пулеметная, конных разведчиков, пеших разведчиков и нестроевая) в каждом, 1-я и 2-я отдельные партизанские

¹ *Путеводитель по РГВА*. С. 55; Симонов Д.Г. Антибольшевистские вооружённые силы Российской восточной окраины (1920 г.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке*. Сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 97.

² *Сахаров К.В.* Белая Сибирь... С. 306.

³ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооружённые силы Российской восточной окраины... С. 98.

сотни, отдельная батарея (2 орудия), отдельная инженерная рота, команда пеших разведчиков, пулеметная команда, конвой начальника отряда и отрядный подвижной околосок¹. Во главе отряда А.Н. Пепеляев принял участие в бою под Сретенском с наступающими на город частями красных войск².

Однако командование отрядом оказалось непродолжительным. Уже 18 апреля 1920 г. А.Н. Пепеляев выехал из Читы³, оставив свой отряд в Сретенске. Формально это был двухмесячный отпуск, фактически же – уход из армии. Сам А.Н. Пепеляев впоследствии, будучи в советских тюрьмах, по-разному излагал причины своего ухода. Находясь в Ярославском политизоляторе, 21 декабря 1926 г. в автобиографии он писал: «После боя под Сретенском отказался от всякой работы в армии (не мог по чисто моральным причинам сотрудничать с высшим командным составом, а также с японцами)»⁴. В 1937 г. в новосибирской тюрьме изложил несколько иначе: «Я не считал возможным продолжать борьбу в условиях, созданных ат[аманом] Семеновым. Он восстановил против себя мелкую буржуазию городов, крестьянство, казачество. Необходимо было вообще выждать, пересмотреть прошлый путь с его ошибками, пересмотреть методы борьбы с советской властью. Я решил выехать из России»⁵.

Вскоре после отъезда А.Н. Пепеляева перемены произошли и в высшем командовании. 27 апреля 1920 г. ген.-м. С.Н. Войцеховского сменил на посту главнокомандующего ген.-л. Н.А. Лохвицкий⁶. Некоторое время отряд продолжал участвовать в боевых действиях под командованием полковника Я.П. Бармина. В частности, в ночь на 24 апреля 1920 г. вместе с 1-м казачьим полком он вступил в бой с красными партизанами за разъезд Алеур. Участвовали в боях с красными на территории Забайкалья и другие солдаты и офицеры пепеляевской 1-й Сибирской армии, в том числе бывший 3-й Барнаульский полк, входивший в состав Омской дивизии 2-го Сибирского армейского корпуса. Однако просуществовал «Сибирский партизанский

¹ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооружённые силы Российской восточной окраины... С. 97.

² *Архив УФСБ по Новосибирской области.* Арх.-следств. дело № 17137. Л. 17–18.

³ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооружённые силы Российской восточной окраины... С. 98.

⁴ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева) / Публикация В.В. Журавлева, В.И. Шишкина // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 53.

⁵ *Архив УФСБ по Новосибирской области.* Арх.-следств. дело № 17137. Л. 17–18.

⁶ *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 222.

имени генерал-лейтенанта Пепеляева отряд» недолго. Уже 29 мая 1920 г. он был расформирован¹.

Попытка возродить армию и удержаться в Забайкалье белым не удалась. «Мы, – вспоминал генерал Филатьев, – продержались в Забайкалье ровно до тех пор, пока там оставались японцы, которых красные не осмеливались атаковать. Как только ушли японцы, так и наши войска отступили в Маньчжурию, были там разоружены китайцами и невооружёнными перевезены в Приморскую область»². Эвакуация японских войск из Забайкалья продолжалась с 25 июля до 15 октября 1920 г.³

Вместе с остатками белой армии был переброшен в Приморье и бывший 3-й Барнаульский полк. Там он был свёрнут в батальон в составе 4-го Омского стрелкового полка, сформированного из остатков Омской дивизии, и принимал участие в Хабаровском походе и Волочаевских боях зимой 1921–1922 г. К осени 1922 г. он был расформирован, его бойцы рассылились по другим частям⁴.

В августе 1921 г. вооружённые силы белогвардейцев насчитывали около 16 тыс. чел. и были разделены на 3 корпуса. В состав 3-го корпуса численностью до 4 тыс. чел. вошли остатки армии генерала А.Н. Пепеляева и части армии В.О. Каппеля. Командовал корпусом генерал Г.А. Вержбицкий⁵. Осенью 1921 г. во Владивостоке соратник А.Н. Пепеляева ген.-м. Е.К. Вишневецкий приступил к формированию 1-го Сибирского стрелкового имени генерал-лейтенанта Пепеляева полка из чинов бывшего своего корпуса, приезжавших из полосы отчуждения КВЖД. Однако к январю – февралю 1922 г. в нём состояло не более 100 человек⁶.

Сам же А.Н. Пепеляев через два дня после своего отъезда из Читы прибыл 20 апреля 1920 г. в Харбин, являвшийся тогда главным городом в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и одновременно ставший центром русской эмиграции на

¹ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооружённые силы Российской восточной окраины... С. 98.

² *Филатьев Д.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004. С. 466.

³ *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 227.

⁴ *Краснощеков А.А.* Тернистый путь: из истории 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка // Белая армия. Белое дело. 2008. № 16. С. 64.

⁵ *Фомин В.Н., Фомин К.В.* Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. 2000. № 7. С. 37–38.

⁶ *Великий Сибирский ледяной поход.* М., 2004. С. 668. Комментарии.

Дальнем Востоке. Сюда эвакуировались ранее его мать, жена и семилетний сын Всеволод, который впоследствии вспоминал, что супруга генерала Нина Ивановна в Иркутске была арестована и заключена в тюрьму, но вскоре освобождена будто бы за взятку председателю Иркутской ЧК С.Г. Чудновскому. В Харбине семья скиталась по чужим углам, пока их не разыскал А.Н. Пепеляев¹. Как вспоминал Вс.Н. Иванов, «Пепеляев выявился в Харбине, ходя враскачку в гимнастёрке, в лихо надвинутой на ухо коричневой шляпе»².

На первых порах бывший командарм всё своё время посвящал семье, а также поиску средств к существованию. «Это был тот период, – отмечал он впоследствии во время допроса в Новосибирской тюрьме, – когда разгром белого движения в Сибири выбросил в полосу отчуждения КВЖД первую волну беженцев. Здесь были бежавшие из своих имений помещики из Казани, Самары, Уфы, буржуазия с Урала и из Сибири, железнодорожники, эвакуированные Колчаком Златоустовской и Пермской дорог, были казаки: сибирские, уральцы, оренбургские, были кулацкие слои крестьянства с Волги и Камы, была масса солдат белых армий. Всё это осело или оседало, спешило устроиться, приспособиться к изменившимся условиям жизни, жадно ловило слухи с Родины, веря, что их пребывание здесь временно, что немного – и они снова вернутся в только что брошенные города и сёла. Жизнь кипела. Знакомства завязывались легко и быстро. Сходились в столовых «Союза городов» – организации, не прекратившей своей деятельности, в дешёвых трактирах и чайных, просто на улице.

Первой моей задачей стало изыскание средств, приискание работ для приехавших со мной и вслед за мной офицеров и солдат.

Мной были организованы артели: плотников, грузчиков, извозчиков. С целями взаимопомощи мною был организован Воинский Союз из офицеров и солдат белых армий... Председателем Союза я выдвинул генерала Вишневого, бывшего командира 2 корпуса моей армии, давшего мне обещание исполнять мои распоряжения»³.

По свидетельству бывшего министра Временного Сибирского правительства И.И. Серебrenникова, «материальное положение Пепеляева в то время было незавидно: как он сам, так и многие его близкие друзья и соратники по былым боям испытывали в Харбине большую нужду. Отмечаю, как не совсем обычный факт, что генерал

¹ Конкин П. Встреча // Илин. 1999. № 1–2 (16–17) [Электронный ресурс] // <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1999-12/36.htm> (Дата обращения: 31.07.2016).

² Иванов В.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 76.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137. Л. 18–19.

и несколько офицеров из его бывшей армии стали существовать извозничьим промыслом. Не знаю, показывался ли сам Пепеляев на улицах Харбина в качестве извозчика, но друзей его часто можно было видеть за этим занятием. Правда, лошади и экипаж были куплены в собственность компанией извозчиков-офицеров, и это до некоторой степени смягчало для них тяжесть их настоящего положения»¹. Н.В. Устрялов в своих воспоминаниях также отмечал, что А.Н. Пепеляев «ездил извозчиком, ловил рыбу на Сунгари»².

К материальным потерям во время отступления и болезни у А.Н. Пепеляева добавилась ещё и утрата документов. В конце 1920 г., в процессе оформления вида на жительство, он обратился за помощью к бывшему главнокомандующему белыми армиями ген.-л. М.К. Дитерихсу, за подписью которого 16 декабря 1920 г. в Харбине ему был выдан следующий документ:

«Удостоверение.

Сим удостоверяю, что предъявитель сего есть действительно Генерал Лейтенант Пепеляев Анатолий Николаевич – бывший командующий 1-ой Сибирской Армии.

Выдано на предмет получения установленного вида на жительство, вследствие утери других документов при эвакуации армии».

Удостоверение было скреплено печатью командующего 1-й Сибирской армией (вероятно, каким-то образом сохранившейся у А.Н. Пепеляева)³. На этом документе имеются также отметки о прописке – одна от 12 апреля 1921 г. (улица Большой пр., дом № 37), другая – от 13 сентября 1921 г. (адрес неразборчивый)⁴.

Характерная для эмигрантов борьба за существование сопровождалась мучительными раздумьями генерала о прошлом и будущем не только своём и своих близких, но и оставленной Родины. Для

¹ *Серебрянников И.И.* Мои воспоминания. Т. II: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь, 1940. С. 34. Среди бедствовавших в эмиграции офицеров пепеляевской армии был, в частности, бывший командир 3-го Барнаульского полка полковник А.И. Камбалин, который после отступления в Читу сдал министру финансов А.М. Окороккову сохранённые в полной целостности три ящика казённого золота, вывезенного из Барнаула. По словам его биографов, у Камбалина даже мысли не было воспользоваться царившей неразберихой и по тихому «приватизировать» эти средства или хотя бы их часть (*Краснощеков А.А., Суманов В.А.* «Ура, тебе! Герой наш славный...»: Штрихи к биографии командира 3 Барнаульского Сибирского стрелкового полка А.И. Камбалина // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 2009. № 17. С. 58).

² *Устрялов Н.* Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // *Новости жизни* (Харбин). 1923. 12 июля.

³ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 10об.

А.Н. Пепеляева – кадрового офицера, выросшего в семье военных, с детских лет воспитывавшегося в патриотическом духе, – эти слова не были пустым звуком. Поэтому пребывание в Харбине стало для него временем осмысления пройденного пути, опыта побед и поражений, причин гибели белого дела в Сибири. Не случайно в Харбине произошло сближение А.Н. Пепеляева с профессором Н.В. Устряловым – в 1919 г. одним из идеологов колчаковщины, а в эмиграции ставшим родоначальником так называемого «сменовеховства», выступавшего за отказ от вооружённой борьбы с большевиками и за поворот к сотрудничеству с ними. Знакомство генерала и профессора произошло через полковника А.А. Бурова, являвшегося, по словам Н.В. Устрялова, его «первым единомышленником на Дальнем Востоке»¹.

Свои впечатления от встреч с А.Н. Пепеляевым Н.В. Устрялов фиксировал в своём дневнике, а впоследствии, после ареста генерала, обнародовал на страницах харбинской газеты «Новости жизни». «Было время, – писал он, – когда наши пути [с А.Н. Пепеляевым] почти совпадали. Это было как раз тогда, когда печатались мои первые харбинские статьи в атмосфере всеобщего непонимания, тупого переполоха недавних соратников, глупого лая беженской прессы. Весною 20 года он приветствовал мои примиренческие выступления и даже был близок к переходу на сторону революционных войск для борьбы с японской интервенцией и её пресловутой “болванкою” атаманом Семёновым. Столь же безоговорочно сочувствовал он России в русско-польской войне...

При первом же свидании моральный облик А.Н. предстал передо мною во всей его чарующей цельности. Во всех чертах его простого, по-солдатски «обветренного» лица, сквозила открытая прямота, надёжная мужественность честного воина. Я видел перед собою русского патриота, крепкой, земляной любовью любящего русский народ и скорее чувствующего, чем понимающего всю безнадёжность того тупика, в который попало белое движение, ставшее одновременно и антинародным и антинациональным.

“Я не политик, – твердил он, – но просто как русский человек вижу, что с японцами нам не по дороге. Если нужно выбирать, лучше уж с красными. Тем более, что теперь уже не должно быть ни красных, ни белых. Есть только русские”.

¹ Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля.

Но в революционной власти, – продолжал Н. Устрялов, – его неизменно отталкивал её деспотизм, возмущали диктаторские повадки. Пафоса государственности он вообще не умел чувствовать, всецело поглощённый интуицией “народа”. Воистину он был органическим демократом, и суровый дух автократического водительства ему не мог не быть враждебным... Он хотел “служить народу”, а постичь логически всю безмерную запутанность проблемы “воли народа” оказывался не в состоянии»¹.

В Харбине русского генерала пытались привлечь на свою сторону различные политические силы – от большевиков до монархистов, действовавшие как в эмиграции, так и на территории российского Дальнего Востока. Едва ли не первыми такую попытку предприняли большевики. Весной 1920 г. в г. Верхнеудинске было провозглашено создание формально независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР) и началось формирование её вооружённых сил одновременно в трёх районах – в Прибайкалье, Амурской области и Восточном Забайкалье. В Амурской области создавалась Амурская Красная армия, преимущественно партизанская по своему составу. Её формирование осуществлялось по инициативе Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и под непосредственным руководством Амурского ревкома. По инициативе последнего предпринимались попытки привлечь А.Н. Пепеляева на свою сторону с целью использовать его богатый военный опыт в борьбе с семёновскими и японскими войсками.

«В Харбине, – вспоминал И.И. Серебренников, – за генералом Пепеляевым начали усиленно ухаживать местные большевики, которые старались перетянуть его в советский стан; при этом генералу обещалось какое-то видное военное назначение в пределах русского Дальнего Востока. Как я знаю об этом от самого Пепеляева, большевики добились ряда свиданий с ним, угощали его обедами и ужинами и старательно обрабатывали в свою пользу, искусно эксплуатируя сибирско-областные настроения молодого генерала, не очень искусённого в то время в вопросах политики»².

¹ Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля.

² Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. II^ В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь. 1940. С. 34. «В Харбине, – вспоминал И.И. Серебренников, – мне удалось поближе познакомиться с генералом А.Н. Пепеляевым, прославленным героем гражданской войны в Сибири 1918–19 гг. Генерал несколько раз был у меня в гостях, и мы с ним подолгу беседовали» (Там же. С. 32).

По свидетельству Н.В. Устрялова, А.Н. Пепеляеву предлагали должность командующего Народно-революционной армией (скорее всего, не всей армией, а её частью – Амурским фронтом), пригласили съездить в Благовещенск, чтобы на месте убедиться в начинающемся воссоздании «русской боевой силы и возможности работы над её дальнейшим укреплением»¹. А.Н. Пепеляев, по словам Н. Устрялова, «видимо, переживал сильные колебания». Однако ни он, ни его ближайший соратник генерал Вишневецкий не решились на такую поездку, отправив на территорию ДВР делегацию во главе с полковником А.А. Бутовым. Эта делегация, прибывшая из Сахалина в Благовещенск, встретила с руководителем большевистской партийной организации Амурской области М. А. Триллисером. После возвращения в Харбин А.А. Бутов и другие члены делегации информировали А.Н. Пепеляева о том, что власть в Благовещенске принадлежит исключительно коммунистам, крестьянство в подавляющем большинстве относится к советской власти отрицательно и что реальной угрозы войны с японцами нет. Вместе с тем «работа в армии возможна, дисциплина налаживается и предрассудки революционной весны успешно изживаются».

По словам Н. Устрялова, и он, и А.А. Бутов долго убеждали А.Н. Пепеляева «в абсолютной химеричности мечтаний увидеть в настоящее время в России формально демократическую власть». Однако генерал якобы «стоял на своём, беспрестанно повторял слово “народ”», но в конечном счёте отказался от предложенного большевиками сотрудничества, в отличие от того же А.А. Бутова, вступившего в ряды Народно-революционной армии и принявшего «руководящее участие» в ликвидации так называемой «Читинской пробки» и разгроме семёновских и каппелевских частей².

Примерно в то же время А.Н. Пепеляев встречался с представителем ДВР Азарниным, который интересовался позицией генерала на

¹ Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля.

² Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля; Серебrenников В.М., Конкин П.К. Дневник генерала Пепеляева // Сибирь. 1990. № 6. С. 33; Лавренцов А. «...У меня почему-то полная вера в успех» [Электронный ресурс] // Информационный портал "Город-порт Ванино". – Режим доступа: www.vanport.ru/846vannews.php, свободный (дата обращения: 02.03.2013). «Нужно сказать, что искушения для ген. Пепеляева были слишком велики, и его друзьям стоило немало труда удержать его от большевистских соблазнов», – прокомментировал впоследствии эти события И.И. Серебrenников (Серебrenников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 517–518).

случай войны с японцами. А.Н. Пепеляев ответил, что «к Приморской власти Меркуловых относится отрицательно, так как она не имеет поддержки в народе, а в случае войны с Японией считает своим долгом защищать Родину»¹.

В начале следующего года уже атаман Г.М. Семенов пытался склонить А.Н. Пепеляева к сотрудничеству. К тому времени он также оказался за границей – в Порт-Артуре, где в марте 1921 г. по инициативе японцев и при непосредственном участии атамана состоялось совещание по вопросу об организации в противовес Дальневосточной республике (красному буферу) – своего, белогвардейского буфера с целью борьбы с большевиками.

Сохранилось письмо ген.-л. А.П. Бакшеева, являвшегося заместителем Г.М. Семенова по должности войскового атамана Забайкальского казачьего войска, в котором тот 14 марта 1921 г. писал:

«Многоуважаемый Анатолий Николаевич!

Григорий Михайлович приказал мне просить Вас не отказаться приехать в кр[е]пость] Порт-Артур. При этом, если Вы изволите поехать, то желательно, чтобы Вы побывали в Артуре никак не позднее 20-го сего марта.

Ваше присутствие крайне желательно и диктуется обстановкой текущего момента.

Если нет особых причин и препятствий, то желал бы, Анат[олий] Ник[олаевич], повидать Вас лично.

Прошу принять уверение в совершенном уважении.

Ваш пок[орный] сл[уга]
ген.-лейт. Бакшеев»².

Однако и от этого предложения А.Н. Пепеляев отказался. Да и вряд ли атаман Г.М. Семенов мог рассчитывать на соглашение, если учесть, что за его спиной маячила Япония, а «инстинкт патриота» (по меткому наблюдению Н.В. Устрялова) не позволял А.Н. Пепеляеву «идти рука об руку с японцами»³. Впоследствии в автобиографии А.Н. Пепеляев писал о тех днях: «Всякое сотрудничество с какими-либо иностранцами категорически отвергал»⁴.

Таким образом, до поры, до времени А.Н. Пепеляев сторонился участия в разного рода инициативах, проектах, заговорах, харак-

¹ *Лауренцов А.* Указ. соч.

² ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

³ *Устрялов Н.* Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // *Новости жизни* (Харбин). 1923. 12 июля.

⁴ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...»... С. 53.

терных на первых порах для эмиграции, в рядах которой кипели страсти, которая ещё не остыла от войны и усиленно жаждала реванша. Это было время, когда, по словам самого А.Н. Пепеляева, «начали спешно созываться совещания и съезды. Создавались и распадались блоки»¹.

Между тем кипение страстей продолжалось и в самой России. Вспыхивали антибольшевистские вооружённые крестьянские восстания, на окраинах всё ещё продолжалась гражданская война. В результате вооружённого переворота во Владивостоке 26 мая 1921 г. было свергнуто областное управление Дальневосточной республики. Власть перешла в руки Временного Приамурского правительства во главе с С.Д. Меркуловым, в задачу которого входило распространение своего господства на всю территорию ДВР и ликвидация последней. Главнокомандующим вооружёнными силами Приморской области был назначен генерал Г.А. Вержбицкий.

Симпатизировавший Дальневосточной республике Н.В. Устрялов настойчиво советовал А.Н. Пепеляеву в те дни публично отмежеваться от «переворотчиков». Подумав, генерал «приготовил интервью, направленное против интервенции и белых авантюр старого стиля, но одновременно и против советской диктатуры, которая, по его мнению, должна быть сломлена «начинающимся в Сибири народным движением». Перед тем, как отдать это интервью в печать, А.Н. Пепеляев познакомил с его содержанием Н.В. Устрялова и по его совету внёс ряд поправок, «направлявших центр тяжести удара не налево, а направо, против приморских авантюристов»².

В конце ноября 1921 г. армия Временного Приамурского правительства предприняла успешное наступление в западном направлении против Народно-революционной армии ДВР и при помощи японцев 22 декабря заняла Хабаровск, отбросив противника к станции Ин. Однако уже в начале следующего, 1922 года, оправившись от поражений, части Народно-революционной армии под командованием В.К. Блюхера перешли в общее контр наступление. В феврале 1922 г. они захватили Хабаровск и затем продолжили преследование противника в направлении Приморья, подойдя в начале апреля к Спасску³.

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 19–20.

² Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин), 1923. 12 июля.

³ История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 168–170.

В самый разгар ожесточённых боёв (10–12 февраля 1922 г. произошло знаменитое Волочаевское сражение) из Владивостока от управляющего военно-морским ведомством (с правами военного министра) Временного Приамурского правительства ген.-л. Г.А. Вержбицкого последовало очередное приглашение А.Н. Пепеляеву:

«Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Анатолий Николаевич, – писал 11 февраля 1922 г. Г.А. Вержбицкий. – Полковник Богословский доложил мне, что из беседы со Степаном Васильевичем Востротиным¹ он узнал, что Вы не откажетесь приехать в Приморье и принять самое активное участие в борьбе с красными, которую сейчас ведёт вверенная мне армия.

Со своей стороны, зная Ваше Превосходительство как самого энергичного борца и горячего патриота, превыше всего ставящего дело борьбы с коммунизмом, я буду рад видеть Ваше Превосходительство своим сотрудником по освободительной борьбе на фронте.

Прошу сообщить, когда Вы можете прибыть во Владивосток с теми бойцами, которые всегда и всюду готовы последовать за Вами»².

Однако и на этот раз А.Н. Пепеляев уклонился от сотрудничества. В письме к Г.А. Вержбицкому от 24 февраля 1922 г. из Харбина генерал так мотивировал свой поступок и одновременно свой взгляд на борьбу с большевизмом:

«Ваше Превосходительство
многоуважаемый Григорий Афанасьевич!

К глубокому моему сожалению, я должен отказаться от предложенной Вами работы.

Причиной этого отказа служит моё глубокое расхождение как со взглядами Приамурского правительства, так и со способами действий в борьбе с коммунизмом и интернационализмом.

Взгляды мои прежние: широкое, всенародное движение. До тех пор, пока сам народ не возьмёт знамя борьбы в свои руки, действия отдельных армий успеха иметь не будут.

Нужна большая, длительная организационная работа.

Тяжело сидеть в бездействии, но и звать людей на дело, в успех которого я не верю, я не могу»¹.

¹ С.В. Востротин (1864–1943) – путешественник-полярник, общественный деятель, близкий к сибирским областникам, член конституционно-демократической партии. С июля 1920 г. по февраль 1926 г. был редактором газеты «Русский голос» в Харбине.

² ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

Однако в конечном счёте случилось так, что А.Н. Пепеляев и поверил, и позвал на дело, которое тот же Н.В. Устрялов окрестил впоследствии «наивной, никчёмной затеей»². Этой «затеей» стала печально известная военная экспедиция «Сибирской добровольческой дружины» под командованием генерала А.Н. Пепеляева в Якутию.

Почему же А.Н. Пепеляев, отказавшийся от множества других предложений, решился на крайне рискованный северный поход? Можно, на наш взгляд, назвать несколько причин, побудивших генерала сделать такой выбор.

Прежде всего, сильное впечатление на А.Н. Пепеляева произвели внутренние события на территории Советской России, где в 1921 г. вспыхнул целый ряд антибольшевистских вооружённых восстаний. Повстанческо-партизанским движением были охвачены и многие районы Сибири. Достаточно напомнить, что в течение нескольких месяцев здесь бушевало одно из крупнейших крестьянских восстаний – Западно-Сибирское, для подавления которого советскому руководству пришлось задействовать регулярные части Красной армии.

Крестьянские восстания существенно оживили эмиграцию, прежде всего те её круги, которые не утратили надежды на реванш в борьбе с большевизмом. «1921 год активизировал эмиграцию, – вспоминал впоследствии А.Н. Пепеляев. – Постоянные сообщения белогвардейских газет: японско-семеновской «Свет» и японско-харбинской «Русский голос» о якобы невозможных бедствиях в России, о восстаниях крестьян, о жутких репрессиях, о вымирании от голода целых уездов и губерний взвинчивали настроение»³. Одновременно эти восстания побуждали к действию. А.Н. Пепеляев, по словам Н.В. Устрялова, «с каждым месяцем всё упорнее твердил, что если начнётся “широкое народное движение” против советской власти, – он не сочтёт себя вправе стоять от него в стороне»⁴.

Вероятно, именно таким «широким народным движением» представилось А.Н. Пепеляеву начавшееся в конце 1921 г. антибольшевистское вооружённое восстание в Якутии, охватившее значительную

¹ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева) / Публикация В.В. Журавлева, В.И. Шишкина // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 51.

² Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 19–20.

⁴ Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни (Харбин). 1923. 12 июля.

территорию края. В конце 1921 г. на съезде якутов и тунгусов в с. Нелькане Аяно-Нельканского района было принято решение обратиться к Временному Приамурскому правительству за помощью в борьбе против советской власти. С этой целью был делегирован от имени съезда во Владивосток бывший член Сибирской областной думы П.А. Куликовский. 2 марта 1922 г. в с. Чурапча для объединения всех восставших якутов и тунгусов был созван Областной учредительный съезд, на котором для руководства краем было избрано временное Якутское областное народное управление во главе с Г.С. Ефимовым, а также командующий армией корнет В.А. Коробейников. Одним из шести пунктов политической программы, принятой на съезде, провозглашалась борьба с большевиками¹. На этом же съезде было постановлено отправить председателя съезда, якута Ефимова, во Владивосток, к Временному Приамурскому правительству за поддержкой. К тому времени отчётливо обнаружилось, что разрозненные действия партизанских отрядов и неумелое руководство ими не позволяют достичь полной победы над большевиками. П.А. Куликовский и прибывший вместе с ним весной 1922 г. из Якутской области во Владивосток якут В.М. Попов, также бывший член Сибирской областной думы, рассказали, что съезд представителей восставшего населения уполномочил их закупить оружие и нанять добровольцев для военного руководства отрядами партизан Якутской области².

По словам П.А. Куликовского, якуты нуждались главным образом в оружии, боеприпасах, инструкторах (офицерах), а также «просили о назначении достойного лица на должность военного руководителя для объединения и руководства всеми повстанцами – якутами и тунгусами, продолжавшими борьбу против советской власти в Якутской области»³.

Вскоре во Владивосток прибыл представитель Временного Якутского областного народного управления якут Ефимов, который с аналогичной просьбой о помощи обратился от имени областного съезда к Временному Приамурскому правительству.

И Куликовский, и Ефимов рассказывали о поголовном восстании населения Якутии против коммунистов, об окружении повстанцами г.

¹ Байкалов К.К. Статьи. Воспоминания. Якутск, 1968. С. 56.

² Грачев Г. Якутский поход ген. Пепеляева // Сибирский архив. I. Прага, 1929 (Приложение к т. V «Вольная Сибирь»). С. 23.

³ Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины). Харбин, 1933. С. 13–14.

Якутска, о том, что против большевиков готовы выступить тысячи охотников-партизан, но для борьбы не достаёт оружия, инструкторов (офицеров), а также авторитетного военного руководителя, который мог бы объединить разрозненные отряды повстанцев. Одновременно Куликовский обратился с просьбой о присоединении Якутской области к Приамурскому краю¹. По докладу П.А. Куликовского Временное Приамурское правительство указом от 30 марта 1922 г. объявило Якутию вошедшей в состав контролируемой им территории².

Временное Приамурское правительство первоначально отказало в посылке в Якутию специального вооружённого отряда. Тогда якутские делегаты обратились к Совету уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС), образованному еще осенью 1918 г. во Владивостоке, который возглавляли видный эсеровский сибирский деятель, председатель Союза сибирских кооператоров А.В. Сазонов и его товарищ (заместитель) сибирский областник профессор М.П. Головачев. В своих показаниях во время следствия в 1937 г. в Новосибирске А.Н. Пепеляев называл эту организацию «Сибирским комитетом», членами которого, по его свидетельству, являлись эсеры Соболев, Н.С. Калашников, Г.П. Грачев, а также близко примыкавшие к Сибирскому комитету областник И.И. Серебренников, эсер В.И. Моравский, профессор Петров и другие³.

Политической платформой «Сибирского комитета» (СУОАС) являлось, по словам А.Н. Пепеляева, создание Сибирской автономной республики. Сибирский комитет стремился использовать происходившие тогда в Сибири крестьянские восстания. «Отряды повстанцев, объединившись, составят Сибирскую армию, которая свергнет советскую власть в Сибири и передаст её Сибирскому комитету. В дальнейшем Комитет соберёт Сибирскую областную думу, которая и изберёт форму правления автономной Сибири. Социальный строй автономной Сибири – буржуазно-демократический. Восстанавливается частная собственность на землю и орудия производства. Верховная власть избирается областной думой»⁴.

¹ Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты... 1933. С. 14.

² Демидов В.А., Познанский В.С. К истории борьбы с белобандитизмом в Якутии в 1921–1923 гг. // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976. С. 72.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21.

По свидетельству А.Н. Пепеляева, А.В. Сазонов, а вслед за ним Н.С. Калашников ещё зимой 1921 г. приезжали в Харбин с целью объединения сибиряков. Вероятно, именно с этого времени А.Н. Пепеляев оказался вовлечённым в орбиту деятельности СУОАС. «Скрытыми кадрами Сибкомитета, будущей его армии и стала моя организация», – отмечал он на следствии¹.

Таким образом, якутские уполномоченные через СУОАС и налаженные у сибиряков-эмигрантов связи в марте 1922 г.² вышли на А.Н. Пепеляева и его организацию. А.Н. Пепеляевым было получено от П.А. Куликовского письмо, информировавшее об антибольшевистском восстании в Якутской области. Куликовский писал о необходимости послать в Якутию «хорошо дисциплинированный регулярный отряд». В ответ А.Н. Пепеляев предложил лично поехать в Якутию для руководства и объединения вооружённых сил повстанцев. Предложение генерала было принято, и он в апреле 1922 г. телеграммой Сазонова был вызван во Владивосток для переговоров³.

Во Владивостоке А.Н. Пепеляев встретился с Куликовским, Сазоновым, а также с Головачевым, Поповым и Никифоровым. Они познакомили генерала с протоколом нельканского совещания, заверили его в том, что «население Якутии страдает от коммунистов», и предложили А.Н. Пепеляеву сформировать отряд для помощи восставшему якутскому народу. Получив принципиальное согласие, Куликовский с Пепеляевым обсудили план организации экспедиции и вопросы её финансирования⁴.

После этого А.Н. Пепеляев вернулся в Харбин, где у него накануне, 5 апреля 1922 г. родился второй сын, которого окрестили Лавром. Вскоре для личной встречи с генералом из Владивостока в Харбин прибыли и сами якутские эмиссары⁵. По словам Вс.Н. Иванова, «пошли полные таинственности совещания» А.Н. Пепеляева с сибирскими кооператорами во главе с А.Г. Соболевым⁶. Вероятно, у А.Н. Пепеляева оставались сомнения относительно успеха предстоящей экспедиции. По свидетельству Г.П. Грачева, при разговоре с П.А. Куликовским и Поповым А.Н. Пепеляев «заявил, что, по его мнению,

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 21.

² ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 22.

⁴ Там же.

⁵ Из обвинительного заключения по делу бывшего генерала Пепеляева, 16 января 1924 г. // Красный архив. 1937. Т. 3(82). С. 129.

⁶ *Иванов В.Н.* Огни в тумане. Думы о русском опыте... С. 76.

для противокommунистического выступления ещё не наступил момент, что массы ещё не изжили своих иллюзий, навеянных на них коммунистами». Лишь после долгих разговоров и категорических заверений Куликовского и Попова о том, что «народ Якутии пережил эти иллюзии и восстал весь поголовно, [что] в своей смертельной схватке с коммунистами он нуждается в храбрых, честных и преданных делу вождях, А.Н. Пепеляев согласился помочь населению в его борьбе с коммунистами»¹.

Факт приезда П.А. Куликовского весной 1922 г. в Харбин подтверждал впоследствии в своих показаниях на допросе в 1937 г. и сам А.Н. Пепеляев². По его словам, Куликовский в Харбине «с восторгом отзывался о воодушевлении в рядах повстанцев, о распространении восстания по р. Лене на Сибирь». Именно перспективы расширения восстания за пределы Якутии в первую очередь привлекли тогда А.Н. Пепеляева. В этом вооружённом выступлении якутов и русских он, вероятно, увидел начало того самого нового всенародного движения, в котором мечтал принять участие.

Переговоры с генералом велись также, по данным советских историков В.А. Демидова и В.С. Познанского, через группу якутов-эмигрантов, находившихся в Харбине. Они приняли деятельное участие в организации экспедиции, а некоторые вступили в сформировавшуюся дружину³.

После долгих раздумий и колебаний генерал ответил согласием и с конца апреля приступил к формированию «Сибирской добровольческой дружины» и подготовке похода.

Однако необходимые финансовые средства для организации экспедиции изыскивались с большим трудом. 3 мая 1922 г. П.А. Куликовский из Владивостока сообщал в своём письме А.Н. Пепеляеву и Н.С. Калашникову:

«Дорогие Анатолий Николаевич и Николай Сергеевич!

Дела наши идут очень тихо. Денег не достали пока... Теперь ещё всё осложнилось переворотом. Хочется думать, что нам не помешает переворот, но, вероятно, замедлится наш уход. Думаю, что большую экспедицию наладить трудно. Я говорю о Вашей экспедиции. Где для неё достать денег? У Пр[авительст]ва их нет. Мне чрезвычайно желает-

¹ Грачев Г. Якутский поход ген. Пепеляева... С. 23–24.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 21–22.

³ Демидов В.А., Познанский В.С. К истории борьбы с белобандитизмом в Якутии в 1921–1923 гг. // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976. С. 72.

тельно, чтобы Анатолий Николаевич хотя бы с небольшим конвоем попал к нам. За деньгами мы обратились в Токио. и один человек в понедельник, 5 июня поедет туда для проведения этого дела. Если дадут тысяч 40–50, то мы их и дадим Вам. Если бы удалось Вам самим достать денег, то хорошо бы поехать со мной в Аян. Я слышал, что у Вас было намерение обратиться к Швецову. Говорят, что от него скорее можно ждать помощи. Если возможно, то устройте это обращение. Мне передали, что И.И. Серебр[енников] не прочь похлопотать. Я его очень прошу об этом...

...Я желал бы, чтобы генерал был командирован от Харбинской Вашей организации. Иметь генерала ещё хочу и потому, что боюсь возможных трений в Як[утской] обл[асти] среди отрядов. Эти трения немедленно устранятся с приездом генерала...

Я уверен, что область воспримет генерала радушно...

Беда в том, что мы сейчас же не можем снабдить Вас необходимыми средствами...»¹.

Из этого письма видно, что П.А. Куликовский стремился, во-первых, заполучить для руководства боевыми действиями на территории Якутии обязательно генерала, дабы пресечь, пользуясь его авторитетом, партизанщину, стихийный анархизм, своеволие, амбиции отдельных «полевых командиров», характерные для повстанческо-партизанского движения и уже в полной мере проявившиеся к тому времени в Якутии. Во-вторых, П.А. Куликовский торопился с организацией экспедиции, понимая, что в летнее время она предпочтительней и эффективней. К тому же он не мог не принимать во внимание, что повстанческое движение пошло на спад и необходимо было как можно скорее поддержать и активизировать его с помощью человеческих и материальных ресурсов извне. Наконец, в-третьих, письмо свидетельствует об огромных трудностях, связанных с финансированием экспедиции. Между тем от этого напрямую зависела её численность и боеспособность.

В обвинительном заключении по делу генерала Пепеляева 16 января 1924 г. отмечалось: «Согласившись взять на себя формирование отряда, Пепеляев организовал в г. Харбине вербовку членов отряда, возложив руководство этой работой на ближайшего помощника своего б[ывшего] полковника Шнапермана, ранее, в 1918 г., командовавшего 4-м Томским полком, а затем состоявшего сначала штаб-

¹ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

офицером армии Пепеляева и командиром 1-ой отдельной сводной бригады пепеляевской армии на Пермском фронте.

Приняв на себя руководство вербовкой членов отряда, Шнаперман совместно с б[ывшим] капитаном Михайловским и б[ывшим] ротмистром Нудатовым в течение июня и июля 1922 г. завербовали в Харбине до 120 чел.»¹. Это были преимущественно пермяки, уфимцы, сибиряки. Многие из них имели семьи, работу. Однако, вспоминая впоследствии участник похода Г. Грачев, «как только они услышали боевой клич своего любимого вождя, оставили спокойную обеспеченную жизнь и семьи на произвол судьбы и стали целыми группами записываться в отряд. Сильна была вера в правоту идеи и своего вождя»².

Для руководства формированием и деятельностью отряда Пепеляевым был создан штаб Сибирской добровольческой дружины, в который вошли полковник С.А. Леонов (начальник штаба), генерал Е.К. Вишневский (помощник начальника дружины), полковники Б.А. Иванов (дежурный штаб-офицер) и Н.Ф. Шнаперман (штаб-офицер для поручений), адъютанты штабс-капитан Е.С. Анянов и поручик Л.Я. Малышев, капитаны А.А. Катанаев (начальник хозяйственной части), Крылов (начальник разведки) и Васятин (начальник оперативной части)³.

Необходимые средства, снаряжение и вооружение удалось с небольшим трудом собрать только к концу лета. Всё это не могло не тревожить А.Н. Пепеляева, выехавшего из Харбина во Владивосток в июле 1922 г. Встретившийся с ним накануне отъезда Н. Устрялов заметил, что уезжал генерал «без веры в дело»⁴. Однако, будучи человеком слова и чести, А.Н. Пепеляев считал, видимо, себя не вправе отказываться от данного им обещания о помощи якутским повстанцам.

¹ Из обвинительного заключения по делу бывшего генерала Пепеляева... С. 130.

² Грачев Г. Якутский поход ген. Пепеляева... С. 25.

³ Из обвинительного заключения по делу бывшего генерала Пепеляева... С. 131.

⁴ Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни. 1923. 12 июля.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

С прибытием А.Н. Пепеляева во Владивосток в июле 1922 г. организация экспедиции в Якутию вступила в завершающую фазу. Участник тех событий Г.П. Грачев вспоминал, что по настоянию А.Н. Пепеляева подготовка экспедиции велась втайне от японцев, чтобы они не смогли «тем или иным путём навязать своё влияние на движение, ибо А[натолий] Н[иколаевич] вообще был против иностранного вмешательства в дела России, а в частности – японского»¹. Планировалось, что численность экспедиции не превысит 300 человек. Однако наплыв добровольцев оказался настолько большим, что эта цифра выросла в два с лишним раза. Набрал 700 человек, приём пришлось прекратить².

На призыв своего командира откликнулись многие боевые друзья А.Н. Пепеляева ещё по томскому антибольшевистскому подполью и Средне-Сибирскому корпусу. Из числа соратников вместе с ним в северный поход изъявили желание пойти бывшие командиры его частей генерал-майоры Е.К. Вишневецкий и В.А. Ракитин, полковники А.Я. Рейнгардт, С.А. Леонов, К.Н. Авдеев, Н.Ф. Шнаперман, подполковник А.Г. Цевловский, бывший управляющий Томской губернией Б.М. Михайловский и многие другие. В экспедиции принял участие ряд гражданских лиц, в том числе 4 женщины. Для заведования политической и информационной частью (Осведомительным отделом) были приглашены бывшие члены Народного собрания А.Г. Соболев и Г.П. Грачев. А.Н. Пепеляев пытался уговорить поехать вместе с ним и бывшего министра Временного Сибирского правительства И.И. Серебренникова, однако тот категорически отказался. По сведениям Е.К. Вишневецкого, в состав дружины вошли 122 офицера и 105 солдат, приехавших из Харбина; 150 офицеров и 208 солдат из частей Приморской земской рати. Остальные 145 человек прибыли «одиночным порядком». В конечном

¹ Грачев Г. Якутский поход ген. Пепеляева // Сибирский архив. I. Прага, 1929 (Приложение к т. V «Вольная Сибирь»). С. 24.

² Там же. С. 25.

счёте общая численность экспедиции выросла до 750 человек, именно такую цифру впоследствии называл в своих показаниях на следствии сам А.Н. Пепеляев¹.

Формировался отряд под Владивостоком в казармах на «Второй Речке». В его состав вошли два стрелковых батальона под командованием полковников Андерса и А.Я. Рейнгардта и несколько отдельных подразделений: кавалерийский дивизион (подполковник А.Г. Цевловский), батарея (подполковник К.М. Катаев), саперный взвод (полковник Захаров) и инструкторская рота (полковник Ерохин)².

При непосредственном участии А.Н. Пепеляева был составлен текст своеобразной «присяги» для вступающих в ряды Сибирской добровольческой дружины: «Я поступил добровольно, по своему желанию, меня никто не заставлял. Иду вместе с другими любящими свой край добровольцами освобождать народ от большевиков. Буду помогать населению: русским, якутам, тунгусам – выгнать большевиков и устроить для народа свободную мирную жизнь и порядок, какой захочет сам народ. Я должен быть честным, храбрым, выносливым, никого не обижать, не грабить, не насильничать, не убивать того, кто добровольно сдаст оружие, чтобы видел народ, что мы защитники его, а не грабители. Должен в лицо знать своих начальников, исполнять их приказания скоро и честно как на глазах, так и за глазами; с другими добровольцами должен жить дружно, помогать им во всем, выручать из беды, не бросать в бою. Исполняя службу добровольца, должен быть всегда готов перенести всякие лишения, болезни, раны и самую смерть стойко и безропотно»³.

Экспедиция в целях конспирации первоначально именовалась «Милицией Татарского пролива», затем «Милицией Северной области», якобы предназначенной для охраны правопорядка в Якутской области.

Финансирование экспедиции, её вооружение и снаряжение осуществлялись с большим трудом. Обещанных П.А. Куликовским 500 тыс. золотых рублей А.Н. Пепеляев так и не увидел. В действительности он

¹ Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Харбин, 1933. С. 19, 65; ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 185. Л. 136–137; Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 23.

² Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 19, 66–67.

³ Цит. по: Лавренцов А.П. «...На наших знамёнах один лозунг – свободная мирная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной» // Хотелось бы всех поимённо назвать: Книга-мартиролог. Л-Ф / сост. А.П. Лавренцов, Т.Г. Беспалова, О.В. Радченко. Хабаровск, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.google.com/document/d/15jp0HD1iag5dd>, свободный (дата обращения: 26.08.2016).

получил от П.А. Куликовского лишь 60 тыс. руб., переданных тому якутским промышленником Кушнаревым¹. Незначительные суммы были получены от Приамурского правительства, а также, по свидетельству Е.К. Вишневского², от частных лиц, купцов, связанных с Якутской областью и заинтересованных в этом походе. Часть средств удалось выручить за счёт распродажи ниже номинальной стоимости казначейских и гербовых знаков. «За день или за два до выступления, – вспоминал Вс.Н. Иванов, – весь Владивосток был наводнён гербовыми марками, выданными для Якутского казначейства, которые “загонял” штаб генерала Пепеляева, так как у них не было средств»³.

В довершение ко всему на заключительном этапе формирования пепеляевского отряда на Дальнем Востоке произошла очередная смена власти, которая по решению Земского собора 8 августа 1922 г. перешла от правительства Меркуловых в руки генерала М.К. Дитерихса, объявившего себя Правителем Приамурского земского края и Воеводой земской рати. А.Н. Пепеляев, ещё с сентября 1918 г. знакомый с М.К. Дитерихсом, вступил с ним в переговоры о выезде экспедиции. Тот, в свою очередь, предлагал А.Н. Пепеляеву остаться в Приморье и занять высокий командный пост, однако получил отказ⁴, чем вызвал явное неудовольствие со стороны Воеводы земской рати. Распри между военными, по словам Вс.Н. Иванова, «были таковы, что тормозили всякими путями выдачу оружия ген. Пепеляеву»⁵. В частности, обещанной ранее артиллерии так и не нашлось. Усилиями областного кооператора А.В. Сазонова всё же удалось из русских складов, охранявшихся японцами, заполучить винтовки, патроны, а также разную воинскую амуницию⁶. По данным Е.К. Вишневского, всего на вооружении дружины имелось 507 трёхлинейных винтовок, 628 винтовок Бердана, около сотни других видов оружия (карабины, винчестеры), 2 пулемёта Кольта, около 140 тыс. патронов и почти 10 тыс. гранат. Экспедиция была полностью экипирована летним обмундированием и снабжена продовольствием на 4–5 месяцев. Однако зимнее обмундирование (полушубки, валенки и папахи) имелось только на 400 человек⁷. Отправляясь в предзимний период в морозную Якутию,

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 22.

² Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 16.

³ Иванов Вс. Генерал Пепеляев // Иванов Вс. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 76.

⁴ Грачев Г. Указ. соч. С. 26.

⁵ Иванов Вс. Генерал Пепеляев... С. 76.

⁶ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 22–23.

⁷ Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 20–21.

почти половина состава экспедиции, таким образом, шла на огромный риск.

Накануне отплытия, 19 августа 1922 г., А.Н. Пепеляеву было направлено обращение уполномоченных по делам Якутской области С.П. Попова и П.А. Куликовского:

«Ваше Превосходительство Анатолий Николаевич.

Начиная с марта месяца с/г мы неоднократно обращались к Вам с просьбой встать во главе восставшего против большевиков якутского народа. Зная Вашу боевую безупречную деятельность как на германском фронте и как вождя Сибирской армии в борьбе с большевиками, мы были особенно обрадованы, когда получили от Вас согласие возглавлять наше народное движение.

Радость наша объясняется не только Вашими военными доблестями, но и тем ещё, что Вы нам известны как человек, любящий свой народ, понимающий его нужды и надежды, любящий родную нам Сибирь. Мы знаем, что Вы будете с народом и что народ Вам окажет полное доверие и поддержку. Вы приняли на себя трудную и великую задачу в борьбе с большевиками за народные интересы.

Большевики действуют от имени народа, не спрашивая сам народ. Наша демократическая Сибирь увидит в Вас действительно народного вождя, и вместе с народом Вы победите врагов народа.

...Мы глубоко веруем, что якутский и сибирский народ встретит Вас и Вашу доблестную рать с радостью...»¹.

К 20 августа 1922 г., по словам А.Н. Пепеляева, формирование «Милиции Северной области» завершилось. Ждали пароходов, зафрахтованных П.А. Куликовским, чтобы отправиться к месту назначения. А.Н. Пепеляев написал своей жене письмо в Харбин, однако по какой-то причине не смог его отправить. В нём были такие строки: «...Много, много труда и терпения нужно потратить, чтобы воспитать добровольцев, особенно офицеров. Есть такие, которые пришли просто пограбить, но теперь прониклись моими идеями... У меня почему-то полная вера в успех. Ты за нас не волнуйся, даст Бог, вернемся здоровыми или к нам приедешь в Свободную Сибирь... Молись, Ниночка, родная, ходи чаще в церковь... Не грусти, Нина, люби меня, не забывай, как я люблю и не забываю тебя. Детей береги. Да храни вас господь. Твой Анатолий»².

¹ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

² *Лавренцов А.* «...У меня почему-то полная вера в успех» [Электронный ресурс] // Информационный портал «Город-порт Ванино». – Режим доступа: www.vanport.ru/846vannews.php, свободный (дата обращения: 02.03.2013).

Наконец, в ночь на 30 августа 1922 г. основной состав экспедиции в количестве 533 чел. (по другим данным – 520 чел.) во главе с генералом А.Н. Пепеляевым на двух пароходах – «Батарея» и «Защитник», – погрузив на борт припасы и продовольствие, вышел из Владивостока в порт Аян¹. На этих же пароходах возвращались в Якутию П.А. Куликовский, С.П. Попов, Д.Т. Борисов, П.Д. Филиппов и другие руководители и активисты якутского антибольшевистского сопротивления. Спустя три недели, 21 сентября, на пароходе «Томск» вышли остальные участники экспедиции – 187 чел. под командованием генерал-майора Е.К. Вишневого. Причём планировалось, что они должны были отправиться на пароходе «Охотск», однако накануне на нём произошел взрыв котлов, как подозревали, не без участия большевистских агентов².

В самом начале плавания на кораблях экспедиции был поднят бело-зелёный флаг сибирских областников и зачитан приказ о переименовании «Милиции Северной области» в «Сибирскую добровольческую дружину», поскольку истинными целями экспедиции было объединение якутского повстанческо-партизанского движения с последующим продвижением к Иркутску и расширением, таким образом, территории, подвластной будущему Сибирскому правительству. Эти цели были сформулированы штабом следующим образом:

«Мы, войско Сибирской добровольческой дружины, идем помочь нашим братьям в Сибири освободиться от гнета коммунистической диктатуры. Ни власти, ни главенства мы не ищем, мы верим в народ, верим, что в процессе борьбы найдутся силы, которые организуют истинно народную власть и наладят жизнь и хозяйство в освобожденных районах. На наших знаменах один лозунг: «Свободная, мирная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной».

Не ненависть, не месть несем мы, а свободу, прощение взаимных обид и мирную жизнь.

Довольно классовой борьбы – интересы каждого класса должны прежде всего подчиняться интересам народа и Родины.

Довольно диктатур – красной и белой, которым принесены в жертву десятки тысяч жизней народных.

¹ Вишевский Е.К. Указ. соч. С. 23; Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 23.

² Вишевский Е.К. Указ. соч. С. 23.

Мы знаем, какие ужасные кошмары переживает Сибирь под властью красной диктатуры. Цветущий, богатый край превращен в пустыню.

Далек и труден наш путь. С непреклонной верой в торжество правды во имя счастья народного смело пойдем мы в этот путь. С Богом, братья»¹.

Первые два парохода прибыли в порт Аян 6 сентября. Однако с самого начала планы А.Н. Пепеляева стали рушиться, поскольку, по его словам, в Аяне он «нашёл совсем иную обстановку, чем ту, о которой говорил Куликовский. Повстанцы были разбиты. Вместо 12-тысячной армии остался небольшой отряд в 250 штыков, измученный и разбитый, бежавший из области и теперь подходящий к Аяну. Село Нелькан в 250 километрах от Аяна, долженствующее быть нашей базой, где мы должны были получить необходимые нам запасы довольствия, было занято красными войсками»².

Другой участник экспедиции, Г.П. Грачев, спустя десять лет, также констатировал, что якутское народное движение к тому времени оказалось ликвидировано, часть партизанских отрядов отступила на Аян, часть – на Охотск, остальные разошлись по наслегам (деревням) либо разбрелись по тайге. В результате помощь Сибирской добровольческой дружины опоздала «не менее, как на 3 месяца»³.

Перед А.Н. Пепеляевым встал вопрос: что делать? Заниматься возрождением и организацией противобольшевистского движения или на тех же пароходах вернуться во Владивосток? Генерал колебался. «В этих обстоятельствах, – вспоминал он, – мною был собран военный совет и гражданское совещание»⁴. На политическое совещание, состоявшееся на следующий день после прибытия экспедиции, по просьбе А.Н. Пепеляева П.А. Куликовский пригласил всех бывших в Аяне представителей общественности. Собрались, помимо А.Н. Пепеляева и офицеров его штаба, командующий Якутской добровольческой народной армией корнет В.А. Коробейников, началь-

¹ Цит. по: *Лавренцов А.П.* «...На наших знамёнах один лозунг – свободная мирная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной» // Хотелось бы всех поимённо назвать: Книга-мартиролог. Л-Ф. Хабаровск, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.google.com/document/d/15jp0HD1iag5dd>, свободный (дата обращения: 26.08.2016).

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 23.

³ *Грачев Г.* Указ. соч. С. 27–28. См. также: Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 24.

⁴ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 23.

ник его штаба капитан В.Н. Земфилов, управляющий Якутской областью П.А. Куликовский, его помощник Д.Т. Борисов, уполномоченный якутского населения С.П. Попов, местные купцы и общественные деятели Ю.А. Галибаров, А.А. Новгородов, П.Д. Филиппов, В.Н. Борисов, И.Н. Волков, Д. Борисов, А.Е. Кулаковский и другие.

Выступая перед собравшимися, А.Н. Пепеляев сразу же заявил: «Мы пришли не навязывать свою волю, свою власть. Мы не будем насаждать ни монархии, ни республики. Поможет Бог, отстоим область, и тогда само население скажет, кого оно хочет... Для меня теперь важно узнать от вас, готово ли население поддержать нас. Для меня важно, чтобы инициатива начинающегося движения взята была местными людьми. Я бы желал только сосредоточить распоряжение всеми военными силами дружины. Идею движения, руководство и питание его должны взять вы, местные люди»¹.

Участники совещания заверили генерала, что якутский народ продолжает партизанскую борьбу, поскольку не может терпеть коммунистические порядки, что эта борьба усилится с прибытием известного полководца. На совещании было решено всю полноту гражданской власти сосредоточить в руках управляющего областью П.А. Куликовского и его помощника Д.Т. Борисова с образованием при них совета из видных общественных деятелей области. Военная власть подчинялась гражданской. А.Н. Пепеляев был утверждён командующим всеми «военными и партизанскими отрядами» Якутской области вместо корнета В.А. Коробейникова².

Вероятно, в тот же день состоялся военный совет дружины, где А.Н. Пепеляев принял доклад от В.А. Коробейникова, передавшего известные ему сведения о дислокации, численности и вооружении советских частей на территории Якутии. Члены военного совета дружины также высказались за продолжение похода.

Принятое политическим совещанием и военным советом решение продолжать борьбу положило конец колебаниям генерала. Лишь после этого он отдал приказ о высадке дружины, которая в результате сошла на берег только на третьи сутки пребывания в Аянской

¹ Цит. по: *Серебренников В.М., Конкин П.К.* Дневник генерала Пепеляева // Сибирь. 1990. № 6. С. 30.

² *Аянского совещания от 7 сентября 1922 г.* [Электронный ресурс] // http://elanzakazak.org/webfm_send/674/1. Режим доступа - свободный (дата обращения: 13.07.2016 г.); *Демидов В.А., Познанский В.С.* К истории борьбы с белобандитизмом в Якутии в 1921 – 1923 гг. // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976. С. 77.

бухте¹. Таким образом, А.Н. Пепеляев в очередной раз поддался уговорам и посулам П.А. Куликовского и его единомышленников. Можно предположить также, что самолюбие не позволяло самому генералу завершить поход, не сделав ни одного выстрела. Как бы встретили его бесславное возвращение во Владивостоке и Харбине? Надо было в какой-то мере оправдать и средства, затраченные на снаряжение экспедиции. Наконец, не следует забывать, что А.Н. Пепеляев в этот период вынашивал идею освобождения от власти большевиков всей территории Сибири. «Моя мечта, – записал он в своём дневнике 6 февраля 1923 г., – выйти в Сибирь, создать Сибирскую национальную народно-революционную армию, освободить Сибирь, собрать Всесибирское учредительное народное собрание, передать всю власть представителям народа. И дальше как они решат»². Якутия с её повстанческо-партизанским движением в планах А.Н. Пепеляева должна была сыграть роль плацдарма для наступления на Иркутск и далее вглубь Сибири. Так почему бы не попытаться реализовать свою мечту?

Сразу же после высадки дружины А.Н. Пепеляев приступил к организации наступления в направлении Якутска. Генерал В.А. Ракитин с небольшой группой дружинников, в том числе 10 офицерами, отплыл на одном из кораблей в Охотск для формирования отряда из числа отступивших туда повстанцев и беженцев. В дальнейшем он должен был начать самостоятельное наступление по тракту на Якутск. Видные деятели Якутского областного управления отправились в различные районы края для активизации повстанческо-партизанского движения. В Аяне было сформировано интендантство во главе с подполковником А.Н. Мальцевым. Остаткам отряда В.А. Коробейникова было предложено на выбор: уходить на «Большую землю» или остаться в дружине. Большинство русских офицеров и сам корнет на пароходе отбыли во Владивосток, а солдаты (якуты) почти все перешли под командование А.Н. Пепеляева. Из них был сформирован 3-й батальон численностью в 200 штыков во главе с полковником А.Н. Сейфулиным³.

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 23; Демидов В.А., Познанский В.С. Указ. соч. С. 77.

² Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева периода «Якутского похода» // Сибирь. 1990. № 6. С. 37.

³ Вишневецкий Е.К. Указ. соч. С. 67–68.

Авангард Сибирской добровольческой дружины – батальон полковника Андерса – уже 9 сентября 1922 г. выступил в направлении села Нелькан. Спустя двое суток следом двинулись основные силы дружины численностью в 300 человек во главе с А.Н. Пепеляевым. Перед выступлением в поход был отслужен молебен, после которого генерал обратился к бойцам с речью, в которой убеждал, что они идут бороться за власть, которую пожелает сам народ, и, главное, идут по просьбе самого народа. С речами выступили также П.А. Куликовский, якуты Попов и Антипин, рассказывавшие дружинникам о якобы «поголовном восстании всего народа»¹.

А.Н. Пепеляев намеревался застать врасплох дислоцировавшийся в Нелькане красноармейский гарнизон численностью в 300 чел., захватить стоявшие на реке Мае два судна, продовольствие, вооружение и затем спуститься на реку Алдан и далее – на Лену.

Однако первая же боевая операция добровольческой дружины закончилась провалом. Совершив трудный двухнедельный переход по тропам через болота и хребет Джугджур, дружина подошла к Нелькану (около 30 домов), однако два перебежчика предупредили красноармейцев, и те успели бежать, не приняв боя. Оказавшись в Нелькане в конце сентября 1922 г., пепеляевцы столкнулись с проблемой продовольствия, поскольку взятые с собой из Аяна запасы были всего лишь двухнедельными². В результате измученная трудным переходом, в обветшалой одежде и обуви полутысячная дружина вынуждена была здесь остановиться, поскольку для дальнейшего продвижения не было ни транспорта, ни провианта. Доставка продовольствия из Аяна также тормозилась из-за отсутствия транспорта. Пепеляевцам в Нелькане, по свидетельству Г.П. Грачева, пришлось пережить все ужасы голода: «Поели кошек, собак, сдирали с деревьев кору, варили и ели, люди обессилели, многие болели»³.

Тем временем большевистское руководство Якутии, в связи с высадкой Сибирской добровольческой дружины и начавшимся движением её вглубь края, издало 14 октября 1922 г. специальную «Декларацию Революционного комитета и Совета народных комиссаров ЯАССР по поводу вступления на территорию ЯАССР пепеляевских войск». Последние объявлялись «махровыми белогвардейскими элементами», «заклятыми врагами всех трудящихся масс

¹ Грачев Г. Указ. соч. С. 26.

² Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 37.

³ Грачев Г. Указ. соч. С. 28.

и якутской нации», «разбойничьими бандами генерала Пепеляева», «отбросами российской контрреволюции», которые снова пытаются «при косвенной поддержке империалистов Дальнего Востока... протянуть свои окровавленные лапы на молодую, еще не окрепшую Якутскую республику». «Цели и задания их ясны, – утверждалось в документе, – они идут разгромить и уничтожить Якутскую автономную социалистическую советскую республику, поработить якутский народ и разграбить богатства нашего края». Революционный комитет и совет народных комиссаров ЯАССР обращались с призывом ко всему населению ЯАССР «сплотиться вокруг знамени советской власти и одним фронтом выступить против наступающего врага якутской нации»¹.

Ответом на эту «Декларацию» явилось написанное А.Н. Пепеляевым в Нелькане обращение, адресованное Совету народных комиссаров ЯАССР, командующему советскими войсками в Якутской области Байкалову, начальнику Петропавловского гарнизона Дмитриеву, копия Сибревкому. В нём генерал в развёрнутом виде и предельно чётко изложил цели и задачи своей дружины и своё отношение к происходившим событиям:

«Мы, добровольцы Сибирской добровольческой дружины, пришли в область не грабить и убивать мирных жителей и не разорять край, как пишете вы в своей декларации, мы пришли по зову уполномоченных якутского населения.

Уполномоченные, во главе со старым борцом за свободу П.А. Куликовским, призвали нас помочь народу, восставшему против коммунистического режима за свободу и независимость. Уполномоченные призвали нас не допустить разгрома и уничтожения мирного населения.

Мы – не господа... среди нас ишимские, тобольские, енисейские, иркутские, приморские крестьяне; среди нас старые солдаты и офицеры, еще в Германскую войну боровшиеся за честь и целостность России. Почти каждый из нас – израненный боец, не раз глядевший в глаза смерти и, конечно, не ради личной выгоды, наживы и шкурных интересов пришли мы на новые лишения в этот глухой, холодный и далекий край. Мы не наймиты каких-либо иностранцев – с презрением отвергаем эту клевету. Мы русские воины, готовые биться вместе с русским народом против всякого внешнего врага. Мы не участники семеновских и меркуловских авантюр. Ушедши из

¹ Цит. по: Вишневецкий Е.К. Указ. соч. С. 22–25.

Сибири, мы мирно трудились в полосе Отчуждения, но мы не могли оставаться праздными зрителями народных страданий и, когда представители народа позвали нас, мы бросили все и снова взялись за оружие, чтобы помочь населению в борьбе за свободное устройство своей жизни.

Наша программа – вот она:

Интернационализму мы противопоставляем горячую любовь к Родине и русскому народу, безбожию – веру в Бога и партийной диктатуре коммунистов – власть всего народа...

Довольно крови. Довольно диктатур красной и белой. Пора спросить народ – как он хочет жить. Если действительно вы хотите восстановления страны, созовите Учредительное собрание, пусть сам народ выберет себе власть, которой он верит. С радостью подчинимся мы этой власти и будем верными ее слугами. До тех пор, пока вы не откажетесь от диктатуры коммунистической партии, не восстановить вам страны – вы должны будете вести войну со своим народом.

С твердой верой в правоту нашего дела, с горячей любовью к народу, с братским призывом ко всем любящим народ свой, идем мы к себе на Родину.

Ни мести, ни расстрелов не несём мы. Мы несём свободу и мирное сотрудничество всех слоёв и классов населения. Откажитесь от вашей диктатуры, дайте народу высказать свою волю, и кончится братоубийственная война и не будет ни красных, ни белых, а – единый, свободный, великий русский народ. Пока этого нет, народ будет против вас, и мы с народом против коммунистов.

Командующий Сибирской добровольческой дружиной генерал-лейтенант Пепеляев»¹.

Это и другие обращения тиражировались и распространялись при всякой на то возможности, в частности, с использованием небольшой типографии, доставленной дружиной из Владивостока.

В подобного рода документах, вышедших из-под пера А.Н. Пепеляева и его соратников по якутскому походу, обращает на себя внимание их направленность против коммунистической партии, тогда как о советах даже не упоминается. Иначе говоря, лозунг «За советы без коммунистов!», начертанный на знамёнах участников Кронштадтского восстания моряков, сибирских (и не только) крестьян-повстанцев периода 1921–1922 гг., вполне мог быть приемлем и для А.Н. Пепеляева.

¹ Цит. по: *Вишневатский Е.К.* Указ. соч. С. 25–26.

Стремясь как можно быстрее организовать доставку продовольствия и снаряжения голодающим бойцам дружины, А.Н. Пепеляев в начале ноября 1922 г. выехал обратно в Аян. На другой же день после своего прибытия на совещании представителей военного командования дружины и лиц гражданского управления он охарактеризовал тяжёлое положение отряда в Нелькане. Сразу же с добровольцами была отправлена партия продуктов, доставленных туда к 19 ноября 1922 г.¹ В Аяне А.Н. Пепеляев разделил дружину на два отряда – Нельканский (под своим командованием) и Аянский (под командованием генерала Е.К. Вишневого). Ещё одну часть (полсотни дружинников во главе с Михайловским) Е.К. Вишневский отправил к тому времени на пароходе «Томск» в г. Охотск к генералу Ракитину. Аянский отряд численностью 93 чел. во главе с Е.К. Вишневым позднее также было решено передислоцировать в Нелькан, куда он прибыл 28 декабря после трёхнедельного зимнего перехода.

К концу декабря 1922 г. в Нелькане удалось, наконец, собрать необходимое количество нарт для дальнейшего продвижения к Якутску. Вернувшийся в Нелькан А.Н. Пепеляев 26 декабря 1922 г. издал приказ о наступлении. В тот же день (по другим сведениям – на следующий день) из Нелькана выступил авангард добровольческой дружины – конный дивизион под командованием подполковника Цевловского (110 чел.). Следом за ним 28 декабря двинулся 2-й батальон полковника Рейнгардта (250 чел.) и затем поэшелонно – остальные части. Последним покинул Нелькан 11 января 1923 г. штаб Пепеляева². Примерно в это же время Охотский отряд численностью в 120 чел. под командованием генерала Ракитина выступил в направлении с. Чурапча, расположенного в 177 километрах восточнее Якутска.

Примечательно, что в первый день нового, 1923 года А.Н. Пепеляев издал приказ, в соответствии с которым «для закрепления сплочённости в рядах Сибирской добровольческой дружины, для большей спайки» с этого дня все её члены должны были обращаться друг к другу словом «брат» как во время службы, так и вне её («брат генерал», «брат полковник», «брат доброволец» и т.п.)³.

¹ Грачев Г. Указ. соч. С. 29.

² Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 94; Серебрянников В.М., Конкин П.К. Дневник генерала Пепеляева... С. 31.

³ Приказ Сибирской добровольческой дружине, с. Нелькан, 1 января 1923 г. // Илин. Якутск. 1998. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm>, свободный (дата обращения: 10.02.2013).

Накануне выдвижения пепеляевского штаба, 2 января 1923 г., в Нелькане состоялся съезд представителей населения Аяно-Нельканского района Якутской области. Генерал от имени дружины приветствовал делегатов съезда, рассказал о её целях и задачах, подчеркнув, что дружина пришла по приглашению якутского и тунгусского народов сражаться «с насильниками народной воли, с красными комиссарами и коммунистами». Участники съезда в своей резолюции призвали «всех жителей Якутской области сплотиться вокруг Сибирской дружины и до конца довести взятое на себя дело свержения коммунистов»¹. На довольствие дружинникам было пожертвовано 300 оленей.

Прежде чем решиться на продолжение похода, А.Н. Пепеляев вновь испытал внутренние колебания и сомнения, для которых имелись серьёзные основания. Первые же месяцы пребывания на якутской земле показали, в каких невероятно трудных природно-климатических условиях приходилось действовать дружине. Между тем повстанческо-партизанское движение не ширилось. Потеря же темпа наступления на Якутск позволила большевистским властям края предпринять дополнительные меры по усилению своих войск. Таким образом, рассчитывать на успех было весьма проблематично. Однако и повернуть назад, не приняв ни одного боя, не испытав боевую силу дружины, было не логично. Тем более, что к тому времени ему уже стало известно о захвате Владивостока 25 октября 1922 г. советскими войсками.

Убеждая самого себя в правильности отданного им приказа о наступлении, А.Н. Пепеляев записал в те январские дни 1923 г. в своём дневнике: «Четыре причины заставили меня продолжать борьбу и идти почти на верную гибель: 1) веру коммунисты не переносят православную, так постоим до конца за неё, святую, поруганную; 2) народ простой против них, ждёт нас, надеется, а я верю только в простой народ (крестьянство). Если и восстановится Россия, то только его простым, но упрямым умом и мозолистыми руками; 3) наглый вызывающий тон коммунистич[еского] письма, полный насмешки, презрения и полный самоуверенности в своей правоте, их хитрость и цинизм; 4) душевные настроения, хочется чашу страданий испить до дна»².

В те долгие месяцы поздней осени и суровой якутской зимы у А.Н. Пепеляева, видимо, не только росли сомнения относительно

¹ Вишневский Е.К. Указ. соч. С. 95–96.

² Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С.36.

исхода его экспедиции, но и произошёл определённый внутренний надлом. В самый канун Рождества, за несколько дней до выступления из Нелькана он записал: «Сейчас так всё неясно, запутано на душе, так много чувств самых разнообразных, но жизнеперелом происходит, видимо, и характера, и мирозерцания. Тогда очень, очень редко приходит жажда счастья, надежды гаснут быстро, и никаких планов нет. Большое безразличие и какая-то тоска небывалая, которая иногда до того доходит, что невыносимо её переносить. Хочется уйти куда-то от всех, забыть всё. Часто наступает чувство желания пострадать. За что? За всё! За всё! А всё-таки каждый день молюсь. Что-то впереди? Страшно смотреть – полная неопределённость, уверенности нет»¹.

Спустя несколько месяцев, 25 апреля 1923 г. ещё одна характерная запись: «Ни злобы, ни вражды. Чувство бесконечной жалости и безысходной тоски. Вот главные мои переживания. Надежд нет, на будущее не строю я радужных планов, как раньше бывало. Прошлость жизни везде, во всём, она забралась в “святое святых” души моей. Гложет тоска, доводит до апатии, до безвыходности»².

Это был уже совсем другой А.Н. Пепеляев, нежели тот, полный надежд, оптимизма, жизнерадостный молодой офицер, что вёл в наступление колонну Средне-Сибирского корпуса летом 1918 г. по Восточной Сибири и о котором его соратник по оружию писал: «Подполковник Пепеляев шёл впереди всех, шагая крупными шагами по шпалам. Его шаг был твёрдый и уверенный. Он шёл как-то наклоняясь, боком, словно его всё время кто-то хотел придавить или насесть, а он всё время отталкивался и отбивался»³. Теперь же, спустя четыре с половиной года, со страниц дневника предстаёт без конца рефлексирующий, уставший от гражданской войны, с надломленной волей генерал во главе полутысячи по-прежнему верящих ему солдат и офицеров в глубине якутской тайги. Не случайно в его дневнике якутского периода, едва ли не в каждой записи содержатся обращения к Богу, упование на Бога. Эти дневниковые записи порой напоминают молитвы:

«Какая-то сила заставляет идти вперёд на новые страдания и лишения. Одно сильно во мне – это чувство веры, вот действительно помощь и надежда. Не оставь, Господи, меня, томящегося

¹ *Дневник* генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С. 35.

² Там же. С. 38.

³ *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Т. IV. Прага, 1928. С. 52.

в скорбях, сомневающегося, слабого, малодушного, если ты послал меня сюда, на это служение, дай сил. Боже, помоги, дай возможность с меньшей кровью довершить дело – семью сохрани, – больше для меня ничего не нужно. Родину спаси, дай ей мир, прекрати войну, восстанови братство православной веры...» (6 января 1923 г.).

«Господи, Боже, великий и всемогущий, справедливый и много-милостивый, спаси Родину, народ русский православный, прекрати братоубийственное кровопролитие, очисти землю русскую, дай мир, отдых земле и людям твоим. Боже, услыши меня грешного, дай силу, волю железную, разума творить волю Твою научи меня...» (26 января 1923 г.).

«Боже, Господи, спаси и сохрани Родину мою – Сибирь и Россию, скорей, скорей прекрати смуту, междоусобие, помири всех. Вложи в души русских людей любовь и прощение. Очисти землю нашу от зла, дай мир и власть от Господа...» (28 января 1923 г.)¹.

Тем временем выступившая отдельными группами из Нелькана пепеляевская дружина общей численностью в 590 чел. сосредоточилась на реке Алдан. Здесь в д. Усть-Миля (450 вёрст от Нелькана) состоялся так называемый Алданский народный съезд, в работе которого участвовали представители из районов, занятых красными. Делегаты в принятой резолюции выразили полную поддержку дружине. В то же время противник продолжал оказывать моральное давление на её бойцов. Ревком ЯАССР и командующий её войсками К.К. Байкалов 14 декабря 1922 г. направили А.Н. Пепеляеву документ, в котором членам дружины предлагалось сложить оружие в обмен на жизнь и свободу².

Продолжая наступление, 2-й батальон и кавалерийский дивизион пепеляевцев из района Усть-Миля, совершив 200-вёрстный переход, в ночь на 2 февраля 1923 г. с двух сторон атаковали слободу Амга. Застигнутый врасплох красный гарнизон А. Суторихина (около 150 чел.) в результате скоротечного боя был разгромлен, потеряв

¹ *Дневник* генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С.35–37. Душевные переживания и сомнения А.Н. Пепеляева с большой художественной силой и выразительностью отражены в документальном романе Л.А. Юзефовича, повествующем о событиях того времени (*Юзефович Л.А.* Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. М., 2015).

² *Потанов С.* Конец пепеляевщины. Якутск, 1932. С. 5; *Лавренцов А.* «...У меня почему-то полная вера в успех» [Электронный ресурс] // Информационный портал «Город-порт Ванино». – Режим доступа: www.vanport.ru/846vannews.php, свободный (дата обращения: 02.03.2013).

20 человек убитыми и ранеными и до 60 – пленными. Было захвачено 5 пулемётов и до 150 винтовок. Пленным предложили на выбор: поступить в дружину либо, получив на трое суток продовольствия, уходить в Якутск. Все пленные остались в дружине¹.

Захват Амги открывал дорогу на Якутск, расположенный всего лишь в 200 километрах от этой слободы. 7 февраля в Амгу прибыл А.Н. Пепеляев, записавший накануне в дневнике: «Это – стратегический ключ к Якутску. Жители в восторге от добровольцев. В прошлом году повстанцы 3 месяца не могли взять Амгу. Добровольцы взяли после часового боя, идя стройно, без выстрела и по глубокому снегу, под огнём девяти пулемётов, точно на параде. Теперь я спокоен за свою дружину и начальников, сомнения рассеялись. Открываются перспективы на дальнейшее. Омрачают потери: 20 убито, 32 ранено. Как хочется поменьше крови!»².

Оставив для охраны Амги 120 чел. во главе с Андерсом, остальные части А.Н. Пепеляев направил для перехвата красноармейского отряда под командованием И.Я. Строда, отступавшего из Петропавловска (в 200 километрах от Амги), где он стоял гарнизоном, на Якутск. В местности Сасыл-Сысы (Лисья поляна), расположенной в двух десятках километров от Амги, отряд И.Я. Строда численностью 282 человека был окружён. Дважды предпринимавшийся штурм не принёс пепеляевцам успеха. Красноармейцы отчаянно оборонялись. Потеряв свыше сотни дружинников убитыми и ранеными, А.Н. Пепеляев приступил к осаде, продолжавшейся 18 дней. В результате главные его силы оказались скованными, и намеченное на середину февраля 1923 г. наступление на Якутск было сорвано.

Тем временем на выручку И.Я. Строду из Чурапчи³ вышел красноармейский отряд под командованием Е.И. Курашова. Дружинники попытались организовать на него засаду в 35 километрах от Амги, но неудачно. В засаду попала только разведка, а не основные силы. Последовавшие затем два боя также не принесли успеха.

Одновременно из Якутска навстречу А.Н. Пепеляеву вышел крупный и хорошо вооружённый экспедиционный отряд в составе батальона частей особого назначения (ЧОН) и дивизиона войск ОГПУ под общим командованием К.К. Байкалова. 2 марта 1923 г. его основные силы атаковали Амгу, защитники которой не выдер-

¹ Строд И.Я. В Якутской тайге. М., 1961. С. 28; Грачев Г. Указ. соч. С. 30–33; Серебренников В.М., Конкин П.К. Дневник генерала Пепеляева... С. 31.

² Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С. 37.

³ С. Чурапча расположено в 177 км к востоку от Якутска.

жали штурма превосходящих сил противника и отступили на Усть-Милло, потеряв в бою около 90 человек убитыми, ранеными и пленными. В Амге красными были захвачены лазарет (около 70, по другим данным – 100 раненых), много продовольствия, вооружения, в том числе 700 пудов мяса, 17 тыс. патронов, около 1000 комплектов белья, а также вся штабная документация А.Н. Пепеляева¹.

Получив донесение о падении Амги, А.Н. Пепеляев собрал в д. Усть-Лаба военный совет дружины. Анализ оперативной обстановки не давал оснований для оптимизма. В результате кровопролитных боёв в течение месяца дружина понесла серьёзные потери, составившие к 3 марта 1923 г., по данным Е.К. Вишневого: убитых – 98; раненых, вывезенных дружиной – 37; пропавших без вести – 24; раненых, больных и обмороженных (в плену) – 95; в плену – 20; добровольно оставшихся – 102. Итого – 376 чел.² Созданный на Аянском совещании Совет народной обороны из числа представителей якутской интеллигенции к тому времени разбежался. Массовой вооружённой поддержки со стороны населения не оказалось. Отряды И.Я. Строда и Е.И. Курашова так и не были разгромлены. Противостоять численно превосходящему и хорошо вооружённому сводному отряду К.К. Байкалова дружина была не в состоянии. «Понеся огромные потери, дружина оказалась не в силах овладеть Якутском, чтобы превратить его в базу для дальнейшего наступления в Сибирь», – констатировал впоследствии А.Н. Пепеляев³. В сложившихся условиях он высказался за прекращение вооружённой борьбы. Это предложение было единогласно поддержано членами военного совета, и генерал отдал приказ о возвращении в Аян.

Спустя несколько дней, 9 марта 1923 г., дружина прибыла в Петропавловское. Здесь А.Н. Пепеляев издал приказ, в соответствии с которым разрешил всем, кто не желал отступить, остаться на милость красных. Этим воспользовались, прежде всего, якуты и бывшие красноармейцы. По данным Г. Грачева, желание остаться изъявили около 60 русских и 150 якутов⁴. Основная же масса дружинников во главе с А.Н. Пепеляевым продолжила путь по без-

¹ *Потапов С.* Указ. соч. С. 10–11; *Серебренников В.М., Конкин П.К.* Дневник генерала Пепеляева... С. 32.

² *Вишневецкий Е.К.* Указ. соч. С. 129.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 24.

⁴ *Грачев Г.* Указ. соч. С. 34–35.

дорожью, глубокому снегу при сильных ветрах и морозах, имея в качестве продуктов зерно и выбывающих из строя лошадей и быков. Шли от 5 до 25 вёрст в день. Из 200 быков и лошадей довели до Нелькана не более 10 лошадей, еле живых из-за отсутствия корма¹. Отдохнув в Нелькане, дружина продолжила путь. Выбравшись к побережью океана, дружинники сосредоточились к 18 мая 1923 г. в Аяне и частично – в ближайшем поселке Уйка².

Ещё на пути в Аян по поручению А.Н. Пепеляева 20 апреля 1923 г. в Охотск была направлена группа из 6 добровольцев во главе с генералом Е.К. Вишневым. В её задачу входило зафрахтовать коммерческий пароход, взять на борт гарнизон Охотска и выйти в Аян за основным составом дружины³. А.Н. Пепеляев снабдил Е.К. Вишневого письмом, адресованным председателю Временного Якутского областного народного управления (ВЯОНУ) Г.С. Ефимову. В нём, в частности, предлагалось выдать в распоряжение генерала на нужды дружины 250 тыс. рублей валютой или на эту же сумму пушнины. Дружина, писал А.Н. Пепеляев, «в настоящее время, как и осенью минувшего года, поставлена в условия постоянной голодовки, люди исхудали и оборваны, в дружине сильное недовольство теми, кто, пригласив помочь народу, не обеспечил дружину предметами насущной необходимости. Люди, составляющие дружину, в большинстве идейные борцы за народ, бросившие семьи, мирную жизнь и мирный труд, и ваш долг как руководителей движения прийти на помощь тем, кто по зову ваших представителей отдал всё, а многие погибли смертью героев».

Однако доставить это письмо адресату, равно как и выполнить другие пепеляевские поручения, группе Е.К. Вишневого было не суждено. Преодолев к 6 июня 1923 г. с немалыми трудностями по бездорожью свыше 700 километров, она оказалась в 35 километрах от Охотска, где узнала от бежавшего из города члена ВЯОНУ М. Азарова, что Охотск занят прибывшим из Владивостока экспедиционным красноармейским отрядом. Некоторым бойцам и офицерам разгромленного охотского гарнизона удалось скрыться в тайге, ос-

¹ Грачев Г. Указ. соч. С. 36.

² Приговор военного трибунала 5-й армии по делу бывшего генерала Пепеляева и его ближайших участников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elan-kazak.org/istoricheskij-argiv/sovetskie-argivy/dokum>, свободный (дата обращения: 15.07.2016).

³ Грачев Г. Указ. соч. С. 36.

тальные попали в плен, генерал В.А. Ракитин застрелился¹. В результате группе Е.К. Вишневого пришлось думать о собственном спасении.

Тем временем А.Н. Пепеляев по прибытии в Аян провёл совещание, на котором было решено построить вместительные морские лодки (кунгасы), доплыть на них вдоль морского побережья до Амура, где пересечь на иностранные рыболовные суда и таким путём выбраться в Китай. Дружинники немедленно принялись за работу. Трудились все, в том числе сам генерал, ежедневно по 8–10 часов. «Строим лодки, кунгасы морского типа, – записал А.Н. Пепеляев 3 июня 1923 г. в своём дневнике, – в случае прихода красных поедем на Чум[икан]². Всё мобилизовано для работ по постройке лодок. С раннего утра стучат топоры на месте построек, молоты в кузнице, скрипят стальные подпилки, дымятся трубы в смолокурных котлах. Около 70 человек работает специалистов и ежедневно до 200 человек вспомогательных рабочих по подноске досок, рубке леса, заготовке угля, дров и смолы и т.д. Всё же мало у меня надежды на быстрое устройство лодок. Нет нужных инструментов, сырой лес, мало времени...»³.

По расчётам А.Н. Пепеляева, на кунгасах могли разместиться лишь около 100 человек. Остальным дружинникам предстояло выбираться из Аяна пешком. «Принимаем все меры для подготовки летнего похода. Путь предстоит большой, больше того, что сделали. Пойдём по территории, занятой врагом», – отмечал А.Н. Пепеляев, планировавший, вероятно, быть во главе этого пешего похода. И одновременно сам себя успокаивал: «Но всё же я надеюсь, что с Божьей помощью как-нибудь выйдем»⁴.

Из перехваченного радиосообщения пепеляевцы узнали об отправке против них красноармейского десанта. Действительно, ещё 26 апреля 1923 г. из Владивостока вышли два парохода – «Ставрополь» и «Индибирка» с более чем 700 красноармейцами на борту (стрелковый батальон с 4 пушками и несколькими пулемётами) под командованием С.С. Вострецова. Однако Охотское море к тому времени ещё не полностью очистилось ото льда, поэтому пароходы в течение нескольких недель были вынуждены простоять во льдах.

¹ Грачев Г. Указ. соч. С. 38.

² Чумикан – село на Удской губе Охотского моря.

³ Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С. 39.

⁴ Там же. С. 39.

А.Н. Пепеляев предполагал, что в Аяне красный пароход появится приблизительно 22–25 июня. «В случае прибытия советского парохода я решил не допустить высадки десанта красных в районе порта Аян», – говорилось в его приказе от 12 июня 1923 г. Накануне генерал осуществил переформирование дружины. Порт Аян был разделён на боевые участки¹.

Однако С.С. Вострецов перехитрил А.Н. Пепеляева и его штаб. Вопреки расчётам генерала, красные появились на несколько дней раньше и застали пепеляевцев врасплох. После внезапного захвата 5 июня Охотска, где в плен попало 78 ракитинцев, С.С. Вострецов отправил 12 июня 1923 г. один из пароходов с ранеными, пленными и лошадьми во Владивосток, а на «Индигирке» направился к Аяну. Высадившись на берег в устье р. Алдомы (примерно в 80 км к северу от Аяна), красноармейцы дальнейшее наступление повели пешим порядком по бездорожью и сопкам. Близ Аяна они внезапно атаковали 3-й (якутский) батальон под командованием поручика Рязанского, насчитывавший около 100 человек. Половина его бойцов разбежалась, 31 человек попал в плен².

В ночь на 18 июня 1923 г. бойцы С.С. Вострецова окружили штаб и боевые части дружины. О случившемся А.Н. Пепеляев следующим образом рассказывал впоследствии на суде:

«Рано утром я услышал на дворе какие-то крики и шум. Все находящиеся со мной быстро оделись и разобрали оружие. В окно я увидел группу людей и закрыл дверь. С улицы в это время послышалось:

– Сдавайтесь! Мы регулярные советские войска.

В это же время я увидел, что красногвардейцы и мои части рассыпаются. «Драться или нет? – думал я. – Если драться, то это была бы не борьба, а стремление спасти жизнь». Я решил сдаться и открыл дверь.

Первым зашёл начальник экспедиционного отряда Вострецов, с револьвером в руке.

– Кто из вас генерал Пепеляев? – спросил он.

– Я.

Он подал мне руку.

– Вы честный человек, я гарантирую Вам жизнь. Сейчас может произойти бой, если Ваши части не сложат оружие. От Вас зависит избежать бесцельного кровопролития.

¹ *Потанов С.* Указ. соч. С. 12–13.

² Там же. С. 19–20.

Тогда я послал с приказанием своего адъютанта, и находившиеся при мне части сдались. В первый же батальон, дивизион и батарею я послал того же адъютанта с письмом, в котором предложил им без боя сложить оружие. Через 10–15 минут большинство дружины сложило оружие»¹.

Однако десятки дружинников во главе с полковниками Шнаперманом, Степановым, Андерсом отказалась следовать призыву своего командира и ушли в тайгу в надежде вырваться из Якутии. Однако спастись удалось немногим. Часть дружинников погибла в вооружённых стычках с преследовавшими их красноармейцами, некоторые бесследно сгинули в таёжных дебрях. Одним из тех, кто занимался «охотой» на пепеляевцев, был негласный сотрудник дальневосточного подразделения ГПУ РСФСР А.Н. Липский (оперативный псевдоним «Паксиной»). По указанию чекистского руководства он организовал и возглавил «боевые группы тунгусов», которые в октябре 1923 г. в таёжной деревне Чежукан полностью ликвидировали отряд полковника Степанова (42 человека), пытавшийся уйти в Маньчжурию. А.Н. Липский был причастен также к захвату в селе Удском группы полковника Н.Ф. Шнапермана. Кроме того, бойцам отряда А.Н. Липского удалось задержать офицера, отправленного А.Н. Пепеляевым на территорию Китая с письмом командующему Сибирской военной флотилией адмиралу Г.К. Старку с просьбой прислать с открытием навигации в Аян один из пароходов военной флотилии².

Лишь 18 добровольцам с помощью японских рыбаков, промышлявших на охотском побережье, удалось выбраться через Японию на территорию Маньчжурии. Это были группы генерала Е.К. Вишневого (6 чел.) и начальника штаба дружины полковника С.А. Леонова (12 чел.). «Вид у добровольцев был весьма плачевный, – вспоминал Е.К. Вишневский, – обросшие волосами, исхудавшие от недоедания, измученные, платье всё в лохмотьях, ноги обуты в мешки и в лаптях. На плечах мешок, в руках винтовка, если только ещё не выменена на продукты...»³.

Так завершился последний поход генерала А.Н. Пепеляева и его соратников, которых Е.К. Вишневский назвал впоследствии «аргонавтами белой мечты».

¹ Цит. по: *Серебренников В.М., Конкин П.К.* Дневник генерала Пепеляева... С. 32.

² *Колесников А.* Этнограф на службе ОГПУ: Альберт Николаевич Липский [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://debri-dv.com/article/12137/etnograf_na_sluzhbe_ogpu_albert_nikolaevich_lipskiy, свободный (дата обращения: 17.07.2016).

³ *Вишневский Е.К.* Указ. соч. С. 186, 195–196.

НЕВОЛЯ

С 18 июня 1923 г. для А.Н. Пепеляева наступила новая полоса в его жизни. Оказавшись в плену, в ожидании парохода, генерал общался с С.С. Вострецовым, наблюдал за жизнью красноармейцев. Спустя неделю «Индигирка» с пленными дружинниками вышла из Аяна во Владивосток. А.Н. Пепеляев находился на борту парохода без охраны. Такое право было предоставлено ещё лишь женщинам из состава Сибирской добровольческой дружины. Во время плавания он продолжал общение с красным командиром.

За сутки до прихода в порт назначения, вечером 29 июня 1923 г., на пароходе произошли два взрыва и вспыхнул сильный пожар¹, вероятно, из-за неосторожного обращения с огнём кого-то из красноармейцев. «На пароходе распространился удушливый дым от взрыва снарядов... Красные были в ужасе, побросали свои посты, метались, в это время наши пепеляевцы могли бы взять пароход, а красные быть в плену, но наши были так уставши и морально подавлены, что и не пытались этого проявить», – вспоминала впоследствии Ф. Слепченко – одна из четырёх женщин-дружинниц. А.Н. Пепеляев, увидев общую опасность, «бросился в трюм, начал тушить пожар, командуя скорее закрывать войлоками и брезентами». Через час-полтора пожар потушили. Около трёх десятков красноармейцев были обожжены².

30 июня 1923 г. экспедиция С.С. Вострецова вместе с пленными возвратилась во Владивосток. За успешное проведение операции её командующий был награжден четвёртым орденом Боевого Красного Знамени.

Во Владивостоке пленники были переданы в распоряжение местного отделения Главного политического управления (ГПУ). А.Н. Пепеляева определили в помещение гауптвахты. С 5 июля на-

¹ Фетисов А. Последний залп. Конец одной генеральской авантюры. Магадан, 1971. С. 80.

² ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 185. Л. 136–137.

чались допросы, которые проводил сотрудник ГПУ Неймарк. Кроме генерала, под следствием находились ещё 77 дружинников¹.

Тем временем информация о пленении Сибирской добровольческой дружины достигла русской эмиграции в Китае, одновременно порождая различные слухи. Бывший премьер-министр Российского правительства П.В. Вологодский записал в своём дневнике 8 июля 1923 г.: «Последняя неделя принесла неприятные известия из Владивостока. Отряд ген. А.Н. Пепеляева в Аяне попал целиком в плен к большевикам... В Харбин пришёл слух, что Москва предписала своим владивостокским властям, чтобы Пепеляев был препровождён в Москву. Это рассматривают как результат ходатайства за Пепеляева полковника Краковецкого, который теперь служит у большевиков в Москве, занимая видный пост в военном ведомстве²... Другие объясняют такое распоряжение из Москвы желанием использовать военные данные Пепеляева для своей армии. Однако сегодня в харбинских газетах напечатана телеграмма из Читы, что оттуда выехал военный суд во Владивосток для суда над Пепеляевым и его отрядом...»³.

Пленение известного белого генерала большевистские власти с самого начала попытались широко использовать в пропагандистских целях. Уже вскоре на страницах дальневосточной, а затем и сибирской советской печати появилось обращение А.Н. Пепеляева от 18 июля 1923 г. к русским эмигрантам, начинавшееся словами: «Из плена, но всё же с Родины пишу я вам, беженцам, бывшие мои соратники-офицеры и солдаты...». В нём генерал утверждал, что «всякая борьба с советской властью теперь будет борьбой с Россией. Россия теперь спасена»; призывал всех, кто, как и он сам, «мечтал и искал свободной России», перестать «мучиться за границей» и «смело» возвращаться в СССР, где все они смогут «спокойно работать среди родного народа»⁴. Обращение А.Н. Пепеляева сразу же было перепечатано эмигрантскими газетами.

¹ *Лауренцов А.* «...У меня почему-то полная вера в успех» [Электронный ресурс] // Информационный портал "Город-порт Ванино". – Режим доступа: www.vanport.ru/846vannews.php, свободный (дата обращения: 02.03.2013).

² А.А. Краковецкий в 1918 г. занимал пост военного министра Временного Сибирского правительства, созданного группой депутатов Сибирской областной думы на нелегальном заседании в Томске в конце января 1918 г. Перейдя в конце Гражданской войны на сторону советской власти, работал в составе Наркоминдела, затем ОГПУ.

³ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 399.

⁴ *Красное знамя* (Томск). 1923. 26 авг.

После месячного содержания во владивостокской тюрьме и проведённых допросов пленников переправили в Читу, где находились штаб и политуправление 5-й Красной армии, и разместили в ожидании суда в доме лишения свободы. 2 августа 1923 г. А.Н. Пепеляев записал в дневнике: «Один зак[лючённый?]. Чита. ГПУ. Мучаюсь, томлюсь, что-то будет...»¹. Спустя неделю, 9 августа 1923 г., 38 офицеров Сибирской добровольческой дружины написали прошение на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина. На следующий день к ним присоединились еще 11 офицеров. Все они раскаивались в содеянном и обещали в случае их прощения «отдать свои силы на благо завоеваний революции и поддержку рабоче-крестьянской власти»².

Через издававшуюся в Харбине газету «Новости жизни» А.Н. Пепеляев обратился с письмом к эмигрантским кругам. Накануне судебного процесса, 4 января 1924 г., последовало ещё одно покаянное обращение А.Н. Пепеляева и других обвиняемых через советскую и зарубежную прессу³.

Обращения А.Н. Пепеляева вызвали большой резонанс в эмигрантских кругах. При этом реакция была крайне неоднозначной. Уже после первого обращения П.В. Вологодский 29 июля 1923 г. записал в дневнике: «Сегодня бросилось в глаза в газетах «воззвание Пепеляева к белогвардейцам»... По содержанию своему это воззвание является покаянной генерала... У меня, по крайней мере, не вызывает никаких сомнений, что воззвание Пепеляева есть действительно плод его раздумья, или, пожалуй, внезапного порыва чувства. В своём возвании Пепеляев кается в своих прежних взглядах, когда он считал, что коммунистическая власть способна только со страшной жестокостью разрушать все основы государственности и что он шёл на борьбу с коммунистами, имея в виду спасти Россию от окончательной гибели. Теперь генерал находит, что “советская власть стала твёрдо на путь возрождения страны во всех отношениях”. “Пепеляев говорит: “То, что я вижу вокруг, о чём слышу и читаю, убеждает меня, что незачем спасать Россию, она спасена. Из

¹ *Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева периода «Якутского похода» // Сибирь. 1990. № 6. С. 40.*

² *Лавренцов А. «...У меня почему-то полная вера в успех» [Электронный ресурс] // Информационный портал "Город-порт Ванино". – Режим доступа: www.vanport.ru/846vannews.php, свободный (дата обращения: 02.03.2013).*

³ *Серебренников В.М., Конкин П.К. Дневник генерала Пепеляева // Сибирь. 1990. № 6. С. 29.*

кошмарных лет гражданской борьбы выковалась действительно новая свободная Россия». Пепеляев всегда был человеком невежественным в общих вопросах хозяйственной, экономической и финансовой жизни страны и крайне наивным в вопросах политических»¹.

«Надо отдать справедливость большевикам, они хорошо изучили натуру Пепеляева и ловко воспользовались её слабостями, – отмечал далее П.В. Вологодский. – Своим корректным отношением с ним они сразу расположили его сердце и воздействовали на его неустойчивую психику в желательном для них смысле. Пепеляев этим воззванием “потерял своё лицо”, как говорят в Китае, оно вызовет величайшее сожаление к нему, но едва ли оно может вызвать чувства негодования и возмущения против этого, во всяком случае, глубоко честного солдата и искреннего патриота. Тем губительнее последствия этого воззвания для разложения общественного мнения, настроения общественного отрицательно к коммунистической власти, тем больше имеют основания коммунисты торжествовать свою победу над таким своим противником, каким был для них ген. Пепеляев. Последние оплоты активной оппозиции сломлены, – это великолепный козырь коммунистов в их борьбе со всемирной буржуазией и непримиримой частью русской интеллигенции. И это несмотря на то, что наивность суждений и выводов ген. Пепеляева о новом курсе коммунистической власти до такой степени очевидна для всех, кто сколько-нибудь систематически следит за тем, что происходит сейчас в пределах Советской России»².

Часть эмигрантов безоговорочно осуждала поступок генерала, обвинив его в аморальности, беспринципности. «У этих людей – даже ошибки их планетарны, – писал Вс.Н. Иванов. – Жажда успеха, как своего успеха, – это отсутствие элементарной моральности, веры в святость идеи, веры в долг...». «Пепеляев выписывает свои мысли всенародно на страницах архипродажных красных газет. Он кается». «То, что он принёс покаяние советской власти, не значит, что он стал на её сторону. У таких людей, не привыкших действовать принципиально, нет сторон: они листья, облетающие с дерева дореволюционного российского общества, подточенные червем интеллигентщины. Для советской власти их переход – дар данайцев...»³. К слову сказать, впоследствии сам Вс.Н. Иванов примирился с со-

¹ Вологодский П.В. Во власти и в изгнании... С. 403–404.

² Там же. С. 404.

³ Иванов Вс. Генерал Пепеляев // Иванов Вс. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 70, 77.

ветской властью, перебрался в Советский Союз, где успешно писал и издавал свои литературные произведения.

Избежавший плена участник Якутского похода Г. Грачев усматривал в обращениях А.Н. Пепеляева «общественно-политическую смерть этого видного сибирского вождя Белого движения»: «Письма эти вызывали в эмигрантских кругах такое отношение к нему: “Эх, бедный генерал, совсем было сбился с толку, да советская тюрьма помогла и вразумила”... Что им руководило при смене вех, говорят и думают разное: одни объясняют его стремление спасти оставшихся в живых добровольцев дружины, другие – его разочарованием в Белом движении, а третьи – нежеланием так печально покончить счёты с жизнью»¹.

Совершенно иначе отзывался о Пепеляеве Н.В. Устрялов: «Мысль невольно задерживается на центральной фигуре умолкшего отзвука далёкой гражданской войны. И горько поражает тягостное, досадное несоответствие между благородными контурами этой фигуры и масштабами жалкой, бесславной авантюры, которой он дал своё имя...»².

Несмотря на разные оценки последнего похода А.Н. Пепеляева, практически все эмигрантские авторы высоко оценивали военные качества генерала. Сам же А.Н. Пепеляев, как бы предвидя будущие неоднозначные суждения о своей экспедиции и её финале, в одной из своих последних дневниковых записей якутского периода отмечал: «Правы или не правы – скажет история, но были искренни, бескорыстны, шли с любовью к народу, готовые отдать жизнь свою за счастье народное. Свобода, равенство, братство, освящённое любовью Христа и верой в высокое призвание народа русского, – вот что нас вело на борьбу»³.

Судебный процесс военного трибунала 5-й Красной армии над пепеляевцами, начавшийся 15 января 1924 г. в Чите, продолжался почти три недели. Репортажи из зала суда публиковались во многих газетах и прежде всего в газете «Вперёд» – органе политуправления 5-й Красной армии. В одном из её номеров, в частности, констатировалось: «Допрошенный на суде А.Н. Пепеляев заявил, что в своей борьбе против советской власти он окончательно убедился, что кре-

¹ Грачев Г. Якутский поход ген. Пепеляева // Сибирский архив. I. Прага, 1929 (Приложение к т. V «Вольная Сибирь»). С. 39–40.

² Устрялов Н. Генерал Пепеляев (Из личных воспоминаний) // Новости жизни. 1923. 12 июля.

³ Дневник генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева... С. 38.

стыжанство враждебно белым не только по духу, но и ведёт с ними борьбу с оружием. Пепеляев отрицает приписываемые ему расстрелы и говорит, что не подписал ни одного смертного приговора»¹. В изложении было опубликовано и последнее слово А.Н. Пепеляева на суде, в котором генерал «искренне и чистосердечно» раскаивался в своих «преступлениях против народа» и одновременно просил у суда «снисхождения, чтобы мог искупить тяжкую вину перед Советской Россией»².

А.Н. Пепеляев был обвинён в преступлении, предусмотренном частью первой ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, – в организации вооруженного выступления против советской власти. Генерал и 20 ближайших его сподвижников в начале февраля 1924 г. были приговорены к расстрелу, 45 подсудимых – к 10 годам и 11 чел. – к 5 годам заключения. Лишь один – житель Якутии П.Д. Филиппов – получил 5 лет условно. Ещё до судебного процесса 162 младших офицера и солдата были определены в административную ссылку, около 200 солдат освобождено, около полусотни якутов-повстанцев отправлены в распоряжение якутского правительства, которое их амнистировало³.

Практически все исследователи, изучавшие историю Сибирской добровольческой дружины, ограничиваются только этим приговором и упускают из виду дружинников, попавших в большевистский плен зимой и в начале весны 1923 г. Между тем некоторые из них также предстали перед судом. В частности, подполковник (по другим данным – полковник) В.А. Суров, захваченный 2 марта 1923 г. в Амге, был этапирован в Томск, где в апреле 1924 г. губернский суд приговорил его к высшей мере наказания за жестокие расправы над повстанцами – крестьянами Томского и Мариинского уездов весной – летом 1919 г., когда тот командовал экспедиционным отрядом⁴.

Практически сразу же после вынесения приговора Дальневосточный революционный комитет обратился с ходатайством во

¹ Пепеляев на суде // Вперёд (Орган Пуарма 5). Хабаровск. 1924. 29 янв.

² Вперёд. 1924. 9 фев.

³ Вперёд. 1924. 9 фев.; Серебренников В.М., Конкин П.К. Дневник генерала Пепеляева... С. 30; Приговор военного трибунала 5-й армии по делу бывшего генерала Пепеляева и его ближайших участников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elan-kazak.org/istoricheskij-arxiv/sovetskie-arxiv/dokum>, свободный (дата обращения: 15.07.2016).

⁴ Подробнее см.: Ларьков Н.С. Капитан Суров // Земля Асиновская. Томск, 1995. С. 144–160.

ВЦИК СССР о неприменении к А.Н. Пепеляеву и его сообщникам высшей меры наказания, так как они заявили о своём раскаянии ещё до суда. Кроме того, отмечалось в ходатайстве, положение СССР «настолько прочно, что никакая контрреволюция ему не страшна»¹. Постановлением Президиума ВЦИК СССР от 29 февраля 1924 г. смертная казнь всем осуждённым, в том числе А.Н. Пепеляеву, была заменена лишением свободы сроком на 10 лет со строгой изоляцией и поражением в правах на 5 лет² с зачётом предварительного заключения.

После вынесения приговора А.Н. Пепеляев с марта по июнь 1924 г. содержался в Читинском доме лишения свободы, где работал в столярной мастерской. В июле генерал был этапирован в Ярославль, где первые полтора года провёл в одиночной камере политизолятора тюрьмы особого назначения. Лишь в ноябре 1925 г. он получил разрешение от тюремной администрации трудиться в столярной мастерской вместе с заключёнными-уголовниками. Работал плотником, столяром, стекольщиком и «вообще как рабочий при политизоляторе»³. За долгие годы заточения неплохо освоил премудрости столярного ремесла. Впоследствии, заполняя в анкете графу «Профессия и специальность», он так и написал: «столяр»⁴. Одновременно занимался изучением английского языка, которым будто бы овладел в совершенстве.

Общение во время совместной работы с заключёнными-уголовниками позволило А.Н. Пепеляеву выбраться, наконец, из информационного вакуума, в котором он находился всё время пребывания в одиночной камере. Среди уголовников были, по словам А.Н. Пепеляева, «люди всевозможных ремёсел: плотники, конюхи, повара и другие ремесленники, в большинстве аполитичные, но зачастую настроенные резко антисоветски по самым разнообразным причинам». Через них А.Н. Пепеляев установил связь с общим уголовным корпусом, где «сидели бывалые люди с богатым тюремным прошлым, прошедшие этапы и ссылки, имевшие массу интересных встреч». С их помощью он стал получать сведения о своих товари-

¹ Вперёд. 1924. 9 фев.

² «Считал бы необходимым освободить» // Источник. 1997. № 1. С. 153.

³ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева) / Публикация В.В. Журавлева, В.И. Шишкина // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 54; Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 24.

⁴ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 9.

щах. Иногда узнавал об их местонахождении из журналов, издававшихся управлением лагерей. Так, в 1925 г. в журнале УСЛОНа (Управление Соловецких лагерей) он узнал о содержащейся там большой группе офицеров-пепеляевцев. Тогда же от одного из уголовников, работавшего в изоляторе сапожником, а ранее отбывавшего наказание в Соловецком лагере, узнал о действительной жизни этой группы на Соловках¹. Возможно, это были участники Якутского похода, обратившиеся в июне 1925 г. к Е.П. Пешковой (жена А.М. Горького) с письмом, недавно опубликованным в альманахе «Соловецкое море»:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Находясь третий год в заключении по делу бывшего генерала Пепеляева и не имея ниоткуда никакой помощи, мы испытываем большую нужду во всем, в особенности в нижнем и верхнем белье. Зная Вашу отзывчивость к нуждающимся, мы осмеливаемся просить Вас помочь нам в нашей нужде чем возможно, за что заблаговременно приносим нашу Вам глубокую благодарность. Посылку благоволите адресовать так: Соловки, концлагерь, 8 рота, з/к Поливцеву Трофиму Григорьевичу.

Заключенные пепеляевцы Поливцев Т.Г., Кузьмин В.П., Усачев П.И., Шихобалов П.И., Ишмухаметов Б., Волегов Г.М.»².

К тому времени режим содержания А.Н. Пепеляева был настолько смягчен, что днём его камеру стали оставлять открытой, ему была предоставлена возможность беспрепятственного выхода из неё. Кроме того, была разрешена переписка с женой и детьми, проживавшими в Харбине, а также переписка с бывшими товарищами по оружию³. Брат Аркадий, работавший врачом в одной из омских поликлиник, помогал денежными переводами. В своих письмах жене из Ярославской тюрьмы А.Н. Пепеляев оптимистично писал, что желает работать на общее благо и надеется на лучшее будущее⁴.

По словам А.Н. Пепеляева, с 1925 г. ему стали писать бывшие сослуживцы из Читы (Михайловский), из Иркутска (Иванов, Малы-

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 25.

² Сошина А. «На Вас вся надежда...»: письма заключенных СЛОНа Е.П.Пешковой [Электронный ресурс] // <http://www.solovki.info/?action=archive&id=281> (дата обращения 12.07.2016).

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 1 [доп. нумерация].

⁴ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

шев), из Александровского централа (Мальцев и Цевловский), из Томска (Александров), а через 2–3 года он стал получать письма также из Самары (от Андерса), из Саратова (от Нудатова), из Москвы (от Зуйкова), из Горького (от Голубева)¹.

Весной 1926 г. местонахождением генерала поинтересовался захвативший его в плен в Аяне С.С. Вострецов, ставший к тому времени командиром 27-й Краснознамённой Омской стрелковой дивизии. В ответ на свой запрос он получил Записку от заместителя начальника отдела центральной регистратуры ОГПУ К.А. Павлова, сообщившего, что А.Н. Пепеляев содержится в Ярославском политизоляторе ОГПУ². Спустя два года, 13 апреля 1928 г., С.С. Вострецов обратился к члену Президиума ЦКК ВКП(б) А.А. Сольцу с предложением о досрочном освобождении А.Н. Пепеляева, мотивировав это следующим образом: «Получив от одного из осужденных письмо, я решил Вам вкратце написать, что из себя представляет генерал Пепеляев.

1. Его идея мелкобуржуазная, вернее меньшевистская, хотя он себя считает беспартийным.

2. Очень религиозен. Хорошо изучил литературу по религии, особенно Ренана.

3. Личные качества: очень честный, бескорыстный; жил наравне с остальными подвижниками боев (солдатами); лозунг их – все братья: брат генерал, брат солдат и т.д. Мне утверждали его сослуживцы с 1911 г., что Пепеляев не знает вкуса вина (мне думается, что этому можно верить).

4. Имел громадный авторитет среди подчиненных: что сказал Пепеляев – для подчиненных был закон...

У меня есть такая мысль: не время ли выпустить его из заключения. Мне думается, что он для нас сейчас абсолютно ничего сделать не может, а его можно использовать как военспеца (а он, на мой взгляд, не плохой)...»³.

А.А. Сольц запросил по этому поводу мнение наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, который, однако, реши-

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 25–26.

² «...Его можно использовать как военспеца...». Документы федеральных архивов о попытке командива С.С. Вострецова освободить из тюремного заключения белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева. 1926–1928 гг. / Публ. Н.А. Мышова // Отечественные архивы. 1916. № 2. С. 93.

³ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева)... С. 55.

тельно воспротивился освобождению бывшего генерала, наложив резолюцию: «Может быть, Пепеляев и “брат”, только не наш. Выпускать на “волю” врага, да еще имеющего возможность влиять на массы, как говорит т. Вострецов, сейчас не время, да вряд ли вообще это нужно будет делать»¹.

Между тем переписка А.Н. Пепеляева спустя какое-то время неожиданно оборвалась. Среди эмигрантов поползли слухи, один невероятнее другого. Они нашли отражение, в частности, в статье осевшего в эмиграции в Праге бывшего председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева. Предпослав своей статье интригующий заголовок «Где генерал Пепеляев? Бежал или расстрелян?», И.А. Якушев изложил в ней бытовавшую в эмигрантской среде версию, якобы «генерал Пепеляев, отбывая своё наказание в Ярославле, своим упорным трудом и образцовым поведением в связи с раскаянием в прошлой своей деятельности и признанием советской власти был привлечён военным командованием к разработке военно-политических вопросов, относящихся к Сибири и Дальнему Востоку. Затем высшее красное командование, учитывая широкую популярность генерала Пепеляева в Сибири и на Дальнем Востоке и его выдающийся военный талант, решило его использовать как военного специалиста. В связи с назревающими осложнениями на Дальнем Востоке генерал Пепеляев будто бы по личному приказу Ворошилова был отправлен в качестве командира крупного смешанного отряда в распоряжение командарма Дальневосточной армии Блюхера. Отсюда генерал Пепеляев, несмотря на строгий надзор за ним ГПУ, всё же сумел бежать от большевиков. По другим сведениям, генерал Пепеляев якобы расстрелян большевиками, несмотря на своё раскаяние»².

Действительность оказалась совершенно иной.

В начале 1930-х гг. тюремный режим для бывшего генерала был ужесточён. В 1932 г., за год до окончания 10-летнего срока тюремного заключения, по ходатайству Коллегии ОГПУ этот срок А.Н. Пепеляеву был продлён ещё на три года³. Вероятно, именно в это время ему запретили переписку с женой. Корреспондент издававшейся в Харбине японской газеты, посетивший Нину Ивановну, сообщал, что она в течение 11 месяцев не имела никаких известий

¹ «Ведь мечта моя – помирить русских людей...» (К биографии Анатолия Николаевича Пепеляева)... С. 55–56.

² ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³ «Считал бы необходимым освободить» // Источник. 1997. № 1. С. 153.

от своего мужа. Причём сам факт встречи корреспондента с женой А.Н. Пепеляева был вызван распространившимися слухами в эмигрантской среде Харбина, будто бы генерал бежал из Советской России и находится уже в Северной части Маньчжурии¹. В связи с первой версией становится понятен интерес именно японской газеты в Харбине и её корреспондента (нетрудно предположить – одновременно и японской разведки) к судьбе А.Н. Пепеляева. Однако обе версии (побега и расстрела) не соответствовали истине.

После продления на три года содержания под стражей А.Н. Пепеляев формально должен был выйти на свободу летом 1936 г. Однако за несколько месяцев до окончания срока заключения, в конце января 1936 г. он неожиданно был доставлен из Ярославля в Москву, в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. Спустя сутки бывшего генерала перевели во внутреннюю тюрьму НКВД и в тот же вечер вызвали на допрос в кабинет начальника особого отдела НКВД комиссара госбезопасности М.И. Гая². Впоследствии А.Н. Пепеляев в деталях изложил этот допрос-беседу в своих показаниях:

М.И. Гай, пожав руку и предложив кресло, сказал:

«– Вот Вы сидите у нас уже тринадцатый год, а мы Вас, собственно, не знаем. Я специально вызвал Вас к себе, чтобы лично познакомиться с Вами, узнать Ваши взгляды и определить Вашу дальнейшую судьбу.

Я, не понимая, что он хочет от меня, сдержанно ответил ему, что мои взгляды излагались мной в заявлениях на имя ЦИК и прокурора. Гай, улыбнувшись, сказал, что «в личной беседе он лично рассматривает и узнает меня». Затем он стал расспрашивать меня о моём прошлом, о прохождении мною военной службы до империалистической войны, особенно он интересовался моей службой на фронтах войны с Германией. Интересовался наградами, полученными мною во время войны и, узнав, что за боевые отличия я был награждён Георгиевским крестом и золотым оружием, с неподдельной, как мне показалось, искренностью сказал мне: «Мы ценим боевых военных людей. Конечно, – продолжал он, – Вас можно бы использовать в армии, но Вы, вероятно, технически отстали, многое забыли». Спросил меня, не занимался ли я военным делом в заключении. Этот

¹ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

² Гай Марк Исаевич (Исаакович) (наст. фамилия – Штоклянд), в 1933–1936 гг. – начальник Особого отдела ОГПУ–НКВД СССР. Арестован 01.04.1937 г., расстрелян 20.06.1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

вопрос несколько смутил меня. Мне показалось, что этим вопросом он начинает мой допрос.

«Нет, – ответил я, – в заключении не мог заниматься военным делом, так как не имел военной литературы».

«А как посмотрели бы Вы, – вновь спросил Гай, – если бы Вас поставить на преподавательскую работу в одно из военных училищ? Тактику Вы могли бы преподавать?».

Я ответил, что этот предмет я в течение двух месяцев преподавал в прифронтовой школе прапорщиков в 1916 г.».

«Ну, а Вы сами-то что собираетесь делать, выйдя на волю?», – спросил он меня.

Я ответил, что если бы приняли меня, я пошёл бы на военную службу, а если нет, поступил бы в столярную мастерскую, так как за долголетнее заключение обучился столярному ремеслу».

«Ну, хорошо, мы посмотрим, что можно сделать с Вами», – сказал на прощание начальник особого отдела, пообещав на другой день вызвать А.Н. Пепеляева снова¹.

Однако вызвали его только через месяц, причём уже не к М.И. Гаю, а к капитану госбезопасности М.П. Кононовичу, который объявил, что, руководствуясь распоряжением М.И. Гая, народным комиссариатом внутренних дел возбуждено ходатайство перед ЦИК СССР об освобождении А.Н. Пепеляева по окончании срока заключения, т.е. 17 июня 1936 г. При этом Кононович предупредил, что накануне освобождения его снова вызовут в Москву, к М.И. Гаю. В этот же день А.Н. Пепеляев был отправлен в Бутырскую тюрьму, а оттуда – обратно в Ярославский политизолятор. Когда наступило 18 июня 1936 г. и исполнилось ровно 13 лет с момента пленения А.Н. Пепеляева в якутском Аяне, бывший генерал по-прежнему оставался в заключении. Его судьба решалась на самом верху партийно-советской власти.

21 июня 1936 г. за подписью народного комиссара внутренних дел Г. Ягоды на имя секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина было направлено письмо с предложением освободить находящегося в Ярославской тюрьме особого назначения колчаковского генерала А.Н. Пепеляева с запрещением ему проживать в столичных центрах, на территории Западной и Восточной Сибири, а также в Дальневосточном крае. На документе была оставлена помета: «т. Стал[ин],

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 2–4 [доп. нумерация].

Мол[отов] – за. А. П[оскребышев]», а также наложена резолюция: «Сообщ[ить] т. Ягоде. И.[Сталин]»¹. Санкция высшего руководства страны на освобождение А.Н. Пепеляева была, таким образом, получена.

Обретение свободы бывшим генералом произошло довольно оригинально. 4 июля 1936 г. начальник Ярославского политизолятора вызвал А.Н. Пепеляева к себе и, объявив ему об освобождении², предупредил, что тот должен немедленно выехать в Москву и явиться в комендатуру НКВД, разъяснив, что в столице на железнодорожной станции он должен обратиться к дежурному агенту транспортного отдела НКВД и заявить о своём прибытии. Удостоверение было выписано ровно на сутки.

Помощник начальника изолятора доставил А.Н. Пепеляева на вокзал, купил ему билет до Москвы, куда тот отправился один. На вокзале в Москве он явился к дежурному агенту НКВД, который позвонил своему начальству, и вскоре за бывшим генералом прислали легковой автомобиль. Будучи доставлен в Особый отдел НКВД, А.Н. Пепеляев вновь предстал перед М.И. Гаем, который, поздоровавшись за руку с бывшим узником, встретил его словами:

«Вас советская власть слишком жестоко наказала, но теперь Вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь. Ведите себя крайне осторожно. Помните, что за Вами будут следить» и после минутной паузы добавил: «Мы Вам поможем». Здесь же вытянувшемуся по стойке «смирно» бывшему генералу было зачитано постановление Особого совещания об освобождении³. В соседнем кабинете А.Н. Пепеляева накормили и выдали 1 тыс. рублей. В довершение ко всему энкавэдэшники организовали бывшему своему узнику автомобильную экскурсию по Москве и в мягком вагоне поезда в сопровождении сержанта госбезопасности отправили в выбранное им место жительства – в г. Воронеж⁴.

По прибытии в город А.Н. Пепеляев сразу же был доставлен к начальнику особого отдела местного управления НКВД Эстрину и его помощнику Карташеву, уже получившим указания из Москвы

¹ «Считал бы необходимым освободить» // Источник. 1997. №1. С. 153.

² Впоследствии в «Анкете арестованного» А.Н. Пепеляев написал, что был освобождён из тюремного заключения 6 июля 1936 г. (Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 9).

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 6 [доп. нумерация].

⁴ Там же. Л. 7–8 [доп. нумерация].

об оказании помощи бывшему политзаключённому. Первые два с лишним месяца он проживал в гостинице «Бристоль». Номер оплачивался НКВД. Затем перебрался на квартиру по адресу: пр. Революции, д. 52, кв. 34¹. С помощью всё того же Эстрина устроился на работу, сначала в мебельную мастерскую фабрики «Красный деревообделочник», затем помощником заведующего конным парком Воронежторга. Несколько освоившись на новом месте, А.Н. Пепеляев даже возбудил ходатайство о переезде из Харбина на родину своей семьи². Однако Нина Ивановна возвращаться в СССР отказалась.

Освобождение А.Н. Пепеляева после многолетнего заключения по-разному толкуется современными авторами. При этом выдвигаются различные версии, вплоть до самых фантастических. Скорее всего, бывший белый генерал попал в поле зрения правящей элиты, которая какое-то короткое время склонялась ввести репрессии в рамки закона. У советского руководства, включая НКВД, вряд ли имелись заготовленные планы в отношении дальнейшей судьбы А.Н. Пепеляева. Несомненно лишь, что бывший генерал постоянно находился «под колпаком» у органов госбезопасности, свобода и передвижения его были ограничены. Можно сказать, что он, хотя и был освобождён, но оставлен «про запас» и в любой момент снова мог оказаться за решёткой.

Тем не менее воздухом свободы, хотя и ущербной, А.Н. Пепеляев дышал более года. Высшие политические круги и репрессивные органы советского государства до поры до времени были заняты другими делами. Маховик репрессий, раскручиваясь всё сильнее, подминал в те месяцы бывших и действующих высокопоставленных партийно-советских деятелей. В августе 1936 г. и в январе 1937 г. состоялись два московских показательных процесса, в результате которых по сфабрикованным обвинениям были осуждены и расстреляны бывшие руководители партии Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев (по первому процессу), Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков, Г.Я. Сокольников (по второму). Ещё в сентябре 1936 г. был снят с поста наркома внутренних дел и назначен наркомом связи, а в марте 1937 г. арестован Г.Г. Ягода. В апреле 1937 г. арестован и в июне того же года расстрелян М.И. Гай.

Однако с середины лета 1937 г. политические репрессии со всей силой обрушились на широкие массы населения. В начале июля

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 9.

² Там же. Л. 8–9 [доп. нумерация].

1937 г. появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах», а 30 июля – оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова № 00447 (утверждён постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г.), предписывавший с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать и в четырёхмесячный срок закончить «операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников». Все они подразделялись на две категории. К первой были отнесены «наиболее враждебные» элементы, подлежащие «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу»¹. С этого момента дни А.Н. Пепеляева были сочтены. Тем более, что ретивое руководство органов НКВД Западно-Сибирского края (ЗСК) к тому времени «раскрыло» «контрреволюционную кадетско-монархическую повстанческую организацию» с боевым штабом, возглавлявшимся бывшими генералами Н.А. Эскиным и В.С. Михайловым. Организация «состояла» из бывших белых офицеров, монархистов, кадетов, эсеров, представителей духовенства и якобы имела связи с отдельными руководителями зарубежного Русского общевоинского союза (РОВС)². Инициатором этой масштабной провокации выступил начальник Управления НКВД ЗСК С.Н. Миронов, а фабрикацией дела занималась бригада во главе с начальником 4-го отдела³ УНКВД ЗСК капитаном госбезопасности С.П. Поповым⁴. «Ровсовская» операция, начавшаяся с апреля 1937 г., вполне логично вошла в общий поток массовых политических репрессий, названных позднее «Большим террором».

Западносибирские чекисты, вероятно, только к августу 1937 г. вспомнили об А.Н. Пепеляеве, который идеально подходил на роль организатора и руководителя сфабрикованной ими «контрреволюционной повстанческой организации». Тогда же, видимо, они обратились с соответствующим запросом в Воронеж. По словам высокопоставленного деятеля НКВД С.М. Шпигельгласа, начальники Управлений НКВД тогда «одалживали друг у друга генералов, что-

¹ *Боль людская: Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.: в 3 т. / сост. В.Н. Уйманов. Томск, 2016. Т. 1. С. 588–591.*

² Русский общевоинский союз (РОВС) был создан в 1924 г. в эмиграции ген.-л. бароном П.Н. Врангелем, имел отделения в странах Европы, Южной Америки, США и Китае.

³ Секретно-политический отдел Управления государственной безопасности НКВД, занимавшийся борьбой с антисоветскими элементами.

⁴ *Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010. С. 458.*

бы те возглавляли ровсовские организации»¹. Воронежские коллеги 20 августа 1937 г. подготовили справку за подписью начальника 3-го отдела² УГБ УНКВД по Воронежской области ст. лейтенанта государственной безопасности Лапина и начальника 3-го отделения 3-го отдела УГБ лейтенанта госбезопасности Платонова, в которой утверждалось, что А.Н. Пепеляев, «проживая в гор. Воронеже, проводит к[онтр]-р[еволюционную] агитацию», поэтому его необходимо «арестовать и привлечь к ответственности по ст.ст. 58 п. 10 и 58-13 УК РСФСР». Начальник УНКВД СССР по Воронежской области подтвердил необходимость ареста, и в тот же день появилось постановление о привлечении А.Н. Пепеляева в качестве обвиняемого и избрании меры пресечения – «содержание под стражей в тюрьме гор. Воронежа». На другой день его арест был санкционирован заместителем Воронежского областного прокурора и сразу же, 21 августа, выдан ордер сотруднику третьего отдела УГБ Управления НКВД по Воронежской области Чернову на производство ареста и обыска в квартире А.Н. Пепеляева. В тот же день он был арестован³.

Во время обыска у бывшего генерала изъяли временное удостоверение, выданное паспортным столом Рабоче-Крестьянской милиции г. Воронежа, продбилет союза шофёров, зачётную книжку студента-заочника пединститута, пропуск на вход в контору Воронежторга, облигации займа второй пятилетки на сумму 40 руб., деньги в сумме 1195 руб., карманные часы и золотой крест с серебряной цепочкой⁴.

Спустя два дня, 23 августа, зам. начальника УНКВД по Воронежской области майор государственной безопасности Сивко постановил направить А.Н. Пепеляева этапом в Новосибирск в распоряжение УНКВД Западно-Сибирского края⁵. Прежде чем А.Н. Пепеляев оказался в Новосибирске, его предшественник по руководству «контрреволюционной организацией» Н.А. Эскин 24 августа 1937 г. был уже расстрелян.

Тем временем массовые аресты по делу Западно-Сибирской организации РОВС продолжались. К 9 декабря 1937 г. в общей слож-

¹ *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 362.

² Контрразведывательный отдел.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 2, 3, 4, 7.

⁴ Там же. Л. 4, 6.

⁵ Там же. Л. 7.

ности были арестованы и осуждены 15 203 чел.¹ Содержавшийся в особом корпусе Новосибирской тюрьмы А.Н. Пепеляев лишь 8 октября 1937 г. получил постановление об избрании меры пресечения и предъявленном обвинении. Оперативный уполномоченный 4-го отдела УГБ младший лейтенант госбезопасности Толмачев, рассмотрев следственный материал по делу, установил, что А.Н. Пепеляев «достаточно изобличается в том, что являлся организатором и руководителем к[онтр]-р[еволюционной] кадетско-монархической повстанческой организации в Западной Сибири, созданной им по заданию РОВСа», и постановил А.Н. Пепеляева «привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-2-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей»².

На другой день, 9 октября 1937 г., состоялся допрос А.Н. Пепеляева, который проводил всё тот же Толмачев. Протокольная запись содержит всего лишь один вопрос и ответ, написанный непосредственно самим А.Н. Пепеляевым, но, скорее всего, под диктовку следователя:

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что Вы входили в состав контрреволюционной организации и вели активную контрреволюционную работу. Признаёте себя в этом виновным?

Ответ: Да, я входил в состав контрреволюционной организации так называемый российский общеинский союз. По указанию руководства этой организации я проводил широкую контрреволюционную работу в СССР, возглавляя всю работу «РОВСа».

Основной задачей, поставленной передо мной, являлась подготовка вооружённого свержения Сов[етской] власти в момент военных действий Японии, Германии против СССР.

Вся контрреволюционная работа РОВСа и моя лично контактировалась с японскими разведывательными кругами. Подробные показания о всей известной мне контрреволюционной работе и своей лично дам дополнительно.

Показания записаны верно собственноручно.

Пепеляев»³.

¹ Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину с приложением копии телеграммы Г.Ф. Горбача о раскрытии «заговора» РОВСа // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 454–457. Среди расстрелянных по делу «кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации» оказались талантливые представители российской интеллигенции поэт Н.А. Клюев, философ Г.Г. Шпет и многие другие.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 8.

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 10.

И действительно, спустя полторы недели, 20 октября 1937 г., появились показания А.Н. Пепеляева на 28 страницах машинописного текста с его подписями на каждой странице. На этот раз допрос проводил начальник 4-го отдела УГБ НКВД по Новосибирской области лейтенант госбезопасности Пастаногов¹. В первой половине своих показаний генерал кратко осветил свой жизненный путь, а во второй нарисовал фантастическую картину своей многолетней «контрреволюционной деятельности» (находясь за решёткой?!), имевшей якобы целью создание на территории Сибири и Дальнего Востока под покровительством Японии буферного государства, в котором Пепеляеву была уготована должность командующего войсками. Его показания подгонялись под схему, созданную упомянутой выше бригадой новосибирских чекистов. Нетрудно предположить, что эти «признания» были получены с применением к нему мер морально-психологического, а возможно, и физического воздействия, широко применявшихся тогда в системе НКВД. Известно, что тех, кто отказывался признавать свою «вину», жестоко избивали, порой до смерти². Не исключено, что генерал на первых порах отрицал приписываемые ему «преступления», поэтому и признание от него удалось получить (выбить?) лишь спустя полтора месяца после ареста.

22 ноября 1937 г. А.Н. Пепеляеву было объявлено об окончании следствия и направлении его дела в судебные органы³.

Из обвинительного заключения, составленного оперуполномоченным 4-го отдела УГБ мл. лейтенантом государственной безопасности Толмачевым и утверждённого заместителем начальника УНКВД по Новосибирской области майором госбезопасности Мальцевым, следовало, что А.Н. Пепеляев:

«1. Являлся активным членом к[онтр]-р[еволюционной] кадетско-монархической организации, т.н. «РОВС» и по заданию последнего до момента своего ареста вёл непрерывную к-р деятельность, направленную на свержение Советской власти.

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 36. Западно-Сибирский край постановлением ВЦИК СССР 28 сентября 1937 г. был разделён на Новосибирскую область и Алтайский край.

² Об откровенной фальсификации дела «РОВС» и незаконных методах ведения следствия новосибирскими чекистами по этому делу подробно рассказал впоследствии, в 1958 г., во время допроса бывший начальник Барнаульского горотдела НКВД (См.: *Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг...* С. 458–463).

³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 74.

2. Находясь под стражей в Ярославском политизоляторе в 1935 г., после освобождения из изолятора в 1936 г. через японское посольство в Москве установил связь с руководителями к-р кадетско-монархической организации т.н. «РОВС» в г. Харбине, по заданию которого на территории Советского Союза создал крупную к-р кадетско-монархическую организацию, ставящую своей целью свержение советской власти вооружённым путём в момент нападения Японии на Советский Союз.

3. Для руководства к-р кадетско-монархической организацией в б[ывшем] Запсибкрае создал в г. Новосибирске повстанческий штаб во главе б[ывшего] генерала Эскина, который и вёл всю практическую деятельность по подготовке вооружённого восстания и создания к-р повстанческо-диверсионных и террористических организаций и групп из числа б[ывших] офицеров старой и белой армий, проживавших в б[ывшем] Запсибкрае, т.е. преступлении, предусмотренном ст. 58-1-а-2-8, 11 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

Кроме того, изобличается показаниями Попова, Нуднера, Полынова.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Особой тройкой при УНКВД по Новосибирской области»¹.

В справке к обвинительному заключению указывалось, что «вещественных доказательств по делу нет»².

Заседание «тройки» Управления НКВД по Новосибирской области, состоявшееся 7 декабря 1937 г., постановило: «Пепеляева Анатолия Николаевича расстрелять. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать»³.

Однако, вопреки практике тех лет, А.Н. Пепеляева расстреляли не сразу. Более того, через день, 9 декабря, он был вызван на допрос к упомянутому майору госбезопасности Мальцеву. В тот же день начальник Управления НКВД по Новосибирской области Г.Ф. Горбач⁴ направил наркому Н.И. Ежову меморандум о раскрытии контрреволюционной организации РОВС и аресте большого числа быв-

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 75–78.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 70.

⁴ В августе 1937 г. старший майор госбезопасности Г.Ф. Горбач сменил в этой должности С.Н. Миронова. Впоследствии оба они были расстреляны. Не реабилитированы. Сгинул в Печерлаге НКВД И.А. Мальцев.

ших офицеров. Полученную из Новосибирска информацию Н.И. Ежов 13 декабря переслал И.В. Сталину, который наложил резолюцию: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять»¹. Таким образом, судьба А.Н. Пепеляева была окончательно решена.

Однако затем последовало ещё три допроса, протоколы которых, вероятно, тогда же были отправлены в Москву. Судя по всему, они понадобились столичному руководству для дополнительного избличения в «контрреволюционной деятельности» арестованного к тому времени бывшего наркома НКВД Г.Г. Ягоды и его окружения, а возможно, и кого-то из воронежских чекистов.

Больше месяца А.Н. Пепеляев находился в камере смертников, пока приговор не был приведён в исполнение 14 января 1938 г.² Место его захоронения осталось неизвестным.

Лишь спустя полвека, 20 октября 1989 г., сибирский белый генерал был реабилитирован.

¹ Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину... С. 457.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Арх.-следств. дело № 17137 (1937 г.). Л. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трагический финал последнего военного похода, а затем и всего жизненного пути сибирского белого генерала не мог не вызвать самые разнообразные, противоречивые, эмоционально окрашенные оценки в среде российской эмиграции. Одни авторы считали его «глубоко провинциальным» для тех постов, которые он занимал; другие обвиняли в погоне за славой, успехом, которая якобы составляла суть его антибольшевистской борьбы; третьи относили к числу «поручиков в генеральских мундирах»; были и те, для кого он был «печальным героем контрреволюции».

Однако все эти хлёсткие оценки и эпитеты не в меньшей степени, пожалуй, характеризовали самих авторов, оказавшихся после поражения белого движения на чужбине, в положении маргиналов. А.Н. Пепеляев же погиб на родной земле, вместе с сотнями тысяч соотечественников во время массовых политических репрессий, явившихся, по сути, продолжением гражданской войны, детонатором которой стал Октябрьский переворот 1917 года.

Конечно, он был в известном смысле провинциалом, не искушённым в тонкостях политической борьбы, разделявшим к тому же идеи сибирского областничества. Однако всегда выступал сторонником сильного государства, единой России с мощной армией, которая «должна соответствовать национальному характеру страны». Сильная власть и государство ассоциировались у этого русского офицера с понятиями Родины, Великой России, что в совокупности составляло основное содержание специфически российского понятия «державность». Призывы к борьбе за Великую Святую Россию, как и вера в то, что она «станет самой могучей и сильной» в ряду других государств, красной нитью проходили через многие его приказы.

В условиях глубочайшего идейно-политического раскола общества, кровопролитной гражданской войны, экономического коллапса, падения нравов, в окружении немалого числа циников А.Н. Пе-

пеляев выглядел, наверное, идеалистом, «белой вороной» среди белых генералов. Однако не этот ли идеализм вкупе с глубокой верой в Бога составляли стержень его человеческой природы? Не они ли помогли ему выжить в условиях более чем тринадцатилетнего пребывания в советских тюрьмах, в том числе полуторагодичного заключения в одиночной камере?

Потомственный дворянин, сын генерала, А.Н. Пепеляев никогда не отделял себя барьером от солдатской среды. Этот «особенный военный склад», «умение проникать в душу русского солдата», простоту повседневного быта отмечали все, кто сражался под его началом. Не вскружил ему голову и стремительный взлёт – от капитана, командира батальона в тысяча девятьсот семнадцатом году до генерал-лейтенанта, командующего армией спустя всего лишь два года. Он пользовался непререкаемым авторитетом у однополчан и в окопах Первой мировой, и в сражениях войны Гражданской.

Трёхлетний опыт, полученный на германском фронте, А.Н. Пепеляев в полной мере использовал в сражениях с Красной Армией, добиваясь нередко внушительных успехов. Вместе с тем не стоит и преувеличивать его полководческие способности. Боевой путь А.Н. Пепеляева отмечен не только значительными победами, но и крупными поражениями. Однако было бы неправильно возлагать ответственность за них только на молодого генерала. Отступление его Северной группы, а затем и 1-й Сибирской армии, гибель её в конце 1919 г. были обусловлены общей слабостью Белого движения, которое в конечном итоге не смогло устоять против натиска красных ни в одном регионе России.

Неудачи на фронте втягивали А.Н. Пепеляева в политику. Однако в этой сфере, пропитанной карьеризмом, нравственной нечистоплотностью, борьбой амбиций и честолюбий, его идеализм был не только неуместным, но и в чём-то даже губительным. К концу Гражданской войны он вошёл в противостояние с правящим режимом в лице правого генералитета и самого Верховного правителя А.В. Колчака. В то же время ему было не по пути и с левой частью антибольшевистского движения, лидеры которого инспирировали мятежи, в том числе в рядах его армии. Жестокая логика гражданской войны не оставляла места для третьего пути. Победителем могла выйти только одна из двух военно-террористических диктатур –

красная или белая. Генерал А.Н. Пепеляев не стремился ни к одной из них, однако во имя сохранения Великой России во время Гражданской войны он мирился с колчаковской, а после своего разгрома с большевистской диктатурой. Дожить до реализации своей мечты об идеально устроенном обществе сибирскому белому генералу не довелось. Да и достижимо ли оно?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. «Офицером будет хорошим».....	9
Глава 2. За Веру, Царя и Отечество	17
Глава 3. В антибольшевистском подполье.....	30
Глава 4. Вооруженное восстание	44
Глава 5. Рождение Средне-Сибирского корпуса	53
Глава 6. Восточный поход	65
Глава 7. Осенняя передышка	89
Глава 8. Организатор «Пермской катастрофы»	102
Глава 9. Подготовка к новому наступлению	119
Глава 10. На Вятском направлении	135
Глава 11. Отступление	150
Глава 12. Командарм	170
Глава 13. Между Тоболом и Ишимом	187
Глава 14. Возвращение в Томск	197
Глава 15. Заговор и мятеж	209
Глава 16. Гибель 1-й Сибирской армии	226
Глава 17. Генерал без армии	246
Глава 18. Последний поход	267
Глава 19. Неволя	288
Заключение	308

Научное издание

Николай Семёнович Ларьков

**СИБИРСКИЙ
БЕЛЫЙ
ГЕНЕРАЛ**

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 26.12.2016.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 19,5; усл. печ. л. 18,2; уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500. Заказ № 361.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1